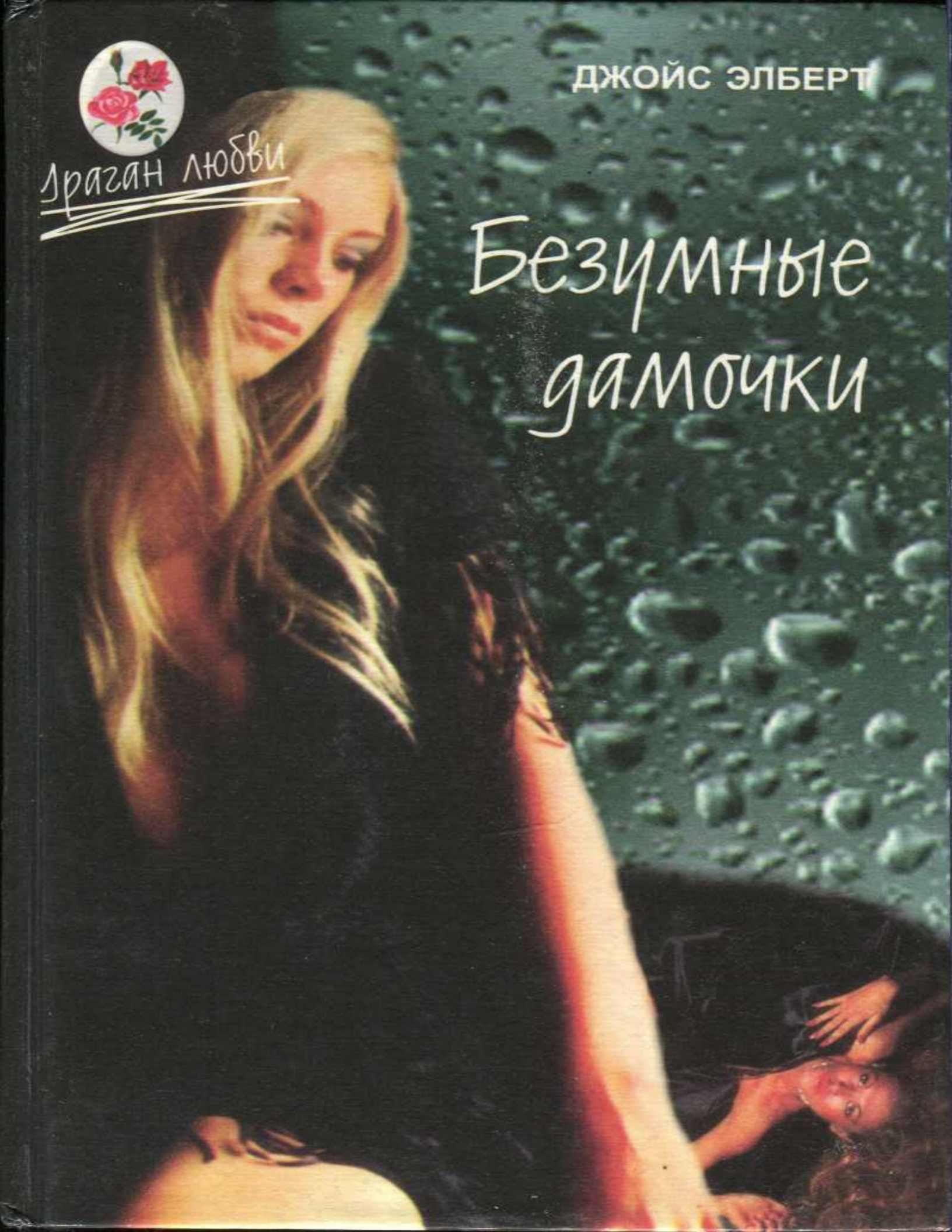

Драган любви

ДЖОЙС ЭЛБЕРТ

Безумные дамочки

Скандально-знаменитый роман американской писательницы Джойс Элберт впервые выходит на русском языке. Захватывающий сюжет отнюдь не портит смелая эротика, а эмоциональное повествование о жизненном пути героинь поражает достоверностью и «правдой жизни». Наш читатель с большим интересом узнает о том, как американские девушки всеми правдами и неправдами устраивают свои судьбы. Весьма поучительная история, надо заметить...

Джойс Элберт

Безумные дамочки

Руководство безумных девушек: Как развлечься дома

- Расставьте по всей квартире пепельницы и положите сигареты.
 - Смешайте мартини с апельсиновым соком и поставьте в холодильник.
 - Смешайте виски с грейпфрутовым соком и поставьте в холодильник.
 - Приготовьте главное блюдо, накройте фольгой и поставьте в холодильник.
 - Вымойте голову и вставьте свечку «Норформс».
 - Сядьте под фен, пока «Норформс» рассасывается (наденьте трусики).
 - Вымойте грудь холодной водой, затем примите горячий душ.
 - Вставьте противозачаточный колпачок.
 - Наденьте чулки.
 - Наложите грим и причешитесь (наложите серебряные тени на глаза).
 - Наденьте розовую сатиновую пижаму, розовые светящиеся серьги.
 - Включите проигрыватель.
 - Достаньте главное блюдо из холодильника и поставьте на стол в гостиной.
 - Выпейте мартини и ждите первого гостя.
 - Постарайтесь, чтобы сердце не колотилось при каждом звонке в дверь...
- ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ ДЖЕК БЕЙЛИ.

С особой благодарностью Ли Карру за техническую помощь

Посвящается Роберту А. Гутвилигу

Симоне Жоржетт Ласситье было двадцать четыре года, и она жила на Пятьдесят седьмой улице, неподалеку от «Русского чайного дома». Она суеверно верила в числа и любила вычитать двадцать четыре из пятидесяти семи, чтобы понять, какое значение может иметь для нее получающаяся цифра «тридцать три». При этом приходила к следующим выводам:

- 1) Она может выйти замуж в тридцать три года.
- 2) Развестись в тридцать три.
- 3) Сойти с ума в тридцать три (Боже мой, это шизофрения).
- 4) Умереть (по таинственной и непонятной причине) в тридцать три.
- 5) Переехать на Тридцать третью улицу.
- 6) Родить шестерых детей (три плюс три).
- 7) Родить девятерых детей (три умножить на три).
- 8) Не иметь детей (три минус три).

Симона никогда не прибавляла двадцать четыре к пятидесяти семи, потому что вряд ли цифра «восемьдесят один» будет как-то влиять на ее жизнь. Она, точно, не доживет до восьмидесяти одного года и наверняка не переедет на Восемьдесят первую улицу.

Хотя и знала, что восточные восьмидесятые улицы более оживленны, чем Йорквиль, Симона не могла не думать о том, что там большая немецкая колония, а поскольку она была настоящей француженкой, то ей претило все, что хоть отдаленно напоминало о немцах.

Психолог, который как-то вошел в ее жизнь вместе с новым платьем в руках, однажды повел ее на ужин в баварский ресторан, и одни названия немецких вин вызывали у нее тошноту еще неделю.

Квартира Симоны на Пятьдесят седьмой улице была крошечной и дешевой. Мистер Льюис, владелец недорогого мехового магазина внизу, рассказал, что в этой квартире так долго жили две сестры, что одна умерла от старости на руках у другой. Горе заставило уехать

оставшуюся в живых сестру, и Симона понимала, почему она это сделала. В такой маленькой квартире не убежать от воспоминаний.

Уезжая, женщина оставила всю мебель, так что Симоне достались две кровати, два бюро желто-лимонного цвета, стоящие в ногах кровати, обшарпанный стол и два разбитых стула, а также два старых пуфика с выцветшими изображениями иностранных машин.

Узкая кухня рядом с гостиной была оклеена обоями с зелеными, оранжевыми и розовыми цветами, напоминающими картины Гогена. Настоящей плиты с духовкой не было. Еду можно было разогреть только на горелках. Когда Симона приехала посмотреть квартиру, это огорчило ее больше всего. Как она сможет разогреть готовые обеды без плиты?

— Не стоит огорчаться, — сказал ей агент. — Можно заказать еду на дом.

— И они принесут только суп и яблочный пирог, — грустно заметила Симона.

И все-таки арендовала квартиру. Кровати были необычные, располагались друг над другом, и она воображала, что находится в каюте корабля, плывущего в Рио, Остерсунд или Мозамбик, в одно из подобных экзотичных мест. Пожив немного в этой квартире, Симона придумала, как ей разогреть ее любимые готовые обеды. Все оказалось очень просто. Кладешь их в кастрюлю, накрываешь крышкой и включаешь газ. Конечно, в духовке они разогрелись бы лучше, потому что сейчас в картофельном пюре оказывались холодные куски, зато в такие минуты Симона могла мечтать о снежной вершине за окном, и эти фантазии делали холодную пищу обычным неудобством в путешествии.

Прошло уже шесть месяцев после переезда. Симона пережила жаркое лето без кондиционера или хотя бы вентилятора, а теперь, в январе, храбро сражалась с плохим отоплением. Первое, что делала, придя с работы, — это быстро залезала в ванну. Если замешкаться, то другие жильцы забирали горячую воду и, значит, до следующего утра она не могла принять даже душ. Засыпать в холодной постели было настоящим испытанием, и Симона старалась успеть согреться в ванне.

Ложиться спать было скорее необходимостью, чем желанием или потребностью. В десять вечера от радиатора в комнате исходил ледяной холод. И тогда Симона надевала две теплые ночные рубашки, запрыгивала в кровать, закутывалась в одеяло и начинала мечтать о весне. Чтобы согреться, накидывала поверх одеяла все пальто и куртки, которые у нее были. Она была благодарна Чу-Чу, ее карликовому пуделю, укладывающемуся рядом и всю ночь дышавшему ей в шею.

Недавно Симона сообразила, что напрасно спала на нижней кровати. Наверху было гораздо теплее. По вечерам она выпивала чашку горячего шоколада (иногда разбавленного недорогим бренди), брала Чу-Чу на руки и вскарабкивалась по лестнице на кровать под потолком. И пока уличный шум не убаюкивал ее под одеялом, пальто и куртками, Симона прижимала к себе свою собачку.

Перед сном ужасно было думать, что придется встать среди ночи и идти в туалет. Если это случалось, она изо всех сил пыталась сдержать себя. Симона содрогалась от одной только мысли, что надо вылезти из постели, спуститься по лестнице и идти в ледяную ванную с замерзшими окнами. Иногда ей все-таки удавалось заснуть снова, иногда она лежала без сна и сдерживала себя. Но вот случилось самое худшее. Она обмочилась во сне. К счастью, под простыней была толстая байковая подстилка, иначе промок бы матрас. Ей пришлось встать среди ночи, перестелить постель и бросить мокрую простыню в ванну. После этого случая она перестала сдерживать себя и вставала, как бы холодно ни было, сколько бы ни было времени, как бы ни велико было желание поспать. Может, на свете есть

вещи и похолоднее, чем мокрая простыня, но Симона от всей души надеялась, что этого она не узнает.

Когда наступало утро, Симона ощущала, что ей чудесным образом дарован еще один день. Звенел будильник, начинала шуметь паровая батарея. Она вздыхала и мчалась на кухню заварить цветочный чай, который покупала в соседнем магазине. Пока вода закипала, она кормила Чу-Чу очередными мерзкими собачьими консервами, стараясь не смотреть на миску, чтобы не стошнило. Ее всегда удивляло, что Чу-Чу дочиста вылизывал миску, поднимался на задние лапки, будто ожидая награды, а затем мчался к двери в ожидании прогулки.

Пес был неисправимым оптимистом. Может, так, а может, он просто идиот. Или и то и другое вместе. Он ничему не научился. Торчал у двери, яростно виляя обрубок хвоста и поблескивая глазами-пуговками, хотя опыт показывал, что раньше чем через час его не выведут. Иногда Симона поясняла ему:

— Глупый пес, ты хочешь, чтобы я вышла на улицу в двух ночных рубашках и носках?

Энергичные движения головы показывали, что Чу-Чу считает это абсолютной нормальностью. Тогда Симона сжимала ему голову, трясла ее и кричала:

— А-а-а! Псина! А-а-а! Глупышка!

Единственным результатом этого была эрекция у Чу-Чу.

— Как я всех привлекаю, — однажды с отвращением обратилась Симона к гогеновским обоям на кухне, после того как раздавила таракана дном кастрюли. К тому времени вода в кастрюльке почти закипела, и она налила ее в любимую крошечную чашечку. Симона была убеждена, что где-то поблизости какая-нибудь американка получает такое же удовольствие от своего лиможского фарфорового сервиза. Прожив некоторое время в Соединенных Штатах, она поняла, как часто необычное для одного человека является повседневностью для другого.

Но, как бы там ни было, день начался. Вечный калейдоскоп. А по-другому бывает? Симона не позволяла себе слишком задумываться над этим, она вообще не любила думать (мысли, умозаключения, зачем они вообще нужны? Она не понимала). Нет, важно быстро одеться, подкрасить глаза, грим, крем, родинка, блестящие тени, вот так, теперь волосы. Волосы! Иногда из-за них Симоне хотелось умереть. Можно этому поверить? И, однако, это правда. Когда-нибудь она удавится из-за волос. Приговор был суров: у ее волос не было стержня.

— Слишком мягкие, — сказал парикмахер в «Ритце», глядя на флакон с выпрямляющим волосы шампунем. — Слишком мягкие и недостаточно упругие, моя дорогая мадемуазель. Сочувствую.

Струящиеся волосы (Симона придумала это слово? Она презирала его). Это мертвые французские волосы.

— А можно подкладывать волосы моей матери? — спросила Симона у кассирши, подсчитывавшей доходы от человеческих голов.

Кассирша бесстрастно изучала ее подведенными фиолетовыми тенями глазами, а потом сказала:

— Вы можете приподнять их, если подложите шиньон.

Симоне было неприятно носить чужие волосы (даже если это волосы ее матери), она отчасти ощущала себя Офелией, но все же носила шиньон почти каждый день. Даже научилась быстро проделывать эту постыдную операцию над бедной своей головкой.

Сначала она брала прядь светло-каштановых волос справа впереди, прищипливала ее, затем прищипливала две пряди чуть дальше, создавая основу, а потом гребнем прикрепляла к пряди сам шиньон. Затем расчесывала свои волосы, чтобы скрыть границу между собственными волосами и волосами матери. Порядок. Новая, сильная, здоровая, волнистая, яркая, светло-каштановая голова Симоны готова, и всего за сто пятьдесят долларов, которые пришлось заплатить.

Чу-Чу считал шиньон игрушкой. Он любил кусать его.

Настанет черед рабочего платья без лифа. На самом деле это была униформа. У Симоны было три платья, и все они одинаковые: без рукавов, черные, без украшений, с маленьким разрезом сзади. В демонстрационном зале униформу иногда приходилось снимать, когда показывали южноафриканские каракулевые полупальто, например, или эфиопские куртки для мотоциклов. Поэтому униформа должна была легко и быстро сниматься, чтобы можно было тут же перейти к демонстрации натуральных шуб или домашних халатов. Оказывается, меховых изделий — великое множество, как обнаружила Симона, когда около года назад пришла работать в «Мини-Ферс инкорпорейтид».

Я — модель.

Но только выйдя на Пятьдесят седьмую улицу прогулять собаку, Симона вспомнила, кто она. Проходя мимо всех этих роскошных магазинов и банков, она уже не была описавшейся в постели девушкой, которая носит фальшивые волосы, у которой нет денег, нет машины, нет честолюбия, нет мужа, нет приятеля, нет любовника, которая в любой момент готова покончить с собой, которая спит в двух байковых рубашках, которая так красива. Красива? Да. Подумать только, вчера вечером она об этом чуть не позабыла. Один взгляд на витрину «Пляс Элегант» (антиквариат, детские товары) напомнил ей ее же внешность. Чудная девушка в хорошей одежде, сумочка от «Гуччи». Это все — ОНА. Великолепная, восхитительная незнакомка ведет маленькую собачку на поводке «Б.Олтман». Она наклонилась и скромно поцеловала свое отражение. Стекло было холодным.

Симона никогда не смотрела, как Чу-Чу справляет свои надобности.

— Да, — объясняла она другим, — когда Чу-Чу справляет нужду, я отворачиваюсь и думаю о Панаме. Почему о Панаме? Потому что там, должно быть, очень неприятно.

На самом деле она думала об Антибах.

Мистер Льюис по-прежнему торговал норковыми и соболиными боа по двадцать девять и шестьдесят девять долларов, а почтальона она считала двойным агентом. Симона подозревала, что при доставке почты он ловко снимал отпечатки пальцев с ящиков. Где-нибудь в Москве некто знал все извивы кожи на ее пальце. Это не так сильно волновало, как тот факт, что ее журнал «Эль» приходил помятым и предварительно просмотренным (если не прочитанным) почтовыми служащими, у которых не хватало желания и сил быть двойными агентами. Она даже восхищалась мужеством и нахальством почтальона. Ее отец был своего рода шпионом в годы войны, младшим агентом, и все равно его расстреляли. Мать говаривала: «Его схватили и расстреляли боши, когда тебе был всего годик». Кажется, он прятал фотоаппарат в рыбацких сетях и фотографировал немецкие укрепления на побережье в Нормандии. Потом передавал фото местному почтальону, и это, как оказалось, привело его к гибели. С тех пор Симона всегда была осторожна с почтальонами, и она задумывалась, что будет с этим, когда его поймает расторопный американский агент и найдет коллекцию отпечатков пальцев. Симона почти не помнила войны. Она была слишком мала. Однажды в холле ночевал какой-то немецкий офицер. Он был очень вежлив.

Хвалил «Кальвадос». Считал «Понт Лэвек» прекрасным сыром. Он очень любил французов. К сожалению, время от времени мы вынуждены были убивать их.

Почтальона звали мистер Сэлинджер, но он не имел отношения к знаменитому писателю. По крайней мере, он так говорил. Раздумывая о его шпионской деятельности, Симона как-то подумала, что он может быть самим Сэлинджером, который собирает материал для новой книги. А почему бы и нет? Как рассказывал ее единственный друг из литературных кругов Эдвин Куберстейн, никто не знает, как выглядит этот сукин сын, потому что он запрещает себя фотографировать. Прячется на чердаке где-то в Новой Англии и питается гвоздями. В те дни, когда не доставляет почту на Пятьдесят седьмой улице. Несколько дней тому назад он вручил Симоне крошечный белый конверт, когда она возвращалась домой после утренней прогулки с собакой.

— Это все, что у вас есть для меня? — спросила она.

— К сожалению, да, мисс Ласситье.

— Фрэнни и Зуи.

— Извините, не понял.

Симона пронзила его испытующим взглядом. К ее разочарованию, он был искренне озадачен. Может, и в самом деле был не тем, за кого себя выдавал. Просто старым почтальоном (на самом деле он был довольно молод). Служащим. Преданным работником службы Соединенных Штатов с толстыми ногами, который, как и все почтальоны, вечно крутился на углу рынка Эпсом.

— Похоже на приглашение.

— Что похоже? — спросила Симона, размышляя, делал ли он пластическую операцию.

— Ваше письмо.

— О, меня сейчас мало куда приглашают, мистер Сэлинджер.

— Такую красивую девушку? Готов поспорить, у вас куча приглашений.

— Честно говоря, нет.

— Я спорю, что вы ходите на вечеринки и дискотеки каждый вечер.

— Передайте привет семейству Гласс.

— Я не доставляю им почту. Это участок Рейли.

Когда Симона поднялась наверх и сняла с Чу-Чу ошейник и поводок, она вскрыла конверт. В нем и в самом деле было приглашение. На первой страничке крупными буквами было написано: «Вечеринка». На бледно-розовом фоне нарисованы бокалы и бутылки. На обороте надпись гласила:

«Дата — среда, 21 января.

Время — после 20 часов.

Место: 38-я Восточная улица, квартира 7-Джей».

Подписано оно было бывшей соседкой по квартире Анитой, а внизу дописано от руки: «Приходи. Будет прорва мужиков». Симона не знала, что значит «прорва», и знала, что Анита так и предполагала, Это было в стиле мисс Норформс: показать свое превосходство, употребив какое-нибудь необычное слово. Когда они жили вместе, Анита обычно каждую неделю запоминала одно новое слово. Она утверждала, что это помогает ей в работе. Анита была стюардессой, у нее были чутье на слова и страсть к шампанскому.

— Я хренею от шампанского, — заявила она однажды Симоне.

— Это твое новое еженедельное слово?

— Да, это значит: люблю, нравится, обожаю.

От чего по-настоящему хренела Анита, так это от любого неженатого мужчины, поднимающегося по трапу с кейсом в одной руке и с «Уолл Стрит Джорнэл» в другой. Симона не виделась с Анитой несколько месяцев и удивилась, что заставило ее устроить вечеринку. Ясно, что каким-то непонятным образом причиной стал какой-то мужчина. Поэтому умирала от желания узнать, насколько у Аниты это серьезно.

Симона в жизни не видела девушки, которая так отчаянно хотела бы замуж, как Анита, и ее поражало, что подруге до сих пор не удалось достичь единственной цели в жизни. Она так усердно этим занималась, что, наверное, просто отпугивала всех. Ее мания пугала Симону и стала причиной их разъезда из совместно снимаемой квартиры. Анита вечно бегала в магазин «Гинори» в поисках венецианского стекла, серебряной посуды и севрского фарфора для своего будущего дома. После этого она возвращалась в двухкомнатную квартиру на Мюррей Хилл и в мельчайших подробностях описывала Симоне предстоящие покупки.

Другим излюбленным место Аниты был мебельный отдел магазина «Блумингдейл». Однажды она уговорила Симону пойти туда. Продавец назвал Аниту «миссис Шулер», при этом Анита крепко сжала руку Симоны. Потом объяснила, что тебя лучше обслуживают, если ты замужем.

— Это повышает твой вес в глазах продавцов, — сказала она Симоне. — Ты видела эту копию старинного орехового бюро с инкрустациями?

— Откуда ты все это узнала?

— Я изучаю стиль восемнадцатого века, — ответила Анита. — У меня будет спальня из такой мебели.

Вскоре Симону начало тошнить от всего этого. Анита стала превращаться в каталог мебели и обстановки.

— Вчера я видела чудные часы для камина. Циферблат паршивый, зато цифры из золота. Тебе не кажется, что он очень подойдет к моей квартире?

При этом они продолжали есть консервированные продукты и мучились мыслью о предстоящей плате за квартиру. Поскольку квартиру сняла Анита, Симона заявила, что она переезжает. Они расстались по-дружески. В последний момент Анита признала, что это к лучшему, потому что Чу-Чу действовал ей на нервы.

— Единственное животное, которое мне нравится, это статуя льва Родена. Я видела его в Остертаге, и он стоял на мраморном постаменте.

Симона обрадовалась собственному дому и возможности не выслушивать от Аниты дотошные описания бронзы Доре. Бедная Анита. Конечно, трудно поумнеть, если ты росла в Кливленде, штат Огайо, да еще при этом твой отец приехал из Франкфурта и был мясником.

Случались вечера, когда Симона не ложилась спать в двух фланелевых рубашках в десять часов вечера. Это были вечера, которые она проводила в чужих постелях или шла на дискотеку в хлопчатобумажном платье, украшенном цветами из простой ткани, которые она потом бросала в стиральную машину (у нее было тайное желание выйти замуж за мужчину, сделанного из туалетной бумаги, в платье из туалетной бумаги и провести медовый месяц на Луне). Это были вечера, когда Симона мечтала о подпольном кино, вечера, когда у нее были встречи-коктейли, обеденные встречи, встречи на ужин, встречи на очень поздний ужин, и тогда она носилась в центр города, на окраины города, в город секса, город наготы, в город извращений (любопытные все-таки встречаются пенисы у мужчин). Она танцевала, стонала, пила, ездила на мотоциклах, курила, кричала и никогда не сдавалась.

— Нет, — часто говорила Симона мужчине в самом начале. — Ничего не будет.

Эта привычка была похожа на отказ некоторых людей пить мартини.

В постели не было ничего, чего она не могла бы сделать, если мужчина мог ее как-то развеселить. Однажды позволила одному программисту трахнуть себя в зад обычной сосиской от хот-дога. Потом они сварили сосиску и съели. Неплохо на вкус. Только горчица нужна.

Мужчины творили с ней странные вещи. И она вела себя не менее странно. Однажды ее подцепил мужчина в Центральном парке и пригласил к себе выпить. Он жил неподалеку. Через шесть дней наконец-то выпустил ее похудевшей на шесть фунтов. Это было не так уж и ужасно, гораздо лучше, чем могло бы быть, но она считала, что не стоит тратить на такие вещи столько своей жизни. Это как-то оскорбляет. А он не останавливался. Она говорила ему, что у него нет воображения, но ему было плевать, он от этого только сатанел. Наконец Симона сдалась и спросила, не могла бы она почитать книжку, чтобы немного отвлечься. Он согласился, но, к несчастью, он любил только одного писателя: Дж. Сэлинджера. Да, это было поводом для знакомства с ее первым другом из литературных кругов, Эдвином Куберстейном, и романами Сэлинджера.

В другой раз она улеглась с помощником дантиста, который называл ее «малышкой» и при этом заикался. По ночам он должен был говорить: «П-п-п-поц-ц-це-л-у-уй меня, м-м-малыш-ка. Я к-к-конч-ч-чаю». Негритянский певец, который на пару недель отвез ее на солнышко на Сент-Мартин, а там все время заставлял торчать в душевой кабинке и дробить его. Греческий бизнесмен по имени Стамос, от которого воняло, увлекался зубными электрощетками. Экономист, оравший по ночам.

Все это печально. Симоне стало скучно, и она перестала спать с каждым встречным. Ей было неприятно выкраивать деньги на противозачаточные таблетки, когда вела такую целомудренную жизнь, но, поскольку жизнь могла измениться в любую минуту, она продолжала глотать бело-розовые пуговички каждое утро. При этом размышляла, кто же сумеет прервать это сдерживание. Она устала от безумцев. Ей хотелось встретить красивого нормального нейрохирурга, а не мужика в гавайской рубашке, который хотел разодрать ей влагалище...

Такой же калейдоскоп ждал ее в «Мини-Ферс инкорпорейтид» на Седьмой авеню, и чтобы отвлечься от бессмысленной жизни вокруг, она задумалась над тем, в чем пойти на вечеринку к Аните. В промежутке между демонстрацией кротового манто для покупателя из Атланты и получением контактных линз для мистера Свернса Симона решила, что наденет коричневое с белым мини-платье с меховой опушкой (до сих пор еще не оплаченное), ничего под ним, только чулки, чтобы не замерзнуть. В окне рядом с офтальмологом была фотография очаровательной брюнетки в персидской каракулевой шубке. На нее восхищенно смотрел мужчина. Надпись внизу гласила: «Мужчины обращают внимание на девушку в персидском каракуле».

В демонстрационном зале, когда она туда вернулась, была обычная смертная тоска. Покупатель из Атланты хотел, чтобы ему показали что-нибудь из аргентинской пятнистой кошки.

И вот в девять тридцать вечера, приняв душ (да, Господи, я теперь чиста!), Симона пристегнула к сетчатым чулкам четыре подвязки от пояса телесного цвета и задумалась, не слишком ли поздно начинать жизнь с нормальным мужчиной. На ее памяти таких вообще не встречалось. Осталась ли возможность? Постой-ка. А тот женатый торговец из Кэмдена? Он был относительно... но тут она вспомнила его привычку звонить по воскресеньям и, пуская

слюну в трубку, просить описать ее белье. Сначала тебя одурачивают. И чем святее они кажутся вначале, тем омерзительнее оказываются потом. Как тот инженер по электронике, который любил смотреть, как она трахает себя свечкой. Симона даже была не очень против, но любая свеча казалась ему маленькой. А она еще и боялась момента, когда он зажигал свечу с другого конца и с восторгом наблюдал, как горячий воск капает на самые интимные места.

У нее не было оснований полагать, что те, кого встретит на вечеринке у Аниты, будут лучше предыдущих засранцев. И все же не оставляла надежды. Даже не осознавая этого, она полагалась на тихого, серьезного вида студента антропологии, который жил с пожилой матерью.

— Может ли изучение культур других народов помочь нам понять наше общество, его проблемы и перспективы? — мог он спросить вскоре после соития, вперив в нее взгляд сквозь очки. А когда они занимались любовью, это было неземное блаженство, два тела парили над грубой реальностью, которую оба презирали.

Уже девять тридцать. Симона щедро опрыскалась спреем, сунула Чу-Чу в коричневую сумку и пошла в «Русский чайный дом» на другой стороне улицы.

— Мы идем на вечеринку, — сказала Симона, — но еще рановато. Будьте добры мне бренди «Александр».

Она заметила мужчину, сидевшего неподалеку. Ему было за пятьдесят, с бородкой, в расстегнутой рубашке и куртке «сафари».

— Вечеринка, — сказал он. — Как странно.

Когда Симона не ответила, он спросил, не живет ли она по соседству, и прежде чем успела ответить, добавил, что так и должно быть, потому что это единственное культурное заведение во всем Нью-Йорке. Между ними был пустой стул, и мужчина сел на него.

— Почему бы вам не пригласить и меня на вечеринку? — спросил он. — Вы могли бы уложить меня в сумку вместе с этим маленьким чудовищем. Между прочим, дорогая, левые ресницы у вас загнулись.

— Они приклеены.

— Такой уж клей, дорогая.

Он не понравился Симоне. Наверное, фанатик атлетизма, часто дышит затхлым воздухом залов, который так вреден для его слабых легких. Она быстро допила бренди и расплатилась.

— Мы можем пойти ко мне, и я исполню вам мою сонату.

На своем хилом члене, это точно.

— Мне эта идея не нравится, — сказала Симона. — При ваших больных легких.

Очувтившись на улице, она поймала такси и назвала адрес Аниты. Вечеринка уже должна быть в полном разгаре. Забавно, знакома ли она хоть с кем-то из мужчин? Забавно, будет ли хоть кто-то из них интересен ей? И забавно, заинтересует ли кого-то она?

— Осторожно, мудака! — завопил шофер на пьяного пешехода.

Симона откинулась на холодную спинку сиденья, когда такси ехало по Пятой авеню, и задумалась, будет ли хоть один из мужчин (которых созвала пышнотелая Анита), хоть один, хоть чуть-чуть, пусть даже до омерзения, но НОРМАЛЬНЫМ?

Когда три дня тому назад муж Беверли Нортроп сказал ей, что он пригласил своего издателя на ужин в среду вечером, Беверли ответила:

— О дорогой, неужели снова жареные ребрышки и картофель?

— Нет, дорогая, — сказал Питер. — У Тони очень разнообразные вкусы. У тебя потрясающая возможность проявить себя, приготовив какое-нибудь экзотическое блюдо. И все равно ты его не удивишь. Тони долго жил во Флоренции. Сама понимаешь. Жуткий сноб.

Беверли подумала о том, как смешно прозвучало в устах Питера последнее замечание. Ведь он, когда его вызвали на ковер за еретические высказывания в адрес настоятеля собора, твердо заявил:

— Я должен поправить вас, доктор Фримонт. У меня не совсем нет веры.

— Ладно, — ответил доктор Фримонт, — тогда расскажите нам, во что вы верите.

— С удовольствием, сэр. В Гарвард и мою семью.

Тогда Беверли решила, что это очень мило со стороны Питера. Но это было два года тому назад, до того, как родился Питер-младший, до того, как их дочь превратилась в маленькое чудовище, до того, как Питер стал работать у Тони Эллиота. Если бы доктор Фримонт задал тот же вопрос сегодня, Беверли не знала бы, что ответит Питер. Его подлинные мысли. Питер так сильно изменился за последние пару лет, что Беверли иногда думала, что совсем не знает его, что он так не похож на застенчивого студента, в которого она влюбилась, заканчивая университет Уэллесли.

Беверли никогда бы не полюбила Питера, если бы встретила его в Солт Лейк Сити. Она представить себе не могла Питера в Солт Лейк Сити, хотя он дважды там побывал: впервые — на их свадьбе, а во второй раз — на похоронах ее отца. Беверли вспомнила, как провела его по стране мормонов. Как он стоял на площади Храма перед памятником чайке (единственный в мире памятник птице) и, прищурившись, смотрел на него таким восточным взглядом. Да, Питер принадлежал Востоку, а Восток был чужд ей. Даже сейчас, прожив с ним одиннадцать лет, Беверли ощущала себя абсолютно чужой в этой квартире на этой бесцветной земле и часто жалела, что отец не разрешил ей учиться в университете Юта, совсем близко от дома, близко от всего, что она любила. Он тогда сказал, что ей нужно расширять горизонты, нужно ехать на Восток, покинуть матку и выйти в большой мир. Потому что и она была застенчива.

В Уэллесли Беверли жила в Башне, девушка в Восточной Башне, которая влюбилась в парня с верхних этажей Бек Холла. Через несколько лет, рожая дочь, когда Беверли корчилась и стонала в госпитале Минеоды, по некоторым причинам (без всяких причин, по любой причине) она сообразила в промежутках между схватками, что полюбила и вышла замуж за Питера Беннета Нортропа III из Бруклина, штат Массачусетс, точно так же, как француженка, которая впервые приехала в Штаты и полюбила американца от чувства одиночества и легкого привкуса экзотики.

Экзотичным был и вскоре купленный дом, пятнадцатикомнатный замок в стиле Тюдоров в районе Гарден Сити. Эта покупка была бессмысленной.

Правда же, бессмысленной, мама? (Писала Беверли матери в тот день, когда Питер подписал бесконечные бумаги о владении недвижимостью.) У нас теперь есть наше собственное пристанище, набитое башенками, шпилями, карнизами, цветными стеклами, тяжелыми дверями. Есть даже прекрасная разноцветная шиферная крыша, по которой мне хочется скатиться, но Питер не позволяет, говоря, что я сломаю шею. Дом слишком элегантен для нас, как сказала я Питеру, но он не послушался. Утверждает, что нам он подходит, потому что стоит девяносто тысяч долларов, и мы должны жить именно в таком доме, потому, черт подери, что можем себе это позволить, дорогая девочка (как он не

слишком часто меня называет), ведь мы же до опупения БОГАТЫ.

Ее мать никогда не любила Питера, а мать не была мормонкой. Ее отцу Питер не очень нравился, а он был плохим мормоном (пьяным, обкуренным, редко Молившимся). Он резким вибрирующим голосом здоровался с незнакомцами на улицах с таким чувством превосходства, какого никогда не встретишь на Востоке. Питер был не самым приятным человеком в мире: слишком нетерпимым ко многому и, что еще хуже, даже не старался скрыть своей нетерпимости. Но в то же время он был еще и застенчив. А этого не хватало очень многим людям. Они бы простили его, часто думала Беверли, если бы знали, как трудно жить ему в мире. В этом была суть их связи, их общая беда, их общее сокровище: драгоценная, нерушимая, постоянная робость. Она была их убежищем и крепостью.

Медовый месяц они провели в Париже, и Питер был застенчив в отеле «Ланкастер». Потом поехали в Канны, и он был застенчив в отеле «Карлтон», что не помешало им стать модными отдыхающими. Он в белом пиджаке, она в белом платье, оба загоревшие до цвета кофе с молоком. Потом они жили в другом «Карлтоне», в другом городе и в другой стране: в Аликанте, на юго-восточном побережье Испании, где пили росадо и ушли из цирка в разгар боя быков... Это была идея Питера. Беверли было все равно, но ее интересовало, почему он считал важным уйти именно в эту минуту. Это был не самый интересный момент. Матадор готовился вонзить бандерильи в быка, и для большинства зрителей это было самым главным. В движении, которым матадор изгибал тело и уклонялся от атаки быка, была какая-то птичья грация, и это резкое движение, думала Беверли, было красивым, особенно красивым благодаря ярко-зеленому костюму, тесному, как вторая кожа. Но Питер взял ее под руку и сказал: «Vamos». Идем. Единственное испанское слово, которое он знал.

— Но почему? — спросила она позднее, когда они сели выпить росадо в тенистом кафе.

— Это спорт педиков. Для американцев это так. Извини, но я не могу благоговеть и восторгаться так называемым искусством боя быков. Я сыт по горло видом быков и мужчин, которые убивают их какой-то палкой, торчащей из штанов. Скучно смотреть на тупых быков и верить, что у них есть яйца, дорогая. Я предпочитаю реальные вещи, а их в Испании нет, давно уже нет. Вся страна выпала из жизни мира, заснула во мраке. Ничего живого.

Застенчивые люди живут в горечи и унынии, решила Беверли, когда они молча возвращались в отель вездесущей компании «Карлтон», где открылась новая страница их постельной жизни. Питер возбуждал ее с самого начала. В Кембридже они занимались любовью на верхних этажах Бек Холла, и однажды он попытался задушить ее ремнем. Нет, не по-настоящему, лишь понарошку. Это было извращением, своего рода заявкой с его стороны. Беверли не восприняла ее буквально, потому что знала, что он не хотел этого по-настоящему, но все-таки это слегка обескуражило, потому что ее реакция на эту игру в удушение устанавливала очень многие важные вещи в их жизни. Она действовала слегка испуганно, слегка презрительно, слегка возбужденно. Питер хотел управлять ею, и в столь напряженный момент Беверли косвенно дала понять ему, что он может делать это сколь угодно долго. «Я люблю тебя», — сказал он тогда впервые. Пока Беверли не смогла полностью оценить природу его фантазий, она им сочувствовала и сдавалась. Питер был ее первым и последним любовником. В нем было нечто особенное, поэтому ей и в голову не приходило поменять его на другого мужчину. Ей нравился его облик. Худощавый и жилистый, в отличие от Беверли (у той была большая грудь с огромными розовыми сосками, широкие бедра). У нее было нечто, что Питер почему-то называл «кубинским».

Сначала Беверли ощущала, что немного крупновата для Питера, слишком тяжела для

него. Может, она его нечаянно задавит во сне? Но он рассеял ее сомнения на этот счет.

— Все мы склонны преувеличивать наши физические особенности, — сказал Питер. — И это отражает наше желание найти недостающее в противоположном поле.

Беверли после этого стало легче, она чаще ходила по комнате обнаженной, не извиняясь за свою полноту. Питер любил смотреть на нее. Взгляд у него становился напряженным. Ей было интересно знать, что он думает, но не спрашивала, не уверенная в его ответе. Питер тискал ее соски так, что иногда она думала, что они лопнут, так они распухали. Он не мог оторвать от них рук, рта, он хотел, чтобы и она их трогала. В отеле «Карлтон» в Аликанте ее руки были под его руками, было так жарко, что Беверли могла утонуть в собственном поту. Тело ее стало невесомым и в то же время разбухшим. Жара стояла невероятная. Она слышала свои собственные плачущие звуки.

Наконец Питер был в ней, он подсунул под нее подушку, а с улицы доносилось печальное брэнчание гитары. Беверли лежала на кровати в томной позе с небрежно раскинутыми ногами, как любил Питер, хотя ей это не очень подходило, поскольку клитор у нее был расположен необычайно высоко (он первое время вообще не мог его найти). А когда она так лежала, пусть и на подушке, то не могла возбудиться, но ее возбуждала мысль о том, как она волнует Питера. Однажды, когда он завелся, Беверли подняла ноги, потому что он уже вошел в нее. Его это не огорчило, а ей очень помогло. Важно было как можно выше поднять ноги. Нужно больше подушек. Они целый день умирали на пуховой горе с ногами, упершимися в уродливую люстру.

Когда у Беверли начинался оргазм, она бы убила любого, кто решился бы ей помешать. Когда-нибудь она станет старушкой (разве это возможно? разве она постареет, ведь она такая крепкая?) и тогда вспомнит любопытное чувство за несколько секунд до оргазма, чувство очень мощное и в то же время Такое хрупкое, такое тонкое, сопровождаемое привкусом во рту (подобным привкусу во время месячных); она не могла описать его, это чувство, не могла описать его словами, разве что цветом: чередующиеся красные и голубые молнии, сотрясающие все тело, пока они не завершаются изнемогающим сдавленным криком.

Чаще всего Беверли была сверху. Для них эта позиция была лучше, потому что дружок у Питера был не очень большим. Он входил плотнее, лучше, если она была сверху. Сначала Беверли не знала, как двигаться, и это слегка смущало ее, особенно когда она ловила его взгляд. Питер, выпучив глаза, смотрел на ее неуклюжие движения и задавал ей ритм, которому она с благодарностью следовала. Вскоре Беверли начала понимать, как ей действовать, и ее чрезвычайно возбуждала роль псевдоагрессора (а может, и настоящего?), когда Питер лежал под ней, желанный и любимый заговорщик, а она обнимала его гибкое, юное, мальчишеское тело. У мужчин тоже есть соски, с каким-то удивлением обнаружила она. Они волнуют. Щипок. Ему понравилось. Щип-щип.

В сексуальном отношении они росли вместе, так что через восемь лет брака и рождения двух детей наконец-то достигли начального класса. Был в их занятиях любовью какой-то детский привкус молока и пирожных, который Беверли ощущала, но не умела объяснить, но он забавлял ее. Очень часто у Питера пропадала эрекция в самый разгар событий, и тогда у нее возникало ощущение одиночества, смутное желание убить его или себя, но она изо всех сил старалась ничего не делать, чтобы не нервировать его еще больше. Чем чаще он терял эрекцию (они в это время бесцельно катались по северному побережью Лонг-Айленда), тем более изобретательным становился в отношении того, что они могли и должны делать.

Питер так и не освободился от мечтаний об удушении, иногда хотел, чтобы она душила его цветными чулками.

— Розовыми?

— Нет, ангел мой, голубыми.

Она выполняла просьбу, но скучала при этом.

Или он наваливался на нее, что, кажется, жутко его возбуждало, и потому часто процесс заканчивался пристойной эрекцией. Ей иногда удавалось кончить, чем она очень гордилась. Но ощущения, что он был в ней, у нее не возникало. И как только Беверли заканчивала в такой позе, у нее тут же возникало желание, чтобы Питер был в ней. Оно было очень острым, ей нужно было, чтобы ее заполнили. Именно поэтому Беверли совершенно не устраивала мастурбация: страшное гложущее ощущение пустоты после этого. Что она могла поделать? Втыкать морковку? Кажется, некоторые женщины так и поступают. Беверли предпочитала не думать об этом, не думать о других вещах, которые, как она слышала, делались в этих целях... Их так мерзко называли, что ей, слава Богу, удалось забыть само слово. Питер рассказал ей о «приспособлениях», как он выразился, и захотел, чтобы она трахнула им его в задницу, но она впервые отказала мужу, ответив, что не сделает этого, не сможет, ее стошнит.

— Что ж, ладно, — сказал он. — Тогда я трахну тебя так.

— Этими штуковинами?

— Нет, милая, моей собственной.

Это было не плохо, но не так хорошо, как при других способах. Но Питеру нравилось, просто нравилось, он не мог насытиться, и в конце концов это начало угнетать Беверли, хотя она не запрещала ему, потому что... ну... он все-таки ее муж, первый и единственный любовник, отец ее детей, центр ее жизни, и что еще можно сказать? Это пройдет, думала Беверли, но все продолжалось. Потом он получил долгожданную работу репортера в модной газете Тони Эллиота, и это прошло. Как, впрочем, и все остальное. Их некогда активная постельная жизнь резко и со скрежетом остановилась. Питер потерял к ней интерес. Когда он спал, Беверли плакала. Когда просыпался, она пыталась возбудить его. Иногда это удавалось, они занимались любовью. Теперь всегда только в зад, и это так угнетало, что Беверли становилось еще хуже.

Проснувшись в среду, в день, когда на ужин должен был прийти Тони Эллиот, Питер сказал ей:

— Ты полнеешь, дорогая. Ты это знаешь?

— Я такая же, как всегда, — ответила она, ощущая глупость своего ответа.

— Пожалуйста, вечером надень черную накидку. Мне она очень нравится.

— Тони Эллиот не любит женщин с формами?

— Я не знаю, да мне и плевать, каких женщин любит Тони. Я знаю, что мне нравится.

Беверли ощутила привычное чувство обиды.

— А у меня было ощущение, что тебе нравлюсь я.

— Я без ума от тебя, дорогая, и именно поэтому хочу, чтобы ты сбросила несколько килограммов.

— Сбрасывают зерно в амбар.

— Не занудничай в семь утра.

— Питер, ты считаешь, что я выгляжу старше своих лет?

— А сколько тебе сейчас? — спросил он, протягивая руку за сигаретой (еще одна новая

привычка: курить, едва проснувшись).

— Если бы я не знала, что ты шутишь...

— Сама знаешь, что я не силен в цифрах, — сказал он.

— Кроме веса толстухек?

— Я этого не говорил, дорогая.

— Правда, Питер, мне скоро двадцать девять, ты это прекрасно помнишь.

— «Правда, Питер», — передразнил он ее. И не скрывал злости. — Сбрось пять килограммов, и ты сбросишь пять лет.

Слезы навернулись на голубые глаза Беверли. У нее были рыжеватого-коричневые волосы, легкие веснушки и вздернутый носик.

— Женщины с таким цветом волос и кожи не должны плакать, — отметил Питер. — Брюнетки могут рыдать, блондинки хныкать, и они при этом очаровательно выглядят. Но рыжие... К несчастью, это разрушает сосуды. Правда, дорогая.

— Пожалуйста, поцелуй меня, Питер.

Он мягко и равнодушно поцеловал ее.

— Может, мы...

— Мне кажется, ты становишься нимфоманкой, дорогая.

— Но у нас это так редко сейчас...

Она вспомнила Аликанте, печальный звук гитары, и ей стало наплевать на сосуды. Поток слез утешал и успокаивал. Беверли теперь не знала, как ей жить. Гарден Сити стал для нее матерью, вот в чем ирония. Бедный ее папочка хотел, чтобы она покинула мать Солт Лейк Сити, и что же из этого вышло? Для чего все это? Она добилась только восточного варианта той же ситуации и продолжала зарываться в нору. Беверли просмотрела газету, в которой работал Питер. Она не понимала этой газеты, ее направления, ее позиций, даже если они и существовали. Может, это какая-то шутка? Она могла понять «Вог» или «Харперс», потому что они были экстравагантно роскошными. Эти женщины в платьях, которые нельзя носить. Немыслимые украшения. Невероятные купальники. Да, это забавно, любопытно, это отвлекает. Двухметровые модели из Западной Индии, их можно было принять за сон, мечту. Но газета Питера была совсем иной. Она требовала другого принципа восприятия, другой реакции. Она должна быть более оперативной (это же газета, хотя и еженедельная), у нее не было глянца дорогих четырехцветных фотографий, как в журналах. В соответствии с дурацкой мечтой издателя газета фотографировала реальных (что бы это значило?) женщин в их реальных платьях от Сен-Лорана, Кардена, Куренжеса, Шанель, Гивенчи, Унгаро, Галанос, Билла Бласта, Норреля, в реальных ресторанах в реальных столицах. Они болтали за обедами с блинами и черной икрой, устрицами в соусе из шампанского, телятиной и муссом Кампари. Но какие же они тоненькие, эти вечно обедающие женщины! Они и вправду едят ту пищу, которую заказывают, или просто демонстрируют свои кулинарные вкусы, которые будут подробно описаны в следующем выпуске «Тряпья»?

Беверли часто обедала в загородном клубе «Вишневая долина», заказывая себе понемногу мяса, картошки, салата и двенадцать мартини. Ну, это преувеличение, пожалуй. А дамы, о которых писала «Тряпье», они разве мало пьют? Беверли нравилось опьянение. Оно успокаивало.

— Понимаешь, — сказала она Питеру в семь двадцать утра в среду, — они так гадко выглядят на фото, эти обедающие дамы, о которых постоянно пишет «Тряпье». Куда они

ходят в своих платьях от Куренжеса и Шанель?

Питер ответил, что она злобствует, хотя готов признаться, что дамы, о которых она говорит, довольно мерзки, если вдуматься, но о них читают, они сегодня диктуют моду, и кто он такой, чтобы сомневаться в этом. Кроме того, некоторые из них вполне ничего, они хотят быть реальными людьми (что бы это ни значило).

Беверли редко выезжала в город. В Гарден-Сити было все. Вещи она покупала в «Лорд и Тейлор». У нее был двенадцатый размер.

— Когда-то это был приличный размер, но теперь все не так, — сказал Питер. — Пятый размер — то, что нужно. А двенадцатый — это чехол для танка.

Она весила всего пятьдесят пять килограммов, что было не плохо для ста шестидесяти восьми сантиметров роста.

— А надо бы весить сорок пять, — сказал Питер.

Беверли не знала, как и почему он пришел к таким странным выводам. Питер хотел ее унижить. Он унижит ее и при Тони Эллиоте? В семь тридцать утра Питер повторил, что у Тони утонченные вкусы относительно еды.

В семь тридцать вечера (когда Симона ела холодный консервированный гамбургер, готовясь к вечеринке у Аниты) Беверли и ее домоправительница-негритянка готовили главное блюдо по рецепту журнала «Лайф» на большой семейной электропечи. Это была тушеная капуста, которая оказалась тошнотворной смесью капусты и разных жутких сосисок, но Беверли решила, что это достаточно международное блюдо даже для вкусов Тони Эллиота. Согласно заметке в «Лайфе» это блюдо было придумано в пограничном Эльзасе, что придает «французский привкус немецкой кулинарии».

— Жареные ребрышки и картофель — это еда, — мрачно заметила домоправительница Маргарет, уставившись на блюдо.

— Теперь уже поздно говорить об этом, Маргарет.

— Да, мэм, это точно.

— Но мистер Эллиот повидал мир. Я уверена, что он оценит наше иностранное блюдо.

— Я завтра с утра куплю дезодорант, — ответила Маргарет, — иначе запах кислой капусты никогда не выветрится.

— Не надо было сразу ставить пирог. «Лайф» пишет, что может не пропечься корочка.

Беверли любила быть на дружеской ноге с Маргарет, когда стряпала сама.

— Простите меня, миссис Нортроп, сам «Лайф» не пропекся. Как они могли выдумать такое?

Больших трудностей в приготовлении блюда не было. Проблема заключалась в покупке разнообразных продуктов для него. Колбасы, например. «Лайф» писал, что это та же сосиска, но набитая чесноком, и если не удастся ее найти, то можно заменить кошерными франкфуртскими сосисками. Колбасы, уж точно, нельзя было купить ни в одном магазине Гарден-Сити. Ни за что. Вежливые служащие скромно хмыкали, когда слышали по телефону необычный заказ. В конце концов ничего не оставалось, как только послать Маргарет в кошерный магазин за этими чертовыми франкфуртскими сосисками. Маргарет отвергла идею. Она сказала, что должна ехать «девушка». Беверли ответила, что «девушка» не умеет водить машину, так что на этот раз вопрос уладился.

Маргарет не любила «девушку», зато не уставала повторять, что «девушке» переплачивают.

— Она не стоит четырнадцати долларов в день, миссис Нортроп, — сказала Маргарет

через неделю после прихода «девушки». — Я видела, как она натирала ваши чудесные стулья, и должна сказать, что рук она не перенапрягала.

Беверли не знала, что бы она делала без Маргарет, которая была с ними со дня переезда в Гарден-Сити, жила здесь и держала детей в узде. Хотя сейчас, когда Салли пошла в детский сад, в доме было относительно тихо до тех пор, пока девочка не возвращалась с громогласными рассказами о детской жизни. Маргарет получала сорок пять долларов в неделю, но, конечно, у нее были две комнаты и личная ванная на верхнем этаже замка. Беверли однажды поднялась в квартиру Маргарет, когда та подозрительно долго отсутствовала, и нашла ее корчившейся на сплошном ковровом покрытии. Ее мучил приступ какой-то таинственной болезни, и она хрипела: «Сода, сода!» Беверли не поняла. Она предположила, что Маргарет хочет кока-колу, но последнюю бутылку выпил Питер-младший буквально десять минут тому назад.

— Я дам тебе имбирное пиво, — сказала она обезумевшей женщине.

— Сода! Сода! — завывала Маргарет.

Ясно, что имбирное пиво Маргарет не считала содой.

— Может, «Но-Кал»?

Маргарет, сжимая живот, повторяла свое, пока Беверли не догадалась, что бедную женщину вспучило и та просит бикарбонат натрия. Так чего же она так прямо и не сказала? С тех пор этот случай стал любимым семейным анекдотом.

— Мистеру Эллиоту после такого ужина понадобится много соды, — пробурчала Маргарет, пока Беверли старалась понюхать блюдо, не втягивая воздух в легкие. «Лайф» рекомендовал использовать четверть чашки джина, если не удастся достать ягоды можжевельника, которые требовались по рецепту. Беверли решила, что джин — прекрасная замена. Помимо джина капуста должна была тушиться несколько часов в белом вине, бульоне, петрушке, моркови, луке, перце и кусочках ветчины.

— Подозреваю, что и мне с мистером Нортропом понадобится сода, — ответила Беверли. — Но выглядит и пахнет это так, как и описано в «Лайфе». А они дело должны знать. Сейчас я вернусь в гостиную, а ты унеси суповые тарелки и принеси «Либфраумильх».

В случае с вином Беверли не послушалась советов журнала. Они настаивали на пиве, это было бы уже слишком. Что подумает о них путешественник Тони Эллиот, если на ужин они подадут «Рейнгольд»? Мистер Смайли в винном магазине на Седьмой стрит посоветовал «Либфраумильх», сказав, что оно производится в том же месте, что и главное блюдо. Беверли ответила, что пусть так будет, и попросила прислать две замороженные бутылки.

Тони Эллиот доедал грибной суп, приготовленный по рецепту из «Лайфа». Маргарет добавила в него тонюсенькие ломтики лимона, как и предписывалось в журнале.

— Очень вкусно, — сказал он. — Восхитительно. В наши дни редко угощают домашним супом.

— Спасибо, Тони.

Беверли было неловко называть его Тони, но он очень деликатно настоял на этом. Все в Тони было деликатным. Манеры, голос, голубая оксфордская рубашка, двубортный полосатый костюм. Изящно и безупречно. Это был маленький худой мужчина слегка за сорок, с очень чистыми, блестящими голубыми глазами. У нас у всех троих голубые глаза, просто так подумала Беверли. Ей не нравился Тони Эллиот, она сама не знала почему. Он был крайне внимателен к ней с момента прихода. Сказал, что только храбрая женщина сегодня надевает черное платье и он восхищен этим.

— Это любимое платье Питера, — призналась она, сомневаясь в том, что глубокий вырез на груди соответствует стилю. Хотя кто лучше разбирается в деталях моды, чем Питер?

— Такого теперь не увидишь, — заметил Питер. — Вырез под мышками и вокруг пупка — пожалуйста, но не на груди. А мне это нравится.

Пока Маргарет убирала суповые тарелки, Беверли поймала взгляд Тони, устремленный на вырез платья, и невольно вспыхнула. Может, бедняге осточертели все эти худенькие обедающие дамы с тощей грудью, затянутой в шестой размер? Беверли гордилась своей грудью. Она была не просто большая, она еще и не обвисла после рождения двух детей. У нее был размер 36-Б. Даже в Уэллесли у нее был 36-А. Однажды она услышала, как девица из студенческого городка сказала о ней: «Большие сиськи 1918-го». Беверли сочла это завистью, потому что сама девица в верхней части была мальчиком-подростком. Во время беременностей груди вздувались до гигантских размеров. Питер предупреждал, что ее могут изнасиловать, на улице, если она не будет осторожна. Это было, когда она носила Питера-младшего, чуть больше двух лет тому назад. Сразу после рождения сына Питер бросил работу в «Таймс», где ему всегда не нравилось, и пошел к Тони Эллиоту, издателю и основателю «Тряпья». Почему Тони выбрал такое безвкусное название для газеты о модах, Беверли понять не могла.

— Ах! — воскликнул Тони при появлении Маргарет с вином. — Восхитительно. «Либфраумильх».

— Надеюсь, оно вам понравится, — сказала Беверли.

— Знаете, это одно из самых любимых моих вин.

— Дорогая, я слышу невероятный запах, — сказал Питер. — Ты не говорила, что за деликатес вы с Маргарет сотворили на ужин.

— Я хотела сделать сюрприз.

— Если это будет хоть наполовину такой же чудный сюрприз, как суп, я уже покорен, — сказал Тони.

— Это довольно необычное блюдо, — пояснила Беверли. — Для нас, во всяком случае. Обычно мы едим очень просто. Говядина, картофель, ребра и все такое. Питер обычно говорит, что пресыщен деловыми обедами и у него не остается места для хорошей еды. Вы не поверите, но иногда он ужинает крекерами с домашним сыром.

— Дорогая, — улыбнулся Питер, — не выдавай все домашние секреты, ладно? Некоторые вещи остаются священными. — Он пригубил вино. — Оставим право судить непревзойденному эксперту, мистеру Эллиоту.

Питер наполнил бокалы Беверли и Тони.

— Вполне приличное, — сказал Тони, поднимая бокал. — Я предлагаю тост за исполнение несбывшихся желаний.

— Я выпью за это, — согласился Питер.

Беверли пожалела, что выпила перед ужином два martini вместо одного. Привычное подергивание левой брови могло означать только одно: начало приступа мигрени.

— Дорогая, — сказал ей Питер, — ты не присоединяешься к нашему тосту?

Она коснулась лба, будто легкое прикосновение пальца могло унести головную боль.

— Через минуту. Извините меня, пожалуйста. Наверное, надо принять таблетку. Голова разболелась.

Питер и Тони встали, когда она пошла на второй этаж, где у нее были лекарства.

— Мне искренне жаль, — сказал Тони.

— Очень неловко, дорогая.

— Я сейчас вернусь, — сказала Беверли. — Пейте вино, пожалуйста.

— Она страшно страдает от головных болей, — заговорил Питер, когда жена вышла.

Вид у Тони был сочувствующий.

Наверху, в своей ванной, Беверли проглотила две таблетки и взмолилась, чтобы помогло. Иногда они сразу снимали приступ, но зачастую, лишь чуть притупляли страдания.

Врач не мог объяснить причины.

«Медицина не на все может ответить», — любил приговаривать он.

У Беверли были свои соображения по этому поводу: она считала главным возбуждение, предшествующее приступу, и считала его катализатором мигрени. И хуже того: возбуждение, которое по каким-то причинам не признается больным человеком, возбуждение столь болезненное, что даже мигрень (кто бы поверил?) предпочтительнее его. Почему она сейчас разволновалась? Не из-за дурацкой капусты, конечно. Это смешно. Нет, это был Тони Эллиот, что-то в его сверкающих голубых глазах, что-то... она не могла поймать ощущение... что-то от рыбы.

Маргарет вносила кресс-салат с горчичным винегретом, когда Беверли вернулась в гостиную. Салат был соблазнительно зеленого, освежающего цвета. Может быть, обед даже удался. Возможно, когда-нибудь Питер займется с ней любовью по-старому. Может, мигрень исчезнет. Может, Тони Эллиот окажется самым милейшим человеком в мире.

— Тебе лучше, дорогая? — осведомился Питер, подавая ей стул.

— Да. Немножко. — Тошнота, сопровождающая приступы головной боли, только начиналась. Страшное ощущение кислоты во рту.

— Может, вино поможет, — предположил Тони. — Это мягкое вино. Попробуйте, пожалуйста.

— Мне неприятно, что я испортила ужин. Мне очень неловко.

Неловко, не по-женски, вульгарно. Беверли вспомнила, как всхлипывала, когда в госпитале медсестра брила ей волосы на лобке, готовя к родам. Она, конечно, знала, что ее побреют, но это знание ничего не изменило, потому что, глянув вниз, вспомнила себя восьмилетней в объятиях матери и не сдержала слез. И через несколько недель после рождения Салли рыдала, когда видела себя в ванной.

— Вчера из городского выпуска выпала четырехстраничная вставка, — говорил Питер.

— Я всерьез думаю сменить типографию, — ответил Тони. — Полутона омерзительные, так что было бы безумием не поменять их. Вопрос в том, на кого? Но эту тему мы сейчас обсуждать не будем.

Вновь появилась Маргарет в белом переднике с дымящимся блюдом тушеной капусты, которое держалось в ее руках под очень опасным углом. Она почему-то (и Беверли не могла понять причины) держала блюдо абсолютно несбалансированно: кусочки свинины и сосиски были на одной стороне, свисая вниз, а более легкая капуста вздымалась в воздух на другой стороне.

Питер прищурился своим знаменитым взглядом.

— Что это за штука, дорогая?

Распятая между запахом капусты и мигренью, Беверли не осмеливалась раскрыть рот, боясь что ее вырвет. Маргарет в роли мученицы вознесла очи к хрустальным канделябрам, снимая с себя ответственность за то, что ее вынудили преподнести обществу. Белки глаз на

фоне черного лица забавно напоминали полотно Франца Клайне, подумала Беверли, ощутив свою образованность. Спасибо двум поездкам по вторникам из Гарден-Сити в галереи Манхэттена.

подавив тошноту, она сказала:

— Это народное эльзасское блюдо.

В этот момент одна из сосисок упала на великолепные, безупречные полосатые брюки Тони Эллиота.

Если бы Анита Шулер знала Беверли, то все равно бы ей позавидовала.

Если бы Беверли знала, что ей завидует более молодая и более красивая женщина, она была бы удивлена:

— Вы и половины не знаете...

— Да, но вы хоть замужем.

— А я могу ответить: вы хоть свободны.

— Свободна для чего?

Свободна быть несчастливой, не такой, как Беверли, но несчастливой самой по себе — это самое худшее, самое угнетающее несчастье.

Анита, прожив в Нью-Йорке два года и потратив один из них на безнадежную любовь к Джеку Бейли, решила устроить вечеринку и пригласить этого негодяя (пустота становилась невыносимой). Вечеринка — единственное, что она сумела придумать после нескольких месяцев тяжелых раздумий. Только она предоставляла возможность снова сблизиться с Джеком, потому что если просто ждать возобновления угасшего романа, то можно было ждать до двухтысячного года.

Удивительно, почему она так долго шла к идее вечеринки? Наверное, мозги иссохли от безнадежья этих месяцев. А теперь они снова начали действовать, выдали список гостей, составили список продуктов и примерное количество бутылок спиртного, которое потребуется на вечер. И только после того, как Анита занялась подготовкой вечеринки, стало понятно, насколько это хлопотно.

«Хлопотно», — отрепетировала она, оглядывая себя в большом зеркале с головы до ног в отеле для летних экипажей в Мадриде. Это было утро того дня, когда назначена вечеринка.

Когда на прошлой неделе Анита начала приглашать людей, ее ожидал целый каскад сюрпризов, неприятных, неожиданных, невероятных. Телефон всегда был для нее животворной связью с внешним миром, а теперь он превратился в жестокую и бездушную машину.

Первый сюрприз.

— Привет, это Анита. Я хотела бы пригласить тебя на вечеринку, которую устраиваю в следующую среду.

— Среду? К сожалению, мы с Льюисом идем в театр. У нас билеты на «Человек из Ла-Манчи». Я сгораю от желания посмотреть его.

— Может, вы заскочите после спектакля? Вечеринка будет долгая.

— Мы бы очень хотели, но встречаемся потом в ресторане с друзьями, затем едем к Артуру. Я обожаю Артура, а ты?

Второй сюрприз.

— Привет, это Анита Шулер. Я устраиваю вечеринку в следующую среду. Ты сумеешь прийти?

— Анита Шулер?

— Мы встречались у Симоны Ласситье. И ты пригласил меня на ужин. Помнишь?

— Конечно. Сексуальная стюардессочка. Солнышко, мне очень приятно, но так уж случилось, что я женюсь в следующую среду. И даже в эту минуту меня достают. Сама сечешь.

Третий сюрприз.

— Привет, это Анита. Я решила устроить вечеринку в следующую среду и надеюсь, ты сможешь прийти.

— А?

— В чем дело? Я тебя разбудила?

— Да.

— Извини, ради Бога. Может, ты перезвонишь мне через пару часов.

— Лады.

Четвертый сюрприз.

— Привет, это Анита Шулер. Не хотел бы ты прийти на вечеринку, которую я организую в следующую среду?

— Что за еврейское счастье! В среду я должен лететь в Кливленд. Большая сделка и все такое. Погоди-ка. Ты же из Кливленда, правда? И ты, точно, знаешь там всех девушек. Так не удружишь ли старому приятелю парочкой телефонных номеров?

Пятый сюрприз.

— Привет, это Анита Шулер. Можешь прийти ко мне в среду?

— Понимаю, что тебя это не волнует, но в таком состоянии я могу примчаться в любой день. Меня же все знают как многостаночника в самом лучшем смысле слова.

— Извини, я имела в виду, что в среду у меня вечеринка.

— До среды еще далеко. Может, дашь мне дозу и попробуем сейчас? Но без гарантий. Никогда не знаешь, что получится.

Шестой сюрприз.

— Привет, это Анита. Надеюсь, не потревожила?

— Честно говоря, да. У меня междугородный звонок по другому аппарату. Я перезвоню.

Седьмой сюрприз.

— Привет, это Анита Шулер. Ты бы не прибрела на небольшую вечеринку в следующую среду?

— Там будет много мужчин?

— Да уж надеюсь.

— На последней вечеринке, где я была, приходилось по четыре женщины на одного мужчину. Четыре красивые роскошные женщины на каждого мозгляка. Хуже не бывает. Когда всех пригласишь, перезвони и опиши, кто там будет. Я по горло сыта неприятностями. Мой психоаналитик говорит, что меня это разрушает.

Восьмой сюрприз.

— Привет, это Анита. Ты свободна в следующую среду? Я хочу устроить вечеринку.

— Ты и вправду хочешь?

— Ну, так трудно повидаться со всеми. А ты в последнее время ничего не устраивала?

— Зачем? Чтобы куча засранцев нахлебалась вусмерть и набросала окурков в плющ?

— У меня нет плюща.

— Они еще что-нибудь придумают. Так и знай. Прими совет от старой подруги.

Проверь, чтобы под рукой был огнетушитель. Я не шучу. Как-то один пьяный придурок поджег мои новые двадцатидолларовые шторы.

— Спасибо за заботу, но ты не ответила, придешь ли сама?

— Боюсь, нет. Среда не для меня. Я буду у врача. Следи за сигаретами.

Девятый сюрприз.

— Привет, это Анита Шулер. Я устраиваю потрясающую, великолепную вечеринку в следующую среду. Может, и ты присоединишься?

— Не выношу шума. Ничего не слышишь, ни с кем не поговоришь. Если бы ты устраивала интимный вечер с парочкой близких друзей...

Десятый сюрприз.

— Привет, это Анита. Я решила пригласить пару близких друзей в следующую среду. Ты не могла бы прийти?

— Четыре дня тому назад я бы прыгала от радости, но сейчас я влюблена. Влюблена. Представляешь? В этом вшивом городе еще остался мужчина, в которого можно влюбиться.

— Потрясающе. Приводи и его.

— Ты шутишь? Чтобы какая-нибудь девица положила на него глаз, пока я буду трепаться о Вьетнаме с каким-нибудь занудой? Нет уж, спасибо. Этого, детка, я не выпущу из рук, пока не увижу кольца на своем пальце.

Невероятно. Разве можно представить, что ты устраиваешь вечеринку и натыкаешься на такие преграды? В Кливленде, если готовилась вечеринка, все приглашенные, кто только мог ходить, приходили. Они были счастливы прийти. Почему же нет? Бесплатное развлечение, бесплатные выпивка, еда, веселье. Они не только не ломались, но их обычно было не вытолкать. Гнать приходилось чуть ли не взащей. И они звонили еще несколько недель и благодарили за чудную вечеринку: «Эй, девчонка, это было нечто!»

Легко устраивать вечеринку в родном городе. Все готовы рыть землю ради тебя, они на твоей стороне, они жаждут твоего успеха, они хотят, чтобы это была хорошая, классная вечеринка, запоминающаяся, потому что в некотором смысле это и их вечеринка. Своего рода гражданская ответственность. Когда ты устраиваешь вечеринку в родном городе, то рассылаешь теплые, дружеские, веселые приглашения друзьям.

В Нью-Йорке в таких случаях можно рассылать отравленные орехи. Поэтому разве не удивительно, что Аните после десятого сюрприза пришла мысль послать все к черту и наплевать на Джека Бейли, но секундой позже ее осенило, что, возможно, у нее неправильная тактика, не надо полагаться на телефон. Наверное, надо посылать приглашения по почте.

— Почему я раньше об этом не подумала? — спросила она у женщин на репродукции картины Матисса, висевшей над софой. Но они не стали отвлекаться от своей беседы.

В магазине на Тридцать девятой улице был широкий выбор пригласительных открыток. Анита выбрала ту, где бокалы для коктейлей и бутылки танцевали в воздухе, потому что в них было ощущение веселья и доверительности, именно то, что она и хотела внушить предполагаемым гостям.

— Две пачки, — сказал продавец, — два доллара.

Она насчитала сорок приглашений. Это дешевле, чем звонить, требует меньше времени и, уж точно, менее унижительно. Анита подозревала, что и более результативно, поскольку люди будут принимать решение в удобное для них время, ведь они не должны отвлекаться от каких-то своих насущных дел в момент разговора.

Внизу пригласительной открытки, которую послала Джеку Бейли, приписала: «Приводи девушку, если захочешь. Или приходи один. Только приди, пожалуйста».

На обратном пути из Мадрида в среду утром Анита решила, что, если Джек появится с девушкой, она отравит их обоих. Но это вряд ли случится. У мужчин обычно не хватает духа привести новую девушку на вечеринку к бывшей подружке.

Самолет должен был приземлиться в аэропорту Кеннеди в девять тридцать, но он опоздал из-за борьбы авиадиспетчеров за место под солнцем на мусорной свалке. К полудню Анита так нервничала, что вышла и купила новый дезодорант от пота, на котором было написано: «99,8 % успеха, или мы вернем деньги». Она вспомнила, как у нее чуть не пропала форменная блузка из-за жутких пятен под мышками. Это случилось сразу после первой встречи с Джеком Бейли, капитаном рейса в Каир в тот день.

Принеся блузку в местную химчистку, она сказала:

— Просто не понимаю. Я никогда раньше так не потела.

— Как его зовут? — ухмыльнулся клерк.

— Я не очень понимаю, о чем вы говорите.

— Не обижайтесь, мисс, так бывает, когда люди перетруждают себя...

— Это был жутко жаркий день, — оборвала она разговор. — Вот и все.

— Хорошо, мисс.

Как он посмел? Унизительно. Анита до сих пор вспыхивала, вспоминая голос Джека Бейли, изгиб его губ, глубоко посаженные загадочные глаза (разве другие могут нравиться женщинам?), ожидая, когда он обнимет ее. А этот лысый мужичонка смеет вторгаться в ее душу, разыгрывая из себя доморощенного психоаналитика. Она задумалась над вопросом, сколько же девушек до нее так себя чувствовали, когда приносили испачканную одежду, которая раскрывала их интимные секреты.

С того времени Анита вызывала посыльного из химчистки на дом, потому что не хотела иметь дело непосредственно с клерком, это ее угнетало. Когда она выйдет замуж, слуги займутся этим. Станет женою Джека Бейли, у нее будут слуги и спальня из орехового дерева и... ей не надо будет работать.

Очарование от профессии стюардессы давно испарилось. Однажды она разговорилась на эту тему с приятелем и объяснила, что причины, по которым становятся стюардессами, и причины, по которым ими остаются, очень отличаются. По крайней мере у нее.

Он был молодым юристом из корпорации, и член у него вскакивал за три секунды. Во время ужина приятель спросил, в чем же различие.

— Я стала стюардессой, потому что хотелось блеска и путешествий. Путешествовать мне хочется и сейчас, а вот блеск мишуры поблек. Работа у нас тяжелая, домашняя жизнь почти невозможна, особенно если работаешь на международных линиях, как я сейчас. Ночью не спишь. Днем — в постели, одеваешься вечером, хотя не выспалась, спишь в разных постелях разных отелей в разных городах. Может, города и красивы, но ты-то их не видишь, ты не узнаешь людей, удастся только что-то купить. Стюардессы — лучшие в мире специалистки по покупкам.

Он дал ей кусочек мяса и сказал:

— Почему же ты не уйдешь? Тебе, кажется, работа не нравится.

— Это так и не так. До того как стала стюардессой, я дремала на посту секретарши в Кливленде и не собиралась работать с девяти до пяти каждый день. Видеть одних и тех же людей, ходить в одну контору, обедать в один и тот же час с теми же друзьями. Сам полет —

это только гарнир к другой жизни. С одной стороны, если хочешь уйти, то обнаруживаешь, что приспособился к такому образу жизни. Привык к чувству усталости. Так привык к нему, что даже не сознаешь, насколько устал, пока не уходишь в отпуск и несколько недель живешь нормальной жизнью и ощущаешь прилив жизненных сил и энергии. Большую часть жизни мы — в полудреме, когда ничего нас не трогает, или мы настолько на пределе, что готовы заснуть в любую секунду. Когда все время переходишь из одного состояния в другое, то погружаешься в какой-то гипноз.

— Это жуткая жизнь.

— Как будто ты пьяный.

— Потому ты и не пьешь вообще? Ты и так в кайфе?

— Что-то в этом роде.

Не было смысла говорить ему, что в воздухе опухает лицо, а от спиртного становится еще одутловатее. В то утро она вернулась из Лондона, и только на следующий день одутловатость исчезла. Никто не знал, почему это случается с девушками, хотя Джек Бейли говорил, что ВВС изучают проблему. Она с нетерпением ждала результатов и рекомендаций, потому что хуже опухшего лица было только незнание того, когда наступят месячные. Давным-давно Анита перестала полагаться на нормальный двадцативосьмидневный цикл. В этом не было смысла. На пять дней позднее, на одиннадцать раньше, она не знала, так что нечего и думать об этом. В каждой профессии свой риск, и если в ее он больше, чем в других, значит, он просто необычнее и неприятнее. Анита никому бы не призналась, что она очень боится стать такой же, как все. И делала все, что могла, всюду, где могла, лишь бы на нее не навесили этого жуткого ярлыка.

Внешний вид, например.

Блондинка. Еще светлее. Самая светлая.

Авиакомпания, в которой работала Анита, после нескольких месяцев напряженных дискуссий издала новое правило: если девушка хочет изменить естественный цвет волос, то есть только три степени посветления или потемнения.

До того как Анита узнала эти хорошие новости, в Париже она заскочила в салон и, войдя в него естественной блондинкой, через несколько часов вышла с пепельными, очень светлыми волосами. Теперь она посветлела еще больше и еще больше смягчила контуры лица. В ее волосах появился бледный светящийся отблеск, отражавшийся в янтарных глазах, которые взирали на мужской мир уверенно, понимающе и очень по-женски: «Ну, скажи мне, как я смогу тебя ублажить? Что я должна сделать? Стоит только сказать мне».

Еще в детстве у нее были глаза женщины. Анита вспомнила маленькую цветную фотографию из семейного альбома, которая была сделана, когда ей было не больше семи-восьми лет. На ней были бледно-розовый свитер и бледно-розовый берет. Глаза полузакрыты, на лице — улыбка. Когда мама впервые показывала альбом родственникам, один из двоюродных братьев присвистнул и сказал:

«Елки-палки, зеленые моталки! Что за глаза! Она будет сногшибательной. Берегитесь, ребята!»

Анита всегда ощущала себя взрослее остальных девочек, которые не замечали в себе женского начала. Иногда ей казалось, что она женщина с момента рождения. Ей нравилось быть девочкой, нравилось, что за ней ухлестывают мальчишки. Дома отец в шутку называл ее «маленькой мамой», потому что уже в детстве у нее был материнский инстинкт. Она была старшей из четырех детей и заботливо ухаживала за остальными, как будто они были не

братом и сестрами, а ее детьми. Мать часто болела, и это предоставляло Аните прекрасную возможность проявить свои материнские таланты. Девочка любила одевать брата и сестер, кормить, купать, целовать, читать им книжки, хлопотать.

«Она слишком суетится, — пожаловался однажды брат Курт отцу. — Я уже не маленький. Скажи ей».

Вся семья была убеждена, что Анита рано выйдет замуж. Ее детство и юность, казалось, подтверждали это. Стоило только взглянуть на Аниту, как становилось ясно, что она рождена быть женой и матерью. Если ее спрашивали о планах на будущее, она мечтательно улыбалась в ответ:

«Конечно, я хочу выйти замуж. Когда встретится хороший человек».

В высшей школе Анита пожинала лавры. Она была самой известной и желанной девушкой. Все остальные девицы завидовали ей. Ребята толкали друг друга, когда она шествовала мимо в бледно-желтом свитере, твидовой юбке с разбросанными по гордым плечам светлыми волосами. Анита стала настоящим лидером, хотя многие предметы давались ей хуже, чем другим. Она выиграла роль семнадцатилетней красавицы Ани, когда ставили чеховский «Вишневый сад», и очень неплохо сыграла. Ее избрали королевой бала (любимая роль). Во время выпускных экзаменов Аниту избрали «девушкой, у которой есть все: красота, очарование, мудрость. И она чудно пользуется этими дарами».

Какими дарами, изумлялась Анита (одно время хотела стать медсестрой, но инстинкт подсказал ей, что она не справится с кровью и гноем). Она решила переспать с парнем. Когда-то дала себе слово, что закончит школу девственницей. Она сама не понимала причин, но ей казалось важным оставаться непорочной до получения диплома. Счастливым оказался Терри Радомски, игрок бейсбольной команды школы, который ухаживал за ней прошлым летом. Однажды его семья уехала отдыхать на озера, и они, обнаженные, провели целый день в родительской постели.

— Пожалуйста, милая, — умолял он. — Я буду нежен. Тебе не будет больно. Сама увидишь.

Анита объяснила, что дело не в боли (это было не совсем правдой), а в том, что она должна оставаться девственницей до окончания школы. В это время он тер ей маленькую кнопочку, которая, как потом узнала, называлась клитором.

— Да это же еще шесть месяцев! — заорал Терри и грубо убрал руку.

— Я знаю, — ответила она, — но так обстоит дело.

— У тебя крыша поехала? На какой же ляд ты разделась, если не собиралась этим заниматься?

— Извини, что обманула тебя, но не могу. Я так чувствую. Ты не понимаешь? Я просто не могу.

— Понимаю? Я тебе скажу, что я понимаю. Вот это!

И он помахал вставшим членом перед ее изящным носиком.

— Это ты видишь? И что я должен чувствовать? Не будь я джентльменом, я бы вставил его тебе в задницу, засранка.

С ней прежде так не разговаривали. Она испугалась и заплакала.

— Ладно, хватит, — неожиданно слабым голосом сказал он. — Одевайся. Я отвезу тебя домой.

— Мне очень жаль. Мне жаль тебя. Мне так жаль его. — Она украдкой взглянула на до сих пор не опустившийся член. — Может, я могу как-то помочь? Кроме этого самого?

Улыбка смягчила лицо семнадцатилетнего юноши.

— Раз ты сама заговорила, милая, я могу кое-что предложить. Ну, если ты так переживаешь за малыша дядюшки Терри.

— Я переживаю. Честное слово.

— Возьми в рот.

Она была так потрясена, что выдохнула только одно слово:

— Что?

— Его.

— Я не...

Анита не закончила предложения. Она никогда еще не брала пениса в рот. Странное ощущение. Она закрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Туманный, смутный сон, вот как это будет вспоминаться завтра. Ничего не было, только сон, а сны не считаются, это не реальная жизнь. Ты их воображаешь, а потом забываешь, потому что все не важно, все мелочи, пустяки, бессмыслица, они не имеют смысла, не причиняют боли. Рот начал болеть, но это ее не остановило, и скоро боль исчезла, она просто ничего не чувствовала, не слышала ничего, кроме приглушенного голоса Терри, который произносил странные успокаивающие слова. Напряженный голос был не похож на голос Терри, это был не Терри, это была не она, это были не они. А потом случилось нечто. Неожиданно рот наполнился горькой теплой жидкостью, которой некуда было выплеснуться. Ее едва не стошнило.

— Глотай, милая. Там витамины.

У нее возникло дикое желание выплюнуть все на пол спальни его родителей, и пусть эта мерзкая лужа дождетя, когда они, здоровые и загоревшие, вернутся с озер и обнаружат грязный подарок от их дорогого сына.

Брезгливая по натуре, Анита все же сглотнула и улыбнулась.

— Не так уж и плохо, правда? — спросил он.

Она храбро покачала головой.

— Нет, не плохо.

Странно, но после глотка ее охватило чувство удовлетворения, едва ли не гордости, как будто она сделала нечто очень остроумное и оригинальное. Анита задумалась, делают ли это другие девушки. И делают ли они это лучше нее? Интересно, а они тоже глотают?

— У тебя открылся новый талант, — взъерошил ей волосы Терри.

— Тебе понравилось?

— А как ты думаешь?

У него был такой счастливый и умиротворенный вид, что ей тоже стало приятно.

— Я счастлива, — улыбнулась она.

— Ты потрясающая соска.

Анита часто слышала комплименты, но не такого рода. Это не первая услуга, которую она оказала, но самая важная и значительная.

Когда через шесть месяцев Терри лишил ее невинности, все было гораздо прозаичнее. Крови было меньше, чем она ожидала. Боль была слабее, чем она ожидала. Все было меньше и слабее. Меньше крови, меньше боли, меньше удовольствия. И в этом заключалась величайшая тайна? Она не могла поверить. Может, у нее что-то не так? Но Терри сказал, что она все хорошо делала, да и некоторым девушкам нужно время, пока они войдут во вкус.

— Это как алкоголь, — отметил он. — Сначала мутит, а потом нравится. Так некоторые девушки реагируют на секс. У мужчин все иначе.

— Почему?

— Не знаю. Мужчинам сразу нравится, — авторитетно заявил он. — Им не нужно привыкать.

— Может, я никогда не привыкну?

— Попрактикуемся. Все наладится, это точно.

— Может, я фригидна?

— Принимай меры предосторожности, о некоторых я тебе рассказывал, а остальное предоставь дядюшке Терри. В бейсболе тоже без тренировок ничего не добьешься. Запомни, милая.

Это было семь лет и один месяц тому назад. Анита ничего не забыла. В этот вечер все шло гладко, потому что она знала, что и в каком порядке делать.

Расставить по всей квартире пепельницы и положить сигареты.

Смешать мартини с апельсиновым соком и поставить в холодильник.

Смешать виски с грейпфрутовым соком и поставить в холодильник.

Приготовить главное блюдо, накрыть фольгой и поставить в холодильник.

Вымыть голову и вставить свечку «Норформс».

Сесть под фен, пока «Норформс» рассасывается (надеть трусики).

Вымыть грудь холодной водой, затем принять горячий душ.

Вставить противозачаточный колпачок.

Надеть чулки.

Наложить грим и причесаться (наложить серебряные тени на глаза).

Надеть розовую сатиновую пижаму и розовые светящиеся серьги.

Включить проигрыватель.

Достать главное блюдо из холодильника и поставить на стол в гостиной.

Выпить мартини и ждать первого гостя.

Постараться, чтобы сердце не колотилось при каждом звонке в дверь... Это может быть Джек Бейли.

Анита мыла грудь в холодной воде, чтобы она стала больше, но часто сомневалась, что водная терапия на нее подействует. Процедуры длились уже месяц, а грудь оставалась прежней, хотя теория утверждала, что холодная вода стимулирует ее рост. Так писал один женский журнал.

Сегодня она решила применить супергидротерапию, которую делала в особых случаях. В воду бросались кубики льда и пригоршня соли. Считалось, что соль укрепляет грудь. Анита намочила махровое полотенце и мужественно начала массаж. Дрожа от холода, приговаривала:

— Когда-нибудь она вырастет, когда-нибудь она вырастет, когда-нибудь, дай Боже, она вырастет.

Горячий душ прекратил эти муки.

На стадии установки колпачка Анита замешкалась. У нее вечно возникали проблемы. Если бы можно было принимать таблетки, как все, подумала она, но опухание лица в полетах делало это невозможным. Она пробовала пить таблетки, грудь заметно подросла, но, к несчастью, живот тоже. У нее был вид беременной, так что вынуждена была таблетки выбросить. Вдобавок ко всем прочим огорчениям пришлось вставлять колпачки большего размера.

— Вы растете, — сказал гинеколог, ставя 75-й размер вместо 70-го.

Колпачок выскользнул из упаковки и упал на коврик. Пришлось его вымыть, смазать и предпринять новую попытку. На этот раз все удалось, и она вспомнила совет доктора проверять рукой правильность его установки. Ей всегда было немного странно засовывать руку в такое деликатное место, особенно с наклеенными ногтями, но куда девушке деваться? Нет сомнений, пещера разрастается... Она бы не удивилась, если бы однажды туда вошла латиноамериканская армия. Что тут удивительного? И все по вине Джека Бейли, хотя она не спала с ним с прошлого октября, когда тот ее бросил. Анита была убеждена, что он виноват в этом неприятном развитии ее организма.

У него был такой огромный член, что, впервые увидев, как он встал, Анита вскрикнула. Джек решил, что она свихнулась, а та бормотала:

— Он ни за что не войдет, ни за что!

И угадайте? Он вошел (и вышел через ухо). Ужас заключался в том, что после этого они не могли двигаться. Лежали, как сиамские близнецы в ожидании хирурга, который разъединит их. Чуть подергавшись (Анита при этом вскрикнула), Бейли сказал, что надо сменить позицию. Он предложил ей лечь на живот.

— Ты же не хочешь сунуть мне в... — Она не могла найти приличного слова. Если он это сделает, то на пять месяцев понос ей обеспечен.

— Да нет, — ответил Джек. — Ложись на живот.

— Да, капитан.

Поза оказалась приемлемой и безболезненной. Раньше она ее не пробовала, но сразу стало ясно, что у мужчины должен быть большой член, иначе он не достанет. Неприятно только было чувствовать себя собакой, но ей удалось прогнать эти мысли. И она не видела лица Джека. Было что-то неприличное, когда занимаешься любовью спиной к мужчине. Но это и возбуждало. Анита никогда в жизни не испытывала такого восхитительного унижения.

Джек почему-то не мог кончить и остановился. Потом он начал целовать ее в живот (Анита не осмеливалась иначе назвать это место), и она ничего не успела сообразить, как его голова очутилась у нее между бедрами.

— Это грязно, — неловко хмыкнула она.

— Точно. А что, стюардессы не моются?

— У меня дезодорант.

— Это снаружи. А внутри?

— Ну я...

— Черт! Тебе мама ничего не рассказывала о гигиене женщины?

На следующий день Анита спросила у другой стюардессы, чем она пользуется, и девушка порекомендовала «Норформс», потому что это приятнее, чем всовывать туда трубку. Когда Анита доложила о борьбе с бактериями, Джек ответил, что сообщит свое мнение после изучения на практике эффективности «Норформса». Решение было положительным. Маленькие треугольные свечки помогли.

И все равно она его потеряла. Как раз тогда, когда все было так хорошо, он исчез. Без единого слова. Тишина. Иногда она мельком видела его в аэропорту. Два раза они были в одном рейсе. Вел себя по-дружески, но холодно. Одна стюардесса сказала, что у него роман с англичанкой, которую он повстречал в Лондоне.

— Знаешь этот тип? — сказала она. — Волосы до колен и юбка до пупа.

Интересно, а в Лондоне продают «Норформс»? Она могла бы снабдить весь город своей домашней аптечкой. Паршиво, что Джек Бейли бросил ее как раз тогда, когда она начала

испытывать с ним оргазм. Ей пришлось лечиться шесть месяцев.

Анита уже дозрела до мартини, когда раздался звонок. Было десять минут восьмого, слишком рано даже для самых нетерпеливых. В приглашении ясно указано: «После восьми вечера». Нажимая кнопку ответчика, она глянула на последний пункт: сдержи сердцебиение. Попытка не удалась. У лифтовой площадки послышались мужские шаги, потом они приблизились к квартире. Она посмотрела расписание полетов, когда задумала устроить вечеринку, и знала, что Джек вернется в Нью-Йорк в шесть тридцать вечера, так что это мог быть и он, если направился сюда прямо из аэропорта. Предположим. Но из аэропорта всегда едут домой. Так уж сложилось.

«Господи, пусть это будет он!» — взмолилась она в душе.

В двери стоял совершенно незнакомый мужчина. Вполне симпатичный. Рост — около ста восьмидесяти, очень черные волосы и ослепительная улыбка. Военно-морской китель, полосатый форменный галстук, серые брюки. Без плаща, хотя на улице холодно.

— Вы, должно быть, Анита Шулер, — сказал он, бросив взгляд на ее еще трепещущую после процедур грудь. — Я слишком рано?

— Да, — сказала она. — Немного.

— У меня спешат часы.

— Вы меня извините, — призналась она, — но я не уверена, что знакома с вами.

— Мне тоже неловко. Понимаете, я сосед Джека Бейли, живу над ним. Джек рассказал о вечеринке и сказал, что вы не будете возражать против лишнего гостя. Или будете?

— Нет-нет, вовсе нет.

Он с облегчением вздохнул.

— Очень хорошо, потому что я не люблю быть обузой. Честное слово, я не такой.

— Да я вам верю. — Он очаровательно смутился. — А Джек собирался прийти?

— Конечно, он будет попозже, — улыбнулся мужчина. — Джек решил, что пока я составлю вам компанию.

В ее руки переключал бумажный пакет. В нем была роскошно упакованная бутылка дорогого виски.

— Спасибо, — сказала она. — Заходите, пожалуйста. Я пока сижу одна и пью мартини.

Сердце у нее успокоилось. Оно пребывало в каком-то странном оцепенении. Джек Бейли скоро придет к ней, он будет близко, невероятно близко. Она почувствовала к незнакомцу бесконечную благодарность за великолепную новость.

— У меня ощущение, что я не представился надлежащим образом, — заговорил он, идя за ней следом. — Меня зовут Роберт Фингерхуд.

Она протянула руку.

— Здравствуйтесь, Роберт Фингерхуд. Добро пожаловать.

В его темных глазах блеснул огонек, осветивший потаенную сторону его натуры: самоуверенность, настойчивость, — что не противоречило, а лишь дополняло внешний облик. Кот и мышка, неизвестно почему пришло ей в голову.

— Вам уже говорили, что вы ослепительно красивы?

В десять минут восьмого в среду Лу Маррон сидела за столом в гостиной своей квартиры на Восточных Семидесятих. На ней были модернистский пуловер и обтягивающие брюки. Настроение — хуже некуда. Даже прическа становилась (если уже не стала), как у всех евреек на Кони-Айленд, а значит, ей немедленно надо что-то делать с волосами.

Теперь Тони Эллиот мог в любую минуту отозвать ее в сторону и, уставившись голубыми глазами, сказать:

— Сначала это было потрясающе. Чисто и геометрично, но теперь слегка напоминает о Кони-Айленде. Наверное, Лу, надо подумать над прической. Вы же — наш ведущий репортер.

— Правда? — ответила бы она. — А я думала, что сейчас это Питер Нортроп. Сейчас? Или вчера?

Потому что Питер был самым дорогим из всех любимцев, работающих в «Тряпье» самым ценным его рабом и мучителем (Лу подозревала, что невозможно быть одним и не быть другим). Она ненавидела Питера Нортропа до мозга костей, мечтала убить его. Ее сны были заполнены сверкающими длинными ножами, которые вонзались ему в грудь. Глаза у Лу были, как рентген, и под безупречным костюмом она видела голый живот без единой капельки жира. Иногда она думала, что Питер носит бандаж. На нем должны быть розочки и зеленые листики. Но понимала, что просто злобствует, потому что мужчина тридцати двух лет может обойтись и без этого.

У Дэвида Сверна есть живот, но ему пятьдесят шесть, он мог быть отцом Питера и ее отцом. Дэвид очень милый. Она любила его. Любила. Ненавидела. Как же она прямодушна. Или такова жизнь? Страсть так быстро меняет свою направленность, что Лу это всегда забавляло. Иногда она размышляла, каково было бы жить незаметной серой мышкой. Лу вообразить себе не могла, как это вставать, скажем, в восемь утра, подобно нормальному человеку, выпивать нормальную чашку кофе и съесть еще более нормальный бутерброд, а не вскакивать в три утра, выпивать бутылочку шампанского (она покупала крошечные, стопятидесятиграммовые упаковки) и смотреть старые фильмы, пока умный кот по имени мистер Безумец носится по квартире и хочет сожрать золотую рыбку, у которой нет имени. Рыбка жила в огромном бокале для коньяка, стоявшем на верхней книжной полке. Мистер Безумец точил когти о книжный шкаф, потому что вся остальная мебель в гостиной была из пластика. Когда мистер Безумец был не в настроении, то его звали Сумасшедшим. Он понимал, что если Лу его так называет, то у него будут неприятности, но это его не останавливало. Он становился даже хуже. Именно за это Лу его и любила: кот был врожденным бунтарем.

Однажды Дэвид сказал ей:

— Кот влюблен в тебя.

Она рассмеялась, но это была правда. Кот ревновал ее к любому приходившему мужчине и не обращал внимания на женщин.

— Откуда он знает, что это женщина? — пытал ее Дэвид.

— У него есть глаза.

— Как он ощущает разницу? А если женщина в брюках? Он примет ее за мужчину?

— А ты можешь надеть платье, — рассмеялась Лу, — и мы проверим. Давай!

Дэвид отказался, сказав, что ему плевать и он не хочет чувствовать себя идиотом, влезая в ее платье. Швы расползутся. Лу сдержалась, чтобы не сказать, что он легко бы поместился в шмотье своей жены. Она сдержалась, как и в случае с бандажом Питера Нортропа, потому что слишком злобствовала. Миссис Сверн, вероятно, была привлекательной женщиной, которая ест домашний сыр, одевается в приличное темное платье с корсетом. И что же в этом плохого? В конце концов, миссис Сверн за пятьдесят, но столько же было Марлен Дитрих, Лоретте Янг и многим другим. Эта тема волновала Лу.

Физическое состояние людей. Лу давно решила, что не постареет. Ну, до такой степени.

— Почему же это? — удивился Дэвид.

— Потому что я всегда играю роль маленькой папиной дочки, все дни напролет, вот почему, милый.

— Тебе всего лишь двадцать семь, — сказал он. — Через десять лет ты будешь думать иначе.

— Не буду. Я отказываюсь взрослеть. Это испортит игру.

— Не взрослей, я люблю тебя такой, какая ты есть.

— Правда?

— Правда.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Почему?

— Почему, — вздохнул он, — ты всегда спрашиваешь, почему?

— Потому что я не выросла, папа.

Игра в папу забавляла Дэвида. Она начала звать его так с самого начала, чтобы его не мучили фрейдистские комплексы о зависимости ребенка от грязного старика. А так все называлось своими именами, и они посмеивались над этим. Лу ощущала, что у нее нет времени и сил на борьбу с тайным чувством вины. Надо просто послать все к черту. Какая старость, если она умрет молодой, потому что красный Китай уничтожит разлагающийся западный мир. Из-за массового страха перед уничтожением западный мир разлагался еще быстрее. Перед революциями мальчики превращаются в девочек и наоборот. Если бы не красный Китай, «Тряпья» вообще бы не было. Когда-нибудь, когда будет прочно стоять на ногах, она скажет это Тони Эллиоту, который голосовал за Голдуотера.

Она скажет ему:

«Ты загребаешь два миллиона в год благодаря китайским ресторанам, хотя ненавидишь коммунистов, и ты такой тупой, что даже не понимаешь этого».

Придет время, когда она плюнет в глаза Тони Эллиоту и рассмеется. Когда Лу сказала об этом Дэvidу, он заметил, что она слишком злобствует.

— Я знаю, — парировала она, — но не спеши кричать о паранойе. Иногда все они слишком достают меня.

Лу не знала, кого ненавидит больше: Питера Нортропа или Тони Эллиота, но подозревала, что Питер важнее, потому что он умнее, а значит — опаснее Тони, который очень зависел от советников. С другой стороны, Тони достаточно умен, чтобы хорошо выбирать их. В этом что-то есть. Если он даст ей колонку (КОЛОНКА! ЭТО КАК СЕКС ЭТО ЛУЧШЕ СЕКСА!), она все простит ему, милому, дорогому человеку. Все переиграет. Поставит свечку в соборе. Покается. Поцелует маленькие ножки Тони Эллиота и скажет ему, какой он чудесный и великолепный (богатый фашист), как она всегда восхищалась им, как обожает свою работу у него, даже когда он поручает ей писать некрологи и переделывать чужие заметки. Если он даст колонку Питеру Нортропу... Нет, она даже и думать об этом не хочет. Если это случится, она перевернет кровать и скормит золотую рыбку мистеру Безумцу, который давно уже не сходил с ума.

В редакции ходили слухи, что Тони Эллиот скоро объявит решение о колонке. Но слухам не очень-то можно верить. Лу припомнила последние разговоры. Тони Эллиот продает свои акции и избавляется от «Тряпья». Пока этот слух циркулировал, туалеты

работали с перегрузкой. Сотрудники так нервничали, что приходили на работу в восемь утра, чтобы удостовериться, что здание стоит на месте, их столы тоже. Это была какая-то детская паника. Репортер, освещавший рынок мехов, однажды так взбесился, что залетел в женский туалет. Потом он сказал своей старой приятельнице Лу, что это даже не была ошибка. Просто мужской туалет был слишком далеко, а у него слабый сфинктер. К счастью для него, там были только телефонистка в домашних тапочках и курьерша, иначе ему было бы неловко. Над ним посмеивались, но он сказал, что ему начхать. Лучше это, чем обгадить пол рядом с телетайпом, верно ведь? Лу согласилась, но после этого держалась от него подальше.

Слух о продаже акций не утихал и украшался все новыми подробностями, вроде того, что Питер Нортроп покупает «Тряпье» за свои бруклинские деньги, а потом он выгонит своих врагов, которых у него было много. Лу две недели не спала, когда услышала это, и золотая рыбка жила на грани жизни и смерти. Когда эта сплетня умерла, появилась новая. Уставший от проблем с профсоюзами в Нью-Йорке Тони Эллиот решил перевести «Тряпье» в Пенсильванию, и все, кто хочет, могут ехать туда. Сотрудники, купившие дома или вложившие деньги в мебелировку, засуетились и не покидали офиса. Один редактор, фанат встроенной мебели, спал на рабочем столе и даже купил кипятильник, чтобы его не засекали по телефону, когда он заказывает кофе.

Ничего не случилось. Все затихло, как в болоте, осталась только кучка маньяков. Именно поэтому Лу не знала, можно ли верить последнему слуху насчет того, что очень скоро Тони Эллиот примет решение насчет колонки. Она то верила, то не верила слуху, и это было самое худшее, потому что из-за жуткой неопределенности ее начало тошнить по утрам. Ее не рвало со времен детства, когда она ходила в ненавистную ей школу (сейчас в нее ходит ее дочь). Лу знала, что тошнит ее при мысли о школе, потому что по уик-эндам ничего не было. И вот теперь все началось снова. Психологи называют это регрессией. После рвоты наступало облегчение, ощущение чистоты и готовности встретить любую катастрофу. Но все-таки гадко было видеть в унитазе перемешанные блюда вчерашнего ужина. Лу старалась не смотреть. Иногда это удавалось.

Но причина скверного настроения (в тот самый момент, когда Анита приглашала застенчивого Роберта Фингерхуда зайти в дом) была в том, что она не могла изложить на бумаге сегодняшнее интервью. Лу работала редактором в отделе дамского белья и большую часть времени посвящала описаниям лифчиков и последних моделей трусиков и рубашек. По временам Тони Эллиот проявлял великодушие и поручал ей что-нибудь художественное. Она с религиозным рвением хранила свои статьи в переплетенной брошюре и любила перечитывать их, чтобы подбодрить себя в моменты депрессии.

В эту минуту Лу нужно было взбодриться, потому что она брала интервью у художника Стива Омахи, а она ничего не понимала в художниках. Они ее пугали. Образ их мыслей был абсолютно чужд ей, но Тони Эллиот был от них без ума, он считал художников влиятельной силой в мире высокой моды (Сен-Лоран шил платье матери Мондриана, и это не самый сильный пример). Кроме того, живопись сейчас в моде, а американская — в особенности. После долгих лет прозябания на задворках почтенной парижской школы де Кунинг и Поллок разорвали оковы и вывели на свет нашу живопись.

— И это уничтожило многих американских художников, — рассуждал однажды Тони, сунув палец в нос, что означало мыслительный процесс. — Причина, по которой они уничтожены, а речь идет о тех, кто рожден около двадцатого года, в том, что раньше, если он

хотел рисовать, он знал, что проиграет. С финансовой точки зрения. И это привлекало кучу мазохистов. А потом Поллок и де Кунинг взорвали ситуацию. Бог мой, подумали мазохисты, я могу разбогатеть! Стать знаменитым! Я! Такой чудный малыш! Как же так? Мне нужна неудача. Я требую неудачи! В итоге сильные пробились, а слабые вымерли, как мухи. Их живопись стала столь ужасной, что все, у кого была хоть капля ума, даже не выставлялись. Видите суть? Когда неожиданно некоторые американские ублюдки поняли, что они пишут ЗА ДЕНЬГИ, это лишило их корней в привычных мансардах. Новое поколение художников совсем иное. Когда они выбирают богемную жизнь, они чертовски хорошо знают, как удобно можно устроиться и жить с черной икрой. Поллок умер ради этих ничтожеств. Вот в чем дело.

Все это еще больше смутило Лу, которая абсолютно не интересовалась художниками, но понимала, что обязана интересоваться, потому что это действительно важно. Тони Эллиот был хорошим барометром конъюнктуры. Она пыталась скрыть и собственное невежество, и то, что вообще не разбирается в искусстве. Лу любила ощущать свою власть над темой, уметь ее анализировать и оценивать, а в мире искусства Нью-Йорка, то есть международного искусства, она была слепа, как новорожденный котенок.

Она бы предпочла взять интервью у владельца нового лондонского магазина или у сумасшедшей кинозвезды. Да любой был бы лучше Стива Омахи, у которого роскошные черные усы, модный костюм и специфическая манера общения. Даже по своему скудному опыту она знала, что с художниками это случается. Общение их интересует ради самого факта общения и возможности выплеснуть себя. Это экономило уйму времени. Они болтали все, что приходило на ум в данную секунду.

В день интервью Стив Омаха был увлечен каким-то генералом Буденным. Кав, ведущий фоторепортер «Тряпья», сопровождал Лу. Кав любил художников. Они были фотогеничны. Лу любила Кава, потому что он ненавидел Тони Эллиота, но так искусно скрывал это, что Тони был уверен в обратном. «Тряпье» было клубком змеиных интриг, но Лу считала, что так обстоят дела везде. Своего рода сексуальная жизнь. В извращенном виде.

— Генерал Буденный командовал кавалерийской дивизией Красной Армии во время русской революции. В 1918-м он стал командующим Красной Армии, — Стив Омаха обдумал свое же сообщение. — После 1918 года сведений мало. В библиотеке я видел фото. Он с семьей на конных скачках. Знаете, у него хорошенькая жена. В 1941-м Буденный становится Маршалом Советского Союза и командующим Южным фронтом. Были три выдающихся маршала, которые остановили наступление фашистов, и он был одним из самых гениальных. Это лучший солдат Советского Союза, больше я ничего о нем не знаю.

Лу и Кав обменялись взглядами. Стив Омаха заметил это.

— Вы удивлены, почему я говорю о нем? Я объясню. Два больших начальника сказали, что я очень похож на генерала Буденного. Вы понимаете значение этого факта?

Кав сфотографировал Стива Омаху на фоне огромного триптиха Хамфри Богарта, Мэри Астор и Сидни Гринстрит, сидящих на лошадях с сигарами в зубах.

— Это новая картина? — спросила Лу.

— Да. Нравится? Мне иногда нравится, а иногда я сомневаюсь. Но здесь дело в Буденном. Если я отождествляю себя с ним из-за нашего сходства, значит, я не угнетенный художник, а командир кавалерийской дивизии, который ведет солдат в бой.

Стив Омаха глянул на триптих.

— Может, нужно было нарисовать сигареты «лаки страйк»? Как вы считаете?

Кав сфотографировал раздумья художника.

— Я веду армии, понимаете? — сказал Стив Омаха. — Я веду их в бой. — Он впервые за всю встречу рассмеялся. — Нет, я веду их в галерею. К моим картинам. Вот что я делаю. Вот до чего доходит отождествление, если ты на кого-то похож. Лучше мне быть похожим на генерала Буденного, чем на своего папашу-старьевщика. Хотя дедушка у меня был из другого теста, он был сержантом в русской кавалерии. Он старше генерала Буденного. Я влюблен в генерала Буденного! Он был красным, у него должна быть скромная родословная, хотя он и ездил верхом. Я сам ездил верхом до того, как узнал о генерале Буденном.

— Как бы вы описали свои картины? — спросила Лу.

— Чего их описывать, если они перед вами?

— Это поп? Я думала, что он умер.

— Нет, это не поп. Другое. Это напоминает Давида. Как вам эта болтовня в «Арт Ньюс» насчет традиций и влияний? Мне не нравится. Подыхаю от тоски, когда читаю.

— Вы ощущаете близость с генералом Буденным из-за похожего происхождения?

— Да, но я не был генералом, я был пехотинцем во время войны. Мне сорок три. Я выгляжу на сорок три?

Он внимательно рассмотрел себя в треснувшем зеркале, висевшем над холодильником.

— Я-то считаю, что выгляжу моложе, но кто знает? Все мы тщеславны. Я участвовал во вторжении. И все помню. У меня была морская болезнь. Вы решите, что мы перепугались до смерти, приближаясь к вражескому берегу, но мы шутили. Мне было хреново, но я тоже шутил. Мы болтали о девушках, которых трахнем в Париже, и чувствовали себя героями. Один парень даже припас пару нейлоновых чулок для первой французской красотки. Представляете? Мы участвуем в величайшем рейде всех времен, а этот хрен держит пару чулок в кармане. Через пять минут его убили. Он упал в воду лицом вниз. Волны перехлестывали через него. Знаете, что я сделал? Мы с ума сходили от рева снарядов и разрывов бомб, шум стоял дикий, я был по горло в воде. И вынул чулки из кармана бедолаги. Вот как я очутился на берегу. Так я и выбрал псевдоним Омаха. Мы высадились на Омахе. Если бы я тогда знал о генерале Буденном... А теперь поздно. У меня уже есть имя. Может, назвать себя Стивом Омахой Буденным? Как вы считаете?

— Неплохо.

Лу с трудом соображала, о чем идет речь, какое отношение Омаха имеет к Франции, но когда вечером прокрутит пленку, то что-нибудь придумает. Она очень на это надеялась.

— Правда ли, — спросила Лу, — что скоро вы выставляетесь у Лео Каstellи?

— Это не точно. Может, выставка будет у Голдовски. Может, у Джениса. Мне нужна большая сцена. Успешный удар. Вот как я сейчас живу. Сначала выпил две «Кровавые Мэри», это было ошибкой. Потом я переговорил с Мартой Джексон. Марта может устроить шоу. У меня хорошие рекомендации. Потом я смотрел на девушек у синагоги, немного порисовал. Они такие славные. И жена раввина. Потом пошел на выставку к приятелю. Ужасно расстроился.

— Кто ваши любимые художники? — спросила Лу.

— Раньше я любил Сезанна, но теперь разочаровался. Все меняется. Влияния тоже. Теперь я восхищаюсь Давидом. Знаете его?

— Боюсь, нет.

— Он написал Марата в ванне и сделал набросок Марии Антуанетты, когда ее везли на гильотину.

— А что вам в нем нравится?

— Величественность. Крепкий мужик. Он был тираном во время террора после революции. Давиду вечно не хватало отрубленных голов. Если задуматься, он был настоящим чудовищем.

Кав расслаблялся у портрета Сонджи Хени. Стив Омаха изобразил ее кружащейся на черном льду в форме русского кавалериста. Имя Буденного было пунктиром написано поперек картины.

— Сонджа Хени тоже любит Буденного, — сказал Стив Омаха. — Вы заметили? Пристроим.

И вот через пять часов после сраного интервью Лу мучается над текстом. Она завидовала Каву. Тому достаточно вернуться в офис, отпечатать снимки и выбрать лучшие. У нее процесс отбора был гораздо мучительнее. Когда она спросила, что он думает о мини-юбках, Омаха ответил:

— Мне они очень нравятся. Особенно на девушках с толстыми ногами. Это сексуально. Мне нравятся большие толстые ноги. Нет ничего лучше, когда девушка охватывает тебя большими толстыми ногами. Как на небеса возносишься. Вы очень хорошенькая, но ноги у вас тоненькие.

— Это не совсем так... — начала Лу. Ноги у бедер были худоваты, и это ее постоянно огорчало.

Стив Омаха пропустил ее слова мимо ушей.

— Сегодня все хотят быть худыми. Я сам могу сбросить килограммов шесть. И теперь снова о мини-юбках. Что появилось сначала: пилюли для похудения или мини-юбки? Подумайте об этом.

Мало было проблем с текстом, так была еще и проблема времени. Она должна сегодня поужинать с Дэвидом, ее Дэвидом, а не Давидом. Он сказал, что позвонит в восемь. Скоро восемь, а она сидит над этим интервью со Стивом Омахой. Как ей связать Стива Омаху с модой? Паршиво, что он русский. После фильма «Доктор Живаго» русское влияние ослабло. Так что здесь не сыграешь. Конечно, она может подчеркнуть увлечение генералом Буденным как одно из проявлений бывшего русского влияния на моду, но это не лучший ход. Ну, почему Стив Омаха не индеец чероки или не австралийский пастух? Где Тони Эллиот только откапывает таких людей? Самое страшное — это то, что она обязана написать нечто сногшибательное, потому что каждое слово (особенно в таких материалах) будет определять решение Тони насчет колонки.

Колонка! У нее чуть ли не оргазм начался при этой мысли. Конечно, Дэвид мог бы быть любовником и получше, но сегодня подошел бы почти любой. Ладно, пусть это преувеличение, но мысль о колонке ее возбудила, поэтому необходимо заняться любовью. Она настоит на том, чтобы трахнуть до ужина, да к черту ужин вообще. Как только Дэвид войдет, расстегну ему ширинку, так что он сразу все поймет. А если у него не встанет? Возьму в рот. Она не очень возражала против отсасывания у Дэвида, потому что у него был не очень большой член, как и ее рот. Стоматолог однажды пошутил, что Лу должна пользоваться детской зубной щеткой. Ее любовники с большими пенисами считали, что Лу не любит делать минет, и были правы, потому что при всем своем желании ничего не могла поделать и часто царапала член. Она не виновата. Так устроен ее рот. Да она и не очень любила эту разновидность секса. Просто уступала партнеру. Им же, черт подери, нравится.

Любовь валетом была еще хуже, это для птичек. Она раз и навсегда решила, что ей

такие дела не нравятся.

Когда вы одновременно жуете друг друга, то это требует большой концентрации и расхода энергии. И ты не можешь понять, как реагирует партнер на твои действия, потому что он так далеко от тебя. Будто ты в безвоздушном пространстве. Как можно кончить в такой позе? Все плохо, кроме нормальной позы, когда все в правильном положении, как крылья на чертеже самолета. Стоит чуть изменить угол наклона, и все летит к черту. Бред вся эта поза валета, детство какое-то. Она презирала мужчин, просивших о ней.

Нет, главное — ТРАХАТЬСЯ. С колонкой. Если бы Дэвид догадывался о ее мыслях во время занятий любовью, то растерялся бы. Он бы, наверное, вообразил, что все невыразимые мысли мельтешат в ее воспаленном сознании, когда она видит колонку на четвертой странице. «Шик Лу». Сам Тони Эллиот предложил такое название рубрики. Чтобы подразнить ее, так как она надеялась получить колонку. Интересно, что он предложил Питеру? «Штука Питера»?

— Мистер Безумец сейчас станет мистером Сумасшедшим, — сказала она коту, — если не прекратит безобразничать.

Мистер Безумец ненавидел, когда Лу садилась работать, потому что в это время она игнорировала его больше, чем в любое другое время. Когда она писала, кот усаживался на пишущей машинке. Или носился по квартире и сбивал все подряд, чтобы отвлечь ее. Он действовал бесхитростно. Сейчас кот хотел достать золотую рыбку.

— Мистер Безумец — это не человек, — закричала она. — Коты — это не люди. Только люди — это люди.

Он заметил, как изменился ее тон. Кот знал, когда его назовут мистером Сумасшедшим. Сегодня вечером этого не случится, потому что она встала из-за стола и пошла на кухню взглянуть на часы. Увидев, что уже четверть девятого, плюхнулась в кресло. Но не за столом. Невероятно, что Дэвид до сих пор не позвонил. Он был крайне пунктуален. Лу тоже пунктуальна и ценила это качество в других. Она терпеть не могла людей, которые говорили, что позвонят в восемь, а на самом деле хотели сказать, что позвонят около восьми, девяти и так далее. Именно поэтому Лу так ценила Дэвида, хотя он был и не самым блестящим любовником на острове Манхэттен. Они встречались два года, и чувство привязанности к нему все возрастало, как и чувства благодарности и уважения.

В офисе все знали о ее связи с Дэвидом, а Питер Нортроп однажды спросил, не терзает ли ее совесть из-за связи с женатым мужчиной.

— Наоборот, — ответила она. — Хотя бы потому, что всегда знаешь, где он, если его нет рядом с тобой. Он у жены. Все просто. А одинокий мужчина может быть где угодно, у любой девицы в мини-юбке.

— В этом есть смысл, — признал Питер.

— И женатые лучше с тобой обращаются.

Он значительно глянул на ее новую норковую шубку.

— Понимаю.

— Речь не о подарках. Вообще.

Больше она ничего не сказала и никогда не расскажет Питеру Нортропу о щедрости Дэвида, потому что норковая шубка была каплей в море. Дэвид ежемесячно давал деньги на ее дочку Джоан, которая жила у родителей Лу в Западной Филадельфии. Девочка считала родителей Лу своими родителями и думала, что Лу — ее старшая блистательная сестра, делающая в Нью-Йорке великолепную карьеру. Дэвид давал ей сто долларов в месяц,

которые, не задавая вопросов, благодарно принимали родители Лу. Они считали, что она зарабатывает кучу денег. «Тряпье» не отличалось щедростью в зарплате, но откуда ее родители могли это знать? У них были бредовые представления о зарплатке репортеров, и Лу не стала разочаровывать их. Отец ее был бы шокирован, если бы узнал, что она несколько лет состоит в связи с женатым человеком гораздо старше ее. Он бы просто не поверил.

Ее устраивала наивность родителей. Лу прекрасно понимала ход их мыслей: родив незаконного ребенка в семнадцать лет, она горько разочаровалась в мужчинах и погрузилась в журналистику, в работу, работу и еще раз работу. Вот как они представляли себе жизнь своей раскаивающейся дочери. В некотором смысле родители были правы. И они были правы на сто процентов, если принять в расчет Дэвида Сверна. Дорогой Дэвид. Она так полагалась на него, особенно сейчас, когда в воздухе висел вопрос о колонке, сводя с ума ее и мистера Безумца. Откровенно говорить обо всем этом Лу могла только с Дэвидом. Только он мог понять, только он страстно переживал за нее, целиком оставаясь на ее стороне, веря в нее. Дэвид быстро займется с ней любовью и не пойдет на ужин, если она этого захочет.

Телефон зазвонил в четверть девятого.

— Заболела Лилиан, — сдавленным голосом сказал Дэвид. — Поэтому я и не позвонил раньше. У нее очередной приступ, я должен был дождаться доктора. Сейчас он у нее.

— Это очень серьезно? — спросила Лу.

— Не знаю, детка. Пока не поговорю с врачом.

— Дэвид, мне так жаль.

— Мне тоже, извини за все. За Лилиан и за то, что не увидимся вечером. Я так этого ждал.

— Я тоже.

— День удался? — спросил он.

— Нет. Жуткий выдался денек. — А теперь ее ждет и жуткая ночь. Может, позвонить кому-нибудь? Но кому?

— Мне пора, — сказал Дэвид. — Идет доктор. Поговорим завтра. Если ей станет лучше может, пообедаем вместе. У меня кое-что есть для тебя.

— Что?

— Подожди до завтра.

— Дэвид... Не надо волноваться. У нее же были приступы. Все образуется.

— Надеюсь.

— Пожалуйста, не волнуйся.

— Не буду.

— Дэвид...

— Да?

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, детка.

— Ладно, — сказала Лу. — Поговорим завтра, и я скрестила пальцы за Лилиан.

— Ты очень славная.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Дэвид.

Лу глянула на обтягивающие брюки и модернистский пуловер. Посмотрела на пишущую машинку с заправленным чистым листом бумаги, на мистера Безумца, который понимающе ответил на ее взгляд. Беда грядет.

— Ты прав, мистер Безумец, — сказала Лу.

Она переоденется в супер-мини, набросит на себя норковую шубку и пойдет к «Элен». Возбудиться из-за колонки и не получить мужчины, который загасит огонь... Это не смешно, особенно если интервью со Стивом Омахой не сделано. Пленки помогут. Она начала слушать их на магнитофоне, который Дэвид подарил на прошлое Рождество. Выскальзывая из брюк, Лу потерла рукой под маленькими трусиками-бикини.

У меня срочная встреча с генералом Буденным у «Элен», сказала она мистеру Безумцу, который с воплями начал носиться по квартире. Остаток вечера он будет мистером Сумасшедшим.

Девушки нежно расцеловались, стараясь не повредить грим.

— Рима, девочка-птичка, — сказала Анита Шулер.

— Мисс Норформс, — сказала Симона Ласситье.

Они улыбнулись. Девушки подшучивали над своими старыми прозвищами. Когда жили вместе шесть месяцев тому назад, то едва терпели друг друга, но теперь ощутили прилив взаимной нежности, которой тогда так не хватало. Симоне показалось, что Анита, в своей розовой сатиновой пижаме, со сверкающими розовыми серьгами, выглядит лучше, чем прежде. От нее всегда исходило какое-то сияние, сейчас же оно было более ярким и делало ее похожей на мадонну, так что Симона решила, что причиной может быть только любовь.

С другой стороны, Анита родилась под знаком Рака, а у Раков всегда такое мечтательно-святое выражение лица, будто они только что сподобились узреть лик Господа в пустыне. И на склоне холма преклонили в экстазе перед ним колена. Так Симона представляла себе Раков, которых, надо признать, слегка презирала. Все эти водные знаки (Раки, Рыбы, Скорпионы) вызывали презрение потому, что она — Весы, воздушный знак, она парит над ними в стратосфере и не преклоняет колен. Здесь Симона сообразила, что злобствует, а злоба Весам не свойственна. Они — баланс, они поклоняются миру и гармонии.

— Я люблю мир и гармонию, — сказала Симона про себя и задумалась, насколько серьезна астрология. Если бы у нее был астрологический прогноз, там не было бы Овна, который бы позволил ей позлословить от всей души.

— Я боялась, что ты не придешь, — сказала Анита.

— Я не хотела опаздывать, но ты сама знаешь, как мне трудно собраться в гости на новое место.

— Ничего страшного. Практически все приглашенные приехали. Все, кроме Джека.

— Какого Джека?

Симона прошла за Анитой через переполненную людьми и шумом гостиную. Танцы были в самом разгаре. В духе картин Марка Шагала. Девушки порхали. В турецких рубашках и оранжевых юбках, в накидках, в хлопчатобумажных расписных кофточках, в обтягивающих мини-платьях, в меховых жакетах, в полупрозрачных платьях, в тесных свитерах, в великолепных золотых бурнусах, изумрудных пижамах, серебристых костюмах и... Всего не перечислишь. Она вошла в крошечную спальню Аниты, чтобы снять пальто и поболтать.

— Конечно, Джека Бейли, — сказала Анита.

О Боже, подумала Симона, она все еще тоскует по нему?

— Я считала, что все кончено, — как можно мягче сказала Симона вслух.

— Все кончено, но...

Анита плотно закрыла дверь, чтобы не слышать шума вечеринки, взяла пальто Симоны и аккуратно положила его поверх горы одежды, лежавшей на двуспальной кровати. Симона отметила, что кровать покрыта таким же зеленым покрывалом, как и софа в квартире, которую они снимали вдвоем. Симоне не нравился этот цвет, потому что он напоминал времена ее жизни в Форист Хиллз, где она работала (вообразите себе!) кухаркой и няней в одной абсолютно омерзительной семье. Они обожали этот цвет «шартрез», равно как и искусственные пальмы и бутафорский виноград.

— Мы с Джеком расстались в прошлом октябре. Он ушел так неожиданно, но мы по-прежнему в дружеских отношениях, и, скажу тебе честно, я не могу забыть его. Это ужасно, но я все время о нем думаю.

— Потому ты и устроила вечеринку? Чтобы пригласить его?

Анита жалко кивнула.

— Я не могу его дождаться. Я так нервничаю, что даже новый дезодорант не помогает. Между прочим, мне нравится твое платье. Где ты его купила?

— В «Бонвит». Я им многим обязана.

— Снова? — спросила Анита.

— Нет. Пока, — рассмеялась Симона. — Но не будем говорить о деньгах, это скучно. Это новая пижама? Чудесная!

— Тебе, правда, нравится?

— Восхитительно. А что под ней?

— Голливудский лифчик, у него специальные твердые чашечки.

— Не понимаю, чего ты так переживаешь из-за груди? Сегодня маленькая грудь — это высший шик.

— Легко тебе говорить. Все на виду. Ты ведь не носишь лифчика?

— У меня под платьем только тампоны.

— Ну, значит, ты не беременна.

— Откуда ты знаешь?

— Если у девушки месячные, значит, она не беременна.

— У меня нет месячных.

Анита смутилась (Симоне это понравилось).

— Зачем же тампоны?

— Чтобы теплее было.

— Ты не изменилась, — хмыкнула Анита.

— Я же Весы, — дурашливо сказала Симона и изогнулась в шутовском поклоне. — А мы люди забавные.

Она повернулась к зеркалу и осмотрела украшенный белыми перьями парик. Кажется, все нормально. Не спадает, не перекосился, как это случалось в ее ночных кошмарах. Она вынула пакетик с освежающей салфеткой, промокнула лицо и бросила бумажку в зеленую корзинку, на которой была изображена Эйфелева башня. Чу-Чу заскулил.

— Ты принесла Чу-Чу! — воскликнула Анита. — А я и не заметила. Как дела, дорогой Чу-Чу? Иди ко мне, малыш.

Анита вынула собаку из сумки и сделала вид, что целует ее, стараясь при этом держать как можно дальше от себя. Симона вспомнила, что Анита любит только одно животное — статую льва Родена, и улыбнулась про себя, видя, как подруга изображает восторг. Очень мило с ее стороны. Ради Симоны она переборола себя.

— Ты не против, что я его принесла? — фальшивым тоном спросила Симона. — Не люблю оставлять его по вечерам. И так весь день дома один. Он не будет мешать и посидит в сумке.

— Все в порядке, — ответила Анита, возвращая собаку. — Я рада повидаться с ним. Он такой умный. Я бы тоже хотела завести какое-нибудь животное, но это немислимо при моей сумасшедшей жизни. Ты все еще работаешь у своего смешного меховщика?

— Да. И это так скучно. Я уже начала искать новую работу, но мистер Сверн повысил

зарплату, и я решила остаться. Иногда мне кажется, что никогда и ничто не изменится. У мистера Сверна продолжается роман с журналисткой, о которой я тебе рассказывала. Даже это не изменилось.

— Это та, которую он называет ненастоящим именем?

— Да, будто я настолько глупа, что не знаю подлинного.

— Как же ее зовут?

— Лу Маррон. Я же говорила. Она пишет в тошнотворной газете о модах. «Тряпье». Она звонит Сверну из кафе «Каравелла» и рассказывает, что Бэби Джейн Холцер ест на обед. Я думаю, что у него такой плохой желудок из-за непрерывных разговоров о еде. Тут у любого желудок расстроится.

— Я люблю поесть, — сказала Анита. — Мне бы не было противно.

— Я именно об этом. — Симона приподняла белую оторочку платья и проверила застёжки на сетчатых чулках. — Я как раз об этом. Ничего не меняется. Ты по-прежнему любишь поесть. Сверн все еще путается с отвратительной Лу Маррон. Я прохожу свои пять миль в день во вшивом демонстрационном зале. Привычка, привычка, везде одно и то же.

— Ты собираешься впасть в истерику и испортить мне вечеринку?

— Извини, но разве тебе не скучно работать в своей авиакомпании? Подавать эту отвратительную еду?

— Конечно, скучно, — ответила Анита, — но что я буду делать, если уйду? Работать секретаршей еще хуже. Торчать целый день в офисе, клепать на пишущей машинке? Этого я не вынесу. Мне тоже повысили зарплату. Теперь у меня сорок пять в месяц, но я все время беру сверхурочную работу, так что денег более-менее хватает.

Девушки помолчали.

— Мы выйдем когда-нибудь замуж? — спросила Анита.

— Ты выйдешь, — ответила Симона.

— Нет, ты, потому что и не хочешь этого.

— Я хочу.

— Не так, как я.

Это было правдой.

— Может, не так сильно, как ты, но мне хочется когда-нибудь стать миссис Некто.

— Я на год старше тебя, — сказала Анита. — Представляешь? В июле мне уже двадцать пять. Самой не верится. Я была убеждена, что в двадцать пять у меня будет минимум один ребенок от хорошего мужа. А если не выйду замуж до тридцати? Я покончу с собой.

Анита часто угрожала самоубийством, и Симона давно перестала принимать это всерьез.

— Тебе надо заказать гороскоп, — сказала Симона, проверяя перед зеркалом ресницы (все у меня фальшивое, подумала она). — Ты знаешь, в какой месяц у тебя наилучшие шансы выйти замуж, и в остальное время будешь спокойна. Запомни, нашей судьбой управляют звезды. С ними не поспоришь.

— Я не верю астрологической белиберде.

— Может, именно поэтому ты и промахнулась с Джеком Бейли. Не узнала, когда у него солнце в сочетании с твоей Луной. Ты можешь потратить уйму времени на мужчину, чье солнце не подходит тебе.

— Большого бреда я не слышала.

Коленопреклонение на склоне холма, подумала Симона, несмотря на то, что Анита в

этот момент сидела на краешке кровати. Она была очень красива, у нее чудные ярко-белые волосы. Но веселья в глазах не было.

— А что у тебя? — спросила Анита. — Ты с кем-нибудь встречаешься?

— Нет. Ни с кем. Я становлюсь отшельницей.

— А что с тем программистом, от которого ты была без ума?

— Он исчез в сумерках.

Однажды Симоной овладело дикое желание рассказать об играх с сосиской, что она и сделала, а потом пожалела, потому что Анита не могла оправиться от шока. Симоне было бы любопытно узнать, какова Анита в постели. Она подозревала, что Анита лежит, как мучной куль, и в нужный момент только раздвигает ноги. Анита как-то рассказала, что обесцветила волосы на лобке под цвет волос на голове, и с тех пор, когда Симона представляла Аниту в постели, то видела куль с мукой с порослью кудрявых белых волос внизу. Но вообще-то она не любила об этом думать, потому что такой образ не совпадал с образом коленапоклоненной Аниты. Подруга однажды сказала, что Джек Бейли был ее первым мужчиной, и это поразило Симону. Она ведь знала, что та трахается после окончания школы.

— Ты хочешь сказать, что столько дет никто и не пытался?

— Пытались, но я не давала.

— Почему же?

— Смешно даже. Я смущалась.

— Чего же?

— Я не могу объяснить. Мне это казалось чем-то странным.

Больше Анита на эту тему не распространялась. Симона размышляла, почему же она позволила Джеку Бейли войти в запретную для других зону. Получить от нее осмысленный ответ на вопросы о сексе было не легче, чем протащить милую дохлую лошадь. Она даже о качествах капитана Бейли не могла сказать ничего определенного. Единственно, что удалось выудить, это то, что у Джека обостренное обоняние и он не возражал против осветления волос на лобке.

— А здесь есть интересные мужчины? — осведомилась Симона, отвлекаясь от воспоминаний.

— По мне, так да. Но не знаю, что скажешь ты. У тебя ведь необычные вкусы, насколько я помню.

— Это неправда, во всяком случае, теперь. Может, я слишком много встречалась с засранцами, так что сейчас я ищу нормального мужчину.

— Нормального? Ты? Я не верю. Да и нет таких.

— Это я и сама поняла, — сказала Симона. — Но надежда осталась, нельзя сдаваться. Я так устала от придурков, а ты?

— Почему, как ты думаешь, меня все еще интересует Джек?

Потому что он не выносит запаха белой мочалки.

— Почему?

— Потому что по сравнению со всеми этими сумасшедшими он чуть ли не святой.

— Но он на двадцать лет старше тебя.

— А мне все равно. Он святой.

Симона несколько раз встречала Джека Бейли, когда жила вместе с Анитой. И хотя ее лично он не привлекал, она должна была признать, что выглядел Джек как святой. У него были значительность во внешнем облике, слишком тонкие губы, нечто, что ее отвращало.

Может, «значительность» — неверное слово. Тяжесть. Это больше подходит. Он всегда поражал Симону отсутствием иллюзий во взглядах на жизнь, всегда точно знал, куда идет, и ему не нужны были попутчики. Она удивлялась, что такое неотразимое находит в нем Анита. То, что он ее отверг?

— Все они импотенты, — сказала Симона и поставила сумку с Чу-Чу у радиатора, чтобы собаке было тепло.

— Кто импотент? — спросила Анита.

— Все мужчины Нью-Йорка.

— Только не Джек Бейли.

— Ладно, — сказала Симона, — все, кого я встречала. А если они не импотенты, то у них такие маленькие члены, что даже палец больше. А у Бейли большой?

— Ты же знаешь, я не люблю обсуждать секс, — напомнила ей Анита, подумав о том, что теперь колпачок надо ставить большего размера. Джек Бейли трахал ее, и делал это хорошо. Теперь, когда он ее так раздолбал, она не ляжет с мужчиной с маленьким пенисом, даже если захочет, потому что тот просто утонет. Но, черт подери, она не признается в этом Симоне, у которой, наверное, все маленькое и тугое благодаря членам-пальчикам, на которые та вечно жалуется. Бесполезно. Как бы там ни было, ты проиграла, решила Анита, открывая дверь и провожая Риму, девушку-птичку, в переполненную комнату.

Первым, кого Симона заметила в колышущейся толпе, был неподвижный, застывший в торжественном раздумье человек.

— Кто это? — спросила она у Аниты.

— Некто по имени Роберт Фингерхуд. Интересный, правда?

— Точно. Откуда ты его знаешь?

— Я его не знаю. Он вторгся сюда, но очень вежливо. Это сосед Джека. Пошли, я тебя познакомлю. Хочешь?

— Да. У него нормальный вид.

— А если Джек все-таки не появится?

— А если мужчина нормального вида окажется каким-нибудь зеркальным фетишистом?

— Или придет с другой девушкой?

— А если у него член-пальчик?

— Я покончу с собой, — сказала Анита.

— Я тоже, — подхватила Симона.

— А что такое зеркальный фетишист?

— Тот, кто трахает тебя и смотрит при этом в зеркало.

— Я таких не встречала.

— Тебе повезло, — сказала Симона, выпячивая грудь размера 34-А в предвкушении встречи с незнакомым (будем надеяться, он окажется НОРМАЛЬНЫМ) мужчиной. Она досадой заметила, что, когда Роберт Фингерхуд пожимал ей руку, его взгляд все время перебежал на блистающую Аниту.

— Очень рад познакомиться, — сказал он Симоне, глядя на Аниту, которая смотрела на электронные часы, показывающие пять минут одиннадцатого. (Беверли и Питер как раз прощались с Тони Эллиотом, а Лу Маррон в шубке от «Кохинор» входила к «Элен».)

— Вы точно знаете, что Джек придет? — спросила Анита у Роберта.

— Так он сказал.

— Я очень хочу, чтобы он поторопился.

— Не все так пунктуальны, как я, — сказал Роберт. — Поверьте, мне так часто это ставили в вину.

— Я виню не вас, — сказала Анита. — Это лучше, чем хладнокровно опаздывать на пять часов. По расписанию Джек должен был прилететь в шесть тридцать. Если полагаться на расписание. Не будем об этом. Извините, я пойду поменяю пластинку, а заодно и мысли в голове.

— Что с ней? — спросил Роберт, когда Анита отошла.

— Разве не ясно? Она влюблена.

— В Джека Бейли?

— Конечно. Она влюблена в него уже больше года.

— Не знал. Я познакомился с Анитой только сегодня вечером.

— Да, она сказала, что вы пришли без приглашения.

Роберт глянул ей в глаза.

— И теперь я очень рад этому.

— Давайте выпьем.

Симона оценила быстроту маневра Роберта. Он явно интересовался Анитой, но как только узнал, что она влюблена в Бейли, немедленно сменил курс и занялся Симоной. Это был шаг реалистичного человека, а поскольку у самой Симоны реалистичности не хватало, она оценила его вдвойне. Связь двух нереалистичных людей была для нее символом сумасшедшего дома. И хотя Симона всегда искала таких твердо стоящих на земле людей, как Роберт Фингерхуд, внутренне она все равно тянулась к родственным душам, таким же неорганизованным, непрактичным и по-детски романтическим людям, как она сама. В этом заключалась главная проблема Симоны: найти похожего на себя мужчину и пребывать в иступленном бреду или связаться с прямой противоположностью себе и жить неудовлетворенной взрослой жизнью. Симона понимала, что мыслит крайностями, что люди в большинстве своем не принадлежат к крайним полюсам, они разнообразны, их поведение имеет множество нюансов, а потому нельзя так просто разделить их на две категории. Такое стремление — всего лишь наивная попытка защитить себя, но, несмотря на все это (да, несмотря на все), определенные различия все же существуют, есть некая незримая черта, делящая людей на два лагеря. И несмотря на то, что Симона не прекращала поисков НОРМАЛЬНОГО мужчины, она подозревала, что обречена закончить жизнь человеком, абсолютно противоположным ей по эмоциональному складу. Но эти мысли никоим образом не уменьшили ее интереса к внимательному мистеру Фингерхуду.

— Пойдемте, — сказал он, подводя ее к организованному на кухне бару. — Что бы вы хотели выпить? Есть виски, водка и бурбон.

Симона не привыкла пить, и у нее кружилась голова после бренди, выпитого в «Русском чайном доме».

— Почему бы не смешать все вместе, бросить много льда и разбавить имбирным пивом?

— Очень хорошо.

Удивленный ее капризом, он тем не менее выполнил просьбу. Ей понравилось. Если на этом этапе ее жизни и было что-то, чего она просто не перенесла бы, так это предписания баптистского священника: делай то, не делай того, нет, не сюда, вот сюда. Она сыта по горло такими псевдозаботливыми самоуверенными типами.

— Что вы делаете? — спросила она у Роберта, который смешивал виски, водку и бурбон. — Я в смысле работы.

— Я психолог. Клинический психолог. Адская получилась смесь, так что потом не жалуйтесь.

— Очень мило.

— Что? Напиток или профессия?

— И то, и другое.

Симона понятия не имела, чем занимается клинический психолог, но это хоть звучит НОРМАЛЬНО. Неужели после двадцати четырех лет жизни ее мечты наконец-то сбылись и она встретила мужчину, который:

1. Не окажется импотентом?

2. У которого член не будет размером с палец?

3. У которого холодильник не будет забит сосисками?

4. Который не заставит ее трахаться со свечой?

5. Который не будет трахать ее шесть дней без передыха так, что она вынуждена будет спасаться чтением Дж. Сэлинджера?

6. Который не окажется зеркальным фетишистом худшей разновидности, не будет непрерывно командовать, чтобы видеть все?

Последний тип был представлен в ее жизни фотографом из журнала для девушек. Его застрелили в собственной же студии, разнеся полчерепа. Если не брать в расчет навязчивый вуайеризм, то он был милым, разумным и щедрым человеком, но Симона перестала с ним встречаться. Фотограф начал действовать ей на нервы. Они ни разу не занимались любовью, как обычные люди, в полутемной или темной комнате. О нет, мистер Большой Глаз! Каждая встреча была похожа на сеанс фотосъемок. Осветительные приборы должны стоять вот так, музыка должна быть такой (Билли Холидей чередовался с Рэем Чарльзом), покрывала должны быть эти, одежда на ней такой вот. Он ни разу не позволил ей полностью раздеться, и сначала это забавляло, но через пару встреч она спросила, нельзя ли снять пояс, чулки и туфли. На это он ответил: «Что? И все разрушить?»

Потом он пристраивал чертово зеркало, и все безумие начиналось заново. Иногда Симона задумывалась над вопросом: кто же его застрелил? Может, какая-нибудь девушка, которая обезумела от невозможности снять чулочный пояс? Такие вещи иногда сводят с ума, и именно поэтому Симона покончила с ними раз и навсегда.

На кухню залетела девушка в турецкой кофте и оранжевой юбке и спросила:

— Есть здесь диетическая кока-кола? Пожалуйста, посмотрите в холодильнике.

Роберт Фингерхуд услужливо открыл дверцу.

— Извините, вам не повезло. Может, подойдет имбирное пиво?

— Вы шутите?

— Боюсь, ничего другого нет.

— Что это за вечеринка? Ни черта нет. Эта девица разыграла нас.

Вошел мужчина в цветастом галстуке и толкнул девушку в плечо.

— Пошли. Там играют «Прокляни меня».

— В любую секунду, малыш.

Пока Симона потягивала коктейль, Роберт сделал себе слабое виски со льдом, они нашли уголок в гостиной у окна и смотрели, как другие танцуют. Раздалась мелодия «Долгий разговор». Пели Симон и Гарфункель, они несли какую-то чепуху насчет смысла жизни. Симона ничего не могла понять. Да и зачем? Пластинка была заигранная, а может, проигрыватель старый. Но певцам было плевать на это, они давали танцорам шанс

передохнуть, пока снова не заиграют «Роллинг Стоунз» и снова все не заскачет в бешеном ритме.

— Вы любите танцевать? — спросила Симона.

— Не очень. А вы?

— Тоже не очень, — солгала она.

Симона любила танцевать, ее гибкое тело обладало врожденным даром, и люди всегда говорили, что она создана для танцев. Она даже изобрела нечто особенное, что называла «Танцем Рима». Но сейчас, решила, разумнее не обнаруживать своих талантов. Роберт мог от всей души предложить ей поискать себе партнера, а ей не хотелось отходить, чтобы его не подцепила другая девушка.

— А что вам нравится? — спросил Роберт.

У нее чуть не вырвалось: трахаться, но удалось сдержаться.

— Я люблю слушать сказки. Расскажите мне, пожалуйста, сказку.

Светло-голубые глаза Симоны встретились с почти черными глазами Роберта.

— Секундочку. Вы знаете «Маленького принца»?

— Нет.

— Хотите услышать?

Может быть, ей следует выйти замуж за Роберта Фингерхуда и возиться с посудой и тряпками, не заботясь о том, как расплатиться за них?

— Да, хочу, но сначала скажите одну вещь.

— Слушаю.

— Кто вы по знаку?

— Овен.

Мало того, что он был потенциально НОРМАЛЬНЫМ мужчиной, так еще был и Овном в придачу. Симона обмерла. Овен и Весы — это великолепная комбинация, исключительная удача по астрологическим меркам!

— Конечно, нам надо составить астрологические прогнозы, — сказала она. — Одного солнечного знака недостаточно. Надо прояснить позиции Луны.

— Мы сделаем это потом. — Его лицо озарила чудная улыбка. — Сейчас мы поговорим о Маленьком принце. Начали?

Симона была так поглощена думами о великолепном сочетании Овна с Весами, что прослушала начало рассказа. Когда она сосредоточилась, Роберт говорил о рисунке, который автор «Маленького принца» нарисовал в детстве.

— Когда он показывал его взрослым, они говорили, что это шляпа, а на самом деле это был удав, проглотивший слона.

— Да? — спросила Симона, думая о красоте взаимоотношений знаков воздуха и огня и одновременно отчаянно пытаюсь вспомнить, не были ли маленькие пенисы у мужчин знака огня, с которыми она спала.

— После этого Сент-Экзюпери впервые разочаровался во взрослом мире. И он никому не рассказывал о рисунке, пока его самолет не упал в пустыне Сахаре, где он и повстречал Маленького принца. Первыми словами принца были: нарисуй мне овцу. Сент-Экзюпери никогда не рисовал овец, поэтому нарисовал удава со слоном в желудке, но Маленький принц (угадав, что нарисовано) сказал, что слоны слишком велики для его маленькой планеты. Ну, и вот, потерпев ряд неудач в попытках нарисовать овцу, Сент-Экзюпери нарисовал ящик, и Маленький принц пришел в восторг.

Девушка в турецкой блузке и оранжевой юбке танцевала с англичанином, у которого волосы были до плеч. Симона догадалась, что он англичанин, потому что у него был острый нос. После немцев она больше всего ненавидела англичан.

— Почему он пришел в восторг?

— Потому что в ящике была овца, — объяснил Роберт. — Спящая.

Что-то подсказало Симоне, что в конце концов Фингерхуд может оказаться не таким уж и НОРМАЛЬНЫМ, но вслух она сказала:

— Понимаю.

— Понравилась сказка?

— Это конец?

— Нет, она очень длинная, но на сегодня хватит. Сказки должны быть короткими. Не хотите заехать ко мне? У меня есть бутылка хорошего шампанского.

Симоне понравилось, что он не теряет времени. Она одобряла прямой натиск. Чего тянуть резину? Зачем бесплодно думать о неизбежной катастрофе?

— Подождите, — сказала она. — Я возьму пальто.

— Так быстро вы не уйдете, — встревоженным голосом хозяйки сказала Анита. — Вечеринка только начинается.

— Мы едем к нему, — прошептала ей в ухо Симона. — И ты знаешь, зачем, моя дорогая мисс Норформс.

— Ты несправима.

— Это твое новое еженедельное слово?

Роберт помог Симоне надеть пальто, а Анита озабоченно думала, не означает ли это начало массового исхода. Они стояли в прихожей, когда раздался звонок в дверь и вошел блондин в форме гражданского пилота с сумкой в одной руке и бутылкой джина «Бифитер» — в другой.

— Джек! — закричала Анита.

— Привет, милая. — Он поцеловал ее в щеку. — Извини, что так поздно, но вылет отложили. Потом задержки в пути. Так что я прямо из аэропорта. Что еще ты хочешь знать?

Здесь он заметил стоявших рядом Симону и Роберта.

— Так-так. Доктор и малышка. Боже, что за сочетание!

— Привет, Джек, — сказала Симона и снова решила, что у него слишком тонкие губы. Он, наверное, проделывает с Анитой такие садистские шутки, о которых она даже и не слышала.

— Неприятно уходить сейчас, — сказал Роберт.

— Ты уходишь со славной девчушкой, — ответил Джек.

— А ты откуда знаешь? — спросила Симона.

— Анита рассказывала о программисте.

— Каком программисте? — спросил Роберт.

— Неважно, — ответила Симона и с ненавистью посмотрела на Аниту. — Пойдем.

У Аниты язык, как помело, и она ни черта не понимает в мужчинах. Симона, например, и представить себе не могла, что Анита нашла в Джеке Бейли, который, как она помнила, ни разу не сказал ничего путного. Но Анита говорила, что он все компенсирует в постели.

— Что такое особенное он делает? — спрашивала Симона, но Анита молчала.

Симона, однако, заметила, что после ночи с Джеком у Аниты всегда были синячки на руках.

— Откуда эта пакость? — спрашивала Симона. — Он тебя щиплет?

Анита сначала отрицала это, а потом просто замкнулась, что еще больше разожгло любопытство Симоны. Может, у него есть щипчики, и он терзает нежное тело Аниты, но зачем это делать, какое в этом удовольствие, Симона понять не могла. Лично ее Джек Бейли в постели совершенно не интересовал, даже если член у него огромный, как она подозревала. Когда они жили с Анитой, то обычно Анита уходила на квартиру к Джеку. Если бы они занимались любовью на зеленой кушетке Аниты, Симона подсмотрела бы в замочную скважину, чтобы получить полное представление обо всем, и она очень, очень жалела, что не может попросить Аниту устроить ей бесплатный спектакль. Дело в том, что сексуальная жизнь других людей притягивала ее. Может, именно поэтому она так долго таскалась к фотографу: оба они были вуайеристами, хотя по сравнению с ним Симона была несмышленьшем. Когда полицейские допрашивали ее в связи с убийством (все было, как в кино), она сказала, что масса девушек могла пришибить его, но полиция ошибается, если считает виновной ее. Дело в том, объясняла Симона детективу, что им следует сосредоточиться на девушках, лишенных вуайеристских склонностей. У них больше причин всадить пулю в голову мистеру Большому Глазу, потому что они могли прийти в ярость, когда их заставляли мастурбировать при полном свете прожекторов, а ей это казалось ужасно забавным. Первый детектив странно глянул при этом на второго, а потом они, очень вежливо поблагодарив, ушли, исчезли из ее жизни. Она и понятия не имела, насколько вежливы нью-йоркские полицейские.

— Где вы живете? — спросила Симона у Роберта Фингерхуда.

Они ехали по южной окраине Парка в его спортивной машине.

— Почти приехали. Через минуту увидите.

Это, должно быть, в районе Тридцатых. Двадцать пятая? Или Двадцать шестая? Кругом было так темно, что нельзя рассмотреть номера улиц. Не хотела бы она жить в таких условиях. Здесь так темно, так тихо, так не похоже на водоворот Пятьдесят седьмой улицы, где никогда не бывает темно и тихо, где масса чудесных магазинов, ресторанов и где есть удивительный «Русский чайный дом», у хозяина которого был профиль, как на медали. У Симоны появилась тайная мечта переехать туда и вечно жить среди запахов блинов, черной икры и водки, чтобы ее до конца дней окружали мужчины с медальным профилем.

— Приехали, — сказал Роберт, когда они вышли из лифта в скромном здании. — Джек Бейли живет подо мной.

Симона задумалась, а жил ли здесь Роберт прошлым летом, когда Джек Бейли волочился за Анитой и ставил ей щипцами синяки. Если жил, то мог слышать кое-что интересное через окно спальни Джека.

— Вы, правда, доктор? — спросила она, когда он открывал дверь квартиры 5-Е. — Джек назвал вас доктором.

— Пока я не доктор, — ответил мистер Фингерхуд, — но стану им, как только закончу диссертацию.

— Когда же это будет?

— Очень скоро, — сказал он, зажигая свет.

Квартира! Ну, квартира была... У Симоны перехватило дух и не хватало слов. Декорация, джунгли, театральная сцена, где через минуту утонешь во впечатлениях...

— О чем ваша диссертация? — спросила она, не уверенная в том, где же находится. В квартире 5-Е или в тропической деревне. На стенах висели шкуры ягуаров, на полу — ковер

из какого-то загадочного животного, высокие пышные растения, которые, казалось, трепетали в тихой мексиканской ночи.

— Мне не удастся сейчас выразить свои мысли точно, — ответил Роберт, — но я прочитаю вам ее название, так что общее представление будет. «Оптимальное соотношение исходного ритма сердцебиения и ритма сексуального контакта для достижения оргазма».

— До меня никогда не дойдет, — сказала Симона.

Роберт глянул на нее так, будто она сморозила глупость.

— Никогда? — с жалкой улыбкой спросил он.

Здесь были даже гамак из натуральной пеньки и чучело совы, сидевшей на деревянном суку прямо над гамаком.

— Нет, никогда, — ответила она.

За завесой темных глаз Роберта скрывались какие-то быстрые расчеты, в них мелькали отражения самых причудливых мыслей, схемы, планы, заговоры, пиротехнические исчисления, и Симоне оставалось надеяться только на то, что его предложения не вступят в резкое противоречие с природой, потому что она всего лишь маленькая извращенка, уставшая от всей этой жизни. Потом заметила хлыст. Полумрак делал его едва различимым. Другая на ее месте могла бы принять его за зонтик или стоящую змею, но Симона столько пережила за свои двадцать четыре года, что не ошибалась в таких вещах. Ее недавний оптимизм развеялся в вихре зловещих предчувствий. Ого-го, подумала она, оглядев комнату в поисках собрания сочинений писателя, которого никогда не читала. Пока Роберт возился на кухне, Симона раскачивалась в гамаке. Роберт вернулся с бутылкой шампанского и двумя сверкающими бокалами.

— У меня ощущение, будто я в джунглях или среди декораций спектакля по пьесе Теннесси Уильямса, — сказала Симона. — Потрясающе. Мне нравится.

Роберт поставил бутылку и бокалы на что-то заменяющее столик. Симона на сей раз не сумела угадать, что это за предмет, а спросить просто боялась. Одно она может сказать точно: у предмета необычное естественное происхождение. И зачем спешить узнать, что это? Затем Роберт склонился над ней и поцеловал, задвинув язык в рот так глубоко, что желудок взбунтовался.

Симона ненавидела поцелуи.

— Я... я... — Ей удалось выдавить из себя несколько недовольных вскриков в промежутках между его жадными поцелуями. — Я... Я, правда... Мне не...

Когда он отпустил ее, она сказала:

— Ты обещаешь не целовать меня, если я сниму с себя все?

— Конечно. Может, ты разденешься в спальне? Шампанское мы можем выпить и там.

Симоне идея понравилась, потому что она сделала бы все, лишь бы ее не целовали. Когда мужчина целовал, ей казалось, будто лицо погружается в тарелку с червями, скользкими, извивающимися червями. Она прошла в спальню, не зная, что ее ожидает. Спальня! Боже мой! Почти все пространство занимала кровать, а проход у стены был такой узкий, что полный человек не протиснулся бы. В изголовье несколько встроенных полок, на которых стояли радио, две книги, несколько журналов, коробка с салфетками, банка пива и что-то, напоминающее электробритву. Симона расстегнула змейку на платье и выскользнула из него.

— Так быстро, — сказал Роберт, снимая трусы. — Ты не носишь белья?

— На кой ляд?

У него член вскочил сразу, и Роберт быстренько начал вставлять его. Но он не шел.

— Что-то мешает, — сказал он наконец. — Что там у тебя?

Симона так задыхалась, что понадобилось несколько секунд, пока она вспомнила о тампоне.

— Минуту. Я сейчас.

Она пошла в ванную (вообразите себе туалетную бумагу, висящую на лосином роге!) и вынула тампон. Потом прополоскала рот зубным эликсиром Роберта и неожиданно вспомнила, что оставила Чу-Чу в квартире Аниты. Симона знала, что она рассеянная, но раньше никогда не оставляла сразу и сумку, и собаку, и ей оставалось только думать, что в Роберте Фингерхуде было что-то особенное, какой-то магнетизм, вынудивший ее забыть сразу о двух вещах. Бедный Чу-Чу. Ему сейчас очень одиноко. Ей стало так стыдно, что она выплюнула эликсир и пообещала себе забрать Чу-Чу ранним утром, еще до работы, а то и возьмет его с собой на работу. Бедный забытый пес.

— Препятствие устранено, — доложила она Роберту, ныряя в необъятную белизну кровати. — Выпьем шампанского.

Он разлил вино и дал ей бокал.

— За разврат! — сказал Роберт, осушая залпом бокал.

У Симоны возникло ощущение, что в ее и без того достаточно странной жизни появился еще один странный эпизод. Да, начинается новая глава, в этом она ни капельки не сомневалась. Шампанское было хорошее, оно сразу ударило в голову. Симона украдкой отрыгнула и выпила еще, потому что Роберт снова наполнил бокалы. Да, он извращенец, но она ждала, когда же это наконец-то проявится. Ей было интересно, и Симона надеялась, что на это не понадобится много времени, потому что у нее был пониженный порог терпения (так сказал работник социальной службы; он был евро-азиатом и непрерывно отрыгивал, наверное, потому она и вспомнила о нем сейчас), но еще больше надеялась, что его пунктик, каким бы тот ни был, не окажется заикленностью на какой-нибудь старой шляпе, это было бы слишком ужасно. Представьте себе, шляпа-фетиш, он же что-то болтал о шляпе!

Роберт Фингерхуд поставил бокал на полку и взял то, что Симона приняла за электробритву. В полумраке она успела прочитать надпись: «Вибретт».

— Ты раньше не пользовалась вибратором? — спросил почти что доктор Фингерхуд и на лице появилась очаровательная, испытующая, соблазняющая улыбка. Он воткнул шнур в розетку и уставился на Симону.

Когда тяжелая дверь в замке Гарден-Сити захлопнулась за Тони Эллиотом, Беверли вздохнула и сказала:

— Ну, дорогой, слава Богу, все позади.

— Что такое, дорогая? — спросил Питер. — Тебе не понравился Тони?

Этот странный человек-рыба.

— Дело не в том, что он мне не понравился.

— Тогда в чем же дело?

— В том, что... — Беверли прикоснулась ко лбу. — Кажется, на этот раз таблетки не помогли.

— Да, мигрень. Я едва не забыл, дорогая.

— Дорогой, как ты мог забыть?

— Не строй из себя мученицу. У тебя и раньше были приступы, и ты прекрасно пережила их. Переживешь и сейчас.

— Конечно. Пойду помогу Маргарет на кухне.

— Именно об этом я и говорю. Зачем мучить себя на кухне, если тебе так паршиво?

— Это отвлечет меня от боли и от воспоминаний о жуткой пище.

— Ну, не знаю. Мне кажется, Тони понравилось.

— У него хорошее чувство юмора.

— Это есть, — ответил Питер и усмехнулся, будто припомнив смешной случай из жизни Тони, о котором Беверли никогда не узнает.

Беверли поцеловала мужа в щеку.

— Я скоро приду.

— Я хочу почитать немного, — ответил Питер. — Не торопись.

— Знаешь, дорогой, последнее время ты не высыпaeшь.

— Знаешь, дорогая, ты становишься невыносимой.

— Я только сказала, что...

— Хватит болтать.

— Но, Питер, я...

— Иди на кухню.

Беверли не понимала, откуда все это пошло, почему стычки с Питером стали постоянными, не знала, как с этим бороться, что все это означает на самом деле, но стоило Питеру обрушить на нее свои колкости, и она начинала повторять про себя (опять-таки не понимая почему) слова, которые запомнила с раннего детства: «Иехония родил Салафииля, Салафииль родил Зоровавеля, Зоровавель родил Авиуда, Авиуд родил Елиакима, Елиаким родил Азора, Азор родил Садока, Садок родил Ахима, Ахим родил Елиуда, Елиуд родил Елеазара, Елеазар родил Матфана, Матфан родил Иакова, Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос».

И ей становилось лучше. Чуть-чуть. Ей стало еще чуть лучше, когда она вошла в красивую кухню сливочно-желтого цвета и начала смотреть, как шустрая Маргарет опускает в моечную машину тарелки из-под капусты, как ставит их в сушку, как широкие руки Маргарет заботливо вытирают еще раз каждую тарелку и чашку. Беверли любила сидеть на полосатом стуле рядом с электрической плитой и смотреть на вращающиеся колеса прогресса в ее собственной кухне, хотя и знала, что особенного прогресса нет, потому что завтра Маргарет вручную все перемоеет и вытрет. Так будет повторяться и послезавтра, и каждый день после, кончится ли это когда-нибудь, есть ли в этом какой-то смысл, есть ли в этом хоть что-нибудь?

В последнее время именно эти вопросы Беверли все чаще задавала себе. Поздно ночью, когда Питер спал и видел сны, она не смыкала глаз и думала: неужели же следующие двадцать лет ее жизни уйдут на то, чтобы ночью смотреть на спящего мужа, а вечером бессмысленно глазеть на то, как Маргарет моет посуду?

Беверли нечего было делать. Скука возбуждает клитор.

Но постепенно в голову пришли кое-какие мысли. Безделье не докучало, пока Питер занимался с ней любовью, но когда последние пару лет ничего не было (если не считать нескольких неудачных попыток), у нее возникло ощущение бессмысленности, бесполезности жизни, и она начала думать, не является ли секс ее единственной функцией и единственным смыслом жизни, может, это единственное, для чего она нужна? Не стало секса, и ее перестало удовлетворять все.

Секс. Это так далеко от нее, это чужое, она и поверить не могла, что занималась им так

регулярно, что считала секс само собой разумеющимся, естественным, тем, что будет длиться вечно, а все грубо оборвалось и навеки исчезло из ее жизни. Беверли видела сон, в котором какие-то лопаты в яростном темпе забрасывают грязью все признаки пола, так что вскоре никто и не узнает, что они когда-либо существовали.

Но тело помнит. Это была еще одна из мыслей во время бессонных ночей рядом с Питером, который при помощи сна убегал от супружеских обязанностей. Тело, как и мозг, обладает памятью, и его можно долго обманывать, до тех пор, пока оно не потребует своего. Но, как понимала Беверли, вопрос в том, что она могла сделать, чтобы дать телу исполнить свой долг. Противясь возможности найти другого мужчину (интересно, сколько продержусь, думала она), Беверли начала пить. Маргарет об этом знала и смирилась, как могут смириться слуги. Даже сейчас, без всякого повода, Маргарет спросила:

— Вам налить выпить, миссис Нортроп?

— Голова болит.

— Может, капля коньяка поможет?

— Ничего не случилось.

— Да, мэм.

— С другой стороны, — сказала Беверли, вспомнив, как Питер, выгнав ее, лег читать, — может, маленькая рюмочка коньяка...

Спиртное плохо действовало на голову, а коньяк особенно, но ей наплевать, ведь ей было так плохо. Считалось, что дети придают смысл жизни, дают ощущение материнства, чувство ответственности, значимости, так это и было. Без детей Беверли умерла бы, но их было недостаточно, как недостаточно богатства и прислуги.

Вот есть Маргарет, есть детский сад для Салли до часа дня, есть пеленки для Питера, и вовремя покормят (под руководством Маргарет), за самой Беверли непрерывно ухаживают, если ей того хочется. Она может уйти к себе в комнату, и ее никто не потревожит, может поехать на обед в загородный клуб, выпить там или просто посидеть, может поехать и купить новое платье, свитер, туфли, перчатки, юбку. Все здесь есть. Никуда не надо ездить. Ей могут сделать новую прическу, пока она читает последний выпуск журнала «Вог», может позвонить Бетти, Юнис, Кетти, кому угодно, они вволю наболтаются. Может поработать в госпитале или поговорить с дамами в благотворительном обществе, может... Она может делать уйму всяких приятных вещей, но на все ей наплевать, Беверли знала, что не хочет делать ничего, только заниматься любовью с мужем, который сейчас спит.

— Вам лучше, миссис Нортроп?

— И лучше, и хуже. Одновременно. — Она протянула пустой бокал и отметила выражение озабоченности на темно-коричневом лице Маргарет. — Налей, пожалуйста.

Ей почти двадцать девять лет, и если она будет продолжать пить, то скоро состарится. Беверли думала об этом. В тридцать пять ее разнесет, она станет похожей на этих смешных женщин, которые не могут прийти в себя, пока не выпьют несколько martinis. Что же ей делать? Конечно, тянуть свой воз, но ей не хватало стимула. Не то чтобы не хватало силы воли, беда в том, что не было точки ее приложения. Дети? Ладно, это хороший побудительный стимул, во всяком случае, должен быть им, но не помогало. Значит, она паршивая мать? Может, со стороны так и выглядело, но изнутри видела все иначе. Беверли знала, что дети — это продолжение Питера, и без него они во многом теряли свою значимость. Они были очень важны для нее, но не *так* важны, как следует, и она ничего с этим не могла поделать. Если Беверли — паршивая мать, значит, так и есть?

Может, часто думала она, если бы дети были старше, она бы воспринимала их как самостоятельных личностей, а не как чье-то продолжение, но им было два и пять лет, и Питер-младший едва разговаривал, а Салли — это любопытная маленькая девочка, которую Беверли, наверное, никогда не поймет. Салли была такой храброй и бесстыдной, такой бойкой, такой бесстрашной, можно сказать, пылкой, что не было никого более противоположного Беверли в детские годы. Часто она считала себя ребенком, а Салли матерью.

Однажды Салли сказала:

— Знаешь, мама, у тебя слишком длинное платье. — Замечание вполне обычное для пятилетнего ребенка, но Беверли испугалась, ей показалось, что слышит голос матери, которая наказывает, выговаривает, и у нее возникло неодолимое желание отправить платье на переделку.

Но она лишь ответила:

— А мне нравится, дорогая. Такая длина как раз для меня.

На этом все кончилось, но Беверли вспомнила, что однажды сказала матери, будто туфли не подходят к ее платью, но мать холодно заметила:

— Дорогая, они чудесно выглядят, а этот цвет подходит ко всему.

И маленькая Беверли отступила перед авторитетом взрослого, ощутив (как она сейчас припомнила) его непоколебимость, но теперь понимала, что мать могла испытывать те же сомнения, что и она при замечании Салли о длине ее платья. И, возможно, в этот момент Салли подумала, что у нее властный голос непререкаемого авторитета. Неужели жизнь устроена так, что матери командуют, а дети подчиняются, пока сами не становятся матерями и не начинают притворяться перед детьми?

— Налей, пожалуйста.

— Может, если вы приляжете, вам станет лучше, миссис Нортроп?

— Скоро я так и сделаю, а пока... — И помахала пустым бокалом.

Верно, что постель — лучшее лекарство от мигрени; просто лечь на спину, успокоиться и бороться с накатывающимися волнами тошноты, лежать тихо, не двигаться, не думать. На кухонных стенах цвета сливочного масла висело две картины в рамках. Нежный рисунок цветка и рисунок Салли, сделанный несколько месяцев тому назад. На нем было изображено лицо девочки с каким-то подобием звезды над бровью. Когда Салли принесла его из детсада, Беверли спросила, что это за звезда.

— Это муха, — ответила Салли.

— А почему у девочки муха на лице?

— Потому что она вышла на улицу, мамочка.

Ясность детской логики потрясла Беверли, которая никогда так не ощущала запутанности жизни, как в последние два года: с тех пор, как Питер начал работать у Тони Эллиота и перестал спать с нею. Сначала она была озадачена таким резким разрывом, потом растерялась, потом огорчилась, потом впала в истерику, потом снова озадачилась, и это безумие длилось до тех пор, пока все эти чувства не слились в какое-то внутреннее чудовище, которому не смогла дать имя. Беверли не могла толком думать, не знала, что делать, не видела выхода из лабиринта, она была в ловушке и с логической неизбежностью вновь и вновь приходила к единственному решению: завести любовника.

Она считала это простым решением, однако сложность была в поиске подходящего объекта. Легко подумать, да трудно выполнить. Беверли думала, что если начнет

осуществлять свое решение, то ей удастся чего-то добиться от мужей Бетти, Юнис, Кетти, Петси, Сэнди, Ди-Ди, Джиджи или Марни, но сколько для этого нужно было приложить усилий! Это было выше ее сил, и ее позицию сильно ослабляла одна жуткая мысль: она просто потеряла ощущение своего пола. Ей чудилось, будто двадцать пять лет тому назад кто-то зашил ей влагалище и оно никогда уже не раскроется. Это было ощущение льда, мрака, смерти. Временами она плакала, и это тоже была своего рода смерть, плакала сухими глазами, потому что вся иссохла. Иссохли все слизистые оболочки, и в этом виноват Питер. С другой стороны, он находился в приподнятом состоянии духа, как будто ее воздержание давало ему силу.

Беверли иногда подозревала, что таким способом мужья и жены убивают друг друга. Сэнди однажды рассказывала ей, что в начале их брака у мужа было несварение желудка, тогда как она могла съесть семь блюд без всяких проблем. А затем обнаружилась интересная вещь. Желудок Сэнди начал портиться, и через десять лет они поменялись ролями. У Сэнди была открытая язва желудка, она была вынуждена сесть на строгую диету, а муж повсюду похвалялся своим «врожденным здоровьем».

— Я пошла наверх, — заявила Беверли. — Спокойной ночи, Маргарет.

— Спокойной ночи, миссис Нортроп. Извините, что у меня выскользнул поднос и я испачкала брюки мистера Эллиота.

— Это я виновата, Маргарет. Зачем нужно было затевать возню с этим жутким блюдом?

— Спасибо, миссис Нортроп.

— Сразу с утра все проветри.

— Уж об этом я не забуду, — рассмеялась Маргарет.

Тело помнит. Беверли чувствовала себя, как преступник, которого ведут на казнь, когда она поднималась по лестнице, покрытой голубой ковровой дорожкой, на второй этаж, где ее ждал палач. Как обычно, Питер сбросил одеяла на пол и лежал, чуть прикрытый простыней, с обнаженной жилистой безволосой грудью, и читал книгу. Это был роман «В поисках утраченного времени», история нынешней жизни Беверли.

— Ты до сих пор читаешь эту книгу?

— Сама не видишь?

Теперь Питер ей всегда так отвечал, так что можно было и не задавать ему вопросов. Должна быть другая женщина. Только поэтому он отвергал ее, иной причины не может быть. Однажды она прямо спросила об этом.

— Нет, — ответил он.

— Тогда почему мы не занимаемся любовью?

— Наверное, теперь меня это не интересует, — пожал он плечами.

Именно его наглость и вывела Беверли из себя. Если бы извинился, сказал бы, что устал, ослабел, солгал, она могла бы хоть как-то простить его. Но это не для застенчивого Питера. Застенчивые люди не лгут, их застенчивость — это и есть наибольшая ложь. Тогда почему она упорствует в мысли, что есть другая женщина? Беверли сама могла ответить на этот вопрос: потому что это было бы самое приемлемое объяснение. Она могла бы побороться с ней. А как состязаться с призраком? Она молила Бога, чтобы была другая женщина, кто-то, о ком могла бы все точно разузнать. Беверли хотела увидеть ее, изучить и приготовиться к битве. Единственная, кого она могла подозревать, работала с Питером, и он притворялся, что презирает ее. На прошлой неделе даже злобно назвал ее «сучкой Маррон», а Беверли вместо того, чтобы спросить, что это значит, задумалась, какое же у Лу Маррон тело и

почему Питер предпочитает ее.

После допроса Питер признался, что Лу худенькая, но при чем здесь это? Не ее тело волнует его (сказал он), а ее стервозность и жуткая вероятность того, что Тони Эллиот даст колонку Маррон, а не ему. Питер никогда не называл Лу Маррон «мисс Маррон», нет, всегда просто Маррон, как будто она была мужчиной. Это усиливало подозрения Беверли.

— Кажется, Тони Эллиот восхищен тобой, — сказала она, снимая перед зеркалом платье с глубоким вырезом на груди.

— Ты так думаешь? — спросил Питер, даже не взглянув на жену, которая смотрела на себя в зеркало, на черный кружевной лифчик, открывавший большие розовые соски, короткую черную рубашку и вызывающие трусики. Еще в начале их брака Питер заявил, что не любит лифчиков, а Беверли, оценив его восхищение, настаивала на лифчиках, ссылаясь на размер своей груди.

«Они будут болтаться», — объясняла она. «Ну и пусть».

Но без поддержки, к которой она привыкла, у нее возникало ощущение расхлябанности. Кроме того, силуэт становился некрасивым, хотя, учитывая размер, грудь держалась на очень неплохом уровне. Вес тянул ее вниз (подобно тому, как, однажды заметил Питер, тянет вниз висячий мост), и именно поэтому соски выскальзывали из лифчика. Сама Беверли искусно подшивала накладку на лифы платьев, а Питер хохотал, зная, что творится под приличным фасадом платья.

В давние времена, когда они жили нормальной сексуальной жизнью, Питер мчался с работы прямо домой, и они сразу выпивали по паре бокалов виски в музыкальной комнате (там было уютнее, чем в гостиной). Потом запирали дверь, Беверли снимала свитер или платье (чаще всего это был свитер), и после утомительного дня в шумном Манхэттене Питер мог сосать ее грудь в блаженной тишине их убежища в Гарден Сити. Его язык доводил ее до безумия. Соски становились такими твердыми, что у Беверли мог наступить оргазм еще до того, как его пальцы скользнут под тонкие трусики и начнут мучительные эксперименты. Скоро трусики полетят на зеленый, под цвет стен, ковер, а Питер начнет нежно сосать выскользнувший из лифчика сосок, рука будет ласкать другой сосок, а вторая рука тереть уже влажный и напряженный клитор, и в этот восхитительный момент Беверли подумает: вот для чего я живу, вот в чем смысл жизни.

После нескольких секунд неизъяснимого удовольствия Питер возьмет в рот другой сосок и положит руку Беверли на покинутую грудь, и они вдвоем будут сжимать ее. Ему нравилось сажать ее на прохладный стул для пианино, зарываться элегантною головой под юбку и ласкать трепещущий клитор горячим языком и слизывать бесстыдно истекающую жидкость. Пока его губы были заняты этим, руки нежно трогали возбужденные соски, и это доводило ее до такого состояния, что ей хотелось закричать в экстазе, но Питер не позволял. Он не очень разрешал ей и двигаться при этом. И делал так не из страха, что услышат Маргарет, «девушка» или Салли (Питер-младший тогда еще не родился), а потому, что хотел усилить взаимное удовольствие сдерживанием внешних проявлений. И только когда напряжение становилось нестерпимым, Питер разрешал ей надеть свитер и трусики, и Беверли на трясущихся ногах шла за ним в спальню вкушать плоды любовной прелюдии.

— Питер, — произнесла Беверли в данную минуту, — помнишь, как мы занимались любовью в музыкальной комнате?

— Конечно, а что?

— Я удивляюсь, почему мы прекратили это. Все просто исчезло.

— Такие вещи не могут длиться вечно.

— Почему же?

— Люди растут и взрослеют.

И до этого они доросли? До воздержания? Что же это за зрелость? Она ждала от мужа дальнейших объяснений, но тщетно. Беверли неожиданно ощутила прилив усталости и тоски и начала раздеваться. Обычное белье, а не безумные модели для девочек из «Тряпья». Беверли не могла, да и не хотела состязаться с этими худышками. Ей нравилось ее чувственное тело, даже если чувственность вышла из моды. Оно ей нравилось, и она не променяла бы его на худобу Лу Маррон, соответствующую господствующему ныне стилю женщины-девочки. Некоторые женщины не должны быть худосочными, думала Беверли. Сам скелет требует плоти, душа нуждается в ней. Раздумья об этом закончились тем, что Беверли выскользнула из трусиков и рубашки. Она швырнула трусы на розовый ковер. На них полетела рубашка. И она предстала перед Питером только в черном лифчике. Ее пышное белое тело трепетало в розовом полумраке комнаты.

— Дорогой, у тебя роман с этой Маррон?

— Что за чушь? Маррон! С чего это тебе взбрело в голову?

— Не с чего, а почему.

— Ладно, — покорно вздохнул он. — Почему ты так думаешь?

— Потому что только это может быть объяснением.

— Чего, позволь спросить.

— Того, что мы не занимаемся любовью.

— Я занимаюсь с тобой любовью, — сказал он из-под укрытия книги Пруста.

— Когда? Раз в год?

— Беверли, не надо преувеличивать. Гораздо чаще.

Она села на кровать рядом с ним и выдавила из себя вопрос, который сверлил ей мозг уже несколько месяцев:

— Я тебе отвратительна?

Он отложил книгу и взглянул на нее.

— Почему ты так думаешь? Нет, не отвратительна. Почему ты прицепилась к человеку, который явно меня не интересует?

— А что мне остается делать? Я хочу понять суть нашей проблемы, а для этого мне нужно разобраться в твоих чувствах. Поэтому так важно, чтобы ты был искренен. Если ты устал от меня — скажи. Если я тебе отвратительна — скажи. Только не лежи с книгой, не обращая на меня внимания и притворяясь, что все у нас прекрасно, хотя я знаю, что это не так. Питер, я женщина. Я так больше жить не могу.

— У тебя сейчас начнется истерика. Я это чувствую по голосу. Дорогая, выпей успокаивающее.

— Я ими по горло сыта. Меня интересует только одно лекарство, и ты лишил меня его.

— Господи, мы снова об этом?

— Снова? — закричала Беверли. — Ты сказал «снова»? Мы все время говорим об этом. Без остановки! С каких пор? О чем ты лопочешь, лунатик? Как ты можешь вот так лежать и читать Пруста?

Быстрым движением она выбила книгу у него из рук. Книга упала на трусики и рубашку. (О, это было символично!)

— Видишь? — сурово сказал Питер. — Я же говорил, что у тебя начнется истерика.

Она бы убила его. К этому все и шло. Однажды так и случится. Впервые в жизни Беверли поняла, что такое убийство. До этого оно было для нее непознанной территорией, о которой читала в газетах, но она не имела отношения к ее повседневной жизни, поскольку с людьми, убивающими других людей, она, Беверли Филдс Нортроп III, не общалась. Это безумные, сумасшедшие маньяки, которых не пускают на Стюарт авеню и в загородный клуб «Вишневая долина». Эти люди были так же далеки от нее, как и те, кто жил в кишачих крысами трущобах, они были не более реальны, чем ночные кошмары, а теперь она могла стать одной из них, она сама становилась частью кошмара, и это было самое ужасное чувство в ее жизни. Но оно не только пугало, но и будоражило, потому что убийство было своего рода выражением страсти, по крайней мере в ее случае. Кровь начинала бурлить. Она уже видела заголовки «Дейли Ньюс» и могла вообразить себе юных секретарш, читающих в подземке статью об этом скандале. Беверли представляла себе шок соседей по Гарден-Сити. И размышляла о том, что бы она могла сказать полиции.

«Мне было тоскливо».

Убийство возбуждало. Она сказала бы и об этом. Сказала бы так, потому что хоть что-то *произошло бы*, а в ее жизни так долго ничего не происходило, абсолютно ничего. Пруст и трусики были счастливой встречей, они целовались.

Беверли встала и выбежала из спальни, едва не упав на лестнице по пути в гостиную, к бару, где налила бокал чистого виски и выпила залпом. Маргарет было не слышно и не видно. Еще по дороге Беверли решила, что Маргарет будет следить за тем, как укладываются в постель Питер-младший и Салли в своих комнатах на третьем этаже. Конечно, Маргарет была там. (Она похвалила себя за проницательность.) Беверли не рассчитывала на Маргарет. Не рассчитывала ни на нее, ни на кого другого среди всех ее знакомых, ни на себя, ни на Питера, ни на друзей... Ди-Ди, Марни, Джиджи... Что она знает о них, об их реальной жизни, что они знают о ней? Она всегда полагалась только на Питера, а теперь нужно было признать, что она ошиблась. Предательство иссушило ее жизнь. Если ошиблась в Питере, то, возможно, ошибалась во всем и во всех. Да, надо все это внимательно обдумать, но как же она могла так ошибиться? Почему Пруст целовался с трусиками? Кто сказал, что в этом должен быть смысл? Ах...

— Сними этот смешной лифчик, — сказал Питер, когда она вернулась в спальню со вторым бокалом виски в руке. — Это вчерашний день. Ты хоть в чем-то разбираешься?

Беверли вдруг сообразила, что головная боль исчезла.

— Я тебе скажу, в чем я разбираюсь. В этом!

Она выплеснула виски ему в лицо и швырнула бокал в другой угол комнаты, где он разлетелся на мельчайшие осколки. Беверли расхохоталась. Резким хриплым смехом. Он, казалось, отскакивал от розово-серых обоев и отдавался эхом в ушах. Смех, боль, гнев, опьянение, ярость. У Беверли болели и тело, и душа. Наклонившись к Питеру, она вlepилe ему пощечину прежде, чем он перехватил ее руку и повалил на кровать.

Он дрожал от гнева.

— Ладно, безумная мочалка, раздвигай ноги!

— Я тебя презираю, — сказала она и попыталась вlepить еще одну пощечину, врезать ему, исцарапать, изодрать, сделать больно, но он ловко увернулся.

— Я тебя свяжу, если ты не успокоишься, — сказал Питер. — Не сомневайся. Так, сиди тихо и слушай меня.

Она заледенела от его голоса. Это был холодный, отстраненный, бесчувственный, чужой

голос, а не голос человека, прожившего с ней восемь лет.

— Во-первых, — продолжал он тем же тоном, — сними этот лифчик и аккуратно положи его на столик, не надо швырять, хватит театра, иначе я на неделю привяжу тебя к кровати. Я это сделаю, Беверли.

Он выпустил ее руку, чтобы она расстегнула лифчик. Какую-то секунду Беверли колебалась, не дать ли ему пощечину, но ее остановил простой животный страх, предчувствие катастрофы, которая разразится, если она осуществит свое намерение.

— Прекрасно, — сказал Питер тоном отца, увещающего ребенка. — Я сейчас лягу на спину, а ты сядешь мне на бедра. Не ложись на меня, просто сиди, раздвинув ноги.

Они поменялись местами. Питер лег на спину, и, как она заметила, его член напрягся. Беверли выполнила приказ и села ему на бедра, едва касаясь его палки, которая (она молилась об этом!) скоро может оказаться в ней. Но они несколько минут оставались в прежней позиции, не двигаясь и не разговаривая. У Беверли затекли ноги, она в страстном ожидании чуть наклонилась вперед.

— Питер, я...

— Сиди тихо.

— Но, Питер...

— Я сказал, сиди тихо.

— Я не буду сидеть тихо!

Приподнявшись, он так сильно ударил ее по лицу, что Беверли чуть не потеряла сознания. Слезы хлынули из больших голубых глаз, но она не осмелилась раскрыть рот, опасаясь возмездия. Всклипнула, не понимая, что же в ее жизни привело к этому непонятному инциденту. Пытаясь сдержаться, она сидела неподвижно целую вечность, и вдруг Питер приподнялся и снова ударил ее. Сильно, еще сильнее, чем в первый раз, и еще неожиданнее. Она соскочила с него и разразилась рыданиями. Питер не трогал ее и молчал. Он встал, поднял книгу с пола, лег обратно и нашел нужную страницу. Беверли плакала долго, затем вытерла глаза, готовясь к новому повороту событий. Она не верила, что это случилось с ней. Ясно, что он не собирается просто читать книгу, не сейчас же, это было бы слишком унижительно.

— Питер, извини, если я...

Она замолчала, не зная, как закончить фразу. Не знала, за что просить прощения, и ее окутало облако невыразимого горя.

— Спи, Беверли.

Спать? Как она сможет заснуть? Он с ума сошел.

— Я думала, что мы раньше...

— Так и было, пока ты не стала ядовитым скорпионом.

— Извини, что я плеснула тебе в лицо...

Он промолчал.

— Питер, извини меня...

— Ладно.

И он должен был сказать только это? Щеки до сих пор горели от его ударов, но сейчас Беверли ощущала возбуждение и истекала влагой. Он всю ночь не будет замечать ее? Она перенесла бы все, только не это, пусть даже бьет ее, все что угодно, все будет лучше, чем эта отчужденность. Она придвинулась к нему.

— Питер, я люблю тебя.

Он похлопал ее по обнаженному плечу.

— Спи.

— Поцелуй меня.

Он нежно поцеловал ее в губы.

— А теперь спи, а ночью я разбужу тебя.

Он сдержал слово. Через несколько часов, когда в комнате было темно и в мире все затихло, Беверли во сне ощутила палец мужа на клиторе, а через минуту он вошел в нее, до сих пор еще влажную, и двигался в ней с такой безжалостной энергией, как никогда раньше. Его движения были своего рода ритуалом, танцем. Проснувшись, тоже начала двигаться (он лежал сзади), она двигала большим круглым задом все быстрее и быстрее, одновременно шире раскрывая себя до тех пор, пока не ощутила, что ее потное тело охватывает сладостная истома. Пот градом катился с нее, сочился изо всех пор. Она остро ощущала мужские пальцы на своей груди, животе и ниже, на полных трепещущих бедрах. Вот они достигли заветного треугольника волос, и в эту секунду Беверли разразилась криком наслаждения.

Утром, едва забрезжил рассвет, Беверли проснулась от чувства тревоги. Питер безмятежно спал на другой стороне кровати. Она обняла его пылающее тело в попытке уверить себя, что ее страхи безосновательны, но ощущение опасности не исчезло. Воспоминание об экстазе смешивалось с осознанием того, что нынешней ночью что-то в ее жизни изменилось и прошлое никогда больше не вернется.

Аните было жаль, что Симона и этот умница Роберт Фингерхуд ушли так рано. Было больше чем просто жаль. После всех треволнений, связанных с подготовкой вечеринки, ей казалось несправедливым, что люди считают возможным так себя вести, плевать на все ее приготовления и спокойно уходить, как будто у них не было долга вежливости по отношению к хозяйке.

В данном случае это было особенно оскорбительно, потому что Анита считала Симону своей подругой. Она рассчитывала на ее более благоразумное поведение, хотя Симона никогда ни о ком, кроме себя, не думала. Когда они жили вместе, именно Анита пыталась внести разумное начало в их жизнь. Она знала, что на Симону рассчитывать нечего, потому что та ветрена, легкомысленна и крайне эгоистична. Анита вспомнила то утро, когда Симона проснулась первой и выпила весь апельсиновый сок. Там было больше литра, а она все выдула, ничего не оставив Аните.

— Я же умирала от жажды, — просто объяснила Симона.

А однажды Симона одолжила у нее новые итальянские туфли за сорок пять долларов и вернулась со свидания, извозив их до неприличия.

— Чем ты занималась? — спросила Анита на следующий день. — Любовью в ванной?

— Нет, на раковине, а потом он выпил стакан воды и расплескал его.

— На раковине? Что за бред? Зачем это делать на раковине?

— Затем, что на вечеринке это было единственное подходящее место.

— Ты не могла дождаться, пока вы придете к нему на квартиру? — спросила Анита, размышляя о том, как же ей привести туфли в порядок.

— Дело не в том, чтобы подождать. Я хотела сделать это на раковине.

— Ты когда-нибудь думала о других людях? Ты же знаешь, сколько стоят туфли. Могла бы и снять их.

— Не сердись. Я умираю от усталости. Извини, пожалуйста, что испортила их.

Но Анита видела, что Симоне наплевать на туфли. Ей просто было тошно выслушивать с похмелья все эти разговоры.

— У тебя странные знакомые, — сказала Анита. — Не понимаю, где ты их выкапываешь.

— Если бы кто-нибудь заботился обо мне, я бы этого не делала, — весело отвечала Симона, подчеркивая французский акцент. — Ты сама не понимаешь, какое для тебя счастье быть с Джеком. Ты не представляешь себе, сколько в Нью-Йорке извращенцев.

— Спасибо, теперь я начинаю это понимать.

— А на раковине было неплохо, — задумчиво сказала Симона. — У него сильные бедра. И не надо лезть в ванну подмываться, все под рукой.

— Я предпочитаю мягкий матрац. И, к счастью, Джек тоже.

Именно с Джеком Анита испытала первый оргазм в жизни. И сомневалась, что испытает его с другим мужчиной. Она где-то читала, что если женщина научилась достигать оргазма, то не очень важно, с кем она спит, потому что эта способность зависит от восприимчивости женщины, а не от мужских способностей, и до этого момента Анита соглашалась с теорией, Она была согласна, что женщина должна быть готова принять чудо, которое сейчас произойдет, и именно так Анита ощущала себя с Джеком Бейли, но не считала, что так же будет с другим, даже думать не могла об этом. Дело не в том, что он делал в постели, просто он — это он, его внешний вид, тело, кожа...

Именно поэтому Анита не могла обсуждать сексуальные проблемы с Симоной, она отказывалась это делать. Симона вела себя, как ребенок. Она хотела знать технические подробности, как будто они могли преодолеть ее собственную фригидность. Анита как-то попыталась объяснить ей, что механика любви имеет второстепенное значение по сравнению с чувствами, но Симона глянула на нее так, будто она была двухговым чудищем. Анита даже пожалела ее. Трахаться на раковине — это не решение проблемы, но Симона этого не понимала. От отчаяния она испробует любую позицию, свяжется с любым извращенцем и все время будет удивляться, почему никто не может дать ей удовлетворения, которого так жаждет (в этот самый момент Роберт Фингерхуд показывал Симоне вибратор, который, к ее величайшему огорчению, не собирался использовать).

Анита вернулась к гостям в тот момент, когда Джек Бейли вышел из кухни с высоким бокалом с коричневой жидкостью.

— Джек, — сказала она, — я так счастлива, что ты пришел! Я уж не чаяла и увидеть тебя.

— Я балдею от вечеринок, ты же знаешь.

Блестящие голубые глаза окинули взглядом всю комнату. Джек был из Невады, однажды он сказал ей, что у всех убийц с Дикого Запада были голубые глаза, и Анита ему поверила.

— Я так давно тебя не видела, — сказала она. — Как ты поживаешь?

— Неплохо. Не жалуясь. А ты?

— Великолепно. — Она не считала, что сумела заставить его поверить в это. — Встречаюсь с людьми, гуляю, хожу в театры, кино, на концерты, дискотеки и все такое. В Нью-Йорке есть чем заняться.

— Да, — ответил он, отхлебывая из бокала. — Это верно.

Она поколебалась, не спросить ли об англичанке, с которой он встречался, но что-то подсказало, что в ее голосе будут чувствоваться ревность и любопытство, а эти два качества Джек презирал больше всего.

— Я слышала, ты недавно летал в Лондон, — сказала она вместо этого. — Понравилось?

— Я люблю Лондон.

— Но теперь ты летаешь в Париж.

Он улыбнулся, если эту гримасу можно было считать улыбкой. Скорее, это была кривая ухмылка.

— Париж я тоже люблю. Люблю странствовать, иначе закисаешь.

И с одной женщиной, подразумевал Джек. И поэтому он бросил ее в прошлом октябре? Ему нужно разнообразие? Или она сделала что-то особенное, или, наоборот, не сделала чего-то, не исполнила какого-то его желания? Аните надо было выяснить это. Она бы даже смирилась с разрывом, если бы знала причину. Как раз непонимание и сводило ее с ума в последнее время. Непрерывные сомнения, растерянность, предположения, которые не имеют смысла, если их не подтвердил Джек.

— Ты когда-нибудь бывала в соборе Сент-Шапель в Париже? — спросил он.

— Нет. А ты?

— Сегодня я провел там все утро. Это был храм королевской семьи. До революции 1789 года, естественно.

— Этого я не знала.

Она смотрела на него. Джек снял китель и фуражку, и в простой белой рубашке и темных брюках его можно было принять за официанта. Так что же в нем так привлекало? Он был не очень красив, лицо помятое, низкая линия волос, красноватая кожа, которая иногда багровела от гнева, и все же была в нем какая-то гармония, в его походке, будто он только что сошел с лошади. Анита никогда не видела такой походки у восточных жителей. Этакая развалочка Гарри Купера, что-то в движении бедер очаровывало Аниту, которая во все время их романа любила сидеть и жадно глазеть, когда он обнаженным шел по комнате.

— Что забавно в Сент-Шапель, это то, что витражи пережили две страшные войны. Тебе надо сходить туда, когда будешь в Париже. Жутковатое чувство, когда поднимаешься в часовню на втором этаже и в твоих шагах чудится эхо шагов Людовика Четырнадцатого.

— Очень интересно.

— Не интересно. Волнующе!

— Я так и хотела сказать.

Анита уважала способность Джека увлекаться вещами и местами, которые ее не очень интересовали. Она чувствовала, что это неотъемлемая часть его мужественности. Он был самым мужественным человеком из всех, кого она знала, но если бы ее попросили объяснить смысл этого слова, она не знала бы, что ответить. Джек всюду побывал, познал многих женщин, был дважды женат, у него рос четырнадцатилетний сын, который жил с его первой женой близ Лас-Вегаса, участвовал в трех войнах. Анита была влюблена в его прошлое не меньше, чем в его настоящее.

Смешно сказать, но ее возбуждал один взгляд на его руки. Он закатывал рукава рубашки, обнажая мускулы, а она, видя вздувшиеся вены, возбуждалась, ей казалось, что они излучают жизненную энергию. В одежде Джек казался тоньше, чем был на самом деле. У него была выпуклая грудь, и Анита любила класть голову на нее (может, она напоминала ей грудь ее отца?). Она знала, что его широкие тяжелые плечи защитят от всего. Худые мужчины ее не привлекали. Мальчишеское тело Питера Нортропа не возбуждало, когда она все-таки столкнулась с ним. Нет, Анита трепетала от ощущения тяжести на себе, когда

занималась любовью, ее нужно было подминать под себя. Для удовлетворения ей необходимы сила, давление, и временами она сомневалась, интересны ли ей чувства, мысли Джека, понимание его натуры, или ее прельстило чисто физическое воздействие. Анита вдруг обнаружила, что вовсе не слушает его, что ее интересуют не слова и их смысл, а лишь звуковая оболочка, тембр голоса, энтузиазм, с каким он говорит о соборе Сент-Шапель, который так взволновал его и был так безразличен ей. Но она готова была целый час слушать и не скучать, Джек мог бы просто читать греческий алфавит, а она все равно была бы загипнотизирована самим фактом его присутствия.

Это, решила Анита, магия любви, ее вечная загадка, которую люди пытаются разгадать во все времена. *Почему?* Почему мы влюбляемся в этого человека, а не в другого? Все постоянно анализируют составляющие любви, отрезая кусочек здесь, пришивая заплатку там; это смешное занятие: вносить логику в область, которая неподвластна здравому смыслу. Только чувства могут объяснить любовь. К ним все и сводится, и если в эту секунду кто-нибудь спросил бы Аниту, почему она любит Джека Бейли, она не постеснялась бы ответить:

«Потому что мне нравится, как он идет по комнате».

В дверь позвонили, и Анита извинилась перед Джеком:

— Я через секунду.

На самом деле хотела сказать: «Пожалуйста, не уходи, не оставляй меня, не флиртуй с другими». (Что, если он уйдет в ночь с девушкой в синтетическом костюмчике? Анита возненавидела себя за то, что пригласила ее.) Несколько минут тому назад они обменялись взглядами, и теперь Анита ощутила запоздалое раскаяние. Предполагалось, что Джек останется у нее, когда все разбредутся; предполагалось, что они займутся любовью (она так долго ждала его!), а потом она задремлет рядом с ним и будет слушать его ровное сонное дыхание. Анита сильно любила его и верила, что он хоть капельку, но любит ее. В противном случае мир рушился.

— Анита, дорогая, выглядишь божественно, как всегда. Я уж начал забывать твою сногшибательную красоту.

— Йен, дорогой, я так: рада тебя видеть.

Йен Кларк поцеловал ее щеку и прошептал:

— Ты оставишь меня на ночь, если я пообещаю вести себя хорошо? Я смею надеяться?

— Ты такой обманщик.

— В этом мое обаяние.

Йену Кларку, англичанину, было под тридцать. На не очень красивом лице сохранялось вечное вопросительное выражение. Волосы модно подстрижены. Но он был по-своему привлекателен, было в нем что-то от встревоженной птички, что притягивало людей. И все же, как и все его соотечественники, Йен раздражал Аниту. Она не принимала англичан, считая, что фасад скрывает за собой пустоту.

Прошлой зимой Анита несколько раз переспала с Йеном. Все было спокойно и вежливо, катастрофы не произошло, ничего страшного не случилось, однако не было и ничего чудесного или хотя бы интересного. Все прошло как-то механически, как будто они проводили показательный урок по технике любви перед студенческой аудиторией. К тому же тазобедренная кость Йена очень больно давила ей на бедро, а ее попытки как-то изменить позу привели лишь к тому, что кость стала давить ее нежное тело в другом месте.

Начнем с того, что она переспала с Йеном, стараясь выбросить из головы Джека Бейли.

Анита тогда повстречала Джека и ощутила опасные симптомы того, что она безнадежно влюбляется в него, тогда как не было ни малейшего признака, что Джек испытывает к ней такие же чувства. Однако после нескольких ночей с подарком Англии колониям готова была встретить лицом к лицу любую катастрофу, которая ждала ее в объятиях Джека Бейли; не просто готова, жаждала ее, и как только они с Джеком преодолели несколько серьезных препятствий (его огромный пенис и ее бактерии), сексуальная жизнь стала чудесной, даже если не говорить о достижении первого оргазма.

Анита вспомнила этот оргазм во всех бесстыдных деталях. Она вышла из себя до такой степени, что закричала изо всех сил:

— Боже! Трахай, трахай меня, пожалуйста, не останавливайся!

Потом она была так ошеломлена грубостью своих слов, что даже во время сотрясавших ее конвульсий покраснела до корней волос и облилась потом.

Когда связь с Джеком распалась, некоторые вещи омрачали ее дальнейшие развлечения. Во-первых, было непреодолимое чувство, что Джек ждал от нее большей инициативы, большей изобретательности, большей энергии в постели, но она не знала, что предпринять, кроме повторения своего успеха с Терри Радомски во время учебы в школе. Джеку, в общем, нравились эти опыты, но иногда она чувствовала его раздражение, а однажды он грубо оттолкнул ее голову и сказал:

— Не сейчас, милая.

Это изумило ее, равно как и его молчаливое, но непреклонное ожидание каких-то действий.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — наконец-то спросила она.

— Для разнообразия ты хочешь лечь сверху?

Анита согласилась, но ей не понравилось. Она не знала, что в этом случае делать, и эта поза казалась ей неестественной для женщины. Его просьба обидела, но Анита храбро пыталась симулировать восторг, которого не испытывала. В это время она думала, что будет покоряться любым прихотям Джека Бейли до тех пор, пока... Почему она должна стыдиться своих мыслей? Они весьма серьезны. До тех пор, пока не станет миссис Джек Бейли и не сможет сама выбирать форму удовольствия.

Еще одним поводом для разногласий было желание Джека заниматься любовью во время месячных. Анита и не слышала о подобном. Она была в шоке. Настолько, что даже поделилась сомнениями с Симоной, но реакция подруги была по меньшей мере бездушной.

— Это не так страшно, — заметила Симона. — Он же не съест тебя. Пусть попробует поцеловать.

Именно тогда Анита решила, что Симона безнадежно испорчена, хотя в приливе болезненной зависти подумала, что подружка лучше ее, более раскованна, меньше связана суровыми правилами того, что хорошо и что плохо, тогда как у самой Аниты были спутаны руки и ноги, она была прикована к миру старомодных идей и представлений. Анита ощущала, что ее заставляли отречься от идеи материнства, чтобы скакать в постели, как сексуальной маньячке, мысли которой ограничены следующим оргазмом. Она мыслила шире. Сексуальную близость воспринимала серьезно, это был драгоценный дар, самый драгоценный, это была часть ее личности, и она не могла тратить его попусту в бездумных удовольствиях. Нет, это не для нее, ее сексуальные желания и супружеские чувства были тесно переплетены, и с этим она ничего не могла поделать. Анита отчаянно пыталась объяснить свою позицию Джеку.

— Извини, милая, — отвечал он. — Я дважды разводился, и мне совсем Не улыбается еще кому-то платить алименты.

— Я знаю, что сделаю тебя счастливым.

— Счастье вызывает запоры.

(Все пилоты помешаны на дерьме.)

— И это все, что ты можешь сказать?

— А недостаточно?

— Тебе не одиноко жить? — (Она собиралась кормить его самыми изысканными блюдами, когда они станут мужем и женой... У нее самой слюнки текли при мучительной мысли о замужестве.)

— Одиночество — естественное состояние, — изрек Джек. — А вот брак — нет.

— Если можно, мне виски с содовой, — сказал в эту секунду Йен.

Секс и выпивка, выпивка и секс. И мужчины думают только о них? Когда она вернулась с бокалом, то спросила, с кем из девушек он хотел бы познакомиться.

— Другими словами, ты даешь мне от ворот поворот? — насмешливо спросил Йен.

Это было еще одно, что она не любила в англичанах: их постоянный юмор. Они вечно шутили, считая себя очень остроумными даже тогда, когда их замечания были явно неуместными. Но факт был тот, что она не интересовала Йена, он искал богатую девушку, о чем рассказал сам. После первой же совместной ночи произнес:

— У тебя чудная задница. Как жаль, что ты бедная работающая девушка.

Когда она спросила, что он имеет в виду, Йен вздернул бровь и жестко ответил:

— В этой стране я ищу только одно, дорогая, — девушку с деньгами. Ты же не думаешь, что я буду пахать на сраном телевидении всю оставшуюся жизнь?

Анита сказала, что так не думает, но почувствовала себя глубоко оскорбленной из-за того, что он выбрал такой интимный момент, чтобы сообщить ей, как ему плевать на нее. Хуже не бывает, считала она, если тебя оскорбляют, когда ты голая. Оскорбление ощущаешь с двойной силой.

— Ты настоящий мерзавец, — сказала Анита, когда это случилось с ней, ощутив некоторую гордость за то, что впервые в жизни произносит эти слова мужчине в лицо.

— Да не впадай в ярость из-за моей честности. Людям незачем обманывать друг друга, особенно если речь идет о деньгах, как сейчас.

Анита от гнева не нашла с ответом, оскорбление было столь сильным, что она не могла даже заплакать. Ее вычеркнули по финансовым соображениям, или в расчет принималось и социальное положение? В конце концов, что такое стюардесса? Небесная официантка, что бы ни болтали рекламные объявления о наборе на эту работу. Она бы смирилась, если бы Йен сказал, что не любит блондинок, или что у нее маленькая грудь, или что она слишком похожа на его мать, но выбросить ее потому, что у нее нет денег, доходов, наследства, — это уж слишком. Это было так не демократично, так не по-американски, поэтому она напонила себе, что Йен — не американец и не уважает американских ценностей. Последнее соображение позволило ей простить его тупость.

— Ты все еще на телевидении? — спросила Анита, решив, что в черном свитере и твидовой куртке он выглядел как никогда хорошо.

— Да. Всегда было мерзостно, а сейчас еще хуже. А ты? Все еще подаешь еду над Атлантикой и меняешь пеленки младенцам?

— Верно.

Странно, но у нее сейчас не было обиды на Йена. Возможно, потому, что, увидев его впервые в этом году, она поняла, как он раним, как несчастлив в работе, которую ненавидел (помощник режиссера дневной викторины), как хочет найти богатую невесту, что совсем не так легко, как он думал, покидая берега Англии три года тому назад.

— Что на личном фронте? — спросил Йен. — Встречаешься с кем-то? Влюблена?

— Да.

— Полагаю, этот счастливец здесь?

— Да.

Но где? Аниту охватила паника, но тут она заметила, как Джек вышел из ванной и сразу направился к той самой девушке, а затем они начали танцевать, дразня друг друга и танцуя в отдалении. У Аниты сжался желудок, их танец напоминал половой акт на расстоянии, соблазнительный, возбуждающий, всепоглощающий. Боже, однажды Джек засунул ей палец в зад. Почему она вспомнила об этом сейчас? Потому что было больно, как при виде этого танца? Может быть, может быть.

— Йен, ты не принесешь мне выпить?

— Конечно. А что?

— Водку со льдом, пожалуйста.

— Одна нога здесь, другая там.

— Спасибо.

Но он замешкался.

— Ты как-то помрачнела. Тебе плохо?

— Просто здесь жарковато. А тебе?

— Я принесу выпить и открою окно, — озабоченно сказал Йен.

Во время их короткого романа он никогда не проявлял заботы, и Анита подумала, что он так изменился потому, что сейчас между ними не было секса, не было любви и проблем брака. Ей было любопытно видеть, как у него возникло человеческое отношение к ней, когда исчезли все важные вопросы взаимоотношений между женщиной и женщиной.

— Льда я положил мало, — сказал Йен, вручая бокал. — Кажется, тебе нужно кое-что покрепче.

— Правда.

— Он задает тебе перца?

— Да. Да.

Анита сделала большой глоток, потом еще один. Стакан, из которого она сейчас пила, был из-под сливового желе. Этот стакан достался ей в наследство со времен совместной жизни с Симоной. Симона и купила это желе, она любила намазывать его на хлеб по утрам. Анита подумала: а как там обстоят дела у Симоны и Роберта Фингерхуда? Может, они полюбят друг друга, поженятся, и Симона попросит ее быть свидетельницей на свадьбе. Наверное, все знакомые девушки выйдут замуж раньше ее. Вот на прошлой неделе одна из старших стюардесс объявила о своей помолвке. Этой лошади по документам было тридцать пять лет. Другая стюардесса съязвила: «Клянусь, в постели она делает чудеса».

Анита прикончила водку и пошла к бару, пока Йен сражался с окном, которого не открывали несколько месяцев. В этом момент «Сюпримз» запели «Остановись во имя любви».

— Тебе лучше? — спросил Йен, когда она вернулась с полным бокалом.

(«Вам лучше, миссис Нортроп?») — спрашивала в это время Маргарет в кухне цвета

сливочного масла.)

— Свежий воздух помог, — сказала Анита.

— Так где же он?

— Танцует вон с той.

— Неплохо.

— Да, он привлекательный.

— Я о девушке.

— Не остри.

— Извини. Это бестактно. Но ты гораздо лучше. Честное слово. Это не слова утешения.

— Спасибо.

— Не за что. Я мерзавец и прекрасно это знаю.

— Возможно, но сегодня ты очень мил.

— Огорченные дамы всегда полагаются на мою рыцарскую натуру. Мы, англичане, дорожим легендой о нашем романтическом прошлом.

Разве я не был мил и нежен с тобой?

Остановись во имя любви, пока ты не разбила мое сердце.

Подумай, хорошенько подумай.

— Иногда я думаю, что не надо было мне уезжать из Кливленда, — сказала Анита.

— А на что похож твой Кливленд?

— Жуткое место. Наверное, худший город Америки.

— Почему же?

— Он такой уродливый. Уродливее городов я и не видела. Там все думают только о деньгах.

— Не это отличает Кливленд. Сейчас все и всюду думают только об этом.

— Девушка, с которой танцует Джек, накачана.

— С чего ты взяла? Вполне трезвая, по-моему.

— Я не о пьянстве. Богатая. Очень богатая.

У Йена во взгляде появился специфический огонек.

— Я не знал. Почему же ты раньше не сказала?

— Хотела сделать сюрприз.

Он инстинктивно поправил прическу и отряхнул воображаемые соринки с куртки.

— Приготовимся, дорогая. Куда вложены ее деньги? Надеюсь, во что-то солидное?

Подумай, хорошенько подумай.

— Недвижимость, — сказала Анита.

— Ты — чудо. Увидимся.

Подумай, хорошенько подумай.

Если даже маневр Йена окажется успешным, не было никакой гарантии, что Джек не переключится на другую или другая не переключится на него. Она должна сцапать его, пока его не сцапает девица в розовой мини-юбке, или та, в золотистом бурнусе, самая красивая здесь. У нее были огромные миндалевидные глаза, стройная фигурка. Или девушка в распашонке и пышной оранжевой юбке. Да, у всех у них были яркие отличительные черты,

которые бросались в глаза. В Нью-Йорке так много привлекательных женщин, конкуренция жуткая, Анита погибала из-за нее. Почему Джек должен выбрать ее, когда так много более милых, более живых девушек, чем она? Даже у самой некрасивой девушки в комнате, той, в вязаном платье, был свой шарм: очень короткая стрижка, вызывающие тени под глазами, резко контрастировавшие с полосами на платье. Розовая гаремная пижама Аниты казалась ей убогой на фоне экзотики одеяний других девушек, и сейчас она пожалела, что не нашла ничего другого, может, лучше было купить отделанное металлом, лязгающее платье? Металла не было ни на ком, как она отметила, наверное, потому, что пока он был очень дорог. «Сюпримз» начали «Медового мальчика»:

Он сахар, он мед, он чудо чудес.

Он мое сердце, моя радость и моя любовь.

М-м-м, м-м-м, м-м-м.

Анита вспомнила, как однажды они сидели в ванне и пускали игрушечные кораблики среди радужных мыльных пузырей, и она размышляла о том, что бы пассажиры с серьезными лицами («Нас выкинет в Атлантику, ребята») подумали, если бы узнали, что их капитан и старшая стюардесса играют корабликами в ванне и мылят друг другу гениталии. Потом они вытерлись, попудрились, выпили шампанского и провели остаток дня в отеле «Палас» в Мадриде, занимаясь лю-ю-ю-любовью-ю-ю и приговаривая, что надо бы сходить в музей Прадо и посмотреть картины Веласкеса, но еда была лучше, чем на натюрмортах: кусочки огурца с тушеной в красном соусе говядиной и все прочее... Все было прекрасно. *Вчера...*

Подумай, хорошенько подумай.

— Ты движешься слишком быстро, — сказал Джек.

Джеку нравилась ее нежно-розовая кожа, но она была недостаточно загадочна для него, у нее не было ауры. Да еще Йен перестанет с ней разговаривать, когда узнает, что у той девицы нет ничего за душой, кроме счета на следующую неделю (она преподавала латынь в школе). Он придет в ярость, но какое ей дело до проницательного Йена с его торчащей тазобедренной костью? Ей надо покрасить волосы, уже видны корни волос. Взрослеют ли люди по-настоящему или только обманывают друг друга при свете дня своими озабоченными лицами, а по вечерам играют корабликами в ванне? Ложь, все бессовестно лгут о самих себе, боясь поверить в собственную же ложь («Нас выкинет в Атлантику, ребята»). Отель «Палас» был великолепен, и Анита хотела бы провести всю свою жизнь в шикарном халате и поглощать еду, которую бесшумно привозили официанты на серебряных столиках. Какое ей дело до реальности?

— Извини.

Она дергалась, потому что хотела позвонить парикмахеру с раннего утра, потемневшие корни волос выводили из себя. Как и грудь, которой не помогут водные процедуры. Может, нужен силиконовый протез (тысяча долларов, а их у нее нет), потому что без голливудского лифчика грудь и вовсе потеряла форму. Во всем виновата жирная свинина, которой торговал ее папаша. Она сама стала свиньей. Завтра все будет лучше, когда ранним свежим утром

запоют птички...

...И навечно воцарятся любовь, веселье и мир...

Именно это однажды спел ей Джек. Но она не узнала ни песни, ни скрытого смысла его пения, их разделяло целое поколение. Анита подозревала, что если Джек женится еще раз, то на близкой по возрасту женщине, что было бы забавно, поскольку большинство мужчин предпочитает молодых. Анита знала, что секс ей не нужен, это только приманка, единственной целью было замужество.

— Мне нравится, — простонала она.

Даже достижение первого оргазма в прошлом году не значило для нее так много, как должно было бы. Она мечтала о мытье посуды и стирке пеленок. Надеялась, что Симона и Роберт Фингерхуд не влюбятся друг в друга, она бы завидовала им. На этот раз Джек должен был кончить раньше ее, Анита не могла кончить, потому что слишком переживала из-за волос. Может быть, некоторые женщины сделали бы из этого новый источник наслаждения, но она не из таких. Джек потерял контроль над собой во время оргазма. Животное, свинья, нет, нет, она любила его, но что это значит на самом деле? Ничтожество. Он кончал так долго, что она промокла насквозь, комната воняла спермой, простыни промокли, все было в ней, сто тысяч потенциальных детишек, которые никогда не увидят света дня из-за противозачаточного колпачка 75-го размера. И что же ей скажет будущее человечество?

— Как будто мешок трахаешь.

Так мало ступеней вверх и так много ступеней вниз.

История жизни Аниты.

Чу-Чу заснул в сумке, стоявшей у радиатора, а Питер Нортроп сказал во сне:

— Марсель Пруст был мудозвоном.

Лу курила слишком много.

Когда она шла несколько кварталов, отделявших ее квартиру от «Элен» на Второй авеню, у нее было дикое, почти непреодолимое желание выкурить «голуаз», но ей удалось сдержаться. Во-первых, считала вульгарным курить на улице, во-вторых, решила вообще сократить курение, которое обычно сопровождает жизнь служивой девушки, а ей невыносима была мысль о похожести на других, она так ее пугала, что Лу бежала от нее, как бежала в свое время из Филадельфии сразу после рождения дочери.

Ей сделали кесарево сечение, и теперь, десять лет спустя, у нее был след от рождения ребенка — неровный длинный шрам на животе. Иногда Лу считала, что Господь предопределил появление этого шрама, чтобы она постоянно помнила о своих прошлых прегрешениях. И когда она, еще до Дэвида, ложилась в постель с мужчиной, то рассказывала о шраме, который, по ее словам, появился после операции по поводу перитонита, и она в конце подшучивала: «Из-за этого умер писатель Шервуд Андерсон. Он проглотил зубочистку во время плавания в Южную Америку, и возник перитонит. Представляешь? Страдать всю жизнь, а умереть от паршивой зубочистки?»

Мужчины улыбались и жалели бедного Шервуда Андерсона, но не бедную Лу Маррон, а именно ради этого она и рассказывала этот случай. Лу не выносила, когда ее жалели, не потому, что она была настолько сильной, чтобы быть выше жалости, а напротив, потому что была слабой. Но об этом знал только Дэвид: любое проявление жалости усиливало

ощущение собственной слабости, которую ей почти всегда удавалось спрятать от посторонних глаз.

На Второй авеню ветер пронизывал до мозга костей, и Лу с благодарностью вспомнила о Дэвиде, подарившем ей шубку на двадцать седьмой день рождения. Еще через шесть месяцев ей будет двадцать восемь, и чего же достигла? Она была ничем, никем, никаких успехов в работе, никаких успехов в любви. Годы летят быстро. Скоро ей тридцать, наверное, волосы надо будет красить, в них и так уже начинает проглядывать седина.

Здесь она вспомнила о совете Тони Эллиота изменить прическу, но на что менять, вот в чем вопрос. Надо предвидеть тенденции, а не носить то, что завтра станет старомодным. Это значило, что раз прямые волосы, неважно, длинные или короткие, сегодня в моде, то скоро все вернется к курчавым волосам, особенно если учесть, что сейчас в ходу свободные одежды геометрического стиля. Кудрявые волосы слегка подчеркнут контраст, которого недостает нынешним модам. Но Лу приходила в ужас при мысли о кудрявых волосах, у нее были слишком длинное лицо и слишком резкие черты. Курчавость хороша для бойких женщин с кукольного типа головками. Однажды, когда она приехала в Нью-Йорк, то сделала себе завивку, и это была катастрофа. Ее никто не узнавал, даже она сама.

«Ты шутишь, — высказались все знакомые. — Ты просто шутишь».

Они были правы, наконец-то решила Лу, она подшутила над собой. Да, надо было лучше все обдумать, должно же быть и другое решение. И в ту секунду, когда открывала дверь к «Элен», ею овладело жуткое сожаление, что вместо семейного тепла с мужем и ребенком она выбрала опасную жизнь деловой женщины, которая делает ее игрушкой в руках таких людей, как Тони Эллиот. И в то же время знала, что выбор был предопределен. Ее душа не удовлетворялась бы мужем и детьми, и если бы она вышла замуж, то превратила бы брак в безумие, сердца ее там не было бы, ей было бы скучно. Но, возможно, когда-нибудь, когда станет старше, когда будет занимать более прочное место на работе, она, может быть, встретит кого-нибудь, полюбит его, возможно... А может, она уже опоздала?

— Привет!

Бармен помахал ей рукой поверх голов толпы, забившей популярный бар. Люди толкали друг друга в облаках сигаретного дыма и испарений спиртного, разговаривали, искали, с кем бы поговорить, прожигали время, искали убежища, компании, страсти, секса. Лу неожиданно вспомнила первопричину прихода сюда. Мужчина. С кем можно провести ночь и очистить мозги от всего, от Тони Эллиота и колонки, от мерзкого Питера Нортропа, интервью со Стивом Омахой, которого она не написала, от незаконнорожденной и навсегда потерянной для нее дочери, от кривого шрама, изуродовавшего ее нежное тело, от Дэвида и его хилой жены.

— Вы же Лу Маррон, верно?

— Вы не ошиблись, — таким же беззаботным тоном ответила она возникшему рядом с ней мужчине.

Это был драматург, написавший две пьесы, у которых был средний успех в Ист Виллидже, но поговаривали, что следующая пьеса будет поставлена на Бродвее. Его звали Арнольдом, или Артуром, или Альбертом, неловко, конечно, но она не могла запомнить имя. Это был живой коренастый человек, больше похожий на торговца, чем на автора трагедий, но Лу давно поняла, что творческие люди берегут свое внутреннее «я» для работы, а на публике демонстрируют только его внешнюю оболочку, то «я», которое они или хотят преодолеть, или хотят как-то изменить. Внешний облик отражал их существо, а работа (как

они надеялись) представляла то, кем они станут. Лу знала, что внешне она выглядит очень серьезно, даже напряженно, тогда как написанное ею показывало натуру легкую, фривольную, уверенную в себе, так что читатель считал, что она и на самом деле такова. Сейчас ей пришло в голову, что писания Питера Нортропа при всем его кривлянии гораздо глубже и менее легкомысленны, чем ее.

— Разрешите вас угостить? — спросил Арнольд (или Артур, или Альберт).

— Да, спасибо.

— Чего вы хотите?

— Бутылку вина.

Парочка, стоявшая слева от нее, расслышала диалог и рассмеялась. Арнольд слегка покраснел. Его выставляют дураком? Или надо считать ее просьбу шуточкой и тоже посмеяться, показав, что его не запугать необычными запросами, что у него тоже развито чувство абсурдного юмора?

— Белое или красное?

— Белое, пожалуйста.

— Полбутылки «Орвьето» для дамы, — сказал он бармену.

Бармен принес замороженную бутылку и налил немного в бокал, чтобы попробовали. Она не пригубила и махнула рукой: «Хорошо».

Бармен глянул на Арнольда и пожал плечами. Кто поймет женщин? Арнольд пожал плечами в ответ, довольный, что нашел союзника в дурацкой ситуации.

— А вы не хотите? — спросила Лу.

— Нет, спасибо. Мне нравится виски.

Лу не знала, почему она это сделала, что толкнуло ее заказать вино, какое-то неуместное мщение бедному невинному Арнольду (Альберту, Артуру). Но, как бы его ни звали, он не подойдет, не подойдет ни для этой ночи, ни для любой другой. Лу чувствовала, что он был слишком тупым, даже если и пишет мрачные пьесы о трагедии человечества. Если бы она легла с ним в постель, то совершила бы нечто ужасное. Например, расхохоталась бы как раз перед его оргазмом или без всяких объяснений немедленно прогнала бы домой. Она могла быть жестокой с мужчинами, была с ними жестокой (но не с самой юности), а потом ею всегда овладевал страшный приступ уныния.

Вскоре после своего двадцатого дня рождения она писала в дневнике:

Моя потребность в сексуальной связи против моего страха раствориться. Вот суть противоречия: с одной стороны, свободная страсть, с другой — самореализация, работа, упорядоченность чувств. Моя неспособность примирить две стороны натуры. Я — хрестоматийный пример! Хочу нормальной жизни, удобных взаимоотношений с мужчиной, в этом случае могу думать, читать, писать. И в то же время хочу дикой эротики, неопределенности, гедонизма, ничего не писать, не читать, не думать. Я не хочу впасть в крайности эротической зависимости. Они меня пугают. Звук собственного неузнаваемого голоса в момент оргазма лишает меня уверенности в себе. Дикое животное. Я тону, я таю. Страх стать рабыней. Я чувствую, что мои оргазмы, когда они все же приходят (потому что я долго их сдерживала), гораздо более дикие, глубокие, неправильные, чем у остальных женщин. Какой эгоизм! И я ничего не могу поделать, это точно. Я впадаю в такое безумие, что несколько дней чувствую себя разрушенной. Ничего не хочу делать, только бы лежать и слушать зажигательную популярную музыку и чувствовать себя несчастной. Мое тело в огне, но голова пуста. Мне нужно больше, но и это не помогает, становится еще хуже. Я

могу пролежать в постели миллион дней и сама знаю, что это моя погибель. Есть ли золотая середина?

Лу взглянула на цветные виды Парижа, висевшие над баром, потом посмотрела на драматурга и вежливо улыбнулась. Она уловила взгляды парочки, ужинавшей в глубине зала. Странно, что не заметила их при входе. Очень приятные люди, с ними ей было бы легко, они примут такие вещи, какие другие отвергают, например, ее связь с Дэвидом, и сделали бы это без лишних вопросов и раздумий. Она хотела бы подсесть к ним, но сейчас, после бутылки вина, чувствовала себя временно обязанной Арнольду и проклинала свою близорукость.

— Вы их знаете? — кивнула Лу на ужинающую пару.

— Нет. Кажется, нет.

— Очаровательные, просто удивительные люди.

— Хотите присоединиться к ним?

— Это было бы здорово. Я их не заметила раньше.

— Тогда вперед.

— А вы со мной не пойдете?

— Вы же этого не хотите.

— Это неправда.

— Думаю, правда.

— Извините, если я...

— Знаете, — сказал он, — вы и вправду сучка.

— Чао, бамбино.

— Сама ты бамбино.

— Лу! — хором сказала парочка.

— Привет, — ответила она. — Рада вас снова видеть.

— Приятно видеть *тебя*, — сказала женщина. — А где Дэвид?

Они с Дэвидом часто сюда заходили.

— Сидит дома с женой, которая для разнообразия захворала.

Они рассматривали ее сквозь бокалы, будто пытаясь измерить степень ее отчаяния. Вправду ли больна жена Дэвида или есть иная причина, по которой Лу пришла одна? У них проблемы? Может, они порвали друг с другом? Пребывая в долгом безоблачном браке, эта пара искала острые ощущения в жизни других, менее устроенных людей, не желая им при этом несчастья или неудач.

— Надеюсь, ничего страшного, — сказал мужчина.

— Доктор говорит, что это колит.

— Это серьезно.

— Не в этом случае, надеюсь. Дэвид так не считает. Доктор утверждает, что это на нервной почве. Чаще всего они рекомендуют психотерапию.

— Хочешь с нами поужинать? — спросила женщина, обменявшись с ней понимающим взглядом. Обманутые женщины всегда страдают от разных нервных расстройств.

— Спасибо, не хочу. Когда Дэвид отменил встречу, я поела бутерброды с цыпленком, — солгала Лу и удивилась, зачем ей нужны такие точные детали. Почему с цыпленком, а не с говядиной? — Я не голодна, но с удовольствием посидела бы с вами.

— Пожалуйста, дорогая, присаживайся, — сказал мужчина, встал и подал ей стул.

— Спасибо.

— Ты не наберешь веса, если будешь ужинать бутербродами с цыпленком, — без

осуждения заметила женщина.

Лу разглядывала ее пристальным женским глазом искушенного репортера.

— А я не хочу набирать вес, — сказала она, наливая себе вино. — Худой быть лучше. Ты более энергичен, лучше работаешь, нервные окончания ближе к коже.

Она замолчала, испугавшись, что упоминание об энергии может раскрыть истинную причину прихода сюда сегодня вечером. Но почему бы ей не искать любовника, десять любовников, если именно этого она и хочет? Что в этом плохого? Дэвид женат. Дэвиду пятьдесят шесть лет. Дэвид не живет с ней. Она любила Дэвида, но он не принадлежал ей. Лу подозревала, что если когда-нибудь выйдет замуж, то будет верной женой, потому что обманывать мужа — все равно что обманывать себя, муж — это часть тебя. *Твой муж*.

— Откуда вино? — спросил мужчина.

Лу подумала, что впервые сидит наедине с этой парой, раньше всегда был и Дэвид, уравновешивая ситуацию, а в его отсутствие у нее возникло странное чувство близости с каждым из них в отдельности и с обоими вместе. Она чувствовала себя ближе с ними и в то же время уязвимее.

— Арнольд угостил, — ответила Лу.

— Это тот парень у бара?

— Да. Вы его знаете?

— Нет, — сказал мужчина, орудуя вилкой. — Но его зовут Альберт.

— Никак не могу запомнить. Даже неловко.

— Самого парня не запомнишь.

— А мне он симпатичен, — сказала женщина. — Немного разболтанный и расхлябанный, но хоть не скрывает этого, не выпендривается, как многие...

— Он скучен до чертиков, — сказал мужчина, — как и его пьесы.

— Вы же, кажется, говорили, что не знакомы, — сказала Лу.

— Ну, я пару раз болтал с ним на приемах.

Мужчина был преуспевающим юристом, а женщина до замужества работала у него секретаршей. Теперь у них двое детей, и женщина сидела с ними дома. У них была чудесная квартира с террасой на Ист Ривер Драйв. Лу впервые за время знакомства с ними задумалась, а не скучно ли женщине сидеть дома, нет ли у мужчины любовницы, так ли безоблачен их брак, как думала прежде, или это она переносит на них свои тревогу и чувство неуверенности?

— Что вы делаете после ужина? — спросила Лу. — Я хотела поехать в «Чита» или «Электрик Серкас». Обалдела от работы. Вот и решила потанцевать до упаду.

— Может, поедешь с нами? — предложил мужчина. — Мы едем на выставку Ива Клейна в Еврейском музее.

— Поедем, — сказала женщина, — это может быть забавно. Клейн поливал людей краской и заставлял кататься по холсту.

— Чудно, я с вами. — И она рассказала об интервью со Стивом Омахой. — Так что у меня сегодня день живописи. Я говорила вам, что Дэвид на прошлой неделе купил две литографии Брака? Он становится коллекционером.

— Он и Жак Каплан, — сказал мужчина. — Все меховщики занялись этим.

Еврейский музей на Девяносто второй улице был забит необычными людьми, он буквально кишел ими. Все это напоминало показ каких-то извращенных мод, какие Лу могла встретить у Артура или Труда Хеллера, но не здесь. Она заметила Кава, который

лихорадочно щелкал фотоаппаратом в сопровождении новенькой репортерши из «Тряпья», неумолимо черкавшей ручкой в блокноте (надо отдать должное Тони Эллиоту: мерзавец не упускал своей выгоды). Он подписал с девушкой паршивый контракт, как когда-то с Лу, и у нее возникло чувство удовлетворения, что ей-то удалось продвинуться по служебной лестнице, даже если забыть об этой проклятой колонке. Она помахала рукой Каву, нацепившему по этому случаю алый вельветовый галстук и ярко-оранжевый жакет. Он ответил, а она заметила, что пришедшая с ней пара исчезла в бешеном водовороте длинных ног, обнаженных спин, меховых боа, смокингов и золотых халатов.

— Это хепенинг, — проинформировал ее Кав. — Он в гробу переворачивается от этого спектакля. Он бы их всех раскатал на двадцатифутовом полотне.

Кав сфотографировал мужчину с выкрашенной в синий цвет головой и надписью на лбу: «Слава Иву Клейну!» Потом снял взлохмаченную девушку с огромными наклеенными ресницами и в очень скромном костюмчике. И затем сказал Лу:

— Мы сматываемся. С меня хватит. До завтра.

После их ухода Лу заколебалась: остаться ли, пойти ли куда-нибудь еще, поискать друзей или отправиться домой, намазать лицо кремом и усесться смотреть телевизор. Она еще ничего не решила, как к ней подошел высокий негр и представился:

— Я — Маршалл...

Она не расслышала фамилии.

— Привет, я — Лу Маррон.

— Я наблюдал за вами. У вас потерянный вид.

— Это какой-то ураган. А вы — художник?

Он рассмеялся, будто она сострила.

— Не хочется вас разочаровывать, но я работаю в «Ферст Нэшнл Сити Бэнк». В отделе личных кредитов.

— Я не расстроилась, — сказала она, удивляясь, почему с ней случаются такие невероятные вещи. — Я только что говорила своим исчезнувшим друзьям, что на сегодня с меня хватит живописи и художников. — Затем она рассказала о своей работе и об интервью со Стивом Омахой. — Я сглупила, что пришла сюда. Честно говоря, я бы предпочла место потише, типа автобусного вокзала.

— Не хотите пойти к Трудю Хеллеру?

— Я не прочь.

Это же надо такому случиться. Отдел личных кредитов! Может, он пошутил? Ладно, хоть для него главное — это то, что она белая, в койке, может, он и не плох. Кто в таких делах может сказать заранее? Здесь все — загадка. Некоторые мужчины великолепно треплются о постели, а когда оказываются в ней, то обнаруживаешь, что это тряпка, дерьмо, слабак. Они не знают, что делать, а если знают, то им нечем это сделать. У него большие ноги. Это обнадеживает. И когда такси ехало по Пятой авеню, Лу думала о том, как выглядит в постели Питер Нортроп, этот мерзавец. Этот АС-ДС. Может, сзади, может, спереди? Неплохо и то, и другое. Ее это привлекало... что?.. з-з-з-з... может, лучше поехать домой, намазать лицо кремом и лечь спать... з-з-з-з... может быть.

— Добрый вечер, — сказал швейцар у Труда Хеллера. — Столик на двоих?

— Пожалуйста, — с огромным достоинством сказал Маршалл в самой разнузданной дискотеке Нью-Йорка. Танцоры дискотеки, две девушки и парень, располагались на приподнятой сцене за оркестром. На девушках были темно-красные синтетические мини-

юбки, на парне — полосатая рубашка и очень тесные белые брюки, все они дергались и тряслись в иступлении с пустыми лицами, тела извивались в такт оглушительной гипнотической музыке, а яркие лучи полосовали по аудитории, по дергающимся парочкам. В зале царил атмосфера гипноза, атмосфера инопланетных миров после вселенского взрыва, который можно увидеть сквозь розово-лиловые очки.

Лу обрадовалась, что пришла с негром, даже если он работал в «Ферст Нэшнл Сити Бэнк». Это было в струе моды, и она взбодрилась. Соседи в Филадельфии заметно почернели за последние десять лет, поэтому ее родители переехали поближе к центру, на Спрус стрит, которая до сих пор оставалась почти белой. Она помнила детство, проведенное на Катрин стрит, теперь уже заполненной черными жителями. Недавно Лу взяла такси и попросила медленно объехать места своего детства, надеясь повстречаться со вчерашним днем. На старом крыльце (когда-то она там стояла) сидела негритянка и играла мячиком. Меня зовут Анна, мужа зовут Адам, мы из Алабамы, торгуем яблоками. У нас дочь Бетси и...

«Эти чудные старые дома, — ностальгически протянул белый шофер. — Их продали за бесценок».

— Что будете пить? — спросил Маршалл.

— Двойной виски, пожалуйста.

— Два двойных виски, — сказал он официанту.

— Нет смысла в таких местах заказывать одинарный, — объяснила Лу. — Официанты так заняты, что потом их не дождешься.

Она не встречала негров, которые не пьют виски. Англичане за виски в тропиках продали бы душу черту, но негры должны пить виски и носить ванильные костюмы. Все стремятся к тому, чем они не владеют, включая и ее самое. Пробужденная в семнадцать лет, Лу была слишком глупа, чтобы знать, что делать, слишком запугана, чтобы рассказать родителям, и вот ничего не оставалось, только родить ребенка и надеяться, что запуганный школьник женится на ней. А теперь сидит и притворяется шикарной, изощренной, преуспевающей нью-йоркской женщиной. На взгляд провинциальной девчонки так оно и было, но что это значило в ее *собственных* глазах? Один экзистенциальный писатель сказал: «Мы — то, что мы сделали». Но как быть, если ты сделала невозможное, а *чувствуешь* себя семнадцатилетней девчонкой? Тут ничего не попишешь.

— Хотите потанцевать? — спросил Маршалл.

— Конечно.

Он был неплохим танцором, но не чувствовал души танца, просто хорошо двигался. Наверно, он был самым бесталанным негром в Нью-Йорке. Нет чувства ритма. Она мечтала о том, чтобы очутиться здесь с Дэвидом. Что он сейчас делает? Может, спит? У них с женой отдельные спальни, и он как-то сказал ей, что читает по ночам, когда не может заснуть. Они жили в Вест Энд в старомодном доме с толстыми стенами и тайными лабиринтами в квартирах. Этот район жутко пугал Лу. Улицы слишком длинные. Тони Эллиот говорил ей, что именно поэтому Вест Энд так угнетает людей: улицы вдвое длиннее, чем в Ист Саиде, на них лежал отпечаток уныния, страха, что никогда не дойдешь до конца квартала...

«Верхний Вест Саид, — сказал Тони Эллиот, — это картины экспрессионистов 1914 года».

После еще двух двойных виски и еще более безуспешных танцев Лу предложила уйти.

— Я засыпаю, — сказала он.

— Я тоже.

— Я дам вам ночной колпак.

— Принимаю.

Он обнял ее, когда они ехали в такси, и она высчитывала, сколько времени пройдет от этого момента до занятий любовью. Наверное, не много. Лу нервничала, она всегда нервничала вначале, зато никогда позже. В этом смысле была похожа на актрису, которая трясется перед выходом на сцену, но в момент появления перед публикой все становится на свои места. Именно предвидение заставляло ее нервничать. Трусики у Лу уже отсырели. Когда он прикоснулся к ним, то понял, что она готова, готова и возбуждена, пылает желанием идти дальше и прийти к цели.

У Лу почти не бывало проблем с оргазмом, и она не понимала, почему это волнует столь многих женщин. Если мужчина не делал того, что ей нравилось, она прямо говорила о своих желаниях. Наверное, большинство женщин слишком стыдливы и робки, чтобы обнажить тайные сексуальные помыслы. Вот идиотки! В конце концов, зачем ложиться с мужчиной, если в самом главном будешь обманывать саму себя. Еще одна вещь удивляла ее в позиции некоторых женщин: маниакальные переживания из-за размеров пениса. Если только мужчина не крошечный (слава Богу, такого она встретила только однажды), любой член подойдет, главное — знать, что с ним делать. Всегда можно найти необходимую позу, способ добиться своего. Лу считала, что большинство женщин слишком романтичны в этом вопросе и не подходят к нему практически. Они стыдятся признаться в своих запросах, слишком уступают во всем, как и она когда-то.

Теперь Лу никогда не будет сексуальной рабыней, никогда не позволит себе стать так эротически зависимой от мужчины, что это разрушит ее жизнь, нет, больше этого не будет. Именно поэтому она разработала технику достижения оргазма. Это ее техника, а мужчина был лишь необходимым инструментом, и потому любой нормально оснащенный мужчина годился для дела. Красивые тела. Дряблые тела. Широкие плечи. Узкие плечи. Ей было наплевать на такие детали. Ее собственное удовольствие — это главное, и чихать она хотела на эстетику.

— Поиграй со мной, — сказала она Маршаллу, когда они очутились в спальне Лу, на стене которой висела репродукция картины Клее. Все женские оргазмы начинаются с клитора. И она ржала над чушью, которую несли так называемые эксперты о разнообразии влагилиц. Клитор — спусковой крючок женского оргазма, и Лу было все равно, ласкал ли его мужчина пальцами или языком. Хорошо и то, и другое, лишь бы достаточно долго. К несчастью, этот период был разным у разных людей, даже разным у одного человека в разных обстоятельствах, но Лу редко нужно было больше десяти минут для полного возбуждения, для страстного желания, чтобы мужчина вошел в нее.

— Тебе нравится? — спросил Маршалл, темная кожа которого мерцала в тускло освещенной спальне.

— Да, очень. Не останавливайся.

Он по крайней мере хоть сразу нашел клитор. Некоторые до смешного невежественны, трут, где попало, пока она нежной, но твердой рукой не направит их пальцы (или языки) туда, куда следует. Там — обычно говорила Лу при этом. Маршаллу указания не понадобились, как, к своей радости, обнаружила она и почувствовала, что он жаждет доставить ей удовольствие. Он, вероятно, хотел вдохнуть жизнь в запылившуюся легенду о великом черном жеребце, она и рассчитывала на это.

— Я хочу быть в тебе, — прошептал он.

— Не сейчас.

— Ладно.

— Пожалуйста, не останавливайся.

— Нет, детка.

— Великолепно.

— Я сделаю все, что ты хочешь, — сказал он.

— Ты все прекрасно делаешь. Не останавливайся.

Но когда она была готова принять его, он не смог.

Пропала эрекция.

— О, нет, — застонала Лу.

Если она сегодня не кончит, то никогда не напишет это чертово интервью со Стивом Омахой. В сознании возник образ Стива, бредущего по пояс в водах Ла-Манша, вокруг рвутся снаряды и плавают окровавленные тела, страх перед немецкими минами, смерть и ужас, окутывающие нашего героя вторжения, а потом портрет Буденного, Сидни Гринстрит на лошади с сигарой в зубах, любовь Стива к девицам в мини-юбках, толстые ноги, сжимающие его. Что за бред, что за мешанина, какая-то каша в голове. Казак в воде. Лу в супе. Маршалл в мешке. Все переплелось, черт подери, черт подери этого черного сукиного сына, которого она сегодня подцепила. Черный кофе. Нет, не совсем. Скорее кофе с молоком, в отличие от другого, единственного пока негра, с которым она спала (в Филадельфии, где же еще?). Он был цвета шоколада.

— Белые женщины хотят от меня слишком многого, — сказал Маршалл в темноте. — Такого никто не вынесет.

Лу обняла его и начала целовать в губы, потом рука скользнула к бедному сморщенному отростку, который начала нежно массировать. Она его поднимет любой ценой и впустит в себя. Лу ощущала, что близка к оргазму, и надеялась, что из-за какого-нибудь неосторожного движения не кончит вот так, в вакууме. Гораздо приятнее, когда в тебе что-то есть в это время. На хрен Стива Омаху, Питера Нортропа и Тони Эллиота, на хрен всех их, блаженство уже близко, вот оно, за углом. Ура, он начал твердеть в ее руке! Он был длинным и тонким. Она бы предпочла потолще и покороче, тогда лучше трутся стенки, более острое ощущение, но сегодняшней ночью прекрасно сойдет длинный и тонкий. Наконец Маршалл лег на нее, вошел вглубь и начал медленно двигаться.

— Задница у тебя маленькая, — сказал он, сжимая ей ягодицы.

В эту секунду дыхание у Лу стало быстрым и коротким, и через несколько мгновений раздался вопль чудесного, прекрасного, удивительного, восхитительного освобождения.

Было чуть больше шести часов утра, когда Симона проснулась в гигантской кровати Роберта Фингерхуда и подумала о Нормандии. В Нью-Йорке сейчас январь, а весенняя Нормандия — это феерические образы цветущих яблонь, покрытых лесами холмов, зеленых пастбищ, живописных коров, могучих лошадей, ухоженных ферм, плодородных пашен, и Симона вообразила, что сидит под яблоней с розовыми цветами и смотрит в безоблачное небо.

Это одно из представлений о Нормандии, почерпнутое из туристических справочников. И когда Симона сейчас читала что-нибудь о Нормандии, перед глазами вставали эти картины, да еще густое молоко, золотистое масло, толстые сыры, и она непременно вспоминала знаменитый «Кальвадос», который согреет даже самую черствую душу.

Но деревня Симоны, Порт-ан-Бессан (население, по последнему справочнику, — около 1300 человек), была на побережье, а это совсем другое дело. Это рыбацкая деревушка. По одну сторону главной улицы — мачты, по другую — пара магазинчиков, пара маленьких кафе, вечный отель «Морской», обращенный фасадом к гавани, в котором ее мать работала официанткой и подавала скатов, крабов, кальмаров, устриц, омаров, сельдь и макрель благодушным клиентам, не обращавшим внимания на рев портовых сирен.

Рыба и рыбаки. Вот как Симона вспоминала Нормандию, *ее* Нормандию. Было и другое, чего она не помнила, потому что была слишком маленькой, когда все это происходило, но ей так много и часто об этом рассказывали все последующие годы, рассказывали так красочно, во всех мельчайших деталях, что все события и люди стали частью ее воспоминаний, стали неотъемлемой частью ее ностальгических чувств... Шеренги американских солдат, стоявших по пояс в воде, рухнувший поблизости самолет, серые, как и туманное небо, волны, огни в окнах домов, маяк — все это теснилось в сознании Симоны. А еще скалы на берегу пролива, летние виллы на склонах холмов, разрушенные огнем американской артиллерии, немецкий офицер, храпящий в гостиной на материнской софе.

К счастью, Порт-ан-Бессан остался почти цел в день вторжения. Потому что за год до высадки союзников немцы с присущим им индустриальным пылом благоустроили порт, очистили дно, осушили болотца, короче, привели гавань в наилучший вид, чтобы она могла принимать тяжелые баржи, которые понадобятся для вторжения в Англию. По столь активной деятельности местные жители поняли, что немцы не ожидают нападения в этой части французского побережья, иначе, наоборот, вывели бы порт из строя. Вместо этого они, как роботы («Высадка будет в Кале!» — вопил Гитлер, и даже умный стратег Роммель уступил ошибочному мнению), не желая того, помогли войскам союзников, предоставив им шестого июня великолепно оборудованную гавань. Нормандцы с присущим им суховатым юмором оценили иронию судьбы. Они смеялись над этим и в 1959 году, когда Симоне исполнилось шестнадцать и она навсегда покинула Порт-ан-Бессан.

Роберт Фингерхуд пошевелился во сне, затем открыл внимательные глаза.

— Привет, — сказал он. — Доброе утро.

— Привет.

— Хорошо спала?

— Да, — ответила Симона, — очень хорошо.

— Я ночью просыпался, ты посапывала, свернувшись в клубочек.

— Я люблю тебя, — прошептала она. Симона так не чувствовала, но решила, что надо сказать это, чтобы передать теплоту, которую ощущала.

У Роберта был озабоченный вид. Он привык, что в его постели просыпаются странные девушки и блеют о своей любви? У него было чувство вины, что нет ответного чувства? Или просто озабочен тем, что не может найти в ответ подходящие слова, нежные, но ни к чему не обязывающие?

— Ты чудный любовник, — сказала Симона.

Он очень нежно поглядел на нее и ответил:

— Я думаю, это благодаря тебе.

— Очень мило.

А потом более резко:

— Будем убивать друг друга любезностями?

Она увидела, что он может быть жестоким.

— Да, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты убил меня. — Симону прельщала мысль о гибели от рук мужчины. Ей не нужно будет больше никому и ничего доказывать, не нужно будет кем-то быть, что-то делать, думать о своем внешнем виде.

— Ты красивая девушка, — сказал он, будто заглянув в ее мысли.

Это не так, не совсем так. Симона очень хорошо знала свои недостатки: слишком короткий нос, круглое лицо, но она тщательно боролась с недостатками с помощью грима и стрижки, так что производила впечатление красивой девушки. Волосы. Из-за них она покончит с собой, Триумф, с одной стороны, а с другой — поражение, потому что кропотливая работа по камуфляжу порождала вечный страх перед разоблачением.

— Красивее Аниты? — спросила она. Пришло время пококетничать.

— При чем здесь она?

— Я заметила твой интерес к ней, — ехидно протянула Симона.

— Теперь все прошло.

— Это правда? — спросила она по-французски.

Он передразнил ее высокий голос:

— Правда.

— У Аниты красивое тело, — почувствовав себя увереннее, признала Симона. — Но у нее набивной лифчик. Только не говори ей, что я рассказала. Она до смешного это переживает. — Женщины в любую секунду продадут друг друга, подумала Симона.

В ответ Роберт повернулся и взял в руки ее красивые груди.

— Это позор — носить набивной лифчик. Их надо объявить вне закона.

Симона под страхом смерти не призналась бы, что она не в восторге от своей груди. Соски у нее были какие-то сморщенные, и если мужчина как-то напоминал ей об этом неприятном факте (а Роберт своим жестом как раз и напомнил), она быстро меняла тему.

— Где ты работаешь? — спросила Симона.

— В Детском центре. Это частная клиника.

— На Манхэттене?

— Да, на углу Парка и Шестьдесят четвертой.

— Значит, ты работаешь с детьми?

— И с их родителями.

Поскольку он продолжал массировать ей соски, Симона начала постанывать, чтобы продемонстрировать удовольствие. Может, она лесбиянка? Симона почти ничего не

чувствовала, когда ее трахал мужчина, это ужасно, но всегда одно и то же: легкое возбуждение вначале, а потом — абсолютная пустота.

— Так ты кто? Я забыла.

— Я психолог.

— А какая разница между психологом и психоаналитиком?

— У нас разные способы лечения.

Она знала, что он хороший любовник, хотя сама ничего не чувствовала. Симона переспала со столькими мужчинами, что понимала разницу между хорошим и плохим; она не могла *почувствовать* разницу, но судить о ней могла, могла понять, у кого извращенные мозги, а Роберт Фингерхуд к таким не принадлежал. Наконец-то она встретила *НОРМАЛЬНОГО* мужчину, и смешно, что тут же заскучала обо всех психопатах. Почему? Роберт даже не использовал вибратор. Здесь он ее разочаровал. Зачем было его показывать, если не собираешься им пользоваться? Может, это как раз то, к чему придет: самой использовать «Вибретт»?

Однажды прошлым летом, вскоре после переезда в свою крошечную квартиру, она познакомилась с двумя парикмахерами и привела их к себе. Они вытворяли все, что взбредет в голову. Извращенцы трахнули и друг друга. Ей было неприятно сознаваться, но ее это невероятно возбудило. Странное зрелище: три переплетенных тела, и все они орут всякие пакостные слова. Голова у них у всех шла кругом, они по-настоящему свихнулись, но ей нравилось, потому что это казалось настоящим, казалось, что так и должно быть, даже когда они настояли, чтобы она трахнула себя морковкой. Они ей нравились: такие же безумцы, как и она. Симоне понравилось, как один лег на нее сзади, когда она лежала на другом. Ей нравилось быть связующим звеном, ей было так хорошо, что она едва не кончила. Они были гораздо лучше гитариста, который просил пописать на него в ванне. Она сначала расхохоталась. Но все равно исполнила просьбу. Почему же нет? Ему было так приятно.

— А какая разница между психологом и психиатром? — спросила она у Роберта Фингерхуда.

— Психиатры занимаются соматическими симптомами.

Симона не поняла последних слова.

— И они короче психологов, — добавил он.

— Кто?

— Психиатры.

— А почему?

— А у них отцы короче.

Он забавлялся ее невежеством, наверное, это позволяло чувствовать себя важным и значительным человеком. Симону не особенно интересовали мужские занятия, это не так важно, и спрашивала она только потому, что по опыту знала, как это волнует мужчин, но ответов почти не слушала. Они могли говорить что угодно, разницы для нее не было. Ее интересовало только их поведение в постели. Роберт был нежным любовником, мягким, но страстным. И у него был огромный член, она поклялась бы, что он длиннее, чем у Джека Бейли (когда встречусь с Анитой, нарисуем диаграмму), и ее восхитило то, как он кончает. Мужчины кончают по-разному. Некоторые очень тихо, так тихо, что ты даже не знаешь, когда он кончил, просто в какую-то минуту член обмякает, но ты не знаешь почему. У Роберта это был какой-то рок-н-ролл, он вознесся на небеса и низвергся в ад, все его тело сотрясалось, на лице появился безумный оскал. Симона любила смотреть в лицо мужчине,

когда он кончает, хотя их это смущало, но ей-то что за дело? Обычно они старались отвернуться, но она не позволяла. Как и тем двум парикмахерам. Это было небольшим удовольствием. Она знала, что не может кончить потому, что она — нарциссистка, как ей кто-то сказал однажды. Крохотуля.

— О бэби бэби бэби бэби бэби бэби!

У Роберта Фингерхуда, похоже, возникло желание достичь могучего оргазма и утром. Он снова склеился с нею.

— Который час? — спросила она через несколько минут после того, как Роберт освободился.

Он глянул на часы, стоявшие на полке.

— Двадцать минут седьмого.

Пора идти. Надо заехать к Аните и забрать Чу-Чу, заскочить домой, принять душ, переодеться. Ей не хотелось уходить, совсем не хотелось. С Робертом она чувствовала себя в безопасности. Он защитит ее, он защитник по натуре, вот сейчас укрывает ее одеялом, чтобы она не остыла. Парикмахерам Симона была так безразлична, что могла бы замерзнуть до смерти, они бы просто не обратили внимания. И все-таки они возбуждали ее. Симона об этом постоянно помнила. Когда все кончилось, они втроем закурили сигары. Мундштук из натуральной пробки, как гласила надпись.

— Ты должна идти на работу? — спросил Роберт.

— Да. К сожалению.

— Чем ты занимаешься?

— Я манекенщица в меховом магазине. Шубы и платья, костюмы и пончо, вечерние пижамы и все такое прочее.

— Это интересно?

— Нет, жутко скучно, но другого я не умею. Не печатаю на машинке, не стенографирую.

— А сейчас делают платья из меха?

— Да. Все делают. Вчера я показывала покупателю из Атланты черный кожаный костюм с оторочкой из обезьяны.

— А знание французского не поможет найти работу получше?

Работа. Приехали. Кто-нибудь в Нью-Йорке думает о чем-нибудь другом?

— Наверное, — призналась она, — но меня это не очень волнует. Одна мысль о работе угнетает. Любая работа кажется мне глупой.

— Но не в тот день, когда надо платить за квартиру.

Он подложил две подушки под спину, оперся о стену и сел поперек одеяла, положив ноги на нее.

— Что бы ты сделала, если б могла делать, что заблагорассудится?

— Поехала бы в Южную Америку. Ты там был?

— Нет.

— Рима, девушка-птичка, живет в Южной Америке. В джунглях.

— Кто это?

— Ты не читал «Зеленые жилища»? — удивилась она.

— Боюсь, нет.

Он мог все знать о более коротких психиатрах, но не читал величайшей книги в мире! Беда с этими интеллектуальными типами: все они знают не то, что нужно.

— Рима живет в джунглях и командует животными. Она разговаривает с птицами. — Симона показала на вчерашнее мини-платье с перьями и перьевой парик, которые валялись на полу. — Вот кого я изображала у Аниты. Риму, девушку-птичку. Может, когда-нибудь я попаду в Южную Америку. Я как-то видела плакат на Седьмой авеню. Нью-Йоркский меховой клуб вскоре организует туда поездку. На плакате девушка высовывается из окна с деревянными ставнями. Это вроде в Перу. Она машет рукой. Поездка будет через Рио, Сан-Паулу, Буэнос-Айрес и Лиму.

— Ты не можешь себе это позволить?

— Нет. Я должна в «Бонвит» девятьсот долларов. Боюсь, на днях они меня арестуют.

— Это хороший повод, чтобы покинуть страну.

Но Симона очень серьезно относилась к своим неприятностям.

— Я пытаюсь платить им пятьдесят долларов в месяц, но при таких темпах мне понадобится еще полтора года, чтобы расплатиться. Разве это не мерзопакостно? Я не могу платить больше пятидесяти, потому что получаю только сотню в неделю, и у меня масса тайных расходов.

Она придумала выражение «тайные расходы», когда оказалась без денег через три дня после зарплаты. Полагая, что все деньги не могли раствориться, Симона решила, что куда-то их спрятала, деньги ушли неизвестно на что, и она теперь может думать о том, что же это за тайные расходы, эти маленькие гадкие чертенята. Чтобы прожить до следующей зарплаты, вынуждена была занять двадцать долларов у мистера Льюиса, владельца дешевого мехового магазина в цокольном этаже ее дома.

Мистер Льюис печально покачал головой и сказал, что не понимает, на что тратят деньги современные девушки, они все похожи на его дочь, экстравагантную, легкомысленную, непрактичную. Им надо бы погнуть спину в душных лавках, как он, когда приехал в эту страну с Украины много лет тому назад. Тогда бы они знали цену работе и деньгам.

Иногда Симона думала, что не стоит одалживать деньги у мистера Льюиса, если приходится слушать нуднятину о его далекой жизни в нищете и заботах. У нее самой было что рассказать о своем прошлом, но зачем усиливать порожденное ею уныние? Нет смысла копаться в давних невзгодах, в этом Симона была твердо убеждена. Нужно идти дальше и твердо верить в будущее. Такие, как мистер Льюис и Анита, считали ее слишком пустоголовой, чтобы подобным образом думать, но Симона чувствовала, что это они пустоголовые, да еще и трусливые в придачу, не могут отбросить трагедии прошлого и с надеждой взглянуть в будущее.

Роберт повернулся к ней.

— Не хотела бы ты переехать ко мне?

Симоне показалось, что она ослышалась.

— Не поняла.

— Я приглашаю тебя переехать ко мне, — сказал Роберт серьезным тоном, в котором слышалось опасение, что его предложение могут отвергнуть.

Симона взлетела с постели, одеяло соскользнуло и обнажило стройное тело.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Не могу поверить! Я очень хочу жить с тобой! — И она взглянула на него, как затравленный зверек. — Ты ведь не шутишь?

— Я серьезно серьезно серьезно. Я не шучу не шучу не шучу.

Она радостно хлопнула в ладоши.

— Это великолепно! Как я счастлива!

Она считала, что может жить с Робертом Фингерхудом очень счастливо. Он такой славный, такой деликатный (хотя и не использовал вибратор). К тому же ей не придется платить за квартиру, телефон, электричество, не надо будет швырять деньги на ветер, за несколько месяцев она расплатится с «Бонвит», может, даже накопит деньги на поездку в Южную Америку. Такие потрясающие перспективы. Со временем она вообще может бросить работу, будет сидеть дома, укладывать свои страшные волосы, читать книги о разных странах, готовить вкусные пирожные и ждать возвращения Роберта из Детского центра. Симону не смущало то, что она никогда в жизни не делала пирожных, все с чего-то начинают. Прежде все ее кулинарные потуги завершались полной катастрофой. Семья, у которой Симона недолго работала в Форист Хиллз, по вечерам хваталась за головы и за животы, не понимая, как они могли поверить ей, что она искусный повар. Но все это было вчера. В тусклом, унылом вчера. Анита и мистер Льюис не могли понять связи между настойчивым оптимизмом и удачей в итоге, вот и все, что она могла заявить, причем во весь голос!

— Если я перееду, то и Чу-Чу тоже? — напомнила Симона. — Мой пес.

— Конечно.

Симона положила руки на плечи Роберта и благодарно поцеловала его в губы. При этом ощутила слабый прилив желания и подумала, что в ее случае, вероятно, чувственность пробуждается скорее от проявлений доброты со стороны мужчины, чем от полового акта. Наверное, потому она и не могла достичь оргазма, потому что ни один мужчина не был особенно добр с нею. Возможно, нежность была ключом ко всему. Нежность и забота. Наверное, женская натура инстинктивно сопротивляется эротическим желаниям, если отсутствуют эти главные качества. Возможно, она тоже нормальный человек!

Захлестнутая потоком открытий, Симона покрывала лицо Роберта сотнями благодарных поцелуев, и на этот раз, когда она произнесла: «Я люблю тебя», — у нее было предчувствие, что хотя сейчас это и не так, но вскоре эти слова станут правдой.

Позднее Симона обнаружила (к сожалению), что ее работодатель Дэвид Сверн, хозяин «Мини-Ферс, инкорпорейтид», впадает в то же мрачное состояние духа, что и Анита, и мистер Льюис, если речь заходила о будущем. Она была так дико возбуждена, когда примчалась в демонстрационный зал, что должна была поделиться с кем-нибудь своей удачей. Обычно Симона разговаривала с двумя другими манекенщицами, но сегодня, как назло, у одной был отгул, черт бы ее побрал, а вторая, похоже, весь день проторчит в мастерской, в задней комнате. Невезуха.

Симона не могла дождаться до полудня, ее стремление высказаться было неудержимым, а она не чувствовала достаточной близости с бухгалтером, сорокалетним блондином с жирными волосами, чтобы посоветоваться о личной жизни; два продавца были симпатичными, добрыми людьми, но она ощущала, что не стоит делиться новостями с ними.

Так что, оказавшись наедине с мистером Сверном после того, как покупатель разорался из-за показанного платья и умчался, Симона решила воспользоваться моментом. Мистер Сверн сидел в одном из кресел из коричневой искусственной кожи в дальнем конце комнаты, пил уже вторую за сегодняшний день чашку черного кофе с сахарином и тупо глядел перед собой. Симона знала от бухгалтера, что у его жены ночью опять был приступ, и

подозревала, что бедолага сейчас думает об этом. Обычно блестящие красивые седые волосы на сей раз были неухоженными. Рот искривился в печальной гримасе. И даже неизменный загар будто бы поблек за ночь. И все же...

— Может, вам не интересно, мистер Сверн, но я должна с кем-то поделиться...

Привлекательный мужчина средних лет взглянул на нее.

— Чем же поделиться?

У мистера Сверна была неприятная привычка уничтожать любые проявления мысли со стороны подчиненных, и личные переживания не перевесили этой привычки. Это, скорее, отражение внутренней тревоги, как давно решила Симона, а не проявление грубости. Именно поэтому она прощала его.

— Я влюбилась, мистер Сверн.

У мистера Сверна были осторожные темные еврейские глаза.

— Я только надеюсь, что он получше того балабона из рок-н-ролла, с которым вы шлялись прошлым летом.

В прошлом июле в минуту отчаяния она рассказала мистеру Сверну о гитаристе и писанье в ванне, а потом сама удивлялась, почему она так легко доверилась ему. Может, потому, что ее отец, будь он жив, был бы того же возраста, а может, потому, что за внешней резкостью Симона угадывала в нем нежное сердце.

Но даже если ее предчувствия были не очень точны, было и еще одно. Один из младших продавцов рассказал Симоне, что мистер Сверн не может оправиться от шока при виде того, как старый мир качественных мехов превращается на его глазах в дерьмовую забаву. Ведь много лет изготавливал самые дорогие норковые и соболиные шубки для меховых салонов всей страны.

«Он гордился качеством своей продукции, — говорил продавец. — А рынок изменился. Вперед вышли молодые. Безразличные к качеству и стилю. И если в прошлом Дэвид Сверн сверкал среди роскошных вечерних накидок, то теперь бедный гаденыш вынужден сидеть и улыбаться при виде беличьих пончо и микро-мини из кошки».

— Роберт не просто лучше, — гордо ответила Симона работодателю. — Он первый **НОРМАЛЬНЫЙ** мужчина, которого я встретила.

— Надо было заказать бутерброды к кофе, — сказал мистер Сверн. — Я встречаюсь за ленчем с мисс О'Хара, но до половины второго у нее нет времени. У репортеров нелегкая жизнь, это не игрушки — целый день бегать по городу и брать интервью. И кое-что еще. Я только что вспомнил, что из-за вчерашних передрыг даже не поужинал. Как вам это понравится?

Симоне это не понравилось. Дело не только в том, что мистера Сверна не интересовала новость о Роберте Фингерхуде, но и в том, что дома его жена страдает от одиночества и жестокого колита, а он сидит тут и размышляет о бутербродах и ленчах с подружками, которых он называет вымышленными именами.

— Мне жаль, что миссис Сверн неважно себя чувствует, — сказала Симона, сознательно избегая темы О'Хара. — Я слышала, ночью у нее был приступ. Как она сегодня?

— Отдыхает, как обычно говорят в больницах.

— Рада слышать. Хотите, я закажу вам бутерброды?

— Нет. Не надо. Мне все равно надо сбросить пару фунтов веса. Нужно позаниматься на тренажере. Но я вас перебил, продолжайте. И... что? Что это за парень? Кто он? Чем занимается?

— Он клинический психолог и живет в удивительной квартире. Попросил меня переехать к нему, и я согласилась.

— У него есть деньги?

Деньги. Работа. Всегда одно и то же.

— Может, денег у него и нет, мистер Сверн, но в гостиной у него мексиканский гамак и чучело совы.

— Пижон. Обычный пижон. — На лице мистера Сверна было смешанное выражение безграничной жалости и легкого презрения. — Держать чучело совы...

— Вы думаете только о деньгах. В Нью-Йорке все думают только о них. Мне это кажется отвратительным.

— Как же зовут этого артиста? — спросил мистер Сверн, не обращая внимания на всплеск эмоций.

— Роберт Фингерхуд.

— Фингерхуд? — Хоть это произвело на него впечатление. — Он еврей?

Эта мысль не приходила Симоне в голову.

— Наверное, да.

Теперь мистер Сверн проявил гораздо больше внимания к последнему роману Симоны, он ведь узнал, что его герой — собрат по вере.

— Ну-ну, — сказал он, — в таком случае, может, что-то и выйдет. Тебе нужен человек солидный. Ты такая взбалмошная девчонка.

Хотя Симоне нравились почти все евреи, которых она знала, у нее было развито тайное чувство, что, если ты обдумаешь все, обдумаешь по-настоящему, ты должен идти сражаться с фашистами. То же маниакальное стремление владело и матерью. «З-з-з-з-з», — храпел флегматичный немецкий офицер на материнской софе. Однажды, проснувшись, он дал Симоне апельсиновую конфетку.

«Не ешь, — прошипела мать. — Может, она отравленная».

Когда мать отвернулась, Симона проглотила конфетку и стала ждать смерти. Ничего не случилось.

— Почему вы считаете, что раз он еврей, то солидный человек? — спросила она мистера Сверна.

В эту секунду ворвался Пепе, художник фирмы, и прервал беседу. Он влетел в демонстрационный зал с недошитым костюмом в руках и выражением полного отчаяния на лице.

— Дэвид, — закричал Пепе, — что-то не так с пиджаком. А может, это у Хелен такая фигура. — Хелен была манекенщицей, с которой он раньше работал. — Может, приладим этот ансамбль на Симону?

— Примерь, дорогая, — сказал мистер Сверн, — давай посмотрим. Хелен коротковата для этого пиджака, — сказал мистер Сверн, когда Симона предстала перед ним в коричнево-белом ансамбле. — У Симоны как раз нужные пропорции.

Пепе кивнул.

— Ладно, снимай.

Она уже пошла за Пепе переодеваться, когда мистер Сверн попросил ее задержаться.

— Я прошу вас об одолжении, — сказал он. — Хорошо, что вовремя вспомнил. Когда переоденетесь, возьмите в кассе пять долларов и сбегайте к «Картье», вы знаете, где это. Купите там изумрудный с розовым кварцем браслет, который они мне оставили. Будете так

любезны?

Вот еще один день, когда мисс О'Хара получит на ленче не только еду, поняла Симона. А в это время бедная миссис Сверн в одиночестве пьет через соломинку теплое молоко и принимает лекарства. Все мужчины — лицемеры, даже такие славные, как Сверн. Но Симона понимала, не ей говорить о том, что ему делать или не делать. У нее на это не было права, и это сводило с ума. Глянув с отвращением на недошитый, но уже элегантный пиджак, она сказала:

— Мне кажется омерзительным убивать животных ради денег.

Мистер Сверн удостоил ее первой улыбки за день.

— Ну, я хоть чучел из них не делаю, — резонно отметил он.

Когда Беверли проснулась в четверг утром, Питер уже ушел. Она посмотрела на электронные часы, стоявшие на серванте. Было семь минут одиннадцатого. Маргарет уже должна была отвести Салли в школу, вернуться и накормить Питера-младшего.

У Маргарет для каждого дела был свой день. Сегодня четверг, значит, это день полировки серебра. У Беверли были жуткие мысли и ощущение безумия. Я схожу с ума, думала она, все потеряло смысл, значение. Муж, два красивых ребенка, замок, полирующая серебро Маргарет, деньги, положение в обществе — все это, буквально все стало чертовщиной, бредом. Она хотела умереть. Отвратительность совокупления прошлой ночью, его жестокость преследовали ее даже во сне. Две оплеухи Питера повлияли на ночные кошмары, которые она не могла вспомнить, но они и сейчас еще довлели над ней. Беверли смутно припоминала какие-то скрюченные пальцы, высокие мрачные горы, ощущение скольжения, падения. Она влюбилась в женщину, лица которой не помнила, но память о влюбленности осталась, в сознании всплыли слова женщины: «Поверь, я буду нежна с тобой, вот увидишь».

В сумеречное сознание ворвались бразильская музыка, звуки карнавала, разрисованные маски, буйство красок в Рио, и Беверли неожиданно захотелось стать свободной, захотелось быть юной девственницей без всяких обязанностей, девушкой в синей маске, сквозь прорези которой она все увидит, сможет встретиться со взглядами других людей и мысленно поцеловаться с ними, но только мысленно. Такие поцелуи приводят в трепет, думала Беверли. Они с Питером мысленно целовались еще в Кембридже и несколько лет после него. Глаза у Питера были еще голубее и ярче, чем у нее. Ее — серовато-голубые, а его — ярко-ярко синие. В то время взгляды их отражали безумие. Как у человека в религиозном экстазе или во время припадка сумасшествия.

Она подумала, что Питер скоро пойдет обедать в «Гарвард Клуб». Ну, может, это и не так. Но он говорил, что часто там обедает. Приглашает ли Питер временами Лу Маррон (или каждый день)? Беверли никогда не осмеливалась спросить мужа, слишком боялась услышать ответ. Если он скажет «да», значит, у них роман. Если скажет «нет», наверняка он лжет. Она в любом случае проиграет. Труссы никогда не побеждают, ничего не добиваются, разве что им становится стыдно, когда они смотрятся в зеркало, как сейчас это делает Беверли.

На что там смотреть? Двадцативосьмилетняя женщина, которая едва проснулась и еще не пришла в себя (а может, никогда и не придет в себя). Волосы хороши, это гордость Беверли. Пышные, рыжевато-коричневые, они свисали до плеч, жаль только, что она рыжая, это огромный недостаток. Беверли мучилась проблемами всех рыжеволосых людей: веснушки, белая кожа, не принимающая загара. Она обгорала, покрывалась волдырями и

облезала, а потому давным-давно отказалась от попыток хоть чуть-чуть загореть. Солнце пресекало все ее усилия, лишь увеличивая количество веснушек, как будто у нее своих не хватало.

В юности веснушки доставляли ей массу хлопот, и однажды она тайком, за спиной у матери заказала по почте лосьон, который, как обещала реклама, при постоянном применении гарантировал уничтожение нежелательных коричневых пятнышек. Лосьон рекламировался на последних страницах яркого киножурнала, который специально купила, чтобы прочесть статью о счастливом браке Элизабет Тейлор и Майкла Уайлдинга. Беверли считала Элизабет Тейлор с ее темными волосами и кожей без веснушек самой красивой женщиной в мире. В то время она думала, что любая девушка без веснушек уже счастлива, а такие красавицы, как Элизабет Тейлор, счастливы вдвойне. Последующие события ясно показали, сколь мало один человек знает о счастье другого человека, кем бы он ни был.

Борьба с веснушками не увенчалась успехом. Лосьон вызвал зуд, да и запах у него был странный. Резкий запах уксуса. Однажды мать спросила, чем это она пользуется и зачем. В приступе паники Беверли сказала, что это новый состав для очистки кожи, который ей порекомендовала лучшая подруга. Он глубоко проникает в поры, предотвращает угри и вдобавок очень полезен, поскольку содержит витамины.

— Витамины! — презрительно фыркнула мать. — От тебя несет дешевой салатной приправой.

Беверли боялась красивой матери, конечно, не такой красивой, как Элизабет Тейлор, но тоже брюнетки. Веснушки не досаждали матери, ее гладкой коже самого красивого оттенка: ни светлой, ни темной — можно было позавидовать. Есть вещи, которых не изменить. Беверли тогда с болезненным чувством вынуждена была признать неизбежность и неизменность многих вещей. Это было чувство крайней безнадежности. Не важно, чем будет заниматься в жизни, не важно, кем она станет или не станет, не важно, будет ли счастлива или нет, любимой или нет, богатой или бедной, все не важно, потому что веснушки у нее останутся до самой смерти.

— Уходи! Уходи! — заверещал снизу, из музыкальной комнаты, попугай.

Он знал только это слово. Питер купил птицу несколько месяцев тому назад, даже не предупредив об этом Беверли. Таков был Питер. Однажды он просто приехал домой с клеткой, в которой трепыхался попугайчик.

«Птицы разговаривают только по утрам, — проинформировал Питер. — Я научу ее утренним приветствиям. Увидишь».

Она ни на секунду не сомневалась, никогда не подвергала сомнениям слова Питера. Он был хозяином своего слова. В момент, когда Питер говорил что-то, он так и думал. К тому же она понятия не имела о повадках попугаев. Может, научить его разговаривать — это пара пустяков. А когда через несколько дней Беверли пила кофе в залитой солнцем кухне, птица выкрикнула: «Уходи!» — и она сразу поняла, что Питер вложил в клюв птицы слова, которые хотел бы произнести сам. Было ирреальное чувство, когда узнала о мыслях мужа из клюва маленького пернатого создания. Отвратительно, мерзко. Типичное проявление черного юмора Питера и его представления о шутках.

Беверли чувствовала себя паршиво. Она высунула язык. Отражение в зеркале подтвердило опасения. На языке был серо-желтый налет, да и что тут удивительного? Во рту до сих пор оставался привкус вчерашней пакости. Она подумала, не отказаться ли ей от подписки на «Лайф».

— Уходи! Уходи!

У нее, ко всему, опаздывали месячные, а в таких случаях она плохо себя чувствовала. А что такое хорошо себя чувствовать? Она ничего не знает. У нее целый букет болезней. Мигрень, тошнота, расстройство желудка, задержка цикла. Грудь болезненно напухла, как всегда перед месячными. Еще один пункт в списке болезненных ощущений. Самое смешное, что вид у нее был цветущий, как у наглядной иллюстрации здоровья. Она и сама не понимала, как это получается. Чудо какое-то, учитывая, что почти все время ей было плохо.

Слабое пульсирование в висках напомнило о приступе мигрени, который удалось перебороть вчера вечером. Удалось ли? Может, лекарство только чуть отогнало боль, а сейчас надо выпить для уверенности еще одну таблетку? Неплохая мысль. Она зашла в тусклую розовую ванную, проглотила маленького борца с болью и запила водой. Омерзительный вкус у воды, напоминает вчерашнее блюдо, над которым они с Маргарет так долго корпели. Беверли вычистила зубы и прополоскала рот эликсиром в надежде избавиться от неприятного привкуса.

Затем встала на весы. Стрелка злобно остановилась на пятидесяти пяти килограммах. Набрала еще полкилограмма. Но она же ничего не ела. Ну, практически ничего. И она так осторожна в выборе еды. Маленький кусочек вареного мяса. Домашний сыр (уф!). Иногда омлет. Везде так мало белков. Как же при такой диете можно набрать полкило? Конечно, это спиртное. Ей надо прекратить пить. И в эту же секунду ей смертельно захотелось выпить, и немедленно. Не важно, что подумает Маргарет. Она служанка. Питеру плевать, что думают слуги; их мысли меньше всего его волнуют, он на них вообще не обращает внимания, но он вырос в окружении слуг. Ужин, как он ей рассказывал, всегда подавал слуга-негр в ослепительно белых перчатках. Семью Беверли нельзя назвать бедной (ее отец был преуспевающим гинекологом), но по сравнению с бруклинской семьей Питера они были голюю пережатой. Мнения слуг ее волновали, она хотела хорошо выглядеть в их глазах, хотела, чтобы они считали ее настоящей леди. Она ею никогда не станет. Кинозвезда Оливия де Хэвиленд — это леди, может, Питеру нужно было жениться на такой: элегантной и воспитанной. А она — настоящая деревенщина.

— Уходи! Уходи!

— Заткнись! — сказала Беверли, проходя в спальню, чтобы переодеться и начать скучный день.

На улице было еще холодно. Окна замерзли. Беверли выбрала бледно-голубой кашемировый пуловер и голубую с зеленым твидовую юбку. И прогулочные туфли на толстой подошве, хотя в Гарден-Сити никто не ходил пешком. В этом отношении Гарден-Сити похож на Беверли Хиллз, на улицах не видно пешеходов. Беверли повсюду ездила на «мерседесе», и самый дальний путь занимал около пяти минут. Это большое преимущество Гарден-Сити («район удобной жизни», как писала местная торговая палата): компактность, все необходимое, даже самое роскошное, в пяти минутах езды.

У Беверли неожиданно закружилась голова, когда она пристегивала чулки к поясу. Питер говорит, что никто сейчас не носит пояса-трусиков, и если бы она похудела на пару килограммов, то могла бы купить шикарные подвязки на поясе. Почему закружилась голова? Ее начал бить озноб. Господи, ей надо выпить, а Маргарет пусть катится к черту! Может, это из-за таблетки? Может, она так действует, когда нет головной боли?

Беверли присела на краешек кровати и начала успокаивать дыхание. Сердце трепетало. Если бы не то, что сегодня ночью Питер впервые за долгие месяцы занимался с ней

любовью, она бы решила, что беременна. Впрочем, если бы даже это произошло и месяц тому назад, она все равно вряд ли забеременела бы благодаря чудной маленькой пружинке внутри нее. Иногда Беверли забывала о ней. Питер предложил поставить ее после рождения Питера-младшего, два с половиной года тому назад. Беверли сочла это предложение странным, потому что он почти всегда трахал ее в зад, но потом подумала, что, возможно, его привычки изменятся, раз он заговорил о противозачаточной пружине. Может, она успокоится тогда. И поскольку оба они больше не хотели детей, Беверли в итоге согласилась. Колпачки мешали, пить таблетки — рискованно. Ее подруга Ди-Ди пила таблетки больше года, а потом у нее внезапно открылось такое сильное кровотечение, что ее пришлось срочно госпитализировать. Доктор сказал, что после таблеток это часто случается, и посоветовал вернуться к колпачкам или поставить пружину. Ди-Ди выбрала последнее, но организм отторгал чужеродное тело. Беверли повезло. У нее этих проблем не было.

Да, подумала она, это единственный случай, когда счастье улыбнулось ей. Только зачем? Может, сейчас открыть окно? Но она боялась потерять сознание, если встанет. Что же с ней происходит? Это из-за дома. Она чувствует себя как в тюрьме. Заключенной в замке. Надо уехать. Если бы было не так рано, она бы поехала в Хэмпстед в кино, на любой фильм, лишь бы отвлечься. Может помочь кофе, если только она не грохнется по дороге на кухню.

— Уходи! Уходи!

— Ухожу, — сказала Беверли.

Когда мягко зазвонил деревянный телефон, Беверли удалось переползти через неубранную кровать и взять трубку. Ди-Ди приглашала ее пообедать в загородном клубе.

— Я сейчас не обедаю, — ответила Беверли, — я на диете.

— Посмотришь, как я ем. Мне нужно поговорить с тобой. О Джордже.

Джордж — нынешний любовник Ди-Ди. Он преподавал музыку эпохи Возрождения. И Ди-Ди все время цитировала его разглагольствования о мадригалах, шансонах и мотетах, хотя сама признавалась, что не понимает ни единого слова. Но какая разница, понимает она или нет? Они трахались дважды в неделю. Днем по вторникам и четвергам.

«В Джордже надо отметить одно, — любила повторять Ди-Ди. — Он пунктуален. Помнишь, как я намучилась с разгильдяем Луисом?»

Муж у Ди-Ди был импотентом, во всяком случае, с Ди-Ди, которая убедилась, что он спит со своей секретаршей. Она обнаружила следы помады на рубашке. Когда Ди-Ди завела первых любовников, Беверли спросила, как ей удастся крутить романы в собственном доме.

— Запросто, — ответила Ди-Ди. — Дети в школе, а домоправительница смотрит в другую сторону, особенно после того, как я стала платить ей десять долларов в неделю. Две палки стоят десяти долларов.

— А что случилось с Джорджем? — спросила Беверли в трубку. — Не можешь сказать по телефону?

— Я так расстроена, что мне противен телефон. Давай встретимся.

— Новости хорошие или плохие?

— Плохие? Ужасные! Дерьмо. Я все расскажу.

В нынешнем жутком состоянии Беверли не смогла бы выслушивать чьи-то хорошие новости.

— Ладно, — сказала она. — Встретимся в час.

— Умоляю, пораньше. Я не доживу до часа. Давай в полдень.

Тут Беверли сообразила, что сегодня четверг, день Джорджа. Новости и впрямь будут плохими, если Ди-Ди не встречается с ним.

— В полдень, — сказала Беверли, — и не расстраивайся так. Ты так волнуешься, будто у тебя сейчас будет инфаркт.

— Возможно, и будет.

Беверли начала прощаться, но Ди-Ди уже бросила трубку.

Надо убить почти два часа. После кофе постарается почитать. Она до сих пор была на середине «Герцога», да, наверное, и не продвинется дальше, потому что не понимает еврейских слов, которыми Сол Беллоу напичкал книгу. Издатели должны были опубликовать одновременно и еврейско-английский словарь. Питер принес книгу из офиса, сказав, что ему ее одолжили. Возможно, эта сучка Лу Маррон.

— У нас кончился «Эдем», — объявила Маргарет, когда Беверли все-таки добралась до кухни.

— Должно быть, мистер Нортроп ночью проголодался. — Питер обожал сыр «Эдем». — Я заеду в магазин, когда буду возвращаться из загородного клуба. Я обедаю там с миссис Бейкер.

— Тогда, я полагаю, вы не будете есть тост?

— Отныне никаких тостов, Маргарет. Я только что взвесилась. Добавилось еще полкилограмма. Салли позавтракала?

— Да, мэм. Она съела целую тарелку кукурузных хлопьев, бананы и выпила чашку молока.

В детстве мать кормила Беверли овсянкой из тарелки, на дне которой была нарисована собака. Собака была такого устрашающего вида, что она никогда не доедала до конца, чтобы не видеть этой морды. На тарелке Салли была нарисована маргаритка, а Салли любила эти цветы. Девочка ела хорошо. Проблемы были с Питером-младшим. Ему все не нравилось. Сейчас он, должно быть, у себя в комнате, катается на музыкальной лошадке или бешено бежит с любимой тележкой. Беверли сказала Маргарет, что ее раздражают шумные игры по утрам, и она, прежде чем встретиться с сыном, должна выпить минимум две чашки кофе, так что Маргарет велела мальчику в утренние часы играть у себя в комнате. Около одиннадцати ему позволяли спуститься вниз и встретиться с матерью. Он — восхитительный ребенок, каждое утро думала Беверли при виде сына. Она обращалась с ним суровее, чем с Салли, потому что больше любила и поэтому испытывала чувство вины. В итоге Салли росла сорванцом, и похоже, когда вырастет, то устроит какому-то мужчине веселенькую жизнь.

Беверли удалось провести утро, не прикоснувшись к «Герцогу». Она выпила три чашки кофе без сахара и молока, выкурила три сигареты с ментолом, дала указания насчет ужина, обняла и поцеловала Питера-младшего (отчего дети так сладко пахнут?), ответила по мере сил на все бесчисленные «почему». Затем натянула верблюжье пальто с поясом и поехала в загородный клуб «Вишневая долина», где ее ждала Ди-Ди.

— Этот сукин сын в следующем месяце переезжает в штат Огайо, — сказала Ди-Ди, некрасиво искривив губы. Это была тонкая нервная блондинка, почти без груди, но с интересным угловатым лицом. — Огайо! Вообрази! Дерьмо! Что я буду делать?

Она в бешеном темпе пила водку с мартини, и Беверли, не забывая о лишнем полукилограмме, заказала виски, чтобы поддержать компанию.

— Найдешь кого-нибудь еще, — сказала Беверли, изображая сочувствие.

— Думаешь, это так легко? Надо тебе самой как-нибудь попробовать! Нужны недели,

даже месяцы!

Ди-Ди заплакала.

— Позвонил утром и отменил свидание. Я спросила, почему мы не можем встретиться сегодня, он же еще месяц будет здесь. Нет, сказал Джордж, мы все поменяем. Остаются только вторники. Вторник! Это же через четыре дня! И чем я должна заняться? Онанизмом? А он в эту секунду трахает какую-нибудь студентку. А потом они будут говорить о полифонии в музыке.

Все мы выбиты из колеи, думала Беверли, все мы, женщины. Мы только пьем, ходим по магазинам, встречаемся в загородном клубе, иногда вцепляемся в первого попавшегося мужчину. А если бы мы жили в городе, было бы так же? Может, это из-за нас? Или из-за места? Или из-за того и другого вместе?

— Уже сейчас плохо, — продолжала Ди-Ди. — А что будет, когда я постарею? Кто захочет возиться со мной?

— Может, тогда Крис оживет? — предположила Беверли.

— Мой муж? Оживет *со мной*? Ты шутишь? Он меня ненавидит. Без шуток. На днях он обозвал меня сраной занудой.

Беверли подумала, что, возможно, Питер тоже так думает о ней. Она хотела бы завести любовника, но у нее не было характера Ди-Ди. Нет, не здесь, в Гарден-Сити, не в доме, где она прожила с Питером восемь лет.

— И знаешь, что еще? — сказала Ди-Ди, подзывая официанта, чтобы заказать обед. — Этот мерзавец прав. Я и есть сраная зануда.

По дороге домой Беверли заехала в магазин сыров на Седьмой стрит. Выбрав его любимый сорт, она сделала помимо своей воли странную вещь. На прилавке лежал пакет «Камамбера», который оставил кто-то из покупателей и его не успели вернуть на витрину. В каком-то умопомрачении Беверли, выждав, когда продавец отвернется, схватила сыр и сунула себе в сумку. Затем расплатилась за «Эдем» и вышла.

Домой она ехала в оцепенении. *Я должна бросить Питера*. Мысль вертелась у нее в голове, и это была даже не мысль, а скорее молитва, мольба. *Могу я бросить Питера?* Когда она подъехала к замку на Стюарт авеню, слезы катились по лицу, застилая глаза. Она торопливо утерлась. Пальцы, касавшиеся щек, были мертвыми, холодными, нечеловеческими.

Звонок в дверь разбудил Аниту ранним утром в четверг, и в какую-то секунду она подумала, что это электронный будильник зовет ее встать, вычистить зубы, принять душ, надеть штанишки, форму стюардессы и лететь в... Мадрид? Париж? Рим? Лондон? Каир? Мюнхен? Гамбург? Или она сейчас в одном из этих знакомых и чужих мест перед возвращением в Нью-Йорк?

Очень часто Анита, снимая с лица спальную маску, не могла сориентироваться, где же она находится. Маска была мягкой, зеленого цвета, и на ней поперек было написано: «Спокойной ночи, Чет, спокойной ночи, Дэвид». Иногда Анита не знала, что бы она делала без маски, настолько рваным был ее распорядок дня. Затем услышала поскуливание, вспомнила о Чу-Чу, сидевшем в сумке у радиатора, и, даже не раскрывая глаз, поняла, что она в Нью-Йорке, в постели с Джеком Бейли, а в дверь звонит Симона, которая заехала по дороге на работу забрать собаку.

Джек сбросил все подушки на пол, такая у него была странная привычка, и спокойно

спал, когда Анита босиком прошлепала к двери через неубранную гостиную. В свете раннего утра предстала Симона, растрепанная и раскрасневшаяся, в том же платье, что и вчера. Но она вся светилась, будто время, проведенное с Робертом Фингерхудом, было очень счастливым.

— Извини, что разбудила, — выдохнула Симона (она что, бежала?). — Но я не могла бросить Чу-Чу. К тому же ключи и все прочее тоже в сумке.

Анита побрела за сумкой.

— Он прекрасно себя вел. На ночь я дала ему теплого молока, и он тихо сидел всю ночь. Как у тебя дела с Робертом?

— Великолепно. Необыкновенно. Он удивительный человек. А у тебя с Джеком? Он остался?

— Да. Еще спит.

— Как ты думаешь, у вас продолжится?

— Не знаю, — призналась Анита. — С Джеком всегда так. Он очень непостоянен. И эта неопределенность мучит меня. А вы с Робертом еще встретитесь? Он что-нибудь сказал?

— Я не буду с ним снова встречаться, я буду жить с ним! Представляешь себе? Он пригласил меня *жить* с ним!

— Ты считаешь, что это хорошее предложение? — резко очнувшись от сна, спросила Анита и задумалась, имел ли отношение к успеху Симоны размер ее груди.

— Хорошее предложение? — Симона с тупым раздражением уставилась на свою бывшую соседку. — Ты шутишь? Шарик за ролики заехали? Мне что, это ежедневно предлагают? Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я подумала о твоей квартире. Знаешь, надо бы сдать ее.

Раздражение Симоны начало прорываться наружу, и Анита знала, что та сейчас думает: как ты можешь быть такой тупой в этот момент, такой практичной и приземленной, как можно стоять в своей кукольной пижамке и нести всякую чушь насчет квартиры и аренды, когда я сейчас счастлива до изнеможения?! Но именно поэтому Анита и заговорила о скучных вещах, они отвлекут внимание Симоны и скроют ее настоящие чувства: болезненную, невыносимую зависть при виде неожиданного счастья подруги.

— Я имела в виду, — сказала Анита, — что, может, лучше подождать, пока он не предложит пожениться. А если ты переедешь, он может никогда не сделать предложения.

— Роберт без ума от меня, — гордо ответила Симона. — Я это ясно вижу. Я его очаровала.

— Но я говорю о браке.

— Ты только о нем и говоришь. На свете есть и другие вещи.

— Например? Трахаться на раковине?

— Не надо напоминать мне о прошлом. Все изменилось, все теперь будет по-другому. Я наконец-то встретила НОРМАЛЬНОГО мужчину. Представляешь? После стольких ле скитаний по Нью-Йорку.

— Рада слышать. А теперь ты скажешь, что даже достигла оргазма.

При этих словах Симона сжала губы и нахмурила брови.

— Ты — настоящая скотина. Ты это знаешь?

Она повернулась и быстро пошла к лифту с сумкой в руке. Симона не обернулась и не попрощалась, не поблагодарила Аниту ни за вечеринку, ни за то, что присмотрела за псом. Анита не понимала грубых людей, они оставались для нее загадкой. Возможно, это было

следствие профессиональной подготовки стюардессы, которая должна быть вежливой и заботливой даже в самых трудных обстоятельствах. Наверное, ей не следовало упоминать об оргазме, но в прошлом Симона не обращала на это внимания. Она сама (когда они еще только начинали дружить) рассказала Аните о своей проблеме, да и потом часто повторяла это, описывая в красках разные приключения. Так чего же сейчас обиделась, никак не могла взять в толк Анита. Она была шокирована, грубые люди ее шокировали, угнетали, а если, как утверждают специалисты, депрессия — это подавленная форма гнева, то сейчас Анита была в ярости из-за того, что с ней так пренебрежительно обращается та, которую считала своей подругой.

Господи, спаси нас от друзей, думала она, потому что не очень-то верила в женскую дружбу, считала ее промежуточной стадией, не очень искренним жестом, заменой взаимоотношений между мужем и женой. Женщины, даже самые благородные, всегда стремятся Подставить друг друга. Ни одна из них не желает от всего сердца счастья другой, во всяком случае, за свой счет, женщины не настолько великодушны. Анита, уж точно, не такая. Спокойной ночи, Чет, спокойной ночи, Дэвид. Она услышала песню «Воскресенье никогда не повторится» (он не вернется), а это означало, что Джек проснулся и включил свою любимую радиостанцию. Анита была однажды на концерте этой группы и очень жалела об этом. Она тогда распахивалась. Анита их не понимала. А с чего это она вырядилась тогда в дикое платье, нацепила сморщенную шляпку? Но стихи были хорошие. Не только воскресенье не повторится, ни один день недели не повторится, все дни недели путались при Джеке. Одна из причин, почему она так увлеклась им, была в том, что они оба были заняты одним сумасшедшим делом, поэтому прекрасно понимали этот особый образ жизни: сдвиги во времени, жуткая усталость после полета, вынужденные посадки и, хотя не говорили об этом, — старомодная романтика полета. Анита считала, что они напоминают актеров, которые могут понять и простить некоторые отклонения в поведении, которые непосвященным пришлось бы долго объяснять.

А Джеку, кажется, было начхать на эту связь между ними, потому что если бы это было не так, он бы не бросил ее в октябре. Ведь (напомнила себе Анита) многие пилоты женились на стюардессах, многие бортинженеры женились на кассиршах. Авиакомпании пронизаны семейными узами. Она старалась думать именно об этом, когда начинала терять веру (а это случалось часто) в возможность постоянной связи с Джеком Бейли. *Ты думаешь, что снова увидишь его?* — резко спросила Симона. У Аниты начинало сосать в желудке от этого простого, но жизненно важного вопроса. Бездной отчаяния была способность не отвечать на него даже самой себе, особенно самой себе.

Когда Анита вернулась в спальню, Джек уже нацепил на себя пилотскую фуражку и лежал в постели, накрывшись простыней, которую поднимала могучая утренняя эрекция.

— Этот отель в Америке или в Европе? — спросил он.

— В Европе, дорогой. А почему *это*, — спросила она, указывая на бугор под простыней, — всегда случается по утрам?

— Не знаю, но видела бы ты военно-морские казармы в семь утра. Уверяю тебя, это зрелище.

— Охотно верю.

Аните не нравилось заниматься любовью по утрам, она совсем ничего не чувствовала. Утро предназначалось для другого: разговоров, кофе, воспоминаний о вчерашнем, планов на день — и секс как-то не вписывался в картину спокойного, упорядоченного и очень

продуктивного времени дня. Секс для Аниты был чем-то внешним, он не составлял части ее жизни, а потому сливался со свиданиями, мини-юбками, официальными ужинами в ресторанах, а если дело было в Нью-Йорке, то с бродвейским спектаклем или премьерой зарубежного фильма. Секс связан с укладкой волос днем и медовой маской, чтобы разгладить кожу на лице, а в это время можно сделать маникюр и педикюр. Эти ритуалы готовили к сексу. Неотвратимая рутина. Шампунь, ароматная пудра, капелька духов, а в финале — яркая губная помада. Влажная и чистая. Вот какова подготовка к любви. И разве может быть иначе? И теперь, увидев эрекцию у Джека Бейли, Анита не только не возбудилась, но даже испытала чувство отвращения.

За ночь у Джека появилась легкая щетина. Ему надо побриться, вычистить зубы, принять душ. Ей тоже нужны ванна, зубная щетка, дезодорант, надо убрать в гостиной, освежиться апельсиновым соком и чашкой йогурта, потом — чашечка кофе и сигарета. Анита любила пить шампанское по утрам. Это не то что крепкие напитки, пузырящаяся влага освежала и очищала. Она с чистой совестью пила его за завтраком. Конечно, если в этот день предстоял полет, то ничего подобного не могло быть. Это строго запрещалось правилами, и хотя она знала стюардесс, которые нарушали их, ей и в голову не пришло бы так рисковать. Анита считала, что все правила разумны и хорошо обоснованы. Они защищают пассажиров и стюардесс. Пассажиры вручают свои судьбы надежным и вежливым стюардессам, они платят за это, когда покупают билет, а может ли быть надежным и вежливым человек, если он нагружен на работе?

Однако когда изложила эти неотразимо логичные мысли одной девушке, известной тем, что она тайком выпивала, та расхохоталась в ответ:

«Я не понимаю, как человек может быть надежным и вежливым на этой паршивой работе, если он *трезв?*»

Ее звали Лайза. Это была высокая цветущая австрийская девушка с гортанным смехом. Ее легко можно было вообразить катающейся на лыжах, щеки у нее просто пылали. Лайза всегда держала в шкафчике мятный спрей и освежала рот, когда надо было нести поднос ненавистным пассажирам. Но однажды судьба посмеялась над ней. То ли кончился спрей, то ли у детей очень чувствительное обоняние, но, когда она однажды, летя в Мюнхен, склонилась над шестилетним мальчиком, чтобы дать ему завтрак, он радостно заорал:

«От тебя пахнет, как от папы, когда он пьет коктейли!»

Несколько пассажиров обернулись, одни нахмурились, другие улыбнулись, затем все продолжили есть, но мать ребенка подозрительно смотрела на виноватую Лайзу (та призналась Аните, что выпила виски с содовой) и увидела, что обвинение сына не лишено оснований. И потом она прислала резкое письмо президенту авиакомпании, назвав имя нарушительницы. Лайзу вызвали на ковер и уволили за пьянство и наглость. Она была пьяна, когда ее допрашивали, и буквально через несколько минут после начала решительно предложила комиссии засунуть все эти бумаги себе в задницу. Анита несколько раз получала от нее открытки из городка близ Лос-Анджелеса, где та снимала квартиру с бассейном и готовилась к кинопробам с молодым режиссером, с которым познакомилась во время полета в Лондон.

«Лучше я буду шлюхой, чем стюардессой, — писала Лайза в последней открытке, — жаль только, что настоящие профи могут здесь умереть от голода из-за бешеной конкуренции со стороны любительниц. Встретимся в кинотеатрах».

— В каждой компании всегда есть парочка таких, — заметил Джек Аните, когда все

узнали об инциденте.

— Каких? — спросила она. — Пьяниц?

— Нет. Проституток.

— О чем ты?

— А как ты думаешь? Чем занималась наша австрийская подруга во время полетов в Европу? Играла в карты с экипажем?

— Но она так чудесно выглядит, — смутилась Анита. — Даже когда напивается. У нее... У нее... — Почему она не могла закончить мысль? Возможно, потому, что та явно не согласовывалась с новыми сведениями о Лайзе. — У нее огромная жизненная сила.

— Вкупе с огромным, смертельным желанием.

Анита решила, что обязана защитить отверженную девушку.

— Мне она очень нравилась.

На лице Джека появилась обычная загадочно-отстраненная улыбка.

— Смешно. Я любил ее.

Анита быстро вытолкнула весь этот разговор из памяти. Забавно, как людям удается забывать неприятные вещи, и это называется инстинктом самосохранения. Влюбленный в кого-то Джек — это уже выше ее сил, а Джек, влюбленный в девушку, диаметрально противоположную Аните, — удар ниже пояса, это зачеркивало ее, уничтожало, убивало так, будто она и не рождалась на свет. Анита удивлялась, почему вспомнила об этом сейчас, в похмельное утро четверга, когда впервые за долгое время ей удалось как-то помириться с мужчиной, от которого она без ума. Но какая-то тупая, непонятная сила толкала ее дальше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Помнишь Лайзу? — спросила она.

Джек не ответил, только глянул на нее и безразлично кивнул.

— Ты серьезно говорил мне, что любил ее?

— Серьезно.

— А сейчас?

— Влюблен?

— Да.

— Нет.

— А что случилось?

— Прошло время.

— Это так изживается?

— Ты обо мне или о людях вообще?

— Обо всех.

— Ну, это способ. Не самый легкий, но всегда эффективный.

— А она была влюблена?

— Ясно, что нет, иначе мы бы и сию минуту были вместе.

Он хотел от нее слишком многого. И грудь Лайзы здесь ни при чем. Так, два прыщика под блузкой. Слезы навернулись на глаза, но Аните было слишком грустно, чтобы заплакать. Может, через неделю она и разрыдается. Тогда слезы найдут выход, а сейчас они застыли, в горле пересохло. Все время, когда она была влюблена в Джека, он любил Лайзу. Анита его совсем не знала, она видела его в кривом зеркале собственных представлений. Шок от этого открытия был подобен удару в солнечное сплетение, как будто кто-то врезал по нему изо всех сил. Она хотела умереть. Уснуть. Заплакать. Закричать. Все что угодно, лишь бы не

чувствовать себя такой ничтожной. Она раскрыла рот, но еще целую минуту молчала.

— Я... — Наконец-то. — Извини. Если бы я знала...

И в это мгновение она сообразила, что знала, он сам сказал ей, что влюблен в Лайзу, когда они говорили в начале прошлой осени, но не поверила, пропустила все мимо ушей, это были звуки, а не слова, бессмысленная абстракция, которая не имела никакого значения. Абракадабра. Он мог сказать что угодно. Мог пересказать теорию относительности Эйнштейна, результат был бы тем же. Она бы все равно не слушала. Почему же слушает сейчас? Потому что неожиданно показалось, что нужно слушать и попытаться понять. Ирония. Потому что он не собирался продолжать. Напротив, сменил тему разговора:

— А в отеле осталось что-нибудь выпить?

— До черта недопитых бокалов.

— С окурками?

— Точно.

— Это для вкуса, — сказал Джек, вылезая из постели, и прошел в гостиную.

Он вернулся через несколько минут, держа в руке бокал Аниты с оранжевой жидкостью и позвякивающим кубиком льда. Жидкость весело сверкала в холодном утреннем свете.

— Что это такое? — подозрительно спросила Анита.

— Адская смесь под названием ОП. Не смущайся, если не знаешь, что это такое.

— А что это?

— Остатки питья.

— О нет! Ты все слил в бокал? — То, что казалось веселым и забавным, неожиданно превратилось в нечто отвратительное и мерзкое. — И в такой хороший бокал?

— Я добавил апельсиновый и лимонный сок для вкуса. Лимонный сок очень важен, он незаменим для ОП. У тебя нет под рукой детских бутылочек?

Тем, кто не был связан с авиакомпаниями, этот вопрос показался бы странным, но дело было в том, что стюардессы крали детские бутылочки из стандартного набора на борту самолета, а дома использовали их вместо пульверизаторов для глажки формы, когда не было времени отправить ее в чистку.

— На кухне есть одна, — ответила Анита. — Сейчас принесу.

— Есть только один способ пить ОП, — проинформировал Джек, когда она вручала ему пластиковую бутылочку. — Из нее. Антисептики.

Он налил жидкость в бутылочку, вставил соску, поднял с пола подушку, улегся на нее, сунул в рот соску и с удовольствием начал потягивать напиток. Яично-желтая эмблема на темно-синей пилотской фуражке Джека вкупе с детской бутылочкой, наполненной остатками выпивки, создавала полное ощущение казармы. Пять месяцев тому назад (пять минут!) Анита так не подумала бы, но сейчас поняла, что Лайза как-то повлияла на изменение ее точки зрения. Она как-то изменилась. Может, потому, что Лайза тоже так бы смотрела на Джека. Да, она слышала хрипловатый смех Лайзы и тоже рассмеялась.

Нелюбимые женщины часто считают, что им достаточно всего лишь копировать стиль своих предшественниц, чтобы завоевать любовь мужчины. К сожалению, это не помогает. Даже самая непривлекательная форма оригинальности предпочтительнее имитации. Поначалу оригинальность может быть хуже подражания, но она все-таки создает собственную ауру, она требует свободы и простора и в итоге оправдывает себя. Не понимая этого, Анита спрятала свои индивидуальные черты за копиями поведения преуспевающих девушек. Позднее придется удивляться, почему же ей не везет, но Джек кожей уже

почувствовал ее неискренность и целиком сосредоточился на поглощении ОП.

Аните было ясно, что он не будет заниматься с ней любовью, и в душе боролись чувство облегчения и ощущение того, что тебя отвергли. Она не хотела секса, но хотела быть желанной. Эрекция у Джека пропала, и он ничего не собирался делать, чтобы восстановить ее. Он просто не замечал присутствия девушки. Для него она ничем сейчас не отличалась от вазы или лампы. Даже когда Анита перелезла через него, чтобы взять телефонный аппарат и договориться с парикмахером. К счастью, ее могли принять в десять часов.

— Вечером я лечу в Гамбург, — сказала она Джеку, когда положила трубку.

— Ну?

— Меня не будет только два дня.

Он вскочил и начал одеваться, будто опаздывал на самолет.

— Я позвоню, — сказал он.

— Симона переезжает к Роберту.

Он коротко взглянул на нее, но она не поняла смысла его взгляда.

— Быстро они...

— Она заходила за собакой, пока ты спал. И говорила только о Роберте. Очевидно, ночь у них была успешной.

— Наверное.

Анита ощутила приступ знакомого отчаяния. Скоро он оденется, уйдет и, возможно, никогда не вернется? *Я позвоню*. Когда? В какой день? В какой час? Но не было смысла допытываться, все равно ничего не добьешься, только продемонстрируешь свои переживания. Если Анита чему-нибудь научилась, так это не раскрывать рта в подобных случаях и надеяться на лучшее. Нет. Молиться о будущем.

— Думай обо мне в парикмахерской, — сказал напоследок Джек, поцеловал ее и решительно вышел из квартиры, что было очень типично для летчиков, чья жизнь проходит в принятии быстрых решений. Пилоты не медлят, у них острое чувство времени, они привыкли сначала действовать, а потом думать. Нет смысла размышлять об их словах, о торопливом прощании. Так что, когда Анита через несколько минут пошла в душ и нашла на раковине смятую записку от Джека, она не очень размышляла над ее содержанием: «У тебя кончается зубная паста».

Под этими словами он нарисовал пронзенное стрелой сердце. На одном конце стрелы было написано: «Любовь». На другом: «Ненависть».

Утро в четверг у Лу Маррон отличалось от утра у Симоны, Беверли и Аниты главным образом тем, что первой была не мысль о мужчине, а мысль о работе.

Черное тело Маршалла рядом с ней, когда она раскрыла глаза в своей спальне с розово-лиловыми обоями, не имело никакого отношения к ее мыслям. Правда, что он мужчина, что ночью они занимались любовью, что у него несомненные физические достоинства, но все-таки никакого сходства между ней и другими тремя девушками не было, поскольку Симона проснулась с блеющими звуками любви к Роберту Фингерхуду; Беверли — с мыслями о кошмарном браке; Анита обнаружила, что Джек Бейли может взлететь в стратосферу, и она о нем никогда не услышит; а Лу сразу пронзила мысль: *Казак в воде*. Эта мысль сверлила мозг, и тут же Лу вспомнила, что не написала интервью со Стивом Омахой, что ей еще нужно доказать Тони Эллиоту, насколько она лучше Питера Нортропа, и потому надо наградить колонкой именно ее. И для собственного хорошего самочувствия необходимо

доказать самой себе свой профессионализм.

Еще ребенком она безнадежно стремилась к совершенству: была лучшей студенткой, единственной девушкой, закончившей школу «Уильям Каллен Брайант» в Филадельфии с незапятнанным дисциплинарным листом. («Мамочка, я ни разу не опоздала в школу».) Это же повторилось в высшей школе и колледже, Нью-Йоркском университете, при переходе на работу в Нью-Йорке (первая журналистка из тридцати пяти соискателей). Но очень скоро репортерская работа наскучила ей, она была слишком механической и не творческой.

Нет, увлечение художественной прозой овладело Лу еще в колледже. Ей нравилось брать интервью, ей легко было разговаривать с незнакомцами, получать нужные ответы, и она завоевывала расположение людей... Старик итальянец, торгующий летом льдом на улице МакДугал; танцовщица с маленькой грудью из «Метрополя»; стоматолог, специализирующийся на удалении зубов, который признался после двух бокалов мартини в пристрастии к чечетке. У нее было легкое перо, написанное легко читалось, потому что она много работала, чтобы скрыть от читателей свои творческие мучения.

Лу вообще много работала, дабы скрыть все свои муки. Она не хотела, чтобы кто-нибудь знал, какова она на самом деле, и осознавала, зачем так делает: она боялась, что если об этом узнают, то это может не понравиться. Иногда Лу думала, что, может быть, ей нужно было стать актрисой, она была великолепной притворщицей, но, по иронии судьбы, была слишком застенчивой, чтобы выйти на сцену. Лу могла беседовать с абсолютно незнакомыми людьми и вызывать их доверие, но выйти на публику — это уже выше ее сил. Ее натура нуждалась в более спокойной манере самовыражения. Таким являлось литературное творчество, но оно было слишком спокойным, очень безличным по сравнению с тем, когда стоишь перед аудиторией (или хотя бы перед камерой), более управляемым, контроль находится у тебя в руках. У редактора меньше контроля, чем у режиссера. Режиссер может сделать из актрисы фарш, котлету. Она очень боялась, что ее превратят в котлету. Почему же все-таки в ее снах так часто появляются топоры и ножи?

Однажды Лу перемололи в мясорубке любви. В семнадцать лет она забеременела от парня. Он погиб в автокатастрофе еще до рождения девочки (в пьяном виде врезался в телефонную будку; бывают ли в жизни случайные совпадения?). С его смертью в ней умерла и какая-то нежность, и хотя она как-то любила Дэвида, это не исчерпывало ее жизни. Суть в том, что Лу не хотела, чтобы ее эмоциональная девственность снова подвергалась испытаниям. Это было бы слишком больно.

Маршалл разговаривал во сне, зарывшись лицом в подушку, слова можно было разобрать с трудом:

— Подпись вашего поручителя неразборчива, мадам.

Мистер Безумец на другом конце кровати свернулся черно-белым пушистым клубком. Этой ночью он смотрел на их игрища, и его огромные желтые глаза казались еще больше в полутемной комнате. Ей было интересно знать, что думают коты, когда видят такое, что же они при этом чувствуют? Его острый интерес к подобным спектаклям был настолько очевиден, что наконец-то достал Дэвида, поэтому, когда она с ним трахалась, кот беспощадно изгонялся из спальни.

«Он меня сводит с ума», — говорил Дэвид.

Лу не сразу поняла, что он подразумевал нечто большее, чем простое раздражение. Дэвид боялся кота, хотя и стеснялся признаться в этом. Она размышляла об истоках этого страха, и ей удалось добиться правды.

«Если ты и впрямь хочешь знать, — сказал он непривычно раздраженным тоном, — я боюсь, что он вцепится мне в яйца».

Мужчины — странные существа, непонятные для нее, и это непонимание было одной из причин, почему она заиклилась на работе. Лучше, в конце концов, увлечься работой, чем мужчинами. КОЛОНКА! ЭТО — КАК СЕКС! ЭТО ЛУЧШЕ СЕКСА! Секс прошлой ночью итоге удовлетворил ее, было совсем не плохо, и, хотя Лу не собиралась больше встречаться с Маршаллом (разве что в случае такой же острой нужды, как вчера), она была благодарна ему за свое спасение. Секс для Лу был неотделим от творчества. Без него она была высушена, мертва, ничего в голову не приходило. Секс как бы поднимал ворота шлюзов. Несколько лет тому назад с ней это произошло впервые, и теперь она родную мать продала бы за удачно написанную статью. Писатели в этом отношении безжалостны. Люди нужны им для смазки шестеренок их творческого механизма. Они используют людей, как она использовала прошлой ночью Маршалла, который теперь видит сны о подписях поручителей. Трудно поверить в степень самовлюбленности, нарциссизма писателей. Стив Омаха назвал французского художника Давида чудовищем. А знает ли он, что и сам тоже был чудовищем, когда вытаскивал нейлоновые чулки из кармана мертвого товарища в водах Ла-Манша? Без сомнения, знал. Рыбак рыбака видит издалека, думала Лу. Наилучшие идеи почти всегда приходили к ней при пробуждении, когда она оказывалась на сумеречной грани между сном и бодрствованием. Для обозначения такого состояния даже было какое-то особое слово. Гипноозарение, что-то в этом роде, она не могла припомнить точно. Волшебное состояние, как будто еще только зарождающиеся или недоношенные идеи помещаются в особую камеру, чтобы через некоторое время появиться на свет во всем своем блеске и обнаженной красоте.

Казак в воде. Сидни Гринстрит верхом на лошади.

Но едва она собралась вылезти из постели и пойти в гостиную к пишущей машинке, Маршалл раскрыл глаза и как-то странно взглянул на нее. Лу моментально разгадала смысл: он ее не узнал в первую секунду.

— Да это же я, — сказала она. — Девушка, которую ты подцепил в Еврейском музее. Вспоминаешь?

Улыбка обнажила мелкие зубы. Ночью она старалась не замечать их. Теперь он вспомнил, где находится, и лицо у него залоснилось от удовольствия.

— Я храпел?

— Нет. А что? Это случается?

— Да. Иногда даже стены трясутся. Но это бывает, когда я переутомлен.

У него было красивое тело, длинное и стройное. Утром Маршалл произвел на нее лучшее впечатление, чем ночью; он стал увереннее в себе после того, как проявил свои качества неплохого любовника. Если бы ей не надо было писать эту вшивую статью, Лу не прочь бы трахнуть его еще разок, особенно если принять во внимание тот факт, что она никогда больше его не увидит, во всяком случае, очень долго. Ночью, когда Маршалл вошел в нее, Лу представила, что он — сутенер из Гарлема, а она — одна из его кобылок. У него было бы три негрятки и две белые девушки, вторая, понятно, медоволосая блондинка, минетчица. В ту же секунду она задумалась: а чего это он так развеселился?

— Куда ты пошла?

Лу вылезла из постели и начала надевать пятнистую пижаму. Пальцами она изобразила цапапанье.

— Сяду за машинку и наклепаю забавную историю, дорогой-малыш-солнышко-милий-умница-ангел. Но сначала принесу апельсиновый сок, чтобы тебе не было так одиноко.

— Что за история?

— Для моей газеты. Помнишь, я тебе рассказывала вчера о художнике? Я брала интервью у него. И должна была написать еще вчера, но вместо этого расслабилась и подхватила мужчину, так что утром приходится расплачиваться.

— Я тоже расплачиваюсь.

— Почему? Не хочешь еще раз проделать это сейчас?

Лу улыбалась, флиртowała, но это была лишь игра, Маршалл ничего не значил для нее. Она мечтала, чтобы он нацепил свою хреновую одежду и понесся бы в свой банк, где бы занялся жалкими центами пуэрториканцев, именно они в итоге оплачивают все их расходы на автомобили и секретарш, покупающих для собственных клетушек раздвижные диваны, которых обманывают все кому ни лень. Она ничего об этом не знает. А почему? Сама виновата. Вечно связывается со слабаками. Притягивает их, как магнит. И всегда притягивала. В памяти возникли голубые глаза Питера Нортропа: они требовали, они повелевали.

Лу часто думала о том, какая же у него жена, какого типа женщину он выбрал, но у нее ничего не получалось, на ум приходили только смутные догадки. Даже самый привлекательный мужчина может удивить вас, когда вы случайно столкнетесь с ним во время семейных закупок в каком-нибудь супермаркете. У жен многих бизнесменов, которых знала Лу, был какой-то бесцветный вид, какие-то они все незаметные, бледные. Нелепые одежда и обувь. Но обувь и сумочки — очень дорогие.

Это была одна из многих тем, которые Лу хотела описать, когда (и если) Тони Эллиот даст ей колонку: судороги этих прозаических женщин. Черные патентованные украшения и черные патентованные сумки, нелепые юбки и кривые ухмылки на лицах. Не удивительно, что мужья редко бросают их. Эти бабы слишком незначительны, так что они не создают проблем в повседневной жизни, у них нет лица, они только и делают, что стоят у стиральных машин и кухонных комбайнов, болтая о газетах, мыльных операх и последних телесериалах.

— Я бы не прочь повторить, — сказал Маршалл.

Очевидно, она так удивленно взглянула на него, что он тут же добавил:

— Ты сама только что говорила об этом, вот я тебе искренне и ответил.

Да, это тебе не киногерой. А чего она от него хотела? Ничего. Вот в чем суть. Он один из тех, кто хотел чего-то, и не только секса, надо признаться. Она ему нравилась, он хотел встречаться с ней, он не знал, что все кончено, даже не подозревал об этом. Прошлой ночью Маршалл сказал, что живет на Западной Четвертой улице в Виллидже, и Лу теперь думала, как же он живет: выезжает, чтобы трахнуть с негритянками, или, как и большинство своих сородичей, вырвавшихся из гетто, заиклился на голубоглазых блондинках? Поскольку сама она была кареглазой брюнеткой, то негры ею не очень интересовались (Лу мечтала уехать в Швецию, чтобы ее там избрали королевой). Негры всю свою несчастную жизнь смотрят в карие глаза, видят те же черные волосы, так что этой одноцветностью они сыты по горло. Именно поэтому так часто видишь, как они гордо вышагивают под ручку с ослепительными блондинками в тесно обтянутых брюках.

— Я тоже не против, — не очень искренне сказала она. — Но сначала работа. Понимаешь, газета выходит завтра днем.

— Да мы быстренько, — с надеждой сказал он.

— Тогда зачем?

— Не знаю.

Одевайся, засранец, вот что на самом деле ей хотелось сказать, но, с другой стороны, было рано, начало восьмого, и он, наверное, собирался, не заходя домой, пойти сразу на работу во вчерашней одежде. В таком случае, зачем оделся? У него уйма времени. Может, ему стоит еще поспать. Но ей было наплевать, чем он займется, лишь бы не путался у нее под ногами. Она могла выдать в офисе последние новости, вызвав ими шум и возмущение, и это ее не пугало, потому что это — пустяки, не связано с творчеством, это скорее механическая запись события, очень сухая и объективная, а вот интервью со Стивом Омахой — совершенно другое. Тони Эллиот поведал ей, что, если оно будет хорошо написано, он вставит его в понедельник на первые страницы. Этот стимул к работе требовал тишины и покоя.

— Я сейчас вернусь, — сказала она.

Мистер Безумец последовал за ней на кухню и немедленно запрыгнул на стул, стоявший у плиты. Лу приучила его сидеть там в ожидании завтрака. Если он не сидел на стуле, то терся о ее ноги в нервном предвкушении еды, и она старалась не задумываться над вопросом, почему эти движения так сильно ее раздражали.

— Мистер Безумец арестован, — объявила ему Лу, надеясь, что не забыла купить кошачий корм, когда в последний раз была в супермаркете. Ее жизнь складывалась так, что она редко там бывала, и однажды, получив счет, поняла, что в среднем тратит в неделю только восемь Долларов, большая часть которых уходила на женскую гигиену и еду для кота. Ну, она еженедельно тратила больше денег в салоне красоты на маникюр и прическу, чем на еду. Как часто Лу говорила Дэвиду, который уговаривал ее есть побольше, пища нагоняла на нее, тоску, и она не понимала, почему он делает из еды кумир.

— Потому что я — еврей, — рассмеялся Дэвид в ответ.

— Ну, я наполовину еврейка, а интерес к еде у меня в несколько раз меньше по сравнению с тобой, так что национальность здесь ни при чем.

— Да, но твоя вторая половина — ирландская, а все знают, что у них нет кулинарного искусства, а следовательно, и интереса к еде. Что ест твой отец?

— Сырники.

— Он ирландский юрист?

— Он не очень хороший юрист, ведет только мелкие дела. А потом, у моей матери странное чувство юмора. Она дает ему сырники и ветчину.

— В одной тарелке?

Она любила поддразнивать Дэвида.

— Конечно. Моя семья не придерживается кошерной пищи. Но могу поспорить, что ты не знаешь, что я читаю еврейскую газету.

— Я думаю, ты меня разыгрываешь.

Она отрицательно покачала головой.

— Вовсе нет. Я читаю «Дейли Форвард», когда еду на работу. Честное слово. Я же езжу в метро.

Они только познакомились, когда состоялся этот обмен мнениями, и Лу рассказала о своем дедушке, еврее Монте Вули, сорок лет прожившем в Нью-Йорке и упорно отказывающемся учить английский. В один прекрасный день мать решила, что старик — единственный живой из бабушек и дедушек Лу, и ей следует научиться разговаривать с ним в

те недолгие дни, которые тому осталось прожить на белом свете, ему ведь уже было под девяносто. И после обычной школы, где было довольно тоскливо, девочку везли в другую школу изучать идиш. Лу не хотелось ездить, но ей было только одиннадцать, а мать не считала, что такая малышка имеет право отказываться от чего-либо. Она тратила на язык два часа ежедневно, и в конце концов он ей понравился. В этой школе не так худо, как в обычной, а благодаря своему прилежанию Лу очень скоро стала лучшей ученицей. Ей было забавно писать справа налево, это было похоже на какую-то игру.

Юмор заключался в том, что в школе учили на диалекте, на котором не разговаривал дедушка, и когда она в очередной раз навестила его в Нью-Йорке, то не поняла ни слова из его речей, хотя казалось, что он ее прекрасно понимает. Это было смешно. Вскоре после этого дедушка умер, и теперь, спустя шестнадцать лет, Лу была признательна ему за то, что по утрам в метро может читать «Дейли Форвард».

— Мистер Безумец несколько недель был под арестом, и никто не собирается сейчас брать его на поруки.

К счастью, в шкафу отыскалась банка с кошачьими консервами. Лу открыла ее и половину выложила в миску, добавила витамины и пригоршню сухарей. В другую миску налила свежей воды.

— Мистера Безумца разыскивают за вооруженное ограбление в пяти южных штатах. Разве не так?

Затем она приняла свою порцию витаминов. Дэвид называл это лошадиным набором: четыре кальциевые таблетки, четыре витамина D, одна — витамина P, шесть — аскорбиновой кислоты, одна — с железом, две капсулы витамина B. Все это запивалось апельсиновым соком из высокого стакана, и она благодарил своего медицинского наставника Дж. Родейла, писавшего на страницах журнала «Предотвращение». Вообще-то Лу чувствовала себя виноватой из-за апельсинового сока, поскольку Родейл его не одобрял. Он утверждал, что сок разрушает зубы и вызывает зуд в заднем проходе, но Лу считала, что врач в своих диетических рекомендациях заходит слишком далеко. Если она будет выполнять все его ограничения, то останется немного продуктов, которые можно употреблять в пищу. Конечно, есть постное мясо, яйца и морские продукты. Согласно Родейлу, это было полезно, но он был бескомпромиссен по отношению ко всем молочным продуктам, консервам, химическим добавкам. Лу иногда бунтовала, запивала витамины абсолютно запрещенным молоком и молилась, чтобы не помереть к концу дня от какой-нибудь таинственной хвори.

Маршалл сидел на постели и курил, когда она вернулась с апельсиновым соком.

— Когда ты собираешься идти на работу? — спросил он.

— Самое позднее — в девять тридцать.

— А мне к девяти, — зевнул он. — Знаешь банковские порядки.

— Нам не обязательно выходить вместе.

— Это правда.

— Я не знаю, сколько времени понадобится на статью, так что иди, когда тебе нужно.

Она не хотела выходить с ним, потому что надо было зайти в химчистку, а ей не хотелось, чтобы служащий заподозрил ее в том, что она провела ночь с Маршаллом. Служащий и владельцы магазинов по соседству часто видели ее с Дэвидом, и все они благопринято воспринимали моногамные отношения, несмотря на существенную разницу в возрасте, но она бы потеряла всякое уважение, если бы появилась в девять тридцать утра в

компании темнокожего незнакомца. Соседи в Нью-Йорке образуют такое же сообщество, как и в любом заштатном городишке, и Лу давно обнаружила, что для сохранения качества обслуживания лучше не оскорблять нравственных чувств владельцев магазинов, с которыми каждый день имеешь дело.

— Какой у тебя номер телефона? — спросил Маршалл. — На аппарате не написано.

Круглый белый диск в центре телефонного аппарата Лу оставался девственно чистым далеко не случайно. Ее номера не было и в справочнике (любая женщина в Нью-Йорке, которая внесла номер в справочник, — просто выжила из ума), и она давала свой номер очень немногим. К несчастью, Маршалл к ним принадлежать не будет. Правда, если он окажется настойчивым, в чем она сомневалась, то всегда сможет найти ее в офисе, но там легко избавиться от нежелательных собеседников. Просто говоришь, что у тебя разговор по другому телефону или что торопишься на встречу, нет времени разговаривать. В конце концов человек отступает.

— Номер сто семьдесят два — шестьдесят три — семьдесят, — сказала она, глядя, как он заносит его в записную книжку. На самом деле номер был 172-60-39. Пусть сам догадается.

— Я тебе скоро позвоню, — пообещал он.

— Ладно.

— Может, сходим в кино.

Лу улыбнулась. Он и вправду довольно милый, а она сыграла с ним злую шутку, но зачем позволять ему звонить, а потом отвергать?

— Прекрасно, — сказала она. — Между прочим, как твоя фамилия?

— Риверс.

Если она захочет повидаться с ним, то сама найдет его. Его номер должен быть в справочнике.

— Зайдешь поцеловать меня перед уходом, — сказала Лу, выходя из спальни и тихо притворяя дверь.

Было без четверти десять, когда Лу вышла из метро, и интервью со Стивом Омахой покоилось в ее сумке. Оно было прекрасно отпечатано, и, если она не ошибалась, в нем было примерно 1200 слов. Учитывая фотографии, интервью займет целый разворот. Лу надеялась, что Тони Эллиот одобрит ее работу. Для этого у нее были все основания, поскольку в последнее время он ей благоволил и от всего сердца похвалил две ее последние работы: одну — о заводском дизайнере, а другую — о владельце детского магазина в Ист Сайте.

Она собиралась предложить, чтобы вместе с фотографиями, которые Кав сделал в студии Стива Омахи, напечатать документальные снимки высадки американских солдат в Нормандии. «Казак в воде». Эти снимки создадут интригующий контрапункт с фото Сидни Грин-стрит, Мери Астор и Питера Лорра верхом на лошадях с сигаретами в зубах, не говоря уж о Сонджи Хени на черном льду. Задумка чудная, она захватит Тони Эллиота. Надо надеяться.

— Тебе звонил несколько минут тому назад мистер Сверн, — сказала девушка, дежурившая у телефона, когда она вышла из лифта на пятом этаже здания на Лексингтон авеню, где размещалась редакция «Тряпья».

— Спасибо, Бетти. Не знаешь, мистер Эллиот здесь?

— Он в кабинете, кажется, с мистером Нортропом.

— Ладно. Спасибо.

Стены офиса были увешаны огромными фотографиями лучших европейских и американских дизайнеров. Они были обрамлены тонкими черными рамками. Лу дошла до своего стола, над которым висел Марк Бохан из «Диора», и позвонила секретарше Тони, попросив узнать, не может ли она встретиться с хозяином, как только он освободится.

— Я позвоню, мисс Маррон, — автоматически ответила девушка.

— Спасибо.

Рядом со столом Лу был стол репортерши, освещавшей рынок сумочек, и она как раз хотела заказать кофе.

— Тебе тоже? — спросила она.

— Целую кастрюлю.

— Черный?

— Да. Спасибо.

Спасибо спасибо спасибо спасибо спасибо тебе и всем остальным. Мы все чертовски вежливы друг с другом, подумала Лу. Было только одно «спасибо», которое она была бы рада произнести, а именно: спасибо, Тони, за то, что ты дал мне колонку. Лу сомневалась, что доживет до этих слов, сказанных ее непостоянному издателю, а может быть, их произнесет ее конкурент, мистер Питер Нортроп III? Она все бы отдала, чтобы узнать, о чем в эту минуту говорят Питер и Тони. Может, обычная рутина, обсуждают последнюю статью Питера, а может, готовится новое назначение. В эти дни Лу трясло, стоило этим двоим уединиться. Любая их встреча могла оказаться решающей, на ней Тони мог объявить Питеру, что награждает его, а значит, все надежды и планы Лу разлетаются вдребезги.

— Сумочки нынешней весной будут забавной расцветки, если тебя это интересует, — сообщила коллега, отрывая взгляд от пишущей машинки. — В моде цвета питонов и лягушек. Жуткое чувство.

— У меня оно как раз такое сейчас, — сказала Лу.

— Любовь?

— Своего рода.

Страстное желание заполучить колонку не очень отличалось от желания получить мужчину, так ведь? Обе ситуации одинаково угнетали ее, болезненно возбуждали, доводя до исступления.

— Его жена устраивает сцены из-за тебя? — спросила девушка.

— Она обо мне не знает. Во всяком случае, так говорит Дэвид.

— Господи, только не говори, что он потерял интерес к тебе. Я не перенесу этого разочарования.

— Нет, не думаю, что это так, но он в трудном положении. Хочет, чтобы мы обе были счастливы.

Лу считала, что гораздо мудрее притворяться, что огорчаешься из-за Дэвида, а не из-за карьеры. Глупо демонстрировать собственный интерес, пока не добьешься чего-то значительного, а тогда результат будет говорить сам за себя. Тем временем наилучший способ поведения — скрыть от коллег по работе свое желание получить колонку, соблюдать полное хладнокровие.

— Это мисс О'Хара, — сказала она в трубку секретарше Дэвида. — Мистер Сверг недавно звонил мне. Можно переговорить с ним?

Она подумала, что Дэвид очень мило поступает, стараясь сберечь ее репутацию, называя ее чужим именем, но сомневалась, что его сотрудники попадают на этот крючок.

Лу прекрасно знала, как трудно сохранить секрет в любом учреждении.

— Привет, милая. Как дела? — через секунду спросил Дэвид.

— Это я должна задать тебе этот вопрос. О тебе и Лилиан. Ей лучше? — Ей должно быть лучше, иначе он не пришел бы на работу. — Рассказывай, как дела на семейном фронте.

— Доктор дал ей вечером успокоительное, и, судя по всему, лекарство оказалось эффективным. Думаю, через несколько дней она полностью оправится. Я велел горничной каждый час заходить к ней. Подожди минутку. — Голос его стал тише и жестче, он с кем-то разговаривал. — Нет, Симона, другую накидку. Да, ту, с яркой лентой. Вот так, дорогая. — Он снова обратился к Лу: — Мы можем вместе пообедать, детка? У меня для тебя маленький подарок.

— Не нужно все время что-то дарить, Дэвид. Правда, ты меня портишь.

Специалистка по сумочкам в притворном ужасе закатила глаза при этом не очень искреннем протесте. Лу ухмыльнулась, подмигнула и глянула на портрет сурового Джеймса Галаноса с непривычной улыбкой на лице.

— Я бы с удовольствием, Дэвид, но мне нужно быть в другом месте. Сам знаешь, подготовка к весеннему сезону. А в пол второго не будет поздно, дорогой?

Коллега начала изображать игру на скрипке и замурлыкала любовную мелодию.

— В самый раз, — сказал Дэвид. — У меня тоже есть срочные дела.

— Великолепно. — Лу уже собиралась положить трубку. — Увидимся в полвторого.

— Кстати, что ты делала вчера вечером?

— Обо всем расскажу за обедом.

— До свидания, дорогая.

— Что он припас для тебя на этот раз? — спросила девушка. — Горностаевый жакет?

— Кто знает? Какая разница?

— Для меня есть. Я ревнива.

— Но у тебя есть Джейсон, и он не женат.

— Джейсон мне не подарит такой шубки.

— Как говорится, уж лучше...

Лу оборвала фразу на полуслове, потому что распахнулась дверь в кабинет хозяина и в проеме появились Тони и Питер Нортроп. Они стояли так близко, что их головы почти соприкасались. На Питере был темный пиджак с кожаными нашивками на локтях, а Тони, как всегда, упакован в английский твид. На какую-то секунду они замерли. Затем Тони что-то сказал Питеру, который слегка наклонил голову, а затем почти незаметно кивнул. Тони выудил что-то из кармана брюк и вручил это Питеру, который снова кивнул, на этот раз более явно. Голубые глаза смотрели в голубые глаза, но никто не улыбался и никто не говорил. У Лу было ощущение, что она смотрит сцену из фильма Антониони, одну из его молчаливых, таинственных сцен, когда встречаются двое людей, и четкость их физического облика никоим образом не умаляет зыбкости и таинственности того, что только что произошло между ними. Через секунду дверь закрылась, а Питер Нортроп быстро пошел по ковру к своему столу и сел под фото ослепительно улыбающейся Коко Шанель, на которой было одно из ее знаменитых жемчужных ожерелий.

После этого время для Лу понеслось бешеным темпом. Секретарша сказала, что Тони Эллиот не сумеет встретиться с ней. Нет, точно, не сумеет. Сейчас к нему должны прийти, потом обед в другом конце города, а затем нужно успеть на самолет в Бостон.

— Ну, мне и не нужно *видеться* с ним, — сказала Лу. — Мне надо, чтобы он одобрил статью, которую я только что написала. Наверное, мистер Эллиот прочтет ее завтра.

— Завтра он будет в Бостоне. До понедельника его не будет.

— До понедельника?! Это точно?

— Точно, мисс Маррон.

— Но он говорил, что хочет опубликовать статью в понедельник. Она предназначалась для центрального разворота.

— Странно. — Раздраженная пауза. — Я знаю, что на этом месте будет статья мистера Нортропа.

— А, понимаю.

— Мне жаль, мисс Маррон.

— Мне тоже.

Ей хотелось разрыдаться, но для таких эмоциональных всплесков у нее не было времени, не было. Она опаздывала. Нужно бежать, ловить такси и нестись на выставку бюстгальтеров. Ей никогда так не хотелось никуда не ходить. Когда она приехала, несколько манекенщиц уже были на сцене. Бюстгальтеры были чудно сделаны, прекрасных цветов. Манекенщицы демонстрировали немногочисленной публике, как легко подгоняются лифчики под платье любого кроя, с любыми вырезами.

Следующий показ был в нескольких кварталах от этого зала. Весенние модели, и снова народу немного. «Покупатели весной замерзают. Посещение выставок падает», — записала Лу в блокнот. Несколько образцов было очень милыми. Ведущий объявил: «Они подойдут и для дискотеки, если надеть нижнее белье». Он был одним из партнеров в фирме, и вид у него был удрученный.

— Люди считают, что важна только осень, — рявкнул ведущий, когда Лу подошла попрощаться перед тем, как уехать к Дэвиду.

Они всегда обедали в одном ресторане, но это случалось не часто. В ресторане не было ни окон, ни свежего воздуха. Он был расположен на Тридцать седьмой улице, между Пятой и Шестой авеню, и его облюбовали для обедов служащие и постоянные клиенты из соседних зданий. Этот отрезок улицы был узким и темным, насыщенным запахом пищи и выхлопными газами.

Ресторан располагался на втором этаже, и, чтобы скрыть отсутствие окон, зал был декорирован под ночное время, когда на улице все равно темно. Лу всегда требовалось какое-то время, чтобы глаза привыкли к дымному тусклому свету, темно-красным скатертям. Возникла иллюзия, что ты в каком-то ночном клубе Нью-Орлеана.

Дэвид сидел на обычном месте, в глубине задней комнаты. Увидев ее, он начал медленно подниматься, но Лу жестом остановила его.

— Здесь слишкомлюдно, чтобы быть галантным, дорогой, — сказала она, поцеловав его в лоб. — Я присяду.

Дэвид оставил ей более удобное место у стены.

— Что будешь пить? — спросил он через стол.

— Кампари с содовой.

— Один кампари с содовой, — сказал он официанту. — И один виски со льдом. Великолепно выглядишь, — сказал Дэвид, беря ее за руку. — Хотя уверен, что ты работала, как лошадь.

— Откуда ты знаешь?

— Рот. Он как-то изменяется, когда ты много работаешь. Не могу объяснить, в чем дело, но это так.

— Я содрогаюсь от мысли, как рот будет выглядеть к концу дня. У меня еще три показа. Хорошо, что я ночью выпалась. Угадай, куда я пошла ужинать?

— В «Элен»?

Они оба рассмеялись.

— Как ты догадался? — спросила она. — Я встретила...

Она рассказала о супружеской паре, которую они оба знали, о выставке в Еврейском музее.

— Но через несколько минут я ушла. Это был такой карнавал, что и не вообразить.

Официант принес напитки и дал меню.

— Сначала, — сказал Дэвид, — позволь вручить тебе вот это.

Достав из внутреннего кармана пиджака изящную коробочку «Картье», он положил браслет на стол. Камни таинственно мерцали в призрачном свете ресторана.

— У меня нет слов, — сказала Лу. — Что это? Я имею в виду, какие камни?

— Изумруды, рубины, розовый кварц и жемчуг. Тебе нравится?

Она надела браслет на свою изящную руку, боясь даже подумать, сколько это может стоить.

— Очень красиво, Дэвид. Прекрасно. Спасибо.

Когда она взяла его за руку, на глаза у нее навернулись слезы.

— Эй, — сказал он, — за столом не надо плакать. Это категорически запрещено.

— Это потому, что я ужасно счастлива.

Изумруды переливались в рубины, рубины — в розовый кварц, и только жемчужины выглядели непоколебимыми. Когда Лу смахивала слезинки, перед ее глазами стояло жемчужное ожерелье Коко Шанель, и она постаралась счастливо улыбнуться Дэвиду.

Был конец февраля, самого промозглого месяца в году, и Симона жила с Робертом Фингерхудом уже три недели и четыре дня. Обычно, если спрашивали, какой сегодня день недели, ей нужно было всерьез задуматься, чтобы вспомнить, потому что у нее была отвратительная привычка не запоминать не только дни недели, но даже и месяц. Однажды тихим июньским утром Симона подписала чек январской датой. Мужчина в ее туманном прошлом (тот крохотуля?) сказал, что она не может сориентироваться во времени потому, что не знает, где ее влагалище (да, это был крохотуля). Он также сказал, что именно поэтому у нее и пространственный кретинизм.

— Ты говоришь, что это из-за влагалища? — спросила Симона. Ее не убедил, но заинтересовал ход его мысли.

— Именно.

Он выглядел очень самоуверенным, как будто всю свою жизнь распутывал подобные узлы, так что теперь может давать необычные, но очень уверенные ответы.

— Ты *не хочешь* знать, где оно.

Последние слова были как-то забавно произнесены.

— А почему?

— Разве не ясно?

— Мне нет.

— Синдром зависти к пенису, глупышка. Если бы ты знала, где твое влагалище, ты должна была бы посмотреть на него, а там немного увидишь.

Она удивлялась, почему он думает, будто у нее нет привычки смотреть на свой лобок минимум пять раз в день, просто чтобы убедиться, что все на своем месте.

— Должна сказать, посмотреть есть на что, — ответила Симона, — если ты психически здоров.

— Спорю, что ты не смогла бы вот сейчас потрогать клитор, если это понадобится, — злобно сказал он.

— Ты ведешь себя гадко, и я не понимаю почему. Что я сделала? Почему ты оскорбляешь меня?

— Потому что ты красивая, рост у тебя сто шестьдесят три сантиметра, а я урод ростом сто десять сантиметров.

— Ты не урод, — искренне сказала она.

— Но рост у меня только сто десять.

Отрицать это не было смысла.

— Пусть и так. Но, когда ты ведешь себя нормально, у тебя прекрасная душа.

— И у меня триппер на большом пальце ноги. Хочешь, я засуну его тебе во влагалище? На всю жизнь отметина. Подумай. И тогда ты никогда не забудешь, какой сегодня день недели и месяц. Может, и в пространстве будешь лучше ориентироваться. А для тебя это большая проблема.

— Спасибо за все, — сказала Симона, удивляясь, как можно получить триппер на пальце ноги. Она не понимала (и никогда не поймет?) многих вещей. — Я предпочитаю не ориентироваться, чем...

Крохотуля, который был системотехником, пронзительно взглянул на нее.

— Ты меня хоть не жалеешь, — сказал он.

— Все время уходит на жалость к себе.

— Мне это нравится.

Симона встретила крохотулю на выставке электротехники в «Колизее» и переспала с ним главным образом для того, чтобы узнать, неужели и член у него соответствует росту. Но, подобно многим мужчинам его конституции, самый важный из всех жизненных органов жил самостоятельной жизнью. Они провели вместе пару недель, и часто, просыпаясь в кровати, она несколько секунд думала, что это ее ребенок. И когда он забивал ей, а делал это со всей доступной ему силой, Симона лежала, откинувшись на подушках, и была счастлива снова очутиться в объятиях мужчины. Вес не имеет никакого значения, когда трахаешься.

Однако после того, как он сказал о большом пальце, она помчалась к гинекологу на обследование. Анализ на гонорею был отрицательным, но, несмотря на это, Симона больше не могла спать с крохотулей. Наверное, он просто пошутил насчет пальца, скажет она себе поздно ночью, лежа на верхней кровати. Он любил развлекаться подобным образом, но Симона не могла вычеркнуть его из памяти. Но стоило вспомнить крохотулю, она представляла, как он, сидя за ресторанным столиком, сует свой больной палец под трусы ничего не подозревающей партнерше, а ослепительно белая скатерть скрывает эту гнусность от всех окружающих.

Но как только Симона переехала к Роберту Фингерхуду, то неожиданно, к собственному удивлению, обнаружила, что ориентируется во времени. Это случилось потому, что она подозревала, что живет с Робертом в одолженном времени и его придется отдавать, оттого что в любой момент он может устать от нее и вежливо попросить освободить помещение. Возможно. А может, ее время с ним было таким восхитительным, что она болезненно хотела ощущать каждое хрупкое мгновение? Три недели и четыре дня. Еще всего лишь три дня, и они смогут отпраздновать первую круглую дату. Целый месяц вместе! У нее было ощущение настоящей молодой невесты, которая просыпается однажды утром и, к огромному удовлетворению, обнаруживает, что наконец-то научилась варить яйца за три минуты.

До того как переехать к Роберту, Симона, которая не проявляла признаков практичности, продемонстрировала атавистическую нормандскую наследственность. Вместо того чтобы избавиться от своей квартиры на Пятьдесят седьмой улице, она сдала ее в субаренду Хелен, другой модели из «Мини-Ферс инкорпорейтид». Хелен была счастлива снять квартиру на условиях Симоны.

— Может, я скоро захочу вернуться, — сказала Симона, — а может, и нет. Все зависит от того, как пойдут дела с Робертом.

Хелен ответила, что ее это не волнует, потому что смертельно хочет уехать из нынешней квартиры как можно быстрее. Она сыта по горло общением с соседкой, которую называла самыми плохими словами. Соседка забивала раковину грязной посудой и не мыла ее несколько дней, в ванной везде валялось ее белье, так что Хелен не могла ни с кем встретиться у себя дома. Сначала надо было все убрать. Квартира Симоны была недорогой, поэтому Хелен не нужно было искать компаньонку.

— Женщины не должны жить вместе, — сказала она Симоне. — Это неприлично. У каждой проявляются наихудшие качества. Она жалуется, что я разбила ее китайскую вазу. Ночью я якобы съела ее мороженое. Фу!

Симона не сказала Роберту, что пересдала свою квартиру подруге и что может вернуться туда в любую минуту, потому что он мог подумать, будто она не верит в

серьезность его намерений. С другой стороны, дабы избежать прямой лжи, она просто сказала, что одна из ее коллег по работе «берет» квартиру, и это было в определенной степени правдой. А факт, что договор оставался на имя Симоны и официально она отвечала за все последствия проживания и за возможные поломки, вовсе не обязательно знать Роберту. У него хватает забот с диссертацией и обслуживанием пациентов в Детском центре.

В первую неделю после переезда Роберт купил цветоустановку «Аудио Колор», которую умудрился втиснуть в спальню. Безобидная вещица, похожая на телевизор, только экран шире и ниже по высоте. Когда Роберт присоединил ее к стереодинамикам, то сказал Симоне, что она станет свидетелем рождения новой концепции музыки.

— Это чудо, — сказал он, — преобразует музыку в цвет. Вот так вот. Я ставлю пластинку, а «Аудио Колор» рисует музыку на экране. Цветовые образы меняются в зависимости от звука, они становятся ярче, тусклее, изменяют цвет. Представляешь? Теперь ты не только слушаешь мелодию, ты *видишь* ее.

Не доверяя любой электронике, Симона ответила, что это очень интересно. Ей было стыдно признаться, что она не понимает даже того, как работает радио. Еще в детстве мать купила огромный напольный радиоприемник, и Симона любила заглядывать внутрь через заднюю стенку, удивлялась, как это музыка, голоса, новости чудесным образом помещаются в маленьких лампочках.

Симоне нравилось заниматься любовью, когда «Аудио Колор» рисовал на экране музыкальные картинки, доставляя им с Робертом эстетическое удовольствие. Чтобы дать ему возможность оценить цветовой спектакль, Симона хотя бы раз за ночь ложилась на Роберта сверху, что вызывало серию диких движений, так что Роберт наконец сказал ей: «Помедленнее».

— Быстро тебе не нравится? — спросила она, огорчившись, что все ее усилия не были оценены по достоинству.

— Нет. Делай так, как я, когда я сверху. Вот так.

Он нежно взял ее за бедра и показал.

— Медленно. Легко. Разве так не лучше?

— М-м-м, да. Наверное.

На самом деле все было, как прежде, ничего не изменилось. Она получала наслаждение только тогда, когда Роберт был в ней и пальцем ласкал при этом клитор. Симона возбуждалась, но, к ее огорчению, это не приводило к оргазму, которого упрямо старалась достичь все последние годы. Может, она никогда его и не достигнет, никогда, никогда, никогда. В светлые минуты эта мысль была мрачной, в мрачные минуты эта мысль ее уничтожала, и самое страшное было в том, что она не могла не думать об оргазме. Думала о нем весь день на работе, думала о нем еще больше, когда вечером возвращалась в квартиру Роберта и когда момент совокупления был близок.

В прошлом ее связи были столь случайны, столь отрывочны и столь неинтересны, что ей легко было оправдаться перед собой: ни одна девушка в здравом уме не кончит в таких диких условиях и с таким мудаком. После этого, чтобы доказать основательность своих оправданий, она перебирала в мыслях всех мужчин, с которыми побывала в постели, по очереди заново оценивая их, пока не выбивала всех до единого с арены сексуальных удовольствий. Симона достигла в этой игре такого совершенства, что весь список мгновенно возникал в ее сознании:

1. Психолог, который готовил астронавтов (импотент).
2. Программист (у него крошечный, как сосиска, член).
3. Друг из литературных кругов, Эдвин Куберстейн (она не считала, что чтение — это разновидность эротики).
4. Инженер по электронике (если ее не волновал пенис, то еще меньше волновала свечка).
5. Гитарист (писанье на кого-нибудь в ванной ее не возбуждало).
6. Два извращенца, парикмахеры (они целовались над ней в постели, и это должно ее трогать?).
7. Помощник стоматолога, заяц (если бы он еще не пытался болтать в постели).
8. Стамос, греческий бизнесмен (его преклонение перед американской технологией вообще и перед электрическими зубными щетками в частности довело ее до кровавого поноса).
9. Аналитик рынка (кончал за пять секунд, а орал пять часов).
10. Мужчина в гавайских рубашках, который вливал ей во влагалище пенистый крем (он балдел, как кот от валерьянки, когда вылизывал его, но ничего не делал, чтобы помочь ей).
11. Козел, который трахал ее на раковине (жутко холодной, черт подери).
12. И, конечно, сукин сын крохотуля (страх перед триппером вряд ли возбудит девушку, правда?).

Симона не пыталась поместить в этот список Роберта Фингерхуда. Хотя и продолжала ждать, что он достанет какое-нибудь орудие извращений, ничего не происходило, и ей вскоре пришло в голову, что он первый мужчина, который казался нормальным в сексуальном отношении и при этом не успевал наскучить. Учитывая все это, Симона еще больше чувствовала свою неполноценность.

— Что у меня не так? — однажды ночью спросила она у Роберта. — Ты психолог. Должен разбираться.

У него появилась нежная задумчивая улыбка.

— Мы занимаемся твоим случаем, — ответил он.

— Может, предложишь мне тесты со смешными именами, которые ты даешь своим пациентам? А если они вскроют причину?

— Большая часть их создана специально для детей, — отметил Роберт.

— Но в том-то все и дело. Я просто ребенок.

Роберт пропустил последнюю реплику мимо ушей и сказал:

— Кроме того, даже если бы они были не для детей, неэтично с моей стороны тестировать тебя. Ты же не мой пациент.

— Я об этом мечтаю.

Роберт как-то странно взглянул на нее.

— Если ты хочешь пойти к кому-нибудь, я мог бы порекомендовать хорошего...

— Нет, я не смогу разговаривать с незнакомым человеком. Не понимаю, как другие это делают. Я же буду рассказывать о себе сказки, все это будет только красивая ложь. Я снова стану Римой, девушкой-птичкой, и буду настаивать на этом. И как ты считаешь, что он на это скажет?

— Полли хочет печенье?

— Это не смешно.

— Как и твои фантазии.

— Ты имеешь в виду?..

Они были в постели, Роберт повернулся и поцеловал ее левую грудь.

— Я имею в виду, что считаю тебя восхитительной девушкой, даже если у тебя есть какие-то причуды.

Одна из вещей, которая удивила Симону, была в том, что Роберт предпочитал традиционную позицию «мужчина сверху, женщина снизу». В этом смысле он был единственным мужчиной из всех, кого она знала. Другие выбирали какие-то акробатические упражнения. Чем сложнее, тем лучше. Временами она подозревала, что все они закончили какую-то тайную школу, которая учила превращаться их в странные человеческие существа в момент совокупления.

Роберт Фингерхуд очень мало говорил, когда трахал Симону, а это было каждую ночь, но ему и не нужно было разговаривать, как быстро поняла Симона, поскольку его тело и его действия говорили сами за себя. После того как поцеловал ее грудь, он начал сосать ее, и, хотя Симона была не в восторге от своей груди, соски у нее набухли. И чтобы компенсировать недостаток чувства, она начала стонать и елозить по постели. Потом нервно прижала его голову к другой груди и сказала:

— Возьми их в рот обе сразу.

Сжав грудь так, чтобы соски были рядом, Роберт накрыл их ртом, и язык быстро забегал от одного соска к другому.

Симона наслаждалась его действиями, потому что грудь все-таки была ее гордостью и радостью по сравнению со всем остальным, была так великолепно вылеплена, что она ощущала себя богиней, которая одаривает страждущего любовника. Да, Симона считала, что когда целуют грудь — это своего рода языческая жертва темной силе секса, и только страх перед тем, что грудь потеряет форму, если ее будут часто тискать, уменьшал радость. Ошибившись в распознавании страсти, Роберт выпустил грудь и впился в губы влагалища, чтобы убедиться, что оно мокрое и готово принять его. Все было сухо.

— Извини, — рассмеялась она.

Одной рукой Роберт начал ласкать клитор, а другой нежно гладил левый сосок («Потому что ты правша», — объяснил он прошлой ночью), и через несколько минут Симона начала истекать влагой. Ей нравилось, что она так быстро готовится к акту, но, с другой стороны, это была еще одна шуточка матери-природы: зачем делать так, что физически она быстро готовится к сексу, а финальной награды лишена? Это несправедливо, подумала Симона на французском языке, когда «Аудио Колор» неистово реагировал на песню Джери Саузерна: «Разве ты не знаешь, глупыш, что никогда не победишь, подумай сам, взгляни трезво на жизнь. Но каждый раз, когда я так хочу сделать, мысль о тебе останавливает меня...»

Затем Роберт вошел в нее, и Симона ощутила резкий неожиданный приступ желания, и на какую-то долю секунды возникла надежда, что, может, сейчас это случится, но тут же все исчезло, хотя она осталась открытой и влажной. Внешне демонстрируя чувственность, внутренне Симона была абсолютно холодной. Только грудь жила и все еще вздымалась от недавнего жертвоприношения. И теперь, лежа спокойно на спине, Симона неожиданно взяла в руки эти два призовых кубка и повторила жест Роберта, сжав их и показав своему любовнику, который был увлечен в пучину собственного эротизма.

— Вот! — закричала Симона. — Возьми их! Они твои!

Выполняя команду, Роберт механически взял ее грудь, держа, как будто это был

ненужный груз. Только и всего. Когда звуки слов Симоны отдавались в ее ушах, она чувствовала себя полной дурой. Зачем она, как тот крохотуля, демонстрировала свои чувства? Роберт сочтет ее идиоткой. Она уже хотела спросить об этом, когда ощутила знакомое учащенное дыхание и судорожные движения члена.

— О-о-ох, — выдохнул он и задвигался еще быстрее. — О-о-ох...

Затем без всяких дураков впрыснул в нее все, и в этот момент у Симоны возникла жгучая неприязнь к нему, ядовитое желание прервать этот приступ наслаждения, наслаждения, которого сама не могла испытать, и в эту секунду она прошла через бездны отчаяния, подобные тем, что испытывал крохотуля.

На следующее утро, когда они одевались, Симона спросила:

— Тебя не волнует, что я не кончаю?

— А *тебя* это волнует?

— Да, конечно, — призналась она, застегивая чулочный пояс на тоненькой талии, — но я к этому уже привыкла. Надеюсь, тебя это не очень огорчает и тебе не становится хуже. Ты же не виноват. Это что-то со мной, сама не знаю что.

— Я попробую не расстраиваться, — заверил Роберт, и его рука легко пробежала по ее обнаженной груди. — Никогда не видел такой красивой груди. Сколько раз тебе это говорили?

— Четырнадцать миллионов раз. Но до тебя эти слова ничего не значили.

Роберт уже надел рубашку и брюки и сейчас возился с галстуком. Симона зашла ему за спину, обняла за талию и нежно склонила голову на спину.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Ты — просто чудо.

Он обернулся и прижал девушку к себе.

— Ты славная девчушка, и я счастлив с тобой. Ты не хочешь одеться? Опоздаешь на работу.

Она по-военному отсалютовала ему.

— Да, хозяин.

Симона никогда не была так влюблена и до сих пор не могла разобраться во всех сложностях своих чувств. Тот факт, что Роберт не любит ее, еще не разросся в ее сознании до зловещих размеров. Ее пока слишком занимали собственные ощущения, чтобы всерьез думать об этом. Сейчас то, что он ее не любит, создавало некоторую неуверенность, которая разрушала привычный ритм жизни, но она не могла понять, в чем это проявлялось. Мысль была в ней: он ее не любит. Слабая, смутная боль во всем теле, но она надеялась, что со временем боль исчезнет. Или, наоборот, станет такой сильной, что нужно будет лечиться. Поскольку пока этого не произошло, Симона продолжала жить в стране чудес, где царят любовь и покорность. Чувство влюбленности переполняло Симону восхищением, и ей было жаль Роберта, который не разделял ее восторга, у нее даже было чувство превосходства над ним. Ей было жаль всех, кто не был влюблен. Как, должно быть, скучно они живут, пресной жизнью, какой она жила до встречи с Робертом. До знакомства с ним жила, как в тумане, и не осознавала этого. Он ворвался в ее жизнь, как луч слепящего солнца.

Почему именно Роберт, спрашивала себя Симона. Он не из тех, в кого она раньше считала возможным влюбиться. Правда, Роберт привлекателен, но не так, как ей хотелось бы. Темные волосы и глаза иногда казались чужими, враждебными, потому что она выросла среди светловолосых и голубоглазых людей. Симона не могла вспомнить, как выглядел ее отец, потому что он умер, когда она была маленькой, но мать показывала его фотографии.

На них был изображен коренастый светловолосый мужчина с густыми усами, и мать говорила, что они были рыжеватыми. Инстинктивно Симона знала, что у отца вряд ли были волосы на груди. Она не знала, почему пришла к такому выводу, который прочно укрепился в ее памяти. Кто мог физически быть более противоположным ее любимому папочке, чем Роберт с его длинным телом, гладко выбритым лицом и курчавыми черными волосами на груди?

Кроме того, что Роберт был прямой противоположностью отцу, он не был похож ни на одного мужчину, с которыми она прежде встречалась. Полное несоответствие. Роберт был спокойным, скромным, вдумчивым и добрым. Мужчины, которых она раньше выбирала, были более яркими личностями, их стиль одежды был индивидуален, необычен, если сравнивать с Робертом при его склонности к консерватизму. У них были эмоциональные всплески. Они были гораздо эксцентричнее Роберта и, несомненно, не такие опытные. Симона сообразила, что все они похожи на нее. Возможно, выбрав Роберта, она проломила стену, которая отделяла детство от взрослой жизни. Симона всегда ненавидела Марсея Пруста, а ее заставляли читать его. Она навсегда запомнила великолепное описание того, что случилось, когда Свану надоела Одетта, на которой он был женат много лет. Сван вспоминает о прежних днях, когда встретил беспутную Одетту, когда увлечение ею стало маниакальным; он вспоминает, как ревновал ее, как ему было больно; припоминает, как унился до слезки за ее домом; и вот в эту минуту воспоминаний о прошлых глупостях он иронически скажет себе: «А она даже не была женщиной, которая мне нравится».

И потому что Роберт Фингерхуд не был любимым типом Симоны, ей никогда не приходило в голову, что она очень быстро стала зависимой от него. Когда Симона говорила: «Я люблю тебя», — она имела в виду: «Ты нужен мне». И эту потребность в нем ощущала с первой же ночи, когда пошла с ним в постель. Эта потребность главным образом основывалась на практических повседневных заботах. Нужно, чтобы кто-то присматривал за ней, можно не платить за квартиру, и романтическую и мечтательную Симону устраивала такая любовь, но она не становилась страстью, как у Тристана и Изольды, которых боготворила. А поэтому Симона инстинктивно не раскрывалась Роберту до конца, прятала самое нежное, а он, ощущая это, еще больше тянулся к ней. Она пробуждала в нем желание победы, он хотел владеть ею полностью, не потому что хотел долго жить с нею, а потому что хотел был свободным от нее. И поскольку Симона отдавала лишь часть себя (хотя и большую часть), Роберт стремился овладеть и остальным.

Возникновение любви — это такая глубокая тайна, что на первых порах обе стороны совершают все мыслимые ошибки, ошибки, которые становятся очевидными лишь спустя много месяцев, а то и лет, когда лучше узнаешь другого человека и неожиданно взгляд проясняется и ты видишь близкого совсем в ином свете. Ошибка Симоны в эти первые дни состояла в том, что она не понимала, насколько Роберт увлечен ею. Она видела, что он заботится о ней, но не осознавала, что это значит для него (он умел скрывать свои подлинные чувства). Не нуждаясь в ее помощи в повседневной жизни, Роберт очень увлекся ею, чего Симона не могла не оценить. Она возбуждала его чувства. Ему нравился ее внешний вид, и в то же время он сожалел, что не любит ее. Для любви не хватало чего-то очень существенного. Но Симона была нужна ему. То, что она как-то ускользает, мучило Роберта, его страсть была сильнее, чем ее. И если Симона говорила: «Я люблю тебя», — то он сказал бы: «Я желаю тебя». Рима, девушка-птичка, наконец-то нашла гнездышко, гнездышко, в котором ее кормили, охраняли и заботились о ней, и мистер Фингерхуд, без пяти минут

доктор, нашел дикую птичку с красивым оперением и непредсказуемостью поведения, присущей воздушным созданиям.

И пока Симона высчитывала, когда она надоест Роберту и он попросит ее уйти, Роберт высчитывал, когда он надоест ей и она улетит за горизонт. (Он любит только мое тело, думала Симона. Она любит меня только за ум, думал Роберт. И оба были по-своему правы.) В течение первого месяца, когда они были вместе, напряженность и возбуждение обоих окрашивали их отношения в пестрые краски. Каждый день казался им последним днем жизни на Земле перед вселенским взрывом. Оба наслаждались обостренным чувством бытия, наслаждались каждой секундой восхитительной жизни. Дни казались бесконечными, наполненными чудными воспоминаниями. Во время работы они думали друг о друге, а ночью их тела сплетались, и они молились, чтобы утро никогда не настаивало. Поворотной точки в любви люди обычно не замечают. Что-то изменилось, но почему? Очень часто человек не понимает, насколько нежны и хрупки связи между людьми.

Чтобы держать любовника в руках, его нужно держать в страхе, а поскольку Симона была проще, чем он, Роберт быстро понял, что ему нечего бояться; она ни к чему не стремилась, ей не к чему было стремиться, она зависела от него больше, чем он думал сначала. Не понимая этого, Симона расслабилась и перестала провоцировать и дразнить его, и последовал немедленный результат — Роберт начал сомневаться, любит ли он ее. Ему ничто не угрожало, и он мог позволить себе любить, но в то же время ему было все скучнее с маленькой зависимой птичкой.

Симону восхищала профессия Роберта. Когда она видела его дома в старом свитере и выцветших джинсах, то не могла представить его в роли строгого и умелого психолога, которому родители вручали здоровье своих детей.

— Чем же ты все-таки занимаешься в клинике? — спросила она одним воскресным утром.

— Помимо всего прочего, я ставлю диагнозы и лечу болезни.

— Помимо чего прочего?

— Ну, большинство людей полагают, что главной и единственной целью клиники типа Детского центра является индивидуальная психотерапия, но на самом деле это только одна из его функций. Мы занимаемся образованием родителей, учителей, подготовкой учителей, сексуальным воспитанием в школах, психологической гигиеной подростков вне школьных стен.

Симона растерялась окончательно.

— Но ты все же *лечишь* детей? — настаивала она.

— Да, мадам. Меня все знают.

— От чего ты их лечишь?

— От того, чем они болеют.

— А ты откуда знаешь?

— Сначала мы их тестируем.

— Значит, все эти...

Он снисходительно улыбнулся:

— ...все эти тесты со смешными названиями...

Роберт часто приносил домой справки со штампом крупными буквами: «Конфиденциально и секретно». Именно в этих справках, которые Симона иной раз просматривала, она нашла названия тестов, на которые ссылался Роберт. В справках были

фразы типа: «Полная шкала оценки Гарриет. 95 % ошибок по сравнению со средним показателем 40 %». Или о другом ребенке: «Показатели Джона отмечены индикаторами Бендер-Гештальт, у него склонность залезать на поля теста с рисунками». Или еще: «Олигофрения отмечена в карте № 3 теста Роршаха, и это объясняет трудности Нэнси в мотивировках».

Симоне это казалось полной абракадаброй, наподобие разговоров в книге «Алиса в стране чудес», и она не могла поверить, что детские болезни можно обнаружить тестами типа ДШУДУ (Детская шкала умственной деятельности Уэчлера, как объяснил Роберт) Симону угнетали хладнокровие, механистичность и бездушие всего этого процесса.

— Подумай, что было бы, если бы ты дал свой тест рисунков автору «Маленького принца», — сказала она Роберту. — Помнишь, что ты мне рассказывал о Сент-Экзюпери? Как он в шесть лет нарисовал удава, который проглотил слона, а взрослые решили, что он нарисовал шляпу. И когда он нарисовал слона внутри удава, то взрослые огорчились и сказали, что ему следует заняться географией. Какие жуткие результаты были бы у Антуана де Сент-Экзюпери, если бы ты протестировал его в детстве! Могу себе представить твои выводы.

— Можешь? — развеселился Роберт.

В конце справок были заключения психологов, и сейчас Симона процитировала отрывки из них:

— Поскольку двигательная координация Антуана и чувствительность к деталям нарушены, то появляются доказательства более сложных проблем, порождающих заторможенность. Антуана следует поощрять и переориентировать, чтобы уверенность в себе... В общем, ля-ля, бу-бу.

— Кажется, ты все знаешь, — рассмеялся Роберт.

— Я умею читать, если ты об этом. И все равно спрашиваю: а как быть с душой человека?

— А в чем дело?

— Как ты ее диагностируешь?

— Сейчас мы и не пробуем, но разве на душу не влияет здоровье или болезнь разума?

— Альбер Камю считает иначе. Он говорит, что если тело болеет, то душа чахнет.

— То же и с разумом.

— Его мысли мне больше нравятся.

— Вы оба ориентированы на сому, тело.

Пропустив его слова мимо ушей, Симона спросила:

— Как ты можешь быть уверенным в своем диагнозе? Ты не задумывался, что можешь жестоко ошибиться? Не боишься, что неверно трактуешь результаты тестов?

— Диагностика вовсе не так поверхностна, как считают многие. На самом деле это серия гибких гипотез. Другими словами, любой психолог, который ждет результатов тестов, чтобы поставить диагноз, или некомпетентен, или просто баран. Ты выдвигаешь первую гипотезу (которая *всегда* очень приблизительна) в тот момент, когда получаешь первую информацию о пациенте.

— Ты говоришь, как компьютер.

— Это похоже на работу компьютера. Диагноз ставится, как только пациент входит в комнату. Как он входит, как одет, его манеры, как он садится, все это — информация, которая поступает к тебе или в компьютер. И ты вносишь информацию в компьютер. Тесты,

например, — это часть общей информации. Но только часть. И они или поддерживают первоначальный диагноз психолога, или изменяют его. Тесты сами по себе ничего не значат, они — полное дерьмо, если не подкрепляются другими данными. Ты понимаешь?

— Да, — сказала Симона. — Сент-Экзюпери провалился бы у тебя.

— Нельзя *провалиться* на психологических тестах, — ответил Роберт. — Ты не понимаешь, что они созданы, чтобы открывать и объяснять достоинства и недостатки человека. Например, любой психолог, глянув на рисунок Сент-Экзюпери, не зная, кто его нарисовал, был бы поражен творческой силой, причудливой и богатой фантазией, которые отражаются в нем. Так что хватит об этом.

Когда двое людей живут вместе, рано или поздно возникает денежный вопрос. Жизнь с Робертом очень облегчила финансовые проблемы Симоны, и она с самого начала решила воспользоваться ситуацией. Первоначальный план был в том, чтобы побыстрее оплатить счета «Бонвит». Вместо жалких ежемесячных пятидесяти долларов она, начиная с февраля, будет платить по сто долларов, а значит, скоро с ними расплатится.

Симона надеялась расплатиться со всеми остальными мелкими долгами. Куча счетов ее угнетала. Завидев знакомые конверты в конце месяца, она огорчалась до резей в желудке, пока не раскрывала их и не выясняла, на какую сумму пошиковала в предыдущем месяце. Увидев счет, убеждалась, что положение еще хуже, чем она думала, и боли в животе усиливались.

Симона потому не вспоминала, где и кому должна, что впадала в гипнотическое состояние, когда оказывалась в магазинах Пятой авеню, и действовала бессознательно. В состоянии транса она смотрела на блистающий мир духов, шарфов, очков, перчаток, шляпок, сумочек, ожерелий, сережек, браслетов, пудрениц с пудрами всех оттенков, губных помад. Миллионы возможностей Для покупки. Проблема была в том, что Симона хотела купить все. Она с трудом сдерживала желание схватить товары в охапку и убежать.

Неужели я все это покупала? Симона каждый месяц была в шоке, когда получала счета и смотрела на список купленного за предшествующие тридцать дней.

Это невозможно.

В магазине ошиблись.

Я не верю!

Я не буду платить!

Очень часто она от злости откладывала оплату на несколько месяцев, а от этого долг только возрастал. Симона давно стала получать извещения из магазинов, в которых сначала вежливо напоминали об оплате и просили прощения, если она уже отправила чек.

Иногда эти записки начинались так: «Вы забыли...» Или: «Только в случае, если Вы не заметили...» Или: «Хотели бы напомнить...» Последнее выражение нравилось Симоне больше всего, и она знала, что, когда они только вежливо напоминают, ей беспокоиться нечего. И только по получении письма «Это наше последнее...» неохотно доставала чековую книжку и выписывала чек, делая приписку, что просит прощения за опоздание, потому что только что выписалась из больницы после серьезной полостной операции. Иногда она ссылалась на многомесячную командировку в Чехословакию или на то, что, к ее ужасу, дворецкий, бедный безумец, по неведомым причинам прятал всю ее почту. Симона считала, что последнее объяснение производит впечатление на клерков, работающих за гроши в отделе кредитов. И, чтобы еще больше наказать магазин за наглые просьбы оплатить счета,

она никогда не наклеивала марок на конверты. Опыт показал, что если даже не укажет фамилии и обратного адреса, конверт все равно доставят и магазин оплатит доставку. Вот пусть и платят первыми.

Однажды от отчаяния Симона послала счет на восемьдесят пять долларов от «Лорд и Тейлор» своему литературному другу Эдвину Куберстейну, умоляя оплатить его, потому что сейчас она должна помогать матери — та из-за острого артрита не может работать. По иронии судьбы, в тот день, когда отослала счет Эдвину, пришло восторженное письмо от матери, которая описывала свою работу на свадьбе в роскошном отеле.

«Мне повезло, — писала мать большими печатными буквами, — что у нас в семье у всех крепкие ноги. Я отмахала больше десяти километров, подавая восемь блюд знаменитым гостям. Не переставай пить молоко, доченька. От него кости становятся крепче».

В следующем месяце «Лорд и Тейлор» прислал нулевой баланс, и это означало, что уловка удалась и дорогой Эдвин оплатил счет. После этого, как только Симона оказывалась в стесненных обстоятельствах, она посылала счет надеющемуся на симпатию приятелю, говоря о банкротстве и прочих ужасах жизни. Давным-давно один мужчина сказал ей, что обладание — это девять десятых закона, и она никогда не забывала этих слов. Поскольку счетом обладал другой, то, как он им распорядится, становилось *его* проблемой. Инженер по электронике, который трахал ее свечкой, признался Симоне, что, хотя и говорит себе, что не отвечает за долги друзей, он почувствовал себя виноватым, когда попытался вышвырнуть счет в мусорную корзину. На следующее утро он достал его и, думая про собственную глупость, послал чек на тридцать два доллара в «Олтмен».

К несчастью, эта система не могла функционировать вечно. Вскоре Симона обнаружила недостаток помогающих симпатии друзей, а к этому надо прибавить все более убедительные извинения за несвоевременные платежи, которые ей приходилось изобретать. И именно крохотуля вынудил ее оставить придуманный ею гениальный способ решения финансовых проблем. Очевидно, он не был так озабочен проблемой обладания, как другие, и вместо ожидаемой оплаты счета в «Саксе» вернул его Симоне нераспечатанным. Вдобавок нарисовал на конверте мужчину, втыкающего красно-белую полосатую конфету в зад девице, похожей на Симону. Под рисунком приписал: «Внимание отдела кредитов: как видите, мадам, я слишком занята, чтобы оплачивать свои счета». И подделал подпись Симоны.

На отдельном листке, адресованном Симоне, он пообещал посылать копию рисунка (с пояснениями) в любой магазин, если она еще раз попробует выколотить из него бабки. А в постскриптуме крохотуля сообщил, что недавно ему ампутировали большой палец ноги.

Ведя в прошлом такую рискованную финансовую жизнь, Симона решила сразу спросить у Роберта, как они будут вести дом и тратить деньги.

— Я буду платить за все, — ответил он. — Я имею в виду, что плачу за квартиру, коммунальные услуги, еду и напитки. Но твои личные долги — это твое дело.

Симона храбро ответила:

— Ты очень щедр, но в этих обстоятельствах я чувствую, что должна буду покупать еду, потому что мне придется готовить.

— Ты умеешь готовить? — Он впервые задал этот вопрос.

— По-своему.

— Как это?

— У меня собственный стиль, — сказала она и вспомнила несчастную семью, в которой

работала в Форист Хиллз. — Я делаю вкусные запеканки.

— Это хорошо. Сам я могу только мясо жарить.

— Я буду печь тебе красивые и вкусные запеканки, мой дорогой Роберт Фингерхуд. Вот увидишь.

Первая запеканка оказалась гадкой смесью телятины и грибов. Роберта потом тошнило целый час, а затем он похлопал ее по головке и сказал:

— Наверное, в этом кроется какая-то тайная связь.

Вторая запеканка была гадкой смесью креветок и грибов. На этот раз Роберта не стошнило. Потому что он ее не ел. Когда она внесла блюдо, знакомый запах ударил ему в нос.

— Пахнет, как и та, — осторожно сказал он.

— Нет, дорогой. Эта с креветками.

— Но есть и что-то общее.

— Грибная подливка.

— Грибная подливка?

Он сунул нос в блюдо.

— Именно. Зачем же во второй раз подряд? Я не буду есть.

— Все запеканки я делаю с грибами, — пояснила она.

Взгляд его был само безграничное терпение.

— Больше не надо так делать.

— Прекрасно.

— Не надо дуться. Я уверен, что ты можешь готовить великолепные блюда без грибной подливки.

— Но в ней-то вся суть, — сказала Симона, сдерживая слезы. — Я не могу. Грибная подливка... это... это главное.

Слезы заструились по ее щекам.

— Не плачь, милая. Пожалуйста, не надо.

— Ничего не могу с собой поделаться.

— Ну, успокойся.

— Не могу, — покачала она головой. — Все гораздо хуже, чем ты думаешь.

— В чем дело? Расскажи.

— На грибной подливке строится вся моя кухня, — всхлипнула она: — Что ты против нее имеешь?

— Меня от нее тошнит.

Симона долго размышляла и в итоге придумала подливку из цыплят, но реакция Роберта не изменилась. После двух глотков он помчался в ванную и склонился над унитазом.

— Лучше я буду жарить мясо, — вернувшись, заявил он. — Или мясо, или будем есть в кафе.

— Я кое-что вспомнила.

— Что же?

— Я умею готовить лосося.

— Лучше не надо.

— Ты не даешь мне шанса показать себя, — возразила она. — Это нечестно. Я великолепно готовлю лосося. Я добавляю в него лук.

Роберт схватился за живот.

— Пожалуйста, не надо сейчас говорить о еде. Давай не будем обсуждать будущее меню. Поверь, я не хочу тебя обидеть, но должен сказать, что готовишь ты паршиво. Но я не думаю, что ты хочешь меня отравить. У нас остались консервы?

— Спорю, что ты никогда не ел лосося с луком, — злобно сказала она, — иначе ты бы так не говорил.

— Я хочу консервы, вот и все.

— Я работала поваром. Мне за это платили.

— И где же похоронили эту семью?

— Если ты считаешь, что это шутка...

И она замолчала, сообразив, что если ей не нужно готовить, то не придется покупать продукты, а значит, у нее останется гораздо больше денег, чтобы отсылать их в магазины.

— Ладно, наверное, ты прав, — сказала Симона. — Но не говори потом, что я не пыталась стать настоящей домохозяйкой.

— Договорились, — откликнулся Роберт.

После этого дела с едой наладились. Жареное филе с шампанским стали обычным ужином. Роберт позволял Симоне накрывать на стол, но на кухне хозяйничал сам. И хотя ужины получались прекрасными, ее раздражали его аккуратность и пунктуальность.

— Мамочка Фингерхуд снова готовит, — дразнила она Роберта, который, обернувшись полотенцем, сновал по кухне.

Больше всего он любил жарить баранину, куриную грудку и хвосты омаров. Роберт любил жареную картошку с кислым соусом, салаты с уксусом, хлеб с чесноком, свежий аспарагус. Иногда они начинали с устриц, а заканчивали пирожными с сыром и шоколадом. Симона никогда в жизни не ела так вкусно и так много и за месяц набрала три килограмма, так что вся одежда стала неприлично обтягивать ее.

Выбегая однажды на работу, она натолкнулась на Джека Бейли, который входил в дом. У него был щегольской вид в темно-синей форме. Она не видела его после вечеринки у Аниты, хотя он жил этажом ниже, и это еще раз напомнило ей об особенностях нью-йоркской жизни.

— Привет, соседка, — сказал он, автоматически улыбнувшись. — Как жизнь?

— Прекрасно, Джек. — Ей было приятно видеть его пристальные глаза. Возбуждает. — Из каких экзотических мест на этот раз?

— Обычная рутина: Лондон, Париж, Рим. Ты, кажется, поправилась?

— Да, и не собираюсь худеть, — ответила она, удивляясь про себя, как Анита может так любить его и отказываться летать вместе с ним.

Джек рассмеялся, обнажив ровные крепкие зубы.

— Прекрасно, если только ты не беременна.

Какой же он тупица! Благодаря таблеткам сейчас не беременеют против собственной воли.

— Передай Аните мои соболезнования.

— По поводу?

— В связи с таким дураком, как ты.

— А почему ты думаешь... — начал он, но Симона уже умчалась с оскорбленным видом.

— Я стала такой толстой, — сказала она вечером Роберту, когда он перемешивал салат, — что Джек Бейли, которого я встретила утром, решил, что я беременна.

— Наверное, он дразнил тебя.

— Противный способ дразнить.

— Если хочешь знать мое мнение, то ты вовсе не толстая.

— Спасибо, но, я думаю, мне надо купить новую одежду. Эта просто лопается по швам.

И это ты виноват.

— Сколько ты вешишь? — спросил Роберт и окинул ее критическим взглядом.

— Сорок пять.

Лицо у него искривилось.

— И впрямь толстушка. Может, попробуешь выступить в цирке?

— Если ты будешь в роли двуглавого мужчины.

На следующее утро Симона угостила Чу-Чу шампанским, оставшимся после вчерашнего разгула, и проверила, взяла ли она с собой кредитные карточки. Одна мысль о походе в восхитительные магазины Пятой авеню приводила ее в экстаз. Может, попробовать достичь оргазма в белье от «Бонвит»? Это мысль. Да, доктор, я кончила, когда надела этот пояс. О, я трепетала в белье от «Лорд и Тейлор». А почему нет? В этих магазинах есть нечто чувственное, возбуждающее больше, чем все другое, о чем она думала, а думала она о многом. Даже дурман может помочь в ее случае. Именно это говорила Хелен о своем первом оргазме: возбудить себя любым способом.

— А ты не курила травку? — спросила Хелен с удивленным видом.

— Несколько раз на вечеринках баловалась. Ну, не ради серьезного секса.

— Все успокаивается, — объяснила Хелен. — Ты как будто плывешь. Полная расслабуха. Поверь, ты сама себя не узнаешь.

— Звучит прекрасно, — сказала Симона, представив этот день. — А где я ее достану?

— У меня дома есть. Я сделаю тебе несколько сигарет и завтра принесу.

— У мистера Сверна будет инфаркт, если он узнает.

— Не говори глупостей, — сказала Хелен. — Он, может, и сам потягивает.

Когда Симона показала Роберту две сигареты, которые продала ей Хелен, он спросил, умеет ли она их курить.

— Хоть я и не курю, — ответила Симона, — но знаю, что мне просто нужно глотать. Так?

— Не так.

Она поняла, что он имел в виду, когда они занялись делом. Поняла также, что раньше все делала неправильно, потому травка на нее и не подействовала. Но сейчас дым все равно уходил через ноздри.

— Держи, держи его, — сказал Роберт. — Смотри. Вот так.

— Где ты этому научился?

— В Мексике.

— Там это разрешено?

— Нет, но мексиканцы смотрят на это сквозь пальцы.

Затем он быстро показал ей, как вдыхать дым, и передал тощий окурок. У нее от сладкого дыма закружилась голова, а через пять затяжек Симона задремала и увидела во сне Нормандию. Потом Роберт сказал, что впервые услышал, как она храпит.

— Я не кончила, — сказала Симона разочарованной Хелен на следующий день. — Но, правда, мы и не занимались этим. Я просто заснула.

— Тебе нужен опыт, — торжественно сказала Хелен. — У меня с травкой бывают

безумные оргазмы. Несколько подряд. До потери пульса.

Слова Хелен о многократных оргазмах заставили Симону подумать, что, может, в мире есть определенное количество оргазмов, поэтому ей их не достается из-за других девушек. И, может, лично Хелен виновата в том, что Симона обделена. Ведь несправедливо, что одна кончает несколько раз, а другая — ни разу. И она сказала Хелен:

— Может, ты перестанешь расписывать себя и дашь мне передохнуть?

Словцо «расписывать» она позаимствовала у Фингерхуда, как заимствовала многие слова у разных любовников.

Симона устроила оргию после работы (и едва не кончила) в магазине «Франклин-Симон». Она решила сделать покупки именно там, а не в другом месте, потому что здесь у нее не было долгов. Можно было не платить, пока не рассчитается с остальными. Очень легко, часто думала Симона, жонглировать кредитными карточками и выигрывать, и иногда сама удивлялась своим успехам. С другой стороны, эта игра так ее увлекала, что без нее она бы просто умерла. Симоне и в голову не приходило платить наличными, и она научилась делать долги везде, где могла, а если не удавалось получить кредит, выписывала чек. Она умудрилась даже за такси пару раз заплатить чеками. Что эти бедняги могли поделывать? Чеки не были фальшивыми, они — настоящие, и чтобы выглядели еще лучше, она разрисовала их.

— Я вне себя, — сказал один из таксистов. — Наверное, мне следует вызвать полицию и арестовать вас, но неохота заниматься этим из-за полутора долларов.

— У вас неверное мировоззрение, — ответила Симона. — Представьте, насколько мир стал бы лучше, если бы все платили чеками. Деньги такие... грязные.

— Да, — сказал таксист. — В этой грязи мне нравится ковыряться.

А Симона подумала, что у нее все наоборот: она ненавидела прикасаться к деньгам, в них было что-то негигиеничное, что-то, после чего надо вымыть руки. Эти липкие монетки и мятые бумажки. Кто знает, через сколько рук они прошли, пока не оказались у тебя? Кто знает, какой скользкий и грязный путь проделали после девственной чистоты типографии Министерства финансов? Нет. Кредитные карточки и чековые книжки — это единственное решение, и Симона сожалела только о том, что ее зарплаты не хватало, чтобы действовать в полную силу. Иметь возможность поесть в ресторане, купить авиабилеты, арендовать машину — таково было ее представление о блаженстве, и она не сомневалась, что после ее смерти ворота в небеса откроются благодаря карточкам «Дайнерс Клуб», «Карт Бланш», «Американ Экспресс» и все они обеспечат ей загробную жизнь, чтобы насладиться неограниченным кредитом, которого ее так грубо лишили на земле.

— Мотовка вернулась! — весело объявила она Роберту, придя домой вечером с двумя большими сумками «Франклин-Симон». На улице моросило, поэтому парик на ней отсырел. Обычно это ее огорчало, но сейчас, когда она купила замену (за двести долларов), дождь не был для нее бедствием.

Роберт, лежа в гамаке, читал Альберта Эллиса «Американская сексуальная трагедия». Он оторвал взгляд от книги и неодобрительно посмотрел на нее.

— Все глубже и глубже в пучину покупательской лихорадки.

— Не надо читать мне проповеди. Я так счастлива. В этих сумках бесценные вещи.

— Не сомневаюсь.

Симона оглядела комнату и не увидела Чу-Чу, который обычно встречал ее у двери.

— А где Чу-Чу? — спросила она, сняла мокрое пальто и протянула руки к огню.

— Он в спальне. Заболел.

— Заболел? Чем?

— Его рвет. Ты ничего такого ему не давала?

Она вспомнила, что утром легкомысленно напоила его шампанским, и сказала:

— Только глоток выдохшегося шампанского.

— Шампанского! — сердито сказал Роберт. — Что за идиотизм! На кой черт ты это сделала?

— Он его любит.

Роберт закрыл книгу и бесстрастно посмотрел на Симону.

— Я тебя не понимаю, — наконец сказал он.

— Это лучшее, что ты сказал мне за все это время. Кому нужно понимание? Можно было бы помереть от скуки, если бы все всех понимали. Никакого интереса.

— Я не имел в виду, что не могу представить себе ход твоих мыслей. — В его голосе слышался оттенок презрения. — Ты не столь уж таинственна. Что я не понимаю, так это то, как можно жить подобным образом.

Симона свернулась на тахте и укрылась пледом. В воздухе повисла атмосфера приближающейся грозы.

— Как же я живу?

— Безответственно.

Она слабо улыбнулась в ответ.

— И это все?

— А этого мало?

— Роберт... — Симона пыталась говорить шутливым тоном. — Из-за того, что я дала собаке немного шампанского, не стоит начинать...

— Дело не только в шампанском. Это всего лишь один из примеров. Дело в общей позиции. Ты не думаешь о последствиях. Тебе на все наплевать. Ты мечешься по жизни, мусоришь и ждешь, что другие уберут за тобой.

— Где я намусорила? — невинно спросила она.

— А где нет?

— Если забыть о шампанском, что еще я сделала? Давай, скажи.

Произнеся эти слова, она тут же поняла, что ошиблась. Нужно было сменить тему. Надо было предложить заняться любовью. Симона ненавидела ссоры.

— У тебя нет стержня, — сказал Роберт, вылезая из гамака.

— Чего нет?

— Стержня. Ядра. Центра. Своего «я».

— У меня сильное «я», — сказала она, стараясь говорить спокойно, хотя сердце уже заколотилось. — Ты же знаешь, как я тщеславна.

Роберт покачал головой.

— Тщеславие не является синонимом понятия «я». Как раз напротив, оно свидетельствует об отсутствии такового.

— Черт подери, о чем ты говоришь?

На самом деле она прекрасно все понимала. Как и большинство людей, осознающих свои недостатки и не пытающихся их исправить, Симона всю жизнь ждала, что в этом ее и обвинят. Когда она вступала в связь с мужчиной, то сразу знала, что это всего лишь вопрос времени и рано или поздно первоначальное очарование улетучится и обнажится неорганизованный, безответственный, невежественный человек, какой она и была на самом

деле. Некоторым мужчинам требовалось больше времени, некоторым — меньше, но все они когда-нибудь проникали сквозь привлекательный фасад. Ее позиция «мне наплевать на все» долго действовала на отдельных людей, она интриговала их, благодаря этой позиции они прощали ей очень и очень многое, но все равно наступал момент, когда они были сыты ею по горло, уставали от Римы, девушки-птички.

— Ты самая несобранная женщина из всех, кого я знал, — продолжал Роберт.

Услышав это обвинение, Симона подумала, что ждала его с момента, когда они сблизилась. Рано или поздно это должно было наступить. Так всегда было. Стоило ей подумать, что, может, этот мужчина будет другим, что он примет ее, как падал топор на плаху, и все иллюзии разлетались вдребезги. Этот момент приносил даже своеобразное облегчение, Симона ведь не хотела никого дурачить, ей нужно было, чтобы ее принимали и любили такой, какая она есть, и именно поэтому она знала, что будет продолжать искать мужчину, который поймет ее и будет рад принять ее со всеми ее недостатками. Нет, *несмотря на ее недостатки*. Когда она повстречала Роберта на вечеринке у Аниты и тот рассказал ей о Маленьком принце, у нее возникла надежда, что он именно такой мужчина. До этой минуты Симона и не представляла себе, как сильны были эти надежды.

— Извини, что не нравлюсь тебе. — Глаза у нее набухли. — Но я очень старалась.

— Конечно. Я знаю, — мягко ответил Роберт. Теперь, когда высказался, он мог позволить себе великодушие.

— Не надо меня жалеть.

— Я тебя не жалею.

Она понимала, что это неправда. Все, как обычно, ее не обманешь. Менее уверенные в себе мужчины в таких случаях сердились, более великодушные жалели. Симона обнаружила, что последнее переносится хуже, потому что их жалость подтверждала ее самые уничижительные самооценки. Сглотнув слезы, она сказала:

— И что же мы будем делать?

— Давай сходим поужинаем.

В последующие дни Симона раздумывала о том, какая же женщина привлечет Роберта. Ему тридцать три, и он не был женат. Почему? Слишком жесток в оценке всех женщин? И никто не нравился? Или она так безнадежна?

Этот вопрос разрывал ей сердце. С одной стороны, ей хотелось доверять мнению Роберта (в конце концов, она же его выбрала), а с другой — ей нужно защититься от осознания собственной никчемности. И в результате сознание раздваивалось. Иногда она говорила себе, что Роберт ни одну из женщин не воспримет искренне, у него завышенные требования, которые неразумны, он, сам того не ведая, ищет какую-то богиню. Когда Симона убеждала себя в этом (иной раз это было легко), ей становилось легче, несколько часов она парила в небесах, чтобы вскоре рухнуть в пропасть при мысли о том, что она может взбодриться только ценой унижения его.

Это были качели. Если Роберт прав в своей оценке, ей надо жить с горьким ощущением своего ничтожества. Если он ошибается, тогда она лучше, чем сама думала, но это и признак того, что он хуже, глупее, чем она воображала. Симона хотела, чтобы Роберт был очень умным, чтобы она восхищалась им. Внутренние борения вели к катастрофе. Неважно, кто выиграет. Она проиграет в любом случае.

Неделю спустя Анита позвонила Симоне на работу. Был обеденный перерыв, и в

демонстрационном зале в дальнем углу сидела только одна из манекенщиц, которая с религиозным пылом соблюдала йогуртовую диету.

— Давно собиралась тебе позвонить, — сказала Анита. — Как развивается великий роман с Робертом?

— Великолепно.

Совсем недавно это могло быть правдой, и Симона была бы счастлива рассказать Аните все в мельчайших деталях, но сейчас дело обстояло иначе, и ей не хотелось признаваться в своей неудаче. Не Аните. И пока никому другому. Рана еще не зажила.

— Ты же знаешь, что я была счастлива, когда повстречала Роберта. — Раньше Симона не знала, как трудно говорить веселым тоном, когда на душе кошки скребут. — И, кажется, он так же себя чувствует.

— Чудесно, — ответил неискренний голос Аниты.

— Если ты никому не проболтаешься, я скажу, что у меня есть основания думать, что он сделает мне предложение.

— Не может быть!

— Может!

— Великолепно. — Голос у Аниты стал загробным.

— Я только не уверена, что приму его. Не знаю, нужен ли мне такой мужчина.

— Любой, кто делает предложение, нужен. Дура.

— Это твое личное мнение. Мне не так сильно хочется выйти замуж.

— Не понимаю, почему. Что хорошего в твоей нынешней жизни? Ты можешь надоест Роберту, и он в любую минуту тебя вышвырнет. Чем ты защищена?

— Он может вышвырнуть меня и после женитьбы.

— И выложит монетки. Понимаешь? Ты жительница штата Нью-Йорк. Закон на твоей стороне, а не на его. Но для этого, дорогая, нужно выйти замуж.

— Ты о чем-нибудь другом думаешь, кроме замужества и денег?

— Стараюсь не думать, — нервно рассмеялась Анита. — Хотя должна признаться, что моя мания не принесла мне успеха. Представляешь, после той ночи Джек *ни разу* мне не позвонил.

— Как это?

— Вот так. Я не слышала его целые шесть недель.

Симона вздрогнула.

— Смешно. Я недавно видела Джека, и мне показалось, что вы все это время встречаетесь.

— Что он сказал? Он был один?

— Девушки не было, если ты об этом. Он возвращался из рейса.

— Он говорил обо мне?

— Нет, мы ведь перекинулись только парой слов. У него не было возможности...

— Как он выглядит? — Голос Аниты выдавал страстное желание хоть что-нибудь узнать о Джеке Бейли.

— Как всегда, — дипломатично ответила Симона. Какое ей дело, как выглядит Джек?

— Он привлекательный, правда?

— Если нравится такой тип. У него были вставные зубы в прошлом году?

— Вставные? Я не знаю.

— Вставные! — рассмеялась Симона. — Когда он раскрыл рот, то будто солнце

выглянуло.

— Многие наши пилоты вставляют зубы. Так требует компания. Они же на глазах у людей. Может, не будем об этом?

— Мы же говорим о встрече с твоим любимым.

— Отчасти любимым.

Симоне стыдно было признаться, но ей было радостно услышать, что у Аниты тоже любовные проблемы. Приятно, что у нее они еще больше. Симона удивлялась, почему Анита не позвонила раньше, чтобы поделиться горем.

— Я часто хотела позвонить тебе, — сказала Анита, будто прочитав ее мысли, — но стоило взять трубку, как решала подождать еще денек-другой. Не хотелось признаваться в неудаче, и я продолжала надеяться. Как только звонил телефон, я едва не падала в обморок.

— Жуткие были эти шесть недель.

— Шесть с половиной, — автоматически сказала Анита. — А потом мне шепнули, что он встречается с одной из наших стюардесс. Не знаю, насколько это серьезно. Может, пустяки, может, настоящая любовь. Если Джек Бейли вообще способен любить. Больше всего меня убивает то, что он не удосужился позвонить. Ни разу после той ночи. Мог же позвонить, да? Просто поздороваться.

— Я тебе сразу сказала, что он негодяй. Он все время тебя мучает. Забудь о нем.

— Хотелось бы. Я встречалась с другими мужчинами. Когда я в Нью-Йорке, то встречаюсь с этим англичанином, Йеном Кларком. Ты его знаешь? Он был на вечеринке.

— Не помню. Как он выглядит?

— Настоящий англичанин, высокий блондин. Он хорош, но озабочен только тем, как подцепить богатую американскую жену, а я хочу подцепить Джека Бейли. У нас обоих ничего не получается, вот мы и плачем в жилетку друг другу.

— Как он в постели? — спросила Симона.

— Ничего особенного. У него торчит тазобедренная кость. Но после Джека меня никто не волнует. Я не только о сексе. Это больше секса. Джек для меня — весь мир. Что еще сказать? Я влюблена, Симона, и мне хреново. Даже не представляешь как.

— Представляю.

— Пустота, — продолжала Анита, пропустив мимо ушей замечание Симоны. — Знать, что он в том же городе, знать, что близко и не со мной. *Почему? Я все время задаю себе этот вопрос. Почему он не со мной, а с другой? Что у нее есть такое, чего нет у меня? Что она может дать, чего не могу я? Я спрашивала раньше у Джека, что он ищет в женщинах. И знаешь, что он ответил?*

Симона не успела раскрыть рот, как Анита сама ответила:

— Он сказал: «А кто ищет?» Что эта шутка значит, я тебя спрашиваю?

— Может, он серьезно? — предположила Симона. — Он дважды разводился. Может, не хочет больше влюбляться? Слишком больно.

— Все хотят влюбиться.

— Женщины — да, а вот мужчины... — Она думала о Роберте. — У меня ощущение, будто мужчины сопротивляются любви так же неистово, как женщины ждут ее, иначе у нас не было бы стольких бед. Как тебе мои прозрения, мисс Норформс?

— Хватит дурачиться насчет мисс Норформс. Не до этого. А насчет прозрений скажу, что это болтовня, если ты только что сказала, будто Роберт не очень противится любви. Раз хочет сделать предложение.

Симона пожалела, что солгала насчет взаимоотношений с Робертом. Так всегда, когда лжешь. Надо быть крайне внимательным, чтобы тебя не уличили. К тому же, раз она знает, как несчастлива Анита, неплохо было бы выговориться и самой. Им обоим стало бы легче. Но она попала в ловушку собственной лжи.

— Он может умолять меня о свадьбе, — сказала Симона, — а я все равно откажу. Замужество сейчас меня не интересует. Я хочу полететь в Лиму, как только расплачусь с «Бонвит».

— Когда мы жили вместе, ты хотела полететь в Хартум, — с иронией заметила Анита.

— А сейчас меня тянет в маленький Париж Южной Америки.

— Если б у тебя была хоть капля мозгов, ты бы вышла за Роберта, он оплатил бы твои счета, и вы отправились бы в Лиму в медовый месяц.

— У всех Раков отвратительный практический ум.

— Не понимаю, что плохого в планах. Подумай о будущем. Однажды ты проснешься, а тебе уже тридцать. И что тогда?

— Стану хиппи.

— Растеряха. Странно, что ты до сих пор этого не сделала.

— Стану в Лиме, столице Перу. Найду всех старых нацистов, которые там прячутся, накачаемся наркотиками и займемся любовью. Ами Таба Ом, Ами Таба Ом, Ами Таба Ом.

— Дурища, — сказала Анита и бросила трубку.

Симона любила дразнить доверчивую подругу, которая сейчас, наверное, сидит у себя дома и представляет, как босоногая Анита с венком на голове распевает индуистские гимны на площади Томкина. Их дружба (можно это так назвать?) носила странный характер. Они не одобряли образа жизни друг друга, и все же была какая-то чертовщинка, какая-то дружба-вражда, заставлявшая их поддерживать связь, отмечать успехи и неудачи. Соперничество, которое пряталось за благородным фасадом дружбы.

Симона припомнила день, когда они познакомились. Это было здесь, в демонстрационном зале «Мини-Ферс инкорпорейтид», больше двух лет тому назад. Анита зашла купить пальто из немецкого хорька, которое потом отдала Симоне в обмен на двубортный костюм из хомяка, очень надоевший Симоне. Двдцатитрехлетняя Анита излучала такую женскую уверенность, что Симона тут же ощутила себя бесполой, тощей, уродливой и старой. Она помнила мельчайшие детали знакомства. Анита была прекрасно одета. Стояла весна. Бело-розовое пальто подчеркивало кругизну бедер. У Симоны бедра узкие, поэтому она была потрясена, для нее бедра символизировали зрелую женственность, и она знала, что у нее такого никогда не будет.

Более того, пальто и платье Аниты так гармонировали, как Симона и не могла себе представить. Это был идеал женственности. *Вот настоящая женщина*, казалось, говорила эта гармония, *без подделок*. Симона же носила тусклые свитера и микро-мини юбки, цвета блеклые, ткань паршивая; жалкая одежонка, в которой она болталась по Нью-Йорку с разными придурками, пока не встретила Роберта. Когда они стали жить вместе, Симона поняла, что каждая женщина инстинктивно выбирает тот стиль, который позволяет ей чувствовать себя естественной, а не тот, который делает ее привлекательной или красивой. Она бы чувствовала себя полной идиоткой в одежде Аниты, но надо сказать, что и Анита чувствовала бы себя не лучше в одежде Симоны. Это не мешало им обоим тайно восхищаться одежаниями друг друга.

Когда в тот день Анита ушла, Дэвид Сверн восторженно сказал:

— Вот *кого* я назвал бы женщиной.

— А кем бы вы назвали меня? — спросила Симона. — Зейброй?

— Я видел, в какое барахло вы переодеваетесь после работы, когда у вас свидание.

Будто вы сбежали с фермы.

Симона со смехом вспомнила эти слова через несколько месяцев, когда Дэвид Сверн связался с Лу Маррон, которая писала для журнала мод, специализировавшегося как раз на таком барахле, да еще и похуже. Ей хотелось бы спросить у Сверна, по-прежнему ли он думает, что у нее вид сбежавшей с фермы девчонки, но считалось, что она не знает о романе, как и все остальные работники (хотя знали все), так что приходилось держать рот на замке.

— Хороший был день? — спросила Симона у Роберта, когда вечером он пришел домой.

— Жуткий. Был на двух собраниях, разговаривал с матерью шизофреника, тестировал нового пациента. Диагноз: органические нарушения, которые следует проверить в неврологическом отделении. А у тебя?

— Обычная дребедень.

По дороге домой Симона думала, стоит ли рассказывать Роберту о звонке Аниты, и решила, что будет глупо, если он узнает, что у Аниты нет мужчины и она несчастна. Симона до сих пор помнила, как Роберта привлекла сияющая Анита на той самой вечеринке. И только когда она сказала, что Анита увлечена Джеком Бейли, Роберт переключился на нее.

— Я иду в ванну, — объявила Симона.

— Может, сходим поужинать в новый греческий ресторан?

— Давай.

Теперь они все чаще ужинали в ресторанах. Атмосфера общественного места помогала избегать болезненных тем в разговоре.

— Я буду в ванне пятнадцать минут. Если ты хочешь побриться...

— Не торопись. Мойся спокойно.

Они стали очень вежливыми. У Симоны перед глазами проплывали картинки того, как Роберт избавляется от нее и кормит Аниту жареным мясом, угощает шампанским, а потом они ныряют в постель, и Анита учит его тайнам Джека Бейли, после которых на нежной и гладкой коже остаются следы от щипчиков или пинцета.

У Симоны кожа была сухой, и на ночь ей приходилось смазываться кремом, который смягчал кожу и ароматизировал ее. Сидя в ванне, Симона постирала чулки. Она всегда стирала их в ванне, чтобы сэкономить время. Дважды в неделю тщательно стирала и пояс. Симона была очень чисто плотной благодаря матери, которая непрестанно купалась сама и мыла полы. В Порт-ан-Бессане не было душа, когда Симона жила там, она впервые увидела его в Нью-Йорке. Анита принимала душ, но Симона считала это негигиеничным, предпочитая купаться в ванне.

И подмывание. Выбравшись из ванны, Симона взяла чудный мятный дезодорант с гордой надписью на флаконе: «Вы не ошиблись!» Какую еще чудесную штуку придумают фармацевтические компании? Ей было интересно, как они смогли так изучить рынок, узнав, что большинство американских мужчин предпочитает запах мяты? Во Франции любят лакрицу. Но о чем она думает? Симона давно покинула родную страну, поэтому забыла, что там есть биде и спринцовка не нужна вовсе, хотя она и запатентована еще в 1899 году. Анита взвизгнула, когда Симона обрызгала ее.

— И это ты вставляешь внутрь? — с ужасом осведомилась она, глядя на сверкающий наконечник.

— В этом-то все и дело.

— А не больно?

— Если вода горячая.

— Я убедилась только в одном, — твердо сказала Анита. — «Норформс» лучше.

— Ты боишься пенисов. В этом вся проблема.

— Небольшой страх не помешает.

— Да здравствуют пенисы! Особенно большие! Ура!

Симоне нравилось собственное чувство юмора. Она ощущала себя бунтаркой.

— Да здравствуют большие пенисы! — сказала Симона в греческом ресторане.

Роберт рассмеялся немного смущенно, но в целом одобрительно, хотя две женщины за соседним столиком одарили их ледяными взглядами, а мужчина за спиной поперхнулся мартини. Она знала, что если Роберту в ней что-то и нравится, то это ее дерзость. Надо бы ей почаще проявлять ее. Два бокала мартини вознесли Симону на вершину блаженства, к тому же выглядела она сегодня великолепно. Несколько мужчин восхищенно посмотрели на нее, когда она вошла в зал в мерцающем платье с вырезом до самой талии. Даже Роберт смотрел на нее так, будто видел впервые.

— Надо всегда ужинать в ресторанах, — сказала Симона. — В них ты ко мне лучше относишься.

— В чем же?

— Я тебе больше нравлюсь. А дома ты забываешь, что я привлекательная женщина.

Симона имела в виду, что *она* об этом забывает. Ее внешний вид не так важен для Роберта, как для нее самой. Ее красота была скорее искусственной, чем естественной, поэтому ей нужна была публика, чтобы утвердиться в сознании своей прелести. Дома, без грима и соблазняющей одежды, она превращалась в обычную девушку с хилым телом и чересчур маленькими глазами. В этот вечер Симона наложила серебряные тени, подвела глаза, наклеила самые длинные ресницы и наложила на них густой слой туши. Работа так удалась, что она решила лечь в постель, не смывая грима.

— Ты невероятно влюблена в себя, — сказал Роберт, когда фальшивые ресницы мазнули по подушке. — Удивляюсь, зачем ты сняла платье?

— Я не виновата, что нуждаюсь в косметике. Если нравится естественная красота, почему бы тебе не позвонить Аните? Сейчас она, скорее всего, сидит дома и онанирует карандашом.

— Почему ты это сказала? — В темноте голос Роберта звучал заинтересованно.

Она с самого начала знала, что не сумеет умолчать о разговоре с Анитой. Сохранение тайн не было ее достоинством.

— Потому что сегодня разговаривала с ней и узнала, что Джек Бейли не звонил ей после той вечеринки, а другие мужчины ее не волнуют.

— Ты не шутишь?

— Конечно, она так боится пенисов, что если бы увидела твой, то у нее был бы инфаркт.

— Откуда ты знаешь, что она боится?

— У меня есть свои методы. И раз уж мы заговорили о ней, то скажу, что не такая уж она и естественная. Анита обесцвечивает волосы, в том числе и на лобке.

— Сегодня ты просто кладезь информации.

— Я хочу защитить свои интересы, вот и все.

— Если ты хочешь самоутвердиться, то скажу, что Анита меня не интересуется. Тебе

лучше стало?

— Если бы я тебе верила.

— Поверь.

— Ладно, — сказала Симона. — Верю.

Это была неправда, и оба они это знали. А потом, как будто этот разговор стал прологом к последовавшим событиям, Симона начала находить в квартире странные женские вещички. Пара женских тапочек в глубине шкафа. Чужая помада в аптечке. Коробка пудры в ящике стола. Как же она раньше их не замечала? Озадаченная, сначала молчала о странных находках, притворяясь, будто она — начинающий археолог, открывающий сокровища доисторических времен, но, когда залезла в кухонный шкаф и нашла коробку с противозачаточными колпачками, чаша терпения переполнилась. Симона решила рассказать о своих открытиях, не обращая внимания на последствия. Роберт выслушал ее с черным лицом.

— Сколько женщин жило здесь до меня? — спросила она наконец, когда поняла, что объяснений не дождешься.

— Ну, одна или две.

— Мог бы убрать следы их присутствия. Или ты хранишь их, чтобы мучить очередную жертву?

— Я просто забыл о них. Я удивлен не меньше тебя.

— *Забыл?* — Она истерически ткнула ему в лицо коробку с колпачками. — *Забыл?*

— Именно.

— Тогда вспомни, мерзавец.

Она швырнула в него коробку, он увернулся, коробка налетела на висевшее на стене мачете и зависла на нем, как какое-то дурацкое украшение. Роберт спокойно снял ее и бросил в мусорную корзину.

— Извини, что огорчил тебя, — сказал он, — но повторяю, что забыл об этих вещах. Я искренне сожалею.

— Негодяй! — разрыдалась Симона.

В эту ночь, как и в следующую, они не занимались любовью, и впервые Симоне это было безразлично. Она считала: трахаешься или не трахаешься, какая разница? Все равно я не кончаю. Ее тошнило от создавшегося положения, она устала терпеть неодобрение Роберта, ее утомляли их чувства, да, именно так: она утомилась, ей *скучно*. Они никуда не ходили, только в рестораны, и Симона убедилась, что у Роберта нет друзей, кроме придурков из Детского центра. Она познакомилась с одним, когда он заехал в одну из суббот за книгой Ференци. Это был лысеющий молодой человек по имени Артур, который был в белых носках и черных туфлях. Он разглагольствовал только о раннем развитии «я» у детей, страдающих энурезом, и о девицах в мини-юбках с горячими пиписками.

— И ты хочешь сказать, что *вот это* лечит детей? — спросила Симона после ухода Артура.

— Он великолепный терапевт, мы счастливы, что он работает в Центре.

— Ты шутишь? Этому мудаку я бы и собаки не доверила.

Обычно Роберт злился, когда она ругала его коллег, но его развеселило слово «мудак», произнесенное с красивым французским акцентом, и он не удержался от улыбки.

— Артур не лечит собак. Он специалист по энурезу.

— Что это такое?

— Когда мочишься в штанишки.

— Однажды ночью я уписалась. Я тебе не рассказывала? Когда жила в квартире на Пятьдесят седьмой улице.

При таких отношениях с Робертом Симона подумывала, не вернуться ли ей туда, пока не поздно, и снова дрожать в двух фланелевых рубашках на верхней койке двухъярусной постели. Симона теряла сознание от такой мысли. Это была бы полная катастрофа. Она понимала, что если они с Робертом разойдутся, то значительно разумнее забрать квартиру у Хелен, чем искать новую. Очень вероятно, что ничего дешевле в этом районе не найти. С квартирами в Нью-Йорке была катастрофа. Настоящий кошмар, если только тебе не повезло родиться богатым, и Симона часто думала, сколько людей развелось бы давным-давно, если бы не было так трудно разъехаться.

— Давай куда-нибудь сходим, — предложила она, пытаясь найти более приятную тему для обсуждения. — Сегодня суббота, ты помнишь?

— А куда? — спросил Роберт.

— В «Эль Марокко».

— Ты же знаешь, мне скучно в ночных клубах.

— Тогда на дискотеку.

— Я не умею танцевать такие танцы.

— Ты ничего не умеешь, — сказала она, — только сидеть дома с мясом и чертовыми книжками.

— Тебе напомнить, что я работаю над диссертацией?

— Не знаю, что я в тебе тогда увидела? — с горечью сказала она. — Если бы ты не рассказал мне о Маленьком принце, сейчас я бы не сидела здесь, изнывая от скуки.

— Верно. Ты бы сидела на мотоцикле с каким-нибудь безумным гитаристом и балдела бы от жизни.

— Хоть какое-то движение.

— Это действие, а не движение.

— Ну, я не считаю, что расширила свой кругозор, общаясь с тобой. Ты со мной даже не разговариваешь. Мы только едим, смотрим телевизор, трахаемся и спим. С таким же успехом я могла бы жить с автомехаником из Дейтона, штат Огайо.

— Сейчас я с тобой разговариваю.

— Это так трудно?

— Симона, — устало сказал он, — чего ты хочешь?

Я хочу, чтобы ты любил меня. Как она могла это сказать? Или любят, или не любят. Человека не заставишь почувствовать что-то против его желания. И, может, больше, чем любви, Симона хотела, чтобы Роберт организовал ее жизнь, сказал бы, что ей делать, дал направление. Она бы лучше жила с дураком, чем с Робертом Фингерхудом, у которого своя жизнь, и он равнодушен к судьбам других людей.

— Чего же ты хочешь? — спокойно повторил он.

— Дела, которым бы я занялась, — ответила она и подумала: так ли, как прежде, ее старый дружок, крохотуля, обожает дискотеки, если у него только девять пальцев на ногах?

На следующий день, когда они листали воскресный выпуск «Таймс», раздался нервный телефонный звонок. Это был А.Х.С. Дакворт, исполнительный директор Детского центра Раздраженному отцу мальчика, который лечился в Центре, удалось проникнуть в роскошную

квартиру Дакворта на Парк авеню, и сейчас он жаловался на методы лечения психолога Роберта Фингерхуда. Разгневанный мужчина заявил, что его бывшая жена послала сына в Центр, не посоветовавшись с ним, и, насколько он понимает, это абсолютно незаконно. Мистеру Дакворту сказать было нечего, он пытался успокоить его и уговорить уйти, но тот впал в полное бешенство и сейчас угрожает исполнительному директору. Тот не вызвал полицию только потому, что посетителем был Билли Дей, популярный телевизионный комик, так что, если об этом случае напишут газеты, это нанесет ущерб и карьере Дея, и репутации Центра. А.Х.С. Дакворт просит Роберта незамедлительно приехать к нему на квартиру и попытаться взять ситуацию под контроль.

— Господи, — вздохнул Роберт, меняя джинсы и тенниску на темный деловой костюм. — Это самые худшие случаи. Бывшие жены и мужья сражаются, а шрамы остаются в душе ребенка.

Но Симону заинтриговало то, что это был не обычный бывший муж, это был Билли Дей которого она часто видела на телеэкране.

— А можно мне с тобой поехать? — во второй раз спросила она. — Я каждую неделю смотрю его шоу.

— Это будет совсем не похоже на комедию. Могу сказать, что мистер Комедиант вне себя. Бедняга Дакворт трясется от страха. До смерти боится, что Билли Дей вот-вот выхватит револьвер.

— Может, тебе взять оружие? — спросила Симона, провожая его до двери.

— Какое? Мачете? Слушай, я постараюсь вернуться побыстрее. А ты пока почитай экономический раздел. Как там дела с моими акциями «Дженерал моторс»?

Но стоило Роберту выйти за порог, как ее интерес к газете испарился. Ей нужно было с кем-нибудь поделиться новостями, и снова на горизонте замаячила перспектива очутиться в старой одинокой квартире. Опять путаться со всякими извращенцами... Это выше ее сил. И хотя жизнь с Робертом Фингерхудом оставляла желать лучшего, она казалась наилучшим способом относительно спокойного существования.

Симона заметалась по квартире в поисках какого-нибудь занятия. Через несколько минут бесплодных блужданий она вспомнила, что хотела подогнать новый парик от «Франклин-Симона». Ей стало гораздо легче, когда появилась хоть какая-то цель в жизни. Симона собрала все необходимое для работы. Установив манекен головы на край обеденного стола, начала работать над сверкающими волосами, часто заглядывая в книгу по парикмахерскому искусству. Через пятнадцать минут дело было сделано. Накинула на парик сеточку, чтобы на пару часов поставить его под фен.

Пустота вместо лица на манекене пугала, и она наклеила на это место портрет Бельмондо. И теперь из-под волос с бигуди выглядывал дорогой Жан-Поль с неизменной сигаретой в углу рта. Симона включила фен и залюбовалась своей работой.

Через несколько минут позвонила Анита и спросила, видела ли Симона фильм «На последнем дыхании».

— В свое время я его пропустила, — сказала Анита, — а сейчас он снова вышел. Может, сходим?

— Жан-Полю не нравятся кудри.

— Ты это о чем?

Симона улыбнулась портрету на манекене.

— Ни о чем. Я не видела «На последнем дыхании». Встретимся у кинотеатра «Талия»

В...

Она написала записку Роберту и прилепила ее скотчем к розовому фену. Симона написала: «Пожалуйста, выключи фен не позже шести, иначе мой великолепный новый парик за двести долларов испортится». Затем переключила фен с «Очень горячо» на «Тепло», чтобы обезопасить себя, квартиру и парик.

Дворецкий А.Х.С. Дакворта ввел Роберта Фингерхуда в гостиную, украшенную персидскими коврами. В одном углу сидел Дакворт, сцепив руки между ног. Он расположился на роскошной кушетке времен Людовика XVI, обитой голубым бархатом. В другом углу стоял Билли Дей, худой темноволосый человек. Ему слегка за тридцать. Он бесстрастно смотрел на маленькую картинку Ренуара, которая висела на голубом бархате. Очевидно, все попытки взаимопонимания провалились, и эти два человека ждали Роберта.

— Мистер Фингерхуд, сэр, — сказал дворецкий.

При этих словах мужчины ожили. Дакворт вскочил на ноги, а Билли Дей надел маску разгневанного, подозрительного отца. Такое выражение Роберт видел очень часто, и его в очередной раз поразило, как мало значит социальное положение родителей. Защищая своих детей, все родители, от нищих до сверхбогачей, от оборванцев до знаменитостей, ведут себя одинаково: как будто хотят немедленно прикончить психолога.

А.Х.С. Дакворт представил Роберта, и тот обменялся рукопожатием с Билли Деєм.

— Послушайте, — угрожающим тоном сказал Дей, — не знаю, какая муха укусила в задницу мою бывшую жену, чтобы послать нашего малыша в дурдом, но я пришел сказать, что ни черта у него нет. Вы понимаете? Это абсолютно нормальный, здоровый ребенок, немножко разбросанный, наверное, немножко шумный, пусть так, я это признаю, но он *абсолютно нормален!* Проверять надо как раз мою бывшую жену.

— Знаете, мистер Дей, — мягко сказал Дакворт, — думаю, если вы позволите мистеру Фингерхуду объяснить нашу позицию...

— На хрен! Что тут объяснять? Что в двух тысячах миль отсюда, на концерте в Лас-Вегасе, узнаешь, что идиотка, на которой ты был женат, посылает моего малыша в дурдом, чтобы он всю жизнь ходил с пометкой о психическом заболевании? Что какой-то четырехглазый доктор сделает из здорового восьмилетнего ребенка, который иногда устраивает бучу, какое-то полурастение? Это вы мне хотите объяснить?

Роберт Фингерхуд молча развернулся и пошел из комнаты. Билли Дей побежал за ним и остановил у двери.

— Секундочку, черт подери! Я просил вас прийти сюда. И что же вы делаете?

Роберт остановился, не снимая руки с дверной ручки.

— Должен признать, что обязан был встретиться с вами лично, мистер Дей. Я часто смотрю ваше шоу, и оно мне очень нравится. Честно говоря, мне было бы лестно лично встретиться со знаменитостью. Но, с другой стороны, я не пришел бы сюда в прекрасный воскресный день, чтобы выслушивать всякий бред ни от знаменитости, ни от любого другого. Так что, если вы все сказали, я пойду.

— Нет, не пойдете.

Роберт улыбнулся.

— Я еще вот что скажу, мистер Дей. В таких условиях я бы не встретился и со статуей Свободы.

Выражение гнева исчезло с лица Билли Дея, но оно по-прежнему было озабоченным.

— Ладно, ладно, — спокойнее сказал он. — Извините за несдержанность. Надо было придержать язык, но когда ты так далеко отсюда узнаешь о том, что делается за твоей спиной, то можешь немного огорчиться.

Роберт сочувственно кивнул.

— Это понятно, но вопли и истерики не помогут. Давайте присядем, и я попробую ответить на ваши вопросы.

Билли Дей посмотрел на Дакворта, следившего за происходящей переменой с видом человека, который отчаянно хочет мира, но не верит в его возможность. Роберт понимал, что прежде всего он переживает из-за совета директоров.

— Извините за несдержанность, — сказал Дей им обоим.

Лицо у Дакворта расслабилось.

— Бывает, — заметил он. — Со всеми бывает. Может, пройдете с мистером Фингерхудом в мой кабинет и поговорите? Это вот здесь.

Кабинет примыкал к гостиной. Он был маленьким и уютным. На ореховом комоде размещалась прекрасная коллекция китайского фарфора. Роберт Фингерхуд сел за письменный стол, а Билли Дей разместился напротив.

— Давайте сразу проясним, — начал Роберт, — что никто не считает вашего ребенка сумасшедшим, никто не считает, что у него *серьезные* проблемы с психикой. Мы думаем, что у него есть проблема, с которой сам он не справится, а родители при всех их добрых намерениях не могут ему помочь. Рассмотрим эту проблему с нескольких точек зрения. Поговорим о счастье и несчастье вашего сына, о его периодических буйствах. Обсудим разрыв между его прекрасным умом и удручающе низкой успеваемостью.

— Хорошие отметки мало что значат, — отрезал Дей. — В школе у меня были плохие оценки, а я, как видите, не посуду мою.

— Согласен. Хорошие оценки мало что значат, но, говоря по совести, меня гораздо больше волнуют несчастье вашего сына и эмоциональные всплески, то, к чему они приведут очень скоро. Но в нашей ситуации, когда мы плохо знаем друг друга и ограничены во времени, нам проще поговорить о более простых и понятных вещах типа успеваемости в школе.

— Вы говорите о несчастьях, об эмоциональных всплесках, но когда я учился в школе, то не был образцом послушания, мне нелегко приходилось там. А у других детей не так? У детей есть свои невзгоды, но они все равно потом нормально живут. Посмотрите на меня. Я не хочу хвастаться, но разве у меня не все в порядке?

— С точки зрения профессии, более чем в порядке, — сказал Роберт.

Билли Дей подозрительно глянул на него. Роберт удивился, что в жизни тот выглядел гораздо лучше, чем на телеэкране.

— Вы о чем? — спросил Дей.

— О том, что я мало знаю вашу личную жизнь, мистер Дей, поэтому говорю только о том, что читал в газетах, о сути вашей профессии. И могу поспорить, что ваша взрослая жизнь не похожа на веселую карусель, как бы вы ни выглядели на экране. Могу поспорить, что вы страдаете от сердечных приступов и депрессии.

Вид у комика был такой, будто он попал в капкан.

— Ладно, — сказал он, — может, и так. Ну и что?

— Я могу подытожить, что если вы желаете нормальной жизни вашему сыну, а я в этом убежден, то вы хотите, чтобы у него не было хорошо вам известных сердечных приступов. Я

считаю, что вы *можете* помочь ему...

Губы Дея искривились в легкой восхищенной усмешке.

— А вы не зря получаете свои деньги, верно?

Аните понравился фильм «На последнем дыхании», Симона была в ярости.

— В розовых бигуди он выглядит лучше, — пояснила она свою позицию и продолжила рассказ о странных процессах в ее влагалище.

Они сидели в автобусе, едущем через город в Ист Сайд. Влагалище у нее горело, а беловатые выделения пачкали трусики.

— У меня горит и в эту минуту, — прошептала Симона, когда они проезжали через Центральный парк.

Они не занимались любовью уже целую неделю, и в глубине души она понимала, что ее состояние — прямой результат того, что ее не любят и не желают, но она не могла сказать об этом Аните, которая считала, что Симона вне себя от счастья.

— Надо бы пойти к врачу, — сказала Анита. — Может, это что-то серьезное.

— И лечь в унизительное гинекологическое кресло? Я и подумать о нем не могу. Да я и не в восторге от своего гинеколога. А как тебе твой? Нравится?

— Нормальный, — буркнула Анита, не простившая того, что врач увеличил размер противозачаточного колпачка. — Старый и безобидный.

— И что в этом хорошего?

— Ты же не хочешь, чтобы молодой и красивый парень ковырялся *там* холодными инструментами, верно?

— А почему нет?

— Тебя не смущает, если врач молодой и красивый?

— Нет, наоборот. Приятно.

— Ты с ума сошла.

— Если так долго хочешь достичь оргазма, как я, — сухо сказала Симона, — то ни от чего не откажешься, что бы это ни было.

— Полная идиотка.

Они вышли на Лексингтон авеню, чтобы пересесть на другой автобус. Каждая из них в этот момент удивлялась, почему они дружат. В витрине рядом с автобусной остановкой был плакат: «БОГ ЖИВ И ЖДЕТ ВАС В МЕКСИКО-СИТИ».

Свет в гостинной горел, и утомленный Роберт ждал Симону с бокалом в руке.

— Привет, — сказала она. — Как все прошло?

— Уладилось, — кивнул он.

Симона взглянула на манекен и с облегчением увидела, что фен выключен.

— Спасибо, что спас парик, — сказала она.

— Ради Бога...

Она внимательно посмотрела на Роберта: не издевается ли он. Тот сидел в костюме с распушенным галстуком и был слишком утомлен, чтобы издеваться.

— Как тебе Билли Дей? — спросила она.

— Как и любой другой рассерженный отец.

Роберт был в тысяче миль от нее, погрузившись в мир больных детей и трудных родителей, в мир, куда вход ей был запрещен. Он не думал о ней. Ему на нее наплевать. Он даже не удосужился спросить, где она была. Можно было весь день трахаться с каким-

нибудь красавчиком. Ему все равно.

— Скажи, — произнес он, к ее удивлению, — как ты можешь заплатить двести долларов за новый парик, если на шее висят другие долги?

Роберт даже не ревновал.

— Если он стоит двести долларов, это не значит, что я за него платила. Я одолжила парик у «Франклин-Симона».

Он смотрел на нее так, будто она была дебильной девчушкой.

— Рано или поздно тебе придется заплатить, — сказал Роберт. — Рано или поздно тебе придется оплатить все свои счета.

— Может быть, — сказала она, ощутив прилив сильной ненависти.

— Что значит «может быть»?

— В один прекрасный день все магазины сгорят, и я буду свободна.

— Забавно, что мне никогда это не приходило в голову, — сказал Роберт Фингерхуд и допил бокал одним глотком.

Когда на следующий день Симона из-за месячных опоздала на работу на десять минут, Дэвид Сверн был, как обычно, не в настроении.

— Мне надо делать то же, что делают все, — сказал он, уставившись на нее. — Срезать зарплату за опоздания.

— Извините, мистер Сверн, я плохо себя чувствую.

— Наверное, месячные?

— Так оно и есть.

Он пожал плечами, как бы говоря, что все бесполезно, жизнь бессмысленна. Потом бросил таблетку сахара в кофе.

— У меня как-то работала модель, у которой месячные были каждую неделю. Представляете? Я даже хотел написать о ней статью в медицинский журнал. Каждый раз, когда она опаздывала, у нее в то утро были месячные. Что оставалось делать? Проверять, правду ли она говорит? Я выдам одну тайну. Если в этой стране девушка хочет избежать обвинения в тяжком убийстве, ей достаточно прийти в суд слегка бледной и сказать, что она не понимала, что делает, потому что у нее была менструация, и присяжные тут же ее освободят.

Он выпил кофе.

— Между нами говоря, сахарин — дерьмо.

— В «Тряпье» сегодня ничего нет, — сказала Симона Хелен, когда они переодевались.

— Кошмар!

— Черный будет день.

Дэвид Сверн подписывался на «Тряпье» и каждый понедельник читал журнал с величайшим интересом. Все знали, что если в журнале есть заметка Лу Маррон, то мистер Сверн становится жизнерадостным и веселым, шутит с моделями и продавцами, угощает всех за обедом. А если появляется разворот с крупной подписью Лу Маррон, то мистер Сверн отпускает моделей на полчаса раньше, расточая при этом цветистые комплименты.

— Он от нее без ума, — сказала Хелен, меняя платье. — Волнуется из-за ее карьеры. Помнишь, как она написала об ужине в «Саутхемптоне», а Сверн ходил таким гордым, будто она написала «Моби Дик».

— Мне жаль миссис Сверн, — заметила Симона. — Не только из-за ее приступов, но и из-за того, что у нее больше не будет месячных.

— А мне жаль Лу Маррон. Она обольщается, если думает, что он на ней женится. Мистер Сверн никогда не бросит жену.

— Она получает все, что хочет, — сказала Симона, вспомнив о красивом браслете. — Я не удивлюсь, если узнаю, что мистер Сверн платит и за квартиру.

Хелен начала яростно расчесывать густые рыжеватые волосы. Симона подкрашивала глаза перед большим зеркалом.

— Можно сказать, — продолжала Хелен, — что она от него очень зависит. Мы ее не знаем. Она, наверное, мечтает выйти за него.

— Это здесь ни при чем. Как она может спать с ним? Вот чего я не понимаю. Этот живот!

Симона содрогнулась, а Хелен удивленна взглянула на нее.

— Какой живот?

— Который он прячет под жилетками.

— Я ничего не замечала.

— Ты шутишь?

— Знаешь, ему примерно пятьдесят пять, так что должен появиться живот. Но он небольшой.

— А для меня — огромный. Ненавижу мужчин с животом. И дряблое тело, наверное. Могу поспорить.

— Мне казалось, что тебе нравится мистер Сверн, — сказала Хелен. — Ты же всегда его защищаешь, когда у него скверное настроение и он на всех бросается.

— Он мне нравится, но это не значит, что я бы пошла с ним в постель.

— Интересно, какой из него любовник? — пропела Хелен. — Спорю, что он занимает сердечную позицию.

— Как это?

— Мужчина лежит на спине, а всю работу делает женщина.

— И все? — Она-то надеялась узнать что-нибудь новое и попытаться достичь оргазма.

— Мужчины со слабым сердцем предпочитают эту позицию, чтобы не слишком волноваться и не помереть на месте.

— А почему ты считаешь, что у него слабое сердце?

— Я этого не говорила, но это обычная вещь среди бизнесменов его возраста, да еще и курящих. Знаешь, эти кашляющие ребята...

— Если не считать живота, мне он кажется здоровым. Но знаешь же, как разнятся вкусы людей...

— Ты о чем?

— Как я не могла бы переспать с мистером Сверном, так и он, спорю, не может это сделать со своей женой.

— Ты считаешь, это его вина? При ее-то колитах?

— Дело не в них. Она ему отвратительна. У меня есть теория: все уродливы для какого-то человека.

И тут же ее поразила мысль, что недавно она стала уродливой для Роберта. Когда они занимались любовью, он был невероятно нежен, будто пытаясь нежностью заменить исчезнувшую страсть. Однажды ночью она спросила, забыв, что этой темы Роберт вообще никогда не поднимал:

— Ты меня больше не любишь?

Вместо ответа он прижал ее и взъерошил ей волосы.

— Я бы очень любил тебя, — ответил он, — если бы ты не делала глупостей, и так часто.

И хотя она не хотела признаваться самой себе, в глубине души Симона сознавала, что все кончено, кроме формального разрыва, который ей удалось отстрочить на две недели. Узнав от Хелен рецепт, она решила удивить Роберта мясным рулетом, когда он придет с совещания в Детском центре. Потом скажет, что понятия не имела, будто нельзя использовать пластмассовые тарелки для приготовления еды. А может, и в самом деле не знала. Или почувствовала, что Роберту нужна последняя капля, чтобы переполнить чашу терпения. Как бы там ни было, Симона положила мясной рулет в большую желтую пластмассовую тарелку и поставила в печь на 350 градусов, как и предписывал рецепт. Потом она пошла в гостиную и начала набивать свои шляпки туалетной бумагой.

Роберт пришел домой, автоматически поцеловал ее в щеку и спросил:

— Чем это пахнет?

— Мясным рулетом.

— А я-то думал, что ты умеешь готовить только паршивые запеканки.

— Теперь я научилась готовить и мясные рулеты. Ты удивлен?

— Приятный сюрприз.

Но когда он открыл печь, чтобы взглянуть на рулет, и увидел оплывающую тарелку, то спросил:

— Зачем ты набиваешь шляпки туалетной бумагой?

— Чтобы голова не выглядела плоской.

— Беда не в этом, беда в том, что она пустая.

— Что это значит?

— Только полный идиот готовит в пластмассовой тарелке.

— Не называй меня идиоткой!

— Тогда веди себя иначе! Ты не слышала, что пластмасса плавится?

— Может, и слышала.

— Тогда зачем ты это сделала?

— Мне захотелось, — резко ответила она.

— Чего захотелось?

— Приготовить рулет в пластмассовой тарелке.

— Но почему? В чем смысл?

— Ага! — победно воскликнула она. — В этом мой смысл: все бессмысленно. Я не думаю, что ты принимаешь сюрреализм. У тебя нет вкуса к абсурду. Если я скажу, что сделала это потому, что мне показалось забавным, что ты ответишь?

— Что у тебя странное чувство юмора.

— А у тебя вообще нет чувства юмора. — Симона затанцевала по комнате. — Я сделала смешной рулет, тра-ля-ля, я сделала...

Она не могла остановить смех. Но через несколько дней, когда Роберт вез ее в аэропорт имени Кеннеди, настроение у нее было не таким веселым.

— Поверь, — сказал он, похлопав ее по руке в перчатке, — тебе понравится Мексика.

— Я не хочу лететь.

— Не верю. Ты столько раз говорила, как тебе хочется там побывать.

— Я же хотела *с тобой*.

— Сейчас я не могу. У меня работы — выше крыши. Ведь это всего две недели. Тебе полезно сменить обстановку.

— Это значит, что тебе будет хорошо. Ты, наверное, трахнешь Аниту. Я знаю, о чем ты думаешь.

— Ты не права. Я не собираюсь заигрывать с твоей лучшей подружкой за твоей спиной.

— Она не моя лучшая подружка. Она — тупая скотина, озабоченная замужеством.

— И все равно я ничего не собираюсь делать. Даю тебе слово.

— Я чувствую, когда от меня хотят избавиться, — заплакала Симона, утираясь салфеткой, купленной в секции путешествий «Блумингдейла».

Она была потрясена ассортиментом товаров для путешественников. Перед ней раскрылся абсолютно новый мир. Маленькие зубные щетки, гигиенические салфетки для унитазов, швейные наборы, чашечки, косметические наборы, складные стаканчики. Единственным утешением для Симоны, которая бродила по магазину, как по кладбищу, служило то, что ее новый красный чемодан (прощальный подарок Роберта) был не хуже этих роскошных вещей.

Они приехали в аэропорт за час до отлета, прошли все тоскливые процедуры полета на международном рейсе. Ее чемодан весил больше положенных восемнадцати килограммов, и Роберт оплатил разницу.

— Я же взяла одежду для двух климатов, — оправдывалась она. — Ты говорил, что в Мексико-Сити холодно, а в Пуэрто-Валларта жарко.

— Все в порядке, — добродушно сказал он. — Это всего лишь несколько долларов.

Они выпили в баре. В киоске Симона купила «Космополитен» и «Арт Ньюс». Роберт пообещал встретить ее через две недели. И в этот момент неожиданно раздался голос из громкоговорителя:

— Посадка на рейс двести двенадцать, ворота номер семь.

— Это *мой!* — ужаснулась Симона.

— Тебе туда, — показал Роберт на проход. — Где твой билет?

— В сумочке. А где же еще? Ты меня и впрямь считаешь идиоткой?

Слезы струились по ее лицу, и Роберт поцеловал мокрую щеку.

— Не плачь, Симона. Не плачь, дорогая. Ты прекрасно отдохнешь, вот увидишь. Не заметишь, как пролетит время.

— Жуткое будет время. Я же не знаю испанского языка.

— Там говорят по-английски. Тебе пора. — Он развернул ее за плечи. — Иначе опоздаешь на самолет.

Она взглянула на него затуманенными глазами.

— Тебе будет грустно, если самолет разобьется?

— Да, невероятно. Но ничего не случится. Иди.

И она влилась в поток людей, идущих к огромному самолету, который доставит их в Мексико-Сити. Холодный мартовский ветер гулял по взлетному полю. Заморосило. Одетая в дождевой плащ, Симона чувствовала себя заправской путешественницей. Прекрасное ощущение. Она вбежала в самолет, прижимая к себе сумочку из искусственной леопардовой кожи с париком за двести долларов. Может, и правда, развееется. Может, Бог действительно жив и ждет ее в Мексике. И тут вспомнила, что не проверила по гороскопу судьбу путешествия.

— Черт! — громко сказала она, но стюардесса на входе только улыбнулась и показала,

где ее место.

Самолет был только шестнадцатым в очереди на взлет, но, не зная этого, Роберт Фингерхуд направился к ближайшей телефонной будке и набрал номер справочной.

— Дайте, пожалуйста, номер Аниты Шулер, живущей в Ист, Тридцать восьмая улица, — сказал он. — Да, Шулер. Ш-У-Л-Е-Р.

Самолет покинул аэропорт имени Кеннеди в семь часов вечера. Промежуточных посадок не было, и полет занимал пять часов, но из-за разницы временных поясов приземление в Мексико-Сити планировалось в одиннадцать часов.

Беверли Филдс Нортроп III сидела в салоне первого класса. Длинные рыжие волосы связаны узлом на затылке. Одна заколка расстегнулась, и Беверли, ощутив, как она царапает кожу, с силой воткнула ее в копну волос. Скоро снова отстегнется. Смешно, подумала она, почему одни заколки расстегиваются, а другие нет.

Беверли глянула на часы-браслет, отделанные бриллиантами. Ровно девять тридцать. Полпути проделано. Она решила переставить часы после приземления; ей хотелось оставить пока нью-йоркское время. Так ощущала себя ближе к Питеру и детям. К детям да, но зачем быть ближе к человеку, которого только что оставила? Она и вправду его бросила или убежала на время?

Красивая стюардесса с большими карими глазами убрала недоеденное мороженое и спросила:

— Принести сыр и фрукты?

Воспоминание об украденном в магазине Гарден-Сити сыре преследовало ее. С тех пор Беверли видеть его не могла. Кроме того, от сыра толстеют, а она приговорила себя к диете военнопленного.

— Нет, спасибо, — автоматически улыбнулась Беверли стюардессе, у которой на фартуке было грязное пятно. — Я подожду напитки.

От них тоже толстеют, но они успокаивают. Беверли было холодно и неудобно. Наверное, не надо было пить два бокала шампанского.

Стюардесса так же автоматически улыбнулась в ответ:

— Да, хорошо.

Беверли трясло, она опустила рукава кашемирового свитера и подумала, не стоит ли укрыться пальто. Оно было в ящике над ней. Или попросить у стюардессы одеяло? Девушка стояла в метре от нее, вежливо выслушивая жалобы пассажира.

Беверли стало жаль ее: дрянная у нее работа. Хотя, может быть, ей нравится, может, она радуется возможности подавать еду на высоте нескольких миль, может, в Мексико-Сити ее поджидает дружок. На другой стороне прохода другая стюардесса подавала восьмое блюдо обеда десятку пассажиров первого класса, расположившихся на той стороне.

Беверли сидела у иллюминатора, и место рядом было свободно. Перед тем как застегнуть ремень, она пересчитала пассажиров и в момент взлета представила себе заголовки завтрашних газет: *«Двадцать человек погибли в авиакатастрофе»*. Это будет одна из тех жутких трагедий, которые порождают разные расследования и разговоры о недостатках в работе властей. Мысль об этом еще больше усилила дрожь. Раньше она не боялась летать, но ведь раньше всегда летала с Питером, и его присутствие внушало ей чувство безопасности.

Через несколько минут, когда самолет оторвался от земли, Беверли расстегнула ремень и рассмеялась. Как это похоже на нее: позабыть о пассажирах в другом салоне. Будто они не существовали только потому, что меньше заплатили за билеты и сидели в жуткой тесноте, по трое в ряд, ели только одно блюдо и мечтали вытянуть ноги. Беверли распрямила свои

стройные длинные ноги и залюбовалась туфлями из крокодиловой кожи.

Питер неплохо поработал над ней. Она стала таким же снобом, как и он, хотя раньше этого не признавала. Беверли вспомнила путешествие в Европу во время медового месяца. Они плыли на «Королеве Марии». Конечно, в каюте первого класса, и однажды, сидя за икрой с шампанским в великолепной столовой, она спросила:

— Дорогой, как ты думаешь, что едят в туристическом классе?

— Жареные плитки, дорогая, — быстро ответил Питер. — Им подают нечто подобное.

Беверли не поняла, ей показалось, что он назвал жареные улитки.

— Не знала, что улитки жарят, — сказала она, а Питер расхохотался.

После этого всякий раз, когда они ели улитки, то с улыбкой вспоминали об этом случае.

Девять тридцать пять. Дети, должно быть, уже спят. Будем надеяться. Маргарет сказала, что ей нечего беспокоиться, она будет присматривать за домом так же внимательно, как при хозяйке. Беверли огорчилась при этих словах, потому что усомнилась в том, так ли уж необходимо ее присутствие в замке на Стюарт авеню. Как будто после замужества и рождения двух здоровых красивых детей она становилась ненужной для дома. Ее можно убрать. Механизм смазан и может работать самостоятельно.

Не дури, сказала она себе, хватит жалеть себя. Беверли презирала это качество в других людях, возможно, потому что оно напоминало о ее собственных наклонностях.

— Хватит жевать свое несчастье, — сказала она своей подруге Ди-Ди за два дня до того, как Ди-Ди умерла, наглотавшись таблеток снотворного. — Ну, нет у тебя сейчас любовника. Живи дальше.

Но Ди-Ди не захотела жить, и, когда Беверли узнала о самоубийстве, она долго плакала в своей комнате, а внизу псих-попугай орал: «Убирайся! Убирайся!» Как Ди-Ди могла это сделать, думала Беверли тогда. Она и сейчас задавала себе этот вопрос. Как могла оставить мужа (пусть и нелюбимого) и трех детей, которым была нужна? Или не нужна? Они нуждались в ней больше, чем ее собственные дети, которые очень спокойно отнеслись к сообщению об ее отъезде? Да, конечно, Питер-младший слишком мал, уговаривала она себя, нельзя ждать от ребенка двух с половиной лет понимания того, что от матери его отделяет три тысячи миль. Возьмем Салли. Да, Салли могла бы и больше огорчиться, это несомненно, и равнодушие дочери поразило Беверли в самое сердце. У Салли была своя жизнь, и вместо слов о том, что будет скучать без мамочки, она спросила:

— А почему зимой птицы летят на юг?

— Не знаю, — ответила Беверли, вспоминая, скучала ли она по матери, когда ей было пять лет.

Прикрыв рот ладошкой, чтобы не рассмеяться, Салли выпалила:

— Потому что пешком далеко идти!

Беверли попыталась изобразить веселье, и поэтому Салли продолжила:

— Что такое серое, на четырех ногах и с хоботом?

— Слон?

— Нет, мышка в отпуске!

Салли так хохотала, что чуть не задохнулась, а Беверли подумала: Господи, я родила комедиантку. Когда она пересказала шутку Питеру, он улыбнулся и сказал, что гордится остроумием маленькой дочери.

— Мексика? — спросил он потом, бросая на нее взгляд исподлобья. — Почему Мексика, дорогая? Там же все болеют дизентерией, правда?

Беверли хотелось сказать, что лучше она заболит дизентерией, чем продолжать так жить: мертвой, замороженной, нелюбимой. Ей надо уехать от Питера, побыть одной, подумать. Мексика казалась идеальным местом для этого. «Заграница, а так близко», — писала воскресная «Таймс» в разделе путешествий, и Беверли подозревала, что Мексика — гораздо больше заграница, чем, скажем, Париж или Лондон, и именно эта мысль влекла ее туда. Ей хотелось побывать в абсолютно чуждом мире. В Мексике она не будет почтенной матроной из Гарден-Сити с приличным мужем и двумя приличными детьми. В Мексике она будет инкогнито. В Мексике она будем тем, кем захочет.

— Я много читала о новом антропологическом музее в Мексико-Сити, — ответила Беверли мужу. — Я хотела бы осмотреть его. Ты же знаешь, дорогой, как меня интересует антропология.

Питер вопросительно взглянул на нее.

— Правда, дорогая? В первый раз слышу.

— Кроме того, — поспешно добавила она, — я хотела бы несколько дней отдохнуть под солнцем Акапулько или в Пуэрто-Валлата. Там как раз снимался фильм «Ночь игуаны».

— Кажется, мексиканский жучок крепко укусил тебя, а значит...

Беверли заметила следы внутренней борьбы на лице мужа.

Ему хотелось избавиться от нее на некоторое время, но претила ее неожиданная независимость. Она могла хотя бы спросить его, не хочет ли и он поехать в Мексику. Он бы отказался, потому что сейчас не может лететь. Тони Эллиот загрузил его работой больше, чем когда-либо. Она бы сделала вежливый шаг, он ответил бы тем же. Впрочем, напомнил Питер себе, она же из безродной семьи, так что нечего ожидать светских поступков.

— Напитки, — предложила кареглазая стюардесса, подкатывая к Беверли тележку с прекрасными бутылками.

— Пожалуйста, «Драмбуи», — сказала Беверли, отметив, что пятно на фартуке исчезло.

Потом она уставилась на черное холодное небо за иллюминатором.

На сиденье 27-Е в туристическом салоне Симона поглощала обед из одного блюда. Она сидела на среднем кресле, зажата с обеих сторон, и от этого у нее была страшная клаустрофобия. Симона любила летать и надеялась, что место будет у окна, но там сидел бизнесмен среднего возраста, который перед обедом выпил два martini и сейчас сосредоточенно ел.

С другой стороны, у прохода, сидел четырнадцатилетний мальчик, родители которого с мальчиком помладше расположились позади него.

— Я сейчас съем лошадь вместе с седлом, — возбужденно сказал он Симоне, когда стюардесса принесла обед. Голова с рыжими вихрастыми волосами уткнулась в поднос, будто он голодал несколько дней.

Симону поднос развеселил. Он напомнил ей о жизни в квартире на Пятьдесят седьмой улице. Она и не представляла себе, насколько Роберт развратил ее своими ужинами, насколько изменились ее вкусы. Эта пища не похожа на пищу. Даже внешне, не говоря уже о вкусе. Просто дурацкая картинка.

Симона улыбнулась. Она только что дочитала статью в «Арт Ньюс» о школе магического реализма. Может быть, этот поднос нарисован в трех измерениях талантливым магическим реалистом? Работа первоклассная, подумала Симона, потому что все пассажиры жадно ели, даже мужчина после двух martini, и вид у всех был очень довольный.

Кусочек мяса был такой тоненький, что распался после первого прикосновения вилки. Похожие на снежинки ломтики картофеля, несколько горошин, брусочки масла и коробочка желе, все в пластиковых пакетиках. Пакеты напомнили Симоне о ее мятном дезодоранте, и она решила, что их выпускает одна и та же компания. Может, эта же компания сделала желтую пластмассовую тарелку, в которой готовила несчастный мясной рулет.

Соединенные Штаты помешались на пластмассе, думала Симона, и это ей нравилось. В пластике было что-то чистое, удобное, и она восхищалась им. Зачем покупать долгосрочные вещи? Кому нужны вечные вещи? Это так же старомодно, как стремление француженок среднего класса скопить денег на черный костюм, который они потом занавешивают до дыр.

Удобство. В этом суть. И чувство патриотизма по отношению к приютившей ее стране. Симона вскрыла пакет с маслом и намазала его на крошечную булочку.

После кофе вспомнила о Чу-Чу, который остался в гамаке Фингерхуда. Она уже скучала по нему, ей хотелось, чтобы он был с ней, скучала по нему больше, чем по Роберту. Симона ведь недавно познакомилась с Робертом, а Чу-Чу жил у нее целых пять лет, и если принять во внимание суматошную жизнь, которую вела, всех этих проходящих и уходящих придурков, то не удивительно, что скучала по постоянному другу. Она подозревала, что по Роберту она заскучает только через несколько дней. Сейчас ей не до него.

Самолет затрясло, вспыхнула надпись: «Пристегнуть ремни». В громкоговорителе раздался голос капитана:

— Дамы и господа, пристегните, пожалуйста, ремни. Мы начинаем снижаться.

Через секунду стюардесса повторила эти слова по-испански.

Симона вспомнила свои прощальные слова Роберту: «Тебе будет грустно, если самолет разобьется?»

Тогда это было сказано, чтобы он ощутил себя виноватым за то, что отсылает ее, а сейчас она подумала, что это говорила ее интуиция. В прошлом октябре астролог сказал, что у нее великолепная интуиция. Симона отметила, что у рыжеволосого подростка был испуганный вид, когда он пристегивал ремень. Но сама не трусила. Симона была фаталисткой и не боялась смерти. Да и благодаря астрологии твердо верила в переселение душ и знала, что, даже если это будет последний день ее жизни, она возродится, может, в облике таракана, род которых вообще неистребим. Астролог сказал, что в предыдущей жизни она была египетской рабыней и умерла в 1612 году.

Стюардесса проверила, все ли пристегнулись.

— Как будто это важно, — громко сказала Симона.

— Вы что-то сказали? — нервно спросил подросток.

Симона улыбнулась. Он славный. Наверное, вырастет в красавчика.

— Не обращай внимания, — сказала она. — У меня привычка разговаривать вслух.

Может, они были любовниками в прежней жизни. Может, в прежней жизни у нее были оргазмы. Эта мысль впервые пришла ей в голову. В этом что-то есть?

А потом решила, что если они благополучно приземлятся, то она все сделает, чтобы узнать, правда ли, что латиноамериканцы — паршивые любовники. Если это не так, то все может случиться. У нее даже может случиться первый оргазм в жизни, да еще в испанском стиле!

Когда Беверли прошла таможню, обменяла дорожные чеки на мексиканские деньги и доехала на такси до отеля «Мария Кристина», была уже почти полночь. Самолет прилетел

вовремя, но не мог приземлиться из-за того, что взлетно-посадочная полоса была занята, и пилот долго кружил вокруг аэропорта.

Беверли разозлилась. Она нервно крутила часы-браслет с бриллиантами и думала, как ее раздражают всякие задержки, а сейчас еще росло и чувство страха. Заголовок «Двадцать человек погибли в авиакатастрофе» снова всплыл перед глазами, но в этот момент самолет коснулся колесами взлетно-посадочной полосы международного аэропорта в холодном Мексико-Сити.

Стандартная плата за такси до любого отеля была семнадцать с половиной песо, около полутора американских долларов. На первом же перекрестке при красном свете к машине подошел мальчик лет десяти и протянул открытую ладонь. Окно со стороны Беверли было открыто, и рука едва не уткнулась ей лицо. Она испугалась на секунду, а потом отметила, что ребенок стоит на костылях, одной ноги у него не было.

— Mendigo, — сказал шофер и пожал плечами, будто снимая с себя ответственность за жизнь в этой стране.

Пока Беверли думала, сколько денег дать ему, зажегся зеленый свет, и машина рванулась по темной и пустынной улице.

Но потом возникли огни, сверкающая, мерцающая, гипнотизирующая реклама. Это был проспект Реформы, который, как вспомнила Беверли, путеводитель сравнивал с Елисейскими полями в Париже. Сходство и в самом деле присутствовало. Это был красивый широкий проспект, застроенный самыми дорогими и элегантными отелями в городе. Но Беверли не стала заказывать номер в них и выбрала гостиницу «Мария Кристина», которая была в квартале от проспекта Реформы, на улице Лерма.

Она решила остановиться в «Марии Кристине» потому, что эта гостиница меньше и не такая известная. Туристический агент сказал, что там меньше чувствуешь себя американской туристкой, чем в более шикарном месте. У гостиницы был фасад в колониальном стиле. Вестибюль отделан красочной испанской плиткой. Атмосфера излучала покой. Питеру здесь тоже понравилось бы, подумала она. Он всегда говорил, что только нувориши любят пестроту.

— Я Беверли Нортроп, — сказала она седовласому портю, опустив слово «миссис», и подумала, сможет ли когда-нибудь сделать что-то, поехать куда-нибудь, не подумав о том, как бы на это отреагировал Питер. — Я заказывала номер.

Интересно, бар еще открыт? Должно быть. Она читала, что в Мексике вечер начинается очень поздно, поэтому упаковала на всякий случай в чемодан серебряную фляжку с водкой. Я спиваюсь, подумала она. А следующая мысль поразила ее еще больше: ну и плевать!

Посыльный взял ее чемоданы. Идя за ним к лифту, она заметила хорошенькую девушку в черном дождевике, входившую в отель. Что-то в ее лице заинтересовало Беверли, и она не сразу поняла что. Глаза. Они украдкой и как-то враждебно осматривали все вокруг.

Она выглядит так, как я, безрадостно подумала Беверли: несчастливой.

Беверли и Симона познакомились на следующий день за обедом. Они сидели за соседними столиками. Беверли узнала Симону, хотя сейчас, под жарким полуденным солнцем, Симона изменила прическу, стянув волосы сзади чем-то, что напоминало пояс от ее красного платья, и надела огромные солнцезащитные очки.

Обычно Беверли не любила подходить к незнакомым мужчинам и женщинам, но это была необычная ситуация. Она была в чужой стране, и все нормальные правила, по которым

жила столько лет, здесь не действовали. Как бы подбадривая себя, Беверли подумала, что в саду-ресторане их были только две одинокие женщины.

Закурив, она преодолела разделявшие их метры. Официант только что подал Симоне блюдо с яйцами, плавающими в зеленом соусе, сказав, что это очень пикантно.

— Извините, — сказала Беверли, удивляясь уверенности своего тона, — но я видела, как вы входили вчера в отель. Вы приехали сразу за мной. На вас был черный дождевик.

Взгляд у Симоны был хотя и вопросительным, но приветливым.

— Да, это была я. Но я вас не видела.

Беверли не ожидала услышать французский акцент и поэтому слегка смутилась. Если бы она не была уверена, что Симона американка, ни за что не заговорила бы с ней.

— Я входила в лифт, — сказала Беверли, досадуя на свою оплошность. Но теперь надо было идти до конца. — Я сижу вон там одна и только что сделала заказ. Если вы не очень возражаете, можно, я пересяду к вам? Не могу есть в одиночестве.

Преодолев первоначальное удивление, Симона радостно сказала:

— Конечно же. — Она широко улыбнулась. — Я тоже не люблю есть одна. До охоренения тоскливо, да?

Беверли вздрогнула от выражения Симоны, но постаралась скрыть это. Попрошайкам не до выбора, напомнила она себе.

— Да, скучно, — согласилась Беверли.

Она пошла взять со своего стула синий пиджак. Этот итальянский костюм Питер подарил ей в прошлом месяце на двадцать девятый день рождения.

За обедом девушки выяснили, что летели одним рейсом и что обе они примерно одинаково провели предшествующий вечер. Утомившись от перелета, распаковали чемоданы, искупались и заказали что-то попить. Разница была в том, что Симона заказала чашку горячего шоколада, а Беверли — тоник со льдом, чтобы разбавить водку. Обе проспали завтрак и обе хотели совершить экскурсию.

— Можно нанять машину с шофером, — сказала Беверли.

— Это же ужасно дорого!

Симоне в голову не приходило, что у Беверли могут быть деньги, что она замужем, что у нее дети. Она считала Беверли бедной, одинокой, работающей девушкой, такой, как и она сама.

— Расходы того стоят, если только не захочешь просто побродить по городу, — сказала Беверли.

Как и в случае с домоправительницей Маргарет, Беверли старалась сохранять абсолютно демократические отношения с теми, кому не так повезло, как ей.

— Сомневаюсь, что это будет лучше, но дешевле — точно.

Беверли расстегнула сумку из крокодиловой кожи и достала пачку буклетов, которые взяла у туристического агента в Гарден-Сити.

— Ладно, — весело сказала она, — посмотрим, что здесь можно посмотреть.

После короткой дискуссии они пошли на проспект Реформы и за один песо доехали до Национального музея археологии в парке Чапультепек, где заплатили три песо за вход. В брошюрах музей описывался как памятник древних искусств Мексики. Музей был просторным и прохладным. Он ошеломил своими размерами. Разные реликвии были размещены в галереях, которые смыкались в огромном центральном дворце с водопадом.

Беверли и Симона больше двух часов смотрели на сокровища доколумбийской эпохи.

Они ощущали свою незначительность перед лицом фасадов храмов, жертвенников, обсерваторий, цистерн, огромных чучел ягуаров.

Когда девушки вышли из мрака Теотиуакана на яркий мартовский свет, у них было ощущение древней взаимной связи.

— Фантастика! — сказала Симона, подчеркивая французский акцент.

— Правда, — согласилась Беверли.

— Может, в одной из прежних жизней я была красивой могущественной королевой мая, — пропела Симона, когда они шли через огромный двор к ресторану. — Вы видели этот скелет в гробнице? Ну, тот, что с драгоценностями? Ему не меньше трех тысяч лет.

— Вы верите в переселение душ? — спросила Беверли, жалея, что побывала в музее не с Питером.

Ей нужно было поделиться своими ощущениями. Ее поразило, взволновало увиденное. Потом она вспомнила, что давно ничем не делилась с Питером. Беверли думала о прошлом, о времени, когда Питер был другим. Слезы навернулись на глаза, когда ею овладело чувство двойной потери: недавней — Питера и давней — самой себя.

Ресторан музея оказался мексиканским автоматом. Девушки бросили песо в машину и получили кока-колу в бумажных стаканчиках.

В отель вернулись уставшими. Хотели вздремнуть, а потом встретиться в баре в восемь вечера. Беверли сообщила, что в Мексико-Сити неприлично ужинать раньше девяти. Потом она в своей комнате принялась тщательно расчесывать волосы, а в комнате этажом выше Симона втирала крем в лицо. Обе почитали, но ни одна не заснула. Решили, что они друг другу не пара. Симона считала, что Беверли надо похудеть на пару килограммов и подрезать волосы, а Беверли думала, что Симоне надо набрать пару килограммов и меньше краситься.

Но им обеим понравились их сумочки. Симона отметила, что крокодиловая сумочка Беверли привезена, наверное, из Парижа, а Беверли пришла в восторг от сумочки «Гуччи» с бамбуковыми ручками.

На встречу в тускло освещенном баре девушки надели платья с глубоким декольте. На Симоне было ее мерцающее платье-рубашка, а на Беверли — черное платье, которое так понравилось Тони Эллиоту во время злосчастного ужина. Все это было сейчас так далеко от Беверли... Тони Эллиот, замок в Гарден-Сити, даже Питер, особенно Питер. Только мысль о детях сверлила ее сознание, единственная связь с той жизнью, которую покинула всего двадцать четыре часа тому назад. Ее поразило, как быстро она смогла от всего отрешиться. С глаз долой — из сердца вон. Неужели она так бездушна? Или это эмоциональное отдаление присуще всем путешественникам?

В центре зала размещалась эстрада, но сейчас она пустовала. И хотя музыкантов не было, царил веселая, жизнерадостная атмосфера. Жаль, что большинство говорили по-испански, но так могло быть в любом баре большого американского города во время коктейлей.

Беверли и Симона заняли столик у эстрады и заказали два коктейля с текилой. Сделав несколько глотков терпкого напитка, Симона разоткровенничалась насчет трудностей жизни с Робертом Фингерхудом.

— Я знаю, что после возвращения в Нью-Йорк меня могут выселить вместе с моей собакой, — закончила Симона печальное повествование.

Вдохновленная неожиданным доверием, Беверли, в свою очередь, призналась, что она

замужем и у нее двое детей. Не вдаваясь в подробности, сказала Симоне, что ее отношения с Питером отнюдь не идиллические.

— В какой-то мере жизнь у нас схожая, — сказала Симона. — Правда?

— В какой-то, — нерешительно ответила Беверли.

Обе молчаливо признали то, о чем не стала говорить Беверли. Они жили в очень разных мирах и вряд ли могли понять настоящие проблемы друг друга. И из-за ложного взаимопонимания им было легко сочувствовать друг другу, утешать неискренними словами, произносимыми самым сердечным тоном.

— Он, наверное, очень скучает без вас, — сказала Беверли о Роберте.

Симона отрицательно покачала головой.

— Я так не думаю. Он скучает со мной. Но у вас другой случай. Вы женаты, у вас дети. Больше зависимости.

— Я хочу любви, — настаивала Беверли, в глубине души сознавая правоту Симоны. — А не юридической зависимости.

После этого разговора им стало лучше, возникло чувство очищения. Они чувствовали себя благородными людьми, думая, что собственные проблемы не столь ужасны, как у собеседницы. В момент, когда хотели заказать по второй порции текилы, у столика возникли мужчины.

Ни Беверли, ни Симона не видели, как они подошли, поэтому вздрогнули от удивления. Их было двое, оба стройные, элегантные, в прекрасно сшитых темных костюмах и рубашках с французскими запонками. Один был повыше, у него были черные волосы и мрачные серо-зеленые глаза. Он заговорил с жутким акцентом:

— Добрый вечер. Меня зовут Эдуардо, а это мой брат Хорхе. Не подумайте о нас плохо, но мы не могли пройти мимо двух таких очаровательных женщин, сидящих в одиночестве.

Беверли хотелось сказать, что они вдвоем, а не в одиночестве, но было件нятно, что для латиноамериканцев две женщины вместе — это одиночество. Она много читала об этих мужчинах.

Затем заговорил Хорхе.

— Мой брат хочет сказать, что мы с удовольствием присоединились бы к вам, если позволите.

У него тоже были черные волосы, но глаза темные, веселые, дразнящие. Он выглядел на несколько лет моложе Эдуардо, ему тридцать — тридцать один.

— Можно вас угостить?

Беверли он не понравился, показался ей слишком высокомерным, слишком самоуверенным. Хотя и говорил вежливо, она сочла его поведение оскорбительным. Беверли посмотрела на Эдуардо, который выглядел гораздо более воспитанным. Эдуардо улыбнулся ей. Вежливая, слегка извиняющаяся улыбка. И Беверли улыбнулась в ответ. Потом повернулась к Симоне, чтобы решить, как им себя вести, но, к ее удивлению, Симона уже флиртвала с Хорхе. Выражение ее лица ясно показывало, что *она* собирается делать. Это не вызывало сомнения.

— О, да, — выдохнула Симона голосом, которого Беверли не узнала. — Присаживайтесь. Как чудесно! Вы просто спасли нас. Правда, Беверли?

Беверли захотелось вlepить ей пощечину. Хорхе поймал сердитый взгляд Беверли и победно ухмыльнулся, плюхаясь на стул напротив Симоны и доставая сигарету из золотого портсигара. Первый раунд он выиграл, говорила ухмылка, и Беверли уже ничего не могла

поделать. Беверли начала искать способ уйти, но куда ей идти? Перейти через улицу в «Континенталь-Хилтон» и поужинать одной?

Ей не хотелось ужинать в одиночестве, нужна была компания, так что, может, ничего страшного в этом случае нет? Да и что она знает о нравах в Мексике? К тому же мужчины хорошо одеты, образованны, раз говорят по-английски, они из очень приличных семей. Так что можно рассчитывать, что они будут хорошо себя вести.

— Меня зовут Беверли Нортроп, — сухо сказала она Эдуардо, который сел напротив. — Можно еще один коктейль с текилой?

Три коктейля спустя Беверли стало легче. Как и всем за столом. Симона, не привыкшая к крепким напиткам, была вне себя и держалась за руки с Хорхе под столом. Хорхе и Эдуардо пили виски, которое в Мексике стоил бешеные деньги. Эдуардо расслабился, а Хорхе напряженно смотрел в глаза Симоны и нахваливал красивые ресницы.

— Это новые, — хихикнула она. — Я купила их в «Бергдорфе».

Мужчины не поняли ее и решили, что это какая-то шутка. Они рассмеялись над забавными причудами американок.

Ах, эти американские женщины! — Хорхе послал им воздушный поцелуй. — Я пью за удивительных американок! *Bellicima!*

Появились долгожданные музыканты и во всю мощь заиграли душещипательную испанскую мелодию.

«*Jamas jamas jamas*, — стонал красивый певец в микрофон, — *Si quire separar, jamas jamas jamas*».

Мужчины повели их ужинать в ресторан, отделанный деревом и керамикой, на столе стояли цветы. Беверли села с Эдуардо, а Симона с Хорхе, но громкая музыка не позволяла разговаривать. Им приходилось шептать слова на ухо друг другу, а такой интимности Беверли не хотела, и она думала, что братья специально выбрали этот ресторан, хотя должна была признать, что еда восхитительна. Заказывали Эдуардо и Хорхе.

Сначала были пирожки с цыпленком, потом суп с авокадо, жареный ягненок, на десерт — дыня с ромом, апельсиновый сок. Беверли вспомнила, что нарушила диету военнопленного, и поклялась все исправить на следующий день. Ди-Ди много рассказывала ей о диете.

— Ты продолжаешь голодать, — поясняла Ди-Ди, — и воображаешь себя военнопленной. Все просто и очень помогает.

— Если можешь вообразить себя военнопленной, — с сомнением сказала Беверли.

Когда подали кофе, Хорхе поцеловал Симону в губы, а она страстно обняла его и ответила поцелуем. Беверли вспыхнула.

— Кажется, она напилась, — сказала Беверли Эдуардо. — Обычно она очень застенчивая.

— А вы? — соблазнительно улыбнулся Эдуардо. — Вы тоже застенчивая?

— Нет, но я замужем, — предупредила она.

Ей даже показалось, что она переусердствовала. Лицо Эдуардо помрачнело.

— Замужем? Понятно. А ваш муж... Где он?

— В Нью-Йорке, — не задумываясь, ответила Беверли.

В ту же секунду по выражению его лица поняла, что промахнулась.

— Так это далеко отсюда. Нью-Йорк.

Он рассмеялся так, будто ему удалось спасти свою жизнь от гнева мужа. Вместе с тем

его настороженность исчезла, взгляд стал более значительным. Внезапно он прижался губами к ее волосам и прошептал:

— Ты такая красивая, такая красивая.

Перемена в его поведении была столь разительной, что Беверли пришла в голову сумасбродная мысль: он что, раньше думал, что она девственница, а теперь узнал, что нет?

Она так давно была девственницей и так давно не встречала девственниц, что само это слово казалось ей древним, но в стране сурового католицизма, Мексике, должно быть много нетронутых девушек из хороших семей. Кроме того, мексиканскому мужчине должно показаться странным, что женщина отдыхает без мужа. Здесь это, наверное, неслыханное дело. Она могла проследить ход его мыслей: замужняя женщина, сексуально опытная, одна, ко всему готова, а муж в трех тысячах миль отсюда.

После ужина они отправились на танцы в клуб «Хакаранда», в котором было так темно, что они едва видели друг друга. Возможно, от выпитой текилы, возможно, из-за покрова темноты Беверли начала расслабляться. Напряжение спадало, ее меньше волновало, что Эдуардо думает о ней. Он думает, что она приехала развлечься. А разве не так? Разве не для этого она приехала в Мексику? Да, отчасти, нет, нет, не для этого. Она убежала от Питера, чтобы подумать, повидать людей, которых никогда не встретит в Гарден-Сити, а не для того, чтобы найти любовника (неужто нет? — дразнил внутренний голос).

— Вам хорошо? — спросил Эдуардо после окончания танца.

Беверли была благодарна своей пятилетней дочери за то, что та научила ее танцевать популярные и в Мексике танцы.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответила она.

И тут заметила, что пьяно склонилась на плечо Эдуардо. Ну и что, спросила она себя. Что в этом плохого? Неужели никогда не избавиться от моральных предрассудков? Для Симоны они явно не имели, никакого значения, потому что она вернулась к столику в обнимку с Хорхе.

Беверли восхищалась Симоной и завидовала ей, она хотела бы поменяться с ней местами... Ну, ненадолго. Симона не разрывалась между добром и злом, долгом и безответственностью. Она наслаждалась мгновением. Беверли хотелось того же. Больше всего на свете ей хотелось быть желанной. Она так долго мечтала об этом, и теперь ее желание сбывалось. Восхищенное внимание Эдуардо не оставляло сомнений, что стоит ей сказать слово, как в ее тусклой жизни раскроется новая, яркая страница.

Сказать это слово? Как это сделать? Беверли была замужем уже восемь лет и за это время даже не взглянула на другого мужчину (почему? — горько спрашивала она сейчас), и поэтому у нее не было опыта. Как будто хочешь поехать на велосипеде после долгого перерыва: вроде бы все умеешь, а уверенности не хватает.

— Вы очень славный, — тихо сказала Беверли Эдуардо, который уставился на нее внимательными серо-зелеными глазами, как будто говоря, что она понятия не имеет, *насколько* он славный, но может не волноваться, скоро он ей все покажет.

— А вы более чем славная, вы удивительная красавица, — откликнулся Эдуардо и наклонился поцеловать ее в мягкое белое горло, глаза его уставились в прорезь глубокого декольте.

Все четверо оказались в номере Беверли в «Марии Кристине». Симона хотела показать танец Рима, но клуб слишком переполнен для занятий акробатикой. В номере Беверли была большая гостиная, и, несмотря на опьянение, она понимала, что это лучше, чем маленькая

спальня Симоны.

Хорхе заказал виски, лед и содовую воду, а Беверли поймала радиостанцию Лос-Анджелеса на транзисторе. Симона принялась скакать и летать по комнате. Эдуардо и Хорхе одобрительно аплодировали и свистели, а когда она особенно эффектно прыгнула, они вскочили и восторженно закричали.

Закончив танец, Симона на одном дыхании выпила бокал виски с содовой, который ей вручил Хорхе. Затем Хорхе переключил приемник на местную станцию, и комнату заполнила обволакивающая мелодия танго. Они с Симоной начали медленно двигаться.

— Потанцуем? — склонился над Беверли Эдуардо.

Мелко дрожа, она позволила прижать себя к маленькому телу. Он твердо вел Беверли в ритме танго, едва не касаясь губами ее уха, а она не могла не вспомнить фильм, в котором Кэрол Ломбард танцует страстное танго с Джорджем Рафтом, который играл кубинского танцора из ночного клуба.

— Чем вы занимаетесь? — спросила она, когда они скользили по комнате.

— Я архитектор, — прошептал он.

— А Хорхе?

— Он работает в «Дюпон». Но зачем говорить об этом сейчас?

— Я же продукт капиталистического общества, — прошептала она в ответ.

И только когда танец закончился, Беверли заметила, что Симона и Хорхе удалились в спальню. Она со смущением слышала приглушенные голоса и знакомые звуки, доносившиеся из-за закрытой двери.

— Ну-ка, стойте! — начала Беверли голосом полиции нравов.

Больше ей ничего не удалось сказать, потому что Эдуардо страстно впился ей в губы. Ее давно так не целовали, поэтому потом не могла понять, почему она ему ответила: от неожиданности или от страсти (или от того и другого вместе). Беверли чувствовала обвивающие ее мужские руки, тепло его тела, которое расплавляло ее и давало давно утраченное ощущение собственной силы.

Не сила сопротивления, а сила влечения вдохновляла и возбуждала ее, Губы Эдуардо скользнули от губ к горлу и дальше — к груди. Беверли обезумела, когда он рукой сжал вздымающуюся грудь. Ей показалось, что она теряет сознание. Не убирая руки, он снова поцеловал ее в шею, взъерошил волосы и начал целовать ухо.

Потом уложил ее на софу, снял туфли, отстегнул чулки. Он целовал ее длинные белые ноги с таким неистовством, что она даже испугалась. Нашел молнию на спине платья и расстегнул ее. Черное платье соскользнуло, как старая кожа со змеи, открывая гладкую новую кожу, покрытую только лифчиком и короткой черной рубашкой.

Волосы у Беверли перепутались. Вид у нее был диковатым. Глаза Эдуардо сверкали от восхищения.

— Обожаю рыжих, — прохрипел он.

И в эту минуту зазвонил телефон. Эдуардо попытался удержать ее, и какую-то секунду Беверли колебалась, ей хотелось, чтобы телефон замолчал, чтобы она снова утонула в море желаний, пропитавшего ее до мозга костей. Звонить мог только один человек — Питер, а она так долго подчинялась его требованиям, что не могла взбунтоваться из-за какого-то незнакомца.

— Мне нужно, — сказала Беверли и на трясущихся ногах побрела к телефону.

— Дорогая, все нормально? — спросил Питер. — У тебя странный голос.

— Все нормально. — Она откинула волосы со лба и пыталась успокоить дыхание. —

Как ты, дорогой? Как дети?

— Мы скучаем по тебе, но держимся, — искренним веселым тоном ответил он.

Разве возможно, чтобы он скучал по ней сейчас, когда она вне пределов досягаемости? Беверли хотела в это поверить, но сомнения не исчезали. Было ощущение, что он старательно *изображает* тоску, играя роль заботливого мужа.

Она взглянула на часы. В Нью-Йорке начало одиннадцатого.

— Ты дома, дорогой? — спросила она.

— Да, конечно. Где же мне быть?

— Я просто спросила. Дети спят?

— Давно уже. Передавали тебе привет. Как ты долетела?

— Без происшествий.

В другом конце комнаты с ноги на ногу переминался Эдуардо и ждал, когда она закончит разговор и вернется к нему, чтобы продолжить прерванное занятие. Беверли раздражало, что она полураздета. У нее было чувство, что Питер может все увидеть по телефону. Она знала, что это невозможно, но это ничего не меняло. И поняла, что, хотя может быть, кем захочет, все равно останется той же самой Беверли, привязанной к мужу, детям и моральному долгу. Она не знала, заплакать ей или рассмеяться.

— Я позвоню тебе завтра, — сказала Беверли. — Поцелуй детей. И проверь, чтобы Питеру-младшему давали десерт только после того, как он доест все остальное. Ты же его знаешь.

— Да, дорогая, — ответил Питер. — Спокойной ночи, любимая.

— Спокойной ночи.

Беверли повернулась к изнывающему от нетерпения Эдуардо. Изумленными глазами он смотрел, как она спокойно подняла платье с пола, надела его и застегнулась.

— Что ты делаешь? — рванулся он к ней.

— Одеваюсь.

— Одеваешься? Я не понимаю... Я думал... Ты же была...

Ей было жаль его, жаль себя. Жаль, жаль, жаль. Кажется, это самое частое чувство у нее. Когда она перестанет всех жалеть? Перед внутренним взором возник образ Ди-Ди. Перед самоубийством она написала прощальную записку из трех слов: «*Пожалуйста, простите меня*».

— Пожалуйста, прости меня, — сказала Беверли обезумевшему Эдуардо. — Я тебя понимаю. Ты ненавидишь меня, но я ничего не могу с собой поделать. Надо было мне подумать сразу. Я должна была знать, что не справлюсь с собой.

Он грубо схватил ее за плечи.

— Ты сама не понимаешь, что несешь. Нельзя же меня просто отбросить. Я мужчина, а не школьник. А ты, ты женщина, так ведь? Чувственная, страстная женщина. Что случилось? Скажи!

Беверли в отчаянии пожала плечами.

— Я говорила с мужем...

— Мужем, — презрительно ответил Эдуардо. — Он далеко, очень далеко отсюда, а я рядом. При чем здесь твой муж? Или моя жена? Только ты и я.

Ей не приходило в голову, что он может быть женат. А теперь прямо сказал, как будто нет ничего естественнее, чем то, что у него жена и, конечно же, дети. Беверли восхитилась

его простотой. Ей тоже хотелось быть попроще, хотелось бы броситься к нему в объятия, она мечтала, чтобы он сорвал с нее одежду, напал на нее. Беверли мечтала лежать под ним. Она хотела, чтобы он потушил охватившее ее пламя. Но, к сожалению, знала, что примет холодный душ и ей будут сниться кошмары. Она никогда не была так противна себе самой, как сейчас.

— Извини, — сказала Беверли, почувствовав дикую усталость, — но тебе надо уйти.

Потом вспомнила о Симоне и Хорхе.

— И забирай брата с собой, — добавила она, думая, что Хорхе, наверное, тоже женат.

— Как я могу его забрать? — спросил Эдуардо. — Он же *там*.

— Именно. Он в моей спальне, а я хочу спать. Постучи в дверь и скажи, что уходишь.

Это не так уж сложно.

Эдуардо смотрел на нее, как на сумасшедшую.

— Я тебя не понимаю, — сказал он наконец. — Ты и впрямь думаешь, что я прерву мужчину в такой момент? Ты думаешь, что я настолько жесток? И бессердечен?

Страсть против ее истерики.

— Тогда я сама, — сказала она.

Он схватил ее руку.

— Нет. Нельзя. Невозможно.

— Нельзя? Ты так считаешь? Нельзя? Посмотрим!

И прежде чем он сумел схватить ее, она влетела в спальню. Свет, падавший из-за спины, осветил две переплывшиеся фигуры на кровати (*моей* кровати, злобно подумала Беверли), которые так увлеклись своим делом, что даже не заметили, как в комнату вошли. Симона обвила ногами шею Хорхе, ее розовый педикюр тускло мерцал в падающем на кровать луче света. Хорхе работал как бешеный, похоже было, что он вот-вот пересечет финишную ленту. Беверли видела капельки пота на его спине, чувствовала влажно-горячий запах тела.

Она окаменела и тут же услышала звуки сдавленного голоса.

— *Me voy*, — кричал он. — *Me voy*.

Казалось, сама кровать победно заскакала в сумраке беззвездной ночи. Наконец она остановилась, когда Хорхе отвалился от мокрого изогнутого тела Симоны. И только сейчас эти двое удивленно подняли глаза и увидели в дверях Беверли и Эдуардо. Симона хихикнула и натянула на себя одеяло, а Хорхе, ухмыляясь, распростерся во всей своей красе. Не обращая внимания на брата, он обратился к Беверли:

— Значит, любишь смотреть, как другие трахаются? Вот что тебе нравится, да? Может, в другой раз мы пригласим и тебя присоединиться к нам. Тебе это тоже нравится?

Потрясенная словами Хорхе, его обнаженным телом, сценой, которую только что видела, актом, который едва не совершила с Эдуардо, Беверли отступила назад. Надо бежать. Сумочка Симоны лежала на кофейном столике, она схватила ее и трясущимися руками начала искать ключ от номера Симоны. Не произнеся ни слова, пронеслась мимо ошеломленного Эдуардо, выбежала в коридор, едва не грохнувшись на навощенном полу. В висках запульсировало, а во рту появился знакомый кислый привкус.

Ей надо вернуться к себе и взять таблетки, но она не переступит порог своего номера, лучше уж умереть от боли. И лучше побежать по лестнице, чем ждать лифт. Она помчалась по винтовой лестнице в номер 412, где рухнула на нерасстеленную кровать Симоны, и ее обмыли дикие волны разыгравшейся мигрени.

Впервые в жизни Беверли и не пыталась с ними бороться. Проще мучиться. Приятнее.

Ей удалось пережить ночь, то истекая потом, то дрожа от холода, и это подчинение приливам и отливам боли к утру излечило ее. Истощение — да, но и исцеление. В десять она позвонила Симоне, которая ответила бодрым, веселым голосом.

— Знаешь что? — сказала Симона. — Я трахнула и Эдуардо. Но Хорхе мне больше понравился.

Утомление не дало Беверли впасть в шок.

— Да?

— Да. Два брата за одну ночь. Шустро.

— Наверное. Давай пойдем завтракать, и ты мне обо всем расскажешь.

Через несколько минут они вышли на проспект Реформы и вдохнули свежий морозный утренний воздух. Симона надела твидовый костюм и повязала шарф. Беверли поверх шерстяного платья надела замшевое пальто.

— Чудный воздух, — сказала Симона. — Такой чистый. Я о таком уж и позабыла.

Как и о чистой жизни, подумала Беверли, удивляясь невинной радости Симоны после того, что та вытворяла ночью. Все французы — настоящие декаденты, решила она, грех у них в крови.

Они миновали отель «Континенталь-Хилтон», сверкающую крепость для американских туристов. Мальчик на углу попытался всучить им лотерейные билеты, а когда они отрицательно покачали головами, он побежал за ними, тараторя по-испански и возбужденно потрясая пачкой билетов.

— Вам повезет! — в отчаянии закричал он им вслед, и тощая фигурка в рваной кожаной куртке осталась позади.

В ресторане Симона заказала яичницу с ветчиной и какао.

— Я прожорлива, — призналась она.

Беверли лукаво глянула на нее, вспомнила о диете и заказала половинку грейпфрута и кофе.

— Как это произошло? — спросила она.

— Что?

— С Эдуардо.

— Ах, *это*, — пожала плечами Симона. — Не знаю. Хорхе оделся и ушел. Кажется, я заснула. А когда очнулась, Эдуардо уже был в постели.

— Ты не сопротивлялась?

— Нет. А с каких дел? — шаловливо улыбнулась Симона. — У меня было подходящее настроение.

Беверли отрезала кусочек грейпфрута.

— Надеюсь, у тебя не очень часто такое настроение? Для твоего же блага.

— Не говори глупостей. Я чудно провела время. У Хорхе больше, чем у Эдуардо, но Эдуардо искуснее. Любишь физиологические детали? Я их обожаю.

Полный разврат, подумала Беверли. Ни стыда, ни совести. Ничего.

— А как же тот парень в Нью-Йорке? Ты же по нему с ума сходишь. Роберт. Тебя при мысли о нем не мучает совесть?

Симона проглотила кусок яичницы.

— Нет. А с каких дел?

— Меня бы мучило чувство вины за измену.

Симона расхохоталась.

— *Измену?*

— Да. Что в этом смешного?

— Я смотрю на это иначе.

— Как?

— Ну, если хочешь знать, — начала объяснять Симона, неожиданно став серьезной. — Я считаю, что не важно, изменяю я Роберту или нет, потому что все равно не кончаю. Теперь поняла?

— Нет, — ответила Беверли, — не поняла.

Позднее, когда они пошли покупать шелковые косынки для себя и подарки родным и знакомым, Беверли решила, что Симона ее разыгрывает.

Когда через две недели Беверли и Симона прилетели в Нью-Йорк, то пообещали друг другу вскоре встретиться. Беверли сказала, что, может, Симона как-нибудь выберется на уик-энд в Гарден-Сити, и они пообедают в загородном клубе. Симона предложила, что, если Беверли окажется в городе в рабочие дни, она может позвонить в магазин, и они пообедают где-нибудь поблизости.

Ни одна из них не верила этим словам и не очень об этом сожалела. Из их краткого пребывания в Мексике каждая вынесла впечатление, что живут они в разных мирах, и, хотя обе были не удовлетворены своей жизнью, жизнь другой казалась еще более отвратительной.

— Надеюсь, у вас с Робертом все наладится, — сказала Беверли на прощание.

— И у тебя с мужем тоже, — откликнулась Симона, которая под страхом смерти не вспомнила бы его имени.

Они обменялись дежурными поцелуями и помахали рукой на прощание. Через минуту Беверли напрочь забыла о существовании Симоны. Симона была сном, как и Мексика. Реальность была в замке в Гарден-Сити, и она затрепетала, когда называла адрес таксисту.

Дома Беверли ждало два сюрприза. За время ее отсутствия Питер-младший начал заикаться, а Питер-старший купил еще одного попугая, которого научил кричать: «Счастливые дни вернулись». Беверли ощущала, что между заикающимся ребенком и двумя орущими птицами существует какая-то зловещая связь.

— Почему мы не можем жить, как все нормальные люди? — спросила Беверли мужа. — Почему не завести собаку или сиамского кота? Зачем нам эти проклятые птицы?

— Потому что мы не нормальные люди, дорогая, — презрительно ответил он. — Мы, слава Богу, выше их.

— Я — нет, — сказала Беверли, — и твой сын тоже. Доктор Спок пишет, что мальчики от двух до трех лет часто заикаются. И все же я волнуюсь. Вдруг он от этого не избавится?

— Надо было подумать об этом до поездки в Мексику. Тебе не приходило в голову, что детям нужно, чтобы ты была рядом?

— Ты *меня* обвиняешь в его заикании?

— Нет, но полагаю, что такая возможность есть.

Она бы убила Питера за эти слова (у нее и так было сильное чувство вины), к тому же доктор Спок утверждает, что заикание часто вызывается тем, что он называет «возбуждением от одиночества». Согласно его мыслям, нельзя надолго покидать ребенка и надо обеспечить ему контакт с другими детьми. Главное — не пытаться исправить речь ребенка, от этого может стать еще хуже.

До сих пор Питер-младший несколько раз в неделю играл с маленьким соседским мальчиком. Это было очень удобно, но сейчас Беверли усомнилась в том, что ее сыну

нравится малыш. Когда она прямо спросила об этом, сын ответил:

— О-о-о-н в-в-воняет.

К несчастью, Питер-младший был слишком мал, чтобы ходить в садик, нужно было ждать еще полгода, так что. Беверли обзвонила всех матерей по соседству, у которых были дети примерно такого же возраста. Это было хлопотно, но стоило того, потому что ей удалось составить расписание игр для сына. Встречи были каждый день в разных домах.

День приема детишек у Беверли пришелся на субботу. В первый раз, когда они собрались, у нее началась мигрень. Во вторую субботу она решила уехать в город и переложить на плечи Питера заботу о детях. Питер назвал ее безответственной, но она сказала, что не имеет значения, кто из родителей присутствует. Важно терапевтическое значение самой игры.

— Кроме того, дорогой, — отметила Беверли, — если ты устанешь, Маргарет поможет. В субботу они с Салли будут делать лепешки из бананов.

Питер ненавидел банановые лепешки.

— Здорово, — скривился он.

— Счастливые дни вернулись! — завопил новый попугай.

Музыкальная комедия, на которую пошла Беверли, была кошмарной, и она ушла во время антракта. Было четыре часа дня, когда она выходила из театра, и не знала, чем ей заняться до поезда в Гарден-Сити, который уходил в шесть тридцать одну. Если бы ей нравились магазины в Манхэттене, она бы занялась покупками, но ей претила мысль очутиться в этих лабиринтах.

И Беверли вспомнила о Симоне. К счастью, записная книжка была с собой. Беверли заторопилась к телефону-автомату на углу Бродвея, думая, что интересно было бы взглянуть, как живет ее знакомая.

Вскоре она нажимала кнопку звонка в квартиру Роберта Фингерхуда на Двадцать шестой улице.

— Беверли!

— Симона!

Они обнялись, как две школьницы, которые через двадцать лет вдруг случайно встретились в Сахаре.

— Как я рада тебя видеть! — кричала Симона. — Заходи, заходи. В квартире беспорядок, но меня это перестало волновать, потому что Роберт сказал, что сам Фрейд был неряхой.

Симона была в обтягивающих брюках, свободной синей рубашке с мужским белым галстуком.

— Великолепно выглядишь, — сказала Беверли, — худенькая, как всегда. Как тебе это удастся?

— Часто блюю, — ответила Симона.

Беверли не знала, стоит ли относиться серьезно к этому признанию. Симона озадачивала ее. Она правду говорила в Мексико-Сити о том, что не может кончить? Когда они поехали в Пуэрто-Валларту понежиться под солнышком, Беверли хотела переспросить, но духу не хватило. Не потому, что боялась обидеть Симону из-за своей настырности. Она не переспросила потому, что боялась услышать, что это правда.

— Шикарно смотришься, — искренне сказала Симона, оглядев шерстяной костюм и почувствовав запах «Шанели».

Беверли прошла за ней в пещеру в мексиканском стиле, где в гамаке лежал Роберт и читал книгу «Творчество и патология». Он взглянул на вошедшую Беверли и снял очки для чтения.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Роберт, когда Симона их представила. — Симона много о вас рассказывала после возвращения из Мексики.

Беверли представления не имела о том, что Симона могла рассказать о ней, разве что о ее чопорности и неприятии ситуаций, которые ей самой нравились. Как в случае с Эдуардо и Хорхе. Даже после возвращения в Нью-Йорк Беверли испытывала смешанные чувства по отношению к тому дикому вечеру. Иногда она вспоминала, как разговаривает по телефону с Питером, а на ней только лифчик и рубашка, и вспыхивала от стыда, а потом ненавидела себя за то, что не позволила Эдуардо дойти до конца.

— Интересное местечко, — сказала Беверли, с любопытством оглядываясь. — Никогда такого не видала. Как будто в джунгли попала.

Роберт вылез из гамака. Он выше Питера, подумала Беверли, у него широкие плечи. На нем были выцветшие джинсы с широким кожаным поясом, полосатая рубашка, волосы взъерошены. Она не осмеливалась внимательно рассмотреть, но ощутила, что у него эрекция, и содрогнулась от прилива жгучего желания.

«Знаете, — хотела сказать Беверли, — я не такая чопорная, как могу показаться, я, наверное, могу сделать все, что можете вы, и даже больше. Спорю, что смогла бы кое-чему вас научить».

— Можно предложить вам выпить? — спросил он.

— Да, с удовольствием. — Она не могла взглянуть ему в глаза. — Виски, пожалуйста.

Беверли бросила свою диету военнопленного после возвращения в Нью-Йорк, особенно в части напитков. Она просто не могла остановиться. Чем больше пила, тем больше ей хотелось, и, к несчастью, могла выпить очень много. Почти все уже лежали под столом, а она ни в одном глазу. Какой смысл пить, думала Беверли, если остаешься трезвой? Может, когда уйдет от Питера, то не будет так много пить? Ей нравилось обвинять его во всех грехах, но если она уйдет и не бросит пить, кого тогда ей винить?

— Причина, почему ты пьешь, — сказала ей Симона на пляже в Пуэрто-Валларта, — в том, что ты Рыба. Рыбы — это водный знак, и рожденные под ним люди пьют все подряд.

Беверли считала, что это полная чушь, но вдруг в этом есть зерно истины? Если это правда, тогда она может обвинить звезды, а это даже лучше, чем обвинять Питера. Более солидно, более научно.

Роберт доставал лед на кухне, девушки слышали позвякивание кубиков.

— Он очень симпатичный, — прошептала Беверли и кивнула в сторону кухни. — Как идут дела?

— Он мил со мной, очень мил, — пожала плечами Симона. — Мы сейчас не ссоримся, но это еще хуже. Мы живем в молчании.

— А у меня жизнь стала получше, — сказала Беверли, думая о Питере-младшем и двух попугаях.

— Ты все еще подумываешь о разводе? — спросила Симона.

— Постоянно, но это трудное решение. Ведь дети такие маленькие.

На самом деле ей хотелось сказать: «Я не хочу разводиться. Я люблю своего мужа».

Если бы только Питер любил ее, как прежде. Знать бы только, какие совершить поступки, чтобы он снова ее полюбил. Она сделала бы все мыслимое, кроме связи с другим

мужчиной. Что, если она переспит с другим, а Питер не будет ревновать? Что тогда? По крайней мере, она получит удовольствие, об этом стоит подумать. И по возвращении из Мексики Беверли много об этом думала. За семнадцать дней после приезда они с Питером один раз занимались любовью, и это было не слишком интересно. Он тупо и механически двигался, как будто отбывал трудовую повинность. И поэтому оргазм у нее был такой слабый, что она его почти не заметила, а на следующий день ее жутко тошнило.

Такое чувство у нее было в юности, когда она жила в Солт Лейк Сити и обнималась с мальчиками в машинах, но не позволяла зайти дальше. На следующее утро живот неизменно болел, и приходилось принимать ледяной душ, чтобы прийти в себя. А потом наступало самое ужасное: нужно было спуститься к завтраку и предстать под пронизывающим взглядом матери, который отражал еще одну великолепно проведенную ночь. В таких случаях глаза у матери приобретали специфическое выражение, они становились затуманенными. Беверли часто думала, какая сексуальная жизнь была у матери после смерти отца четыре года тому назад. У нее есть любовник? Или ей теперь это не нужно? Ей пятьдесят два. Секс уже не нужен? Беверли ощущала, что это не так. Во всяком случае, когда ей будет пятьдесят два, то так не будет. Как это жить и не заниматься сексом? Это невозможно, это же чистая смерть. Нет. Даже хуже.

Когда Роберт вернулся из кухни, Беверли отметила, что ее виски слабо разбавлено. Симона уже рассказала, что она алкоголичка?

— Спасибо, — сказала она, затрепетав от соприкосновения рук.

Беверли не могла понять, это именно Роберт Фингерхуд так на нее действует или в столь невыносимый момент ее жизни подошел бы любой приемлемый мужчина. Она знала, что пришла к критической точке, потому что на прошлой неделе кончила во сне. Этого не случилось с ней со времен девственности, восемь миллионов лет тому назад в Солт Лейк Сити.

Роберт включил проигрыватель, и они начали светскую беседу. Спектакль, с которого ушла Беверли, ее мнение о Мексико-Сити и мнение Симоны, чучело совы над гамаком, два орущих попугая в музыкальной комнате Беверли и, наконец, зачем Беверли спешить на поезд.

— Меня ждут, — сказала она.

— А нельзя позвонить и сказать, что вы приедете позже? — спросил Роберт. — Почему бы не поужинать с нами? У меня в плите баранья нога.

— Нет, — неуверенно ответила она. — Я не могу. Правда. Мне надо домой. Спасибо. В другой раз.

Его слова о бараньей ноге поразили ее, поскольку Питер на кухне был беспомощен, он даже яйца не умел варить, не говоря уж о яичнице. Она удивилась, почему Роберт готовит ужин. Может, ему нравится это делать по выходным? Беверли никогда не приходило в голову, что Симона не умеет готовить так же, как не может достичь оргазма.

— Да, обязательно приходи к нам, — искренно пригласила Симона. — Мы будем очень рады. Мы с Робертом раздражаем друг друга. Правда, Роберт?

— Невероятно. — Он бросил на нее уничтожающий взгляд.

Беверли поняла, что после ее ухода разразится гроза. За восемь лет замужества она научилась улавливать симптомы и в миллионный раз подумала, что никто, никогда и нигде не счастлив.

— Раздражение — это точное слово, — прошептала Симона, провожая Беверли к двери.

Есть такие тяжелые периоды в жизни, что, вспоминая их много позже, мы удивляемся, как нам удалось их пережить. Именно об этом думала Беверли, когда через пять дней ей позвонил Роберт Фингерхуд и пригласил поужинать сегодня вечером.

— Симона вчера выехала, — добавил он, как бы вспомнив в последнюю секунду.

Как долго я ждала этого момента, мелькнуло в сознании Беверли. Недавняя серость ее существования, ощущение, будто ты уже умер, исчезли. Она неожиданно ожила, сердце застучало, кровь забурлила, когда Беверли мысленно выбирала, что ей сейчас надеть.

— Куда Симона выехала? — «Розовое шерстяное платье. Нет. Зеленое».

— На старую квартиру на Пятьдесят седьмой.

— Понимаю. — «Зеленое все-таки тесновато. Но надо примерить».

— Разрыв давно назревал, — продолжал Роберт, — и наконец произошел. К счастью. Какой смысл жить с человеком, с которым не можешь разговаривать?

— Никакого, — автоматически ответила Беверли. — А как Симона приняла это? Очень расстроилась?

— Только сначала, когда я сказал, что ей, наверное, будет лучше, если она вернется на старую квартиру. Симона быстро все поняла. Ни слез, ни сцен.

И никакой жалости к Симоне? Беверли не могла в это поверить и подозревала, что Роберт сам себя обманывает, уходя от чувства вины, но через секунду решила, что это не ее дело. Симона — всего лишь ее знакомая, даже не приятельница, она ей ничего не должна. И, полностью все понимая, сказала, что приедет к нему в семь вечера.

— Когда увидимся, ты должен дать мне телефон Симоны, — попросила она перед тем, как повесить трубку. — Надеюсь, у бедняжки все в порядке.

К счастью, Питер ужинал в городе с Тони Эллиотом и брокером с Уолл-стрит и сообщил, что вернется домой поздно. Беверли сказала Маргарет, что на весь вечер уедет в Нью-Йорк навестить Симону.

— Что хуже мокрых собак и котов? — спросила Салли, когда мать целовала ее на прощание.

— Понятия не имею.

— Мокрые такси.

Беверли надела плащ поверх зеленого шерстяного платья (оно вовсе не было узким) и пошла выводить из гаража машину. Глянув на пустое место рядом с «мерседесом», она решила, что их «бьюик» украли и уже раскрыла рот в безмолвном крике. Но тут же вспомнила, что Питер поехал на нем в город, потому что не успел бы на поезд. Как глупо, что она забыла об этом. Но он ведь почти всегда ездил на работу поездом. Она привыкла к этому. Это практичнее, объяснял он. К тому же Питер не любил водить машину.

А Беверли обожала сидеть за рулем. Она любила машины почти так же, как спиртное, и мечтала, чтобы можно было пить и вести машину одновременно, расслабляясь вдвойне. Когда Беверли сказала об этом Питеру, он ответил, что если попробует это сделать, то может оказаться вдвойне мертвой.

— Я же пошутила, — огрызнулась она.

Он же понимает, что я шучу, думала Беверли, выводя машину. Питер знал, что она очень осторожный водитель. Но он не мог упустить случая позлорадничать.

— Включите фары, леди! — прокричал проезжавший водитель.

К своему стыду, Беверли поняла, что забыла это сделать. И все из-за Питера. Он

медленно, но уверенно уничтожает ее.

Когда через двадцать семь минут она подъехала к транспортной развязке, то чувствовала себя гораздо лучше. Где-то поблизости ее ждет Роберт Фингерхуд. Он будет с ней нежен, и настроение у нее улучшится.

— Были проблемы с парковкой? — спросил Роберт, снимая с нее плащ.

— Я поставила машину в гараж в квартале отсюда.

— Я должен был сказать, что здесь легко припарковаться. Не надо было бы тратить деньги.

— Это не важно.

Беверли видела свободные места, но не оставила машину на улице из боязни, что ее ограбят. Она много слышала об ужасах, которые творятся на темных сторонах улиц Манхэттена, а Роберт Фингерхуд жил как раз на темной стороне. Когда Беверли приходила в субботу навещать Симону, было еще светло, и улица с ее маленькими магазинчиками и армянскими ресторанчиками выглядела очень уютно, но сегодня вечером все выглядело иначе. Когда она шла от гаража к дому Роберта, ей всюду мерещилась опасность, а в лифте у нее было предчувствие, что сейчас ворвется какой-нибудь сумасшедший и изнасилует ее.

В глубине квартиры мягко зазвенел телефон, но Роберт даже не шелохнулся. Когда телефон замолчал, он сказал:

— Наверное, это моя мать. Она звонит раз в неделю и спрашивает, не надумал ли жениться. Очень мечтает стать бабушкой.

— Надо было ответить ей, — сказала Беверли, проходя в маленькие джунгли.

— Зачем? Признаться, что я еще не завел семьи? Меня это утомляет.

Вечером гостиная еще больше напоминала пещеру. Тени играли на потолке и стенах. Горели вполнакала две лампы в форме тыкв, и две пышные пальмы влажно мерцали за гамаком. Шкуры ягуаров на стене усиливали эффект. Беверли даже вздрогнула от восхищения.

— Когда она звонила в последний раз, — продолжал Роберт, — то спросила, не гомосексуалист ли я.

— Что ты ответил?

— Очень хотелось сказать «да», чтобы отстала, но струсил. Я вынужден был признаться, что это не моя проблема, и она расстроилась еще больше. Бог знает, какая идея сейчас взбрела ей в голову.

Беверли хотелось, чтобы он прекратил болтать о матери и занялся делом. Ей надо будет возвращаться домой, или он забыл об этой маленькой детали?

— Что-то в этой комнате... — начала она, пытаясь сменить тему.

— Да?

Беверли медленно обвела комнату взглядом и уставилась на зеленый пушистый ковер на полу.

— Что-то совращающее...

— Ну-ну?

— Мой муж считает, что внутри каждой цивилизованной женщины живет дикарка, которая хочет вырваться наружу. А ты как считаешь?

Он мягко взял ее за плечи, мгновенно позабыв о матери.

— Можно сказать, что часть моей жизни построена на этой предпосылке. Как насчет глотка шампанского?

— С удовольствием.

Ей захотелось выпить французское шампанское в мексиканской пещере. Настоящее декадентство. Она ощутила, как дернулся клитор, и подняла бокал. Они с Робертом стояли лицом друг к другу, и он сказал:

— Хорошо, что ты высокая. Мне такие нравятся.

— Симона маленькая.

— Бывают исключения, — рассмеялся он, — но они только подтверждают правило.

Выпили великолепное шампанское, и Роберт вновь наполнил бокалы. Беверли села на низкий стул, каменное основание которого было как бы встроено в стену. Роберт сел у нее в ногах. На нем были синий пуловер, полосатые хлопковые брюки и кожаные сандалии. На этот раз темные волосы тщательно причесаны. Беверли это меньше нравилось, она хотела бы взерошить их, перепутать, зарыться в них пальцами. И вдруг заметила кнут в углу комнаты и вспомнила, как Питер душил ее ремнем в Кембридже.

— А это для чего? — спросила она, указывая на кнут.

— Для таких, как ты, мазохисток.

— Ты же не будешь бить меня? — нервно рассмеялась она.

— Если не попросишь.

— Мне встать на четвереньки?

— Если хочется.

— А как тебе хочется?

— Что? Мне — как тебе.

— А как тебе нравится заниматься любовью?

— Это зависит от партнерши.

— А как было с Симоной?

— Мы давно не занимались любовью. Из-за этого и разошлись. Симона очень суется в постели, но не понимает, что надо делать. Это очень скучно. Все нарциссисты скучны в сексе.

— Я слишком толстая, чтобы быть нарциссисткой.

— Ты впервые застеснялась.

— Но это же правда.

— Ты не толстая. Ты это хочешь услышать?

— А какая же я?

— Аппетитная.

— Жирная.

— Ты спрашивала мое мнение.

— Мой муж считает меня жирной.

— И именно поэтому ты не с ним сейчас в постели. Потому что не в восторге от его оценки.

— Некоторым мужчинам нравятся худенькие, — настаивала она, протянув пустой бокал.

— Я с этим и не спорю. Просто я не из их числа.

— Симона худенькая.

— И маленькая.

— И она тебе нравилась. Ты жил с ней.

— У нее красивая грудь.

— Я знаю. Была с ней на пляже. Я ей завидую.

Роберт поставил свой бокал на пол, протянулся, положил руки на грудь Беверли и начал ее ощупывать.

— Тебе нечего завидовать, — сказал он и начал играть с сосками, пока они не затвердели. — Абсолютно нечего.

— Я должна носить лифчик, чтобы она не отвисала.

Он убрал руки.

— Я без ума от твоего рта.

— Он слишком большой.

— Прекрасный, сочный. Я хочу поцеловать его.

— Так в чем дело?

Роберт притянул ее голову к себе так, что на животе у нее образовались складки, она обняла его за шею и слилась в бесконечном поцелуе. Когда он отпустил ее, Беверли задыхалась. Стеклянные глаза чучела совы пялились на нее из-за гамака. Нас никто не видит, сказала она себе, никто не знает, никто, кроме меня, Роберта и чучела. Можно делать что хочешь. Все.

— Давай поужинаем? — спросил Роберт. — Я купил чудное филе и хочу поджарить его.

— Может, позднее? Я еще не голодна. А вот шампанского выпила бы.

В этот момент еда ее интересовала меньше всего на свете. Еда давно ее не интересовала (отчего же она такая толстая?). Обильное питье отбило аппетит. Сегодня она выпила три двойных виски, пока писала письмо матери и заполняла счета к оплате. Беверли многие вещи считала такими утомительными и скучными, что без алкоголя не могла бы дотянуть до вечера и не понимала, как другие ухитряются это делать. Наверное, для них день был не так тосклив, у нее же один день бесцельно перетекал в другой: заполнение счетов, составление меню с Маргарет, разговоры с детьми, написание писем матери, раздумья о том, почему ее отвергает муж. Беверли пила так много, что по утрам у нее часто болели почки, и в такие дни она торжественно клялась, что не прикаснется к рюмке, но через пару часов ощущение бессмысленности жизни овладевало ею, так что, если бы не виски, она давно бы сошла с ума.

Иногда во мраке сверкали искорки здравомыслия. Порой она думала, что некоторым женщинам нужны постоянные сексуальные отношения, иначе они могут повредиться в уме. Помнишь, что случилось с Ди-Ди?

Беверли считала ее взбалмошной и глупой женщиной, но за долгие годы знакомства она все больше отождествляла себя с ней, а не, скажем, с Симоной, которая заскакивала в первую попавшуюся постель, дергалась в ней и, неудовлетворенная, вылетала прочь.

В Пуэрто-Валларта Симона сказала:

— Может, я и не получаю того, что имеют другие женщины, зато и не набираю веса. Особенно если ты сверху делаешь всю работу. В этой позе теряешь как минимум восемьсот калорий.

— Мне это не поможет, — ответила Беверли. — После секса я умираю от голода.

— Неужто? А у меня начисто пропадает аппетит.

В этом, как позднее размышляла Беверли, нет смысла. Судя по тому, что она читала на эту тему, аппетит просыпается как раз у неудовлетворенных людей. Ей хотелось не только есть, но и летать, бегать, петь, танцевать, кричать от радости. Секс пробуждал ее к жизни во всех проявлениях. А для Симоны это было просто перепихивание.

— Мы поужинаем, когда ты захочешь, — сказал Роберт. — А можно вообще не есть.

— Потом я захочу. Скорее всего.

— Куда торопиться? Я подожду.

— Правда?

— Обещаю.

— Некоторые не любят ждать.

— Некоторые любят худых женщин. Помнишь?

— Мне нужно время, — сказала она. — Я заторможенная.

— Я же сказал, что подожду.

— У тебя сильный самоконтроль.

— Я хочу, чтобы ты осталась довольна.

— Почему?

— Ты меня возбуждаешь. С первого взгляда на тебя.

— Тогда начинай.

— Сейчас?

— А почему нет?

— Встань.

Беверли так трясло, что она едва поднялась со стула. Роберт тоже встал и начал расстегивать ее платье. Пуговицы были только до талии, и платье быстро соскользнуло на пол. Беверли расстегнула сзади лифчик, и он упал поверх платья.

— Такой я тебя и представлял, — нежно сказал Роберт. — Именно такой.

Он взял ее за грудь и снова поцеловал, но на этот раз более грубо, запрокинув ей голову так, что заболела шея.

— Пошли, — сказал он. — В спальню.

— Нет. Здесь.

— Почему?

— Я так хочу. Я не хочу уходить из джунглей.

Через секунду, обнаженные, они лежали на зеленом пушистом ковре. Роберт лежал на ней. Член у него был гораздо больше, чем у Питера, и он вставил его с такой силой, что она закричала от восторга. Лицо его исказилось какой-то странной улыбкой. Беверли закрыла глаза и полностью отдалась сексу, она двигалась, потом застывала и лежала неподвижно, затем останавливался он, а она двигалась и сквозь затуманенное сознание слышала свой крик: «Убей меня, убей, меня убей!»

Она кончила первой и так сильно, что едва не умерла. Еще содрогающийся в конвульсиях труп. Затем пришел черед Роберта, он задержался в ритме урагана, а из губ раздалось только одно слово: «Убийство».

Они были настолько поглощены собою, что не услышали, как открылась входная дверь, не увидели, как вошла Симона в черном дождевике и замерла посреди комнаты. Глаза у нее застыли, и из холодной руки выскользнул ключ.

— Добрый вечер, друзья, — по-французски сказала она через секунду.

Они чуть не потеряли сознания от неожиданности, когда снизу глянули на Симону с раскрытыми от удивления ртами.

Беверли отчаянно искала, чем бы ей прикрыться, но ничего не нашла и просто перевернулась на живот, закрыв лицо руками и думая, как ей выпутаться из этой ситуации.

— Симона?! — наконец выдохнул Роберт. — Какого черта...

— Я звонила, но ты не отвечал. Я зашла за своим феном. ПАСКУДНЫЙ МЕРЗАВЕЦ!

И статуя ожила, слезы заструились по лицу Симоны, она взяла ключ и швырнула в лицо Роберту, но промазала и попала в большой белый зад Беверли.

— Ой! — вскрикнула та в ковер.

Рыдая навзрыд, Симона вылетела из квартиры и так хлопнула дверью, что чучело совы едва не слетело с подставки.

Беверли села и взглянула на Роберта.

— Меня никогда в жизни так не унижали.

Роберт озадаченно кивнул.

— Теперь я всегда буду снимать трубку, какие бы бредовые вопросы ни задавала мне мать.

— Ты знал, что у нее остался ключ?

— Я об этом не думал. Ужас какой.

— Если для нас это ужас, то каково сейчас Симоне? Уже на следующий день ты с другой женщиной, да еще *со мной!*

— Заявиться сюда без предупреждения! Не важно, звонила она мне или нет. Какая чушь! Если бы я не растерялся, то открутил бы ей голову.

— Не злись на нее. Она тебя до сих пор любит.

— Любит?! — заорал Роберт. — Ты смеешься? Она любит свой фен и накладные ресницы. Я же знаю эту французскую шлюху лучше тебя!

— Наверное.

— Завтра же сменю замок. Бог знает, сколько ключей она сделала. Этой истеричке нельзя верить.

— Может, ты сейчас поджаришь мясо? — предложила Беверли. — А я оденусь.

Она взяла одежду, сумочку и пошла в ванную приводить себя в порядок. Руки у нее тряслись, когда натягивала трусики, чулки и причесывалась. Беверли с удивлением обнаружила, что еще нет девяти часов. Невероятно, за столь короткое время произошло столько событий, что она до сих пор не могла прийти в себя. Наверное, нужно стыдиться того, что сделала, но Беверли не раскаивалась, наоборот, была довольна собой. Роберт ее хотел, и она его удовлетворила. Что в этом предосудительного? Приятно сознавать, что красивый мужчина тебя хочет. Пусть стыдно будет Симоне за то, что она так мало значила для мужчины, которого любила, раз он столь быстро нашел другую женщину. Наверное, самый большой позор для женщины, думала Беверли, что там ни говори, это когда ее не желают.

Роберт прекрасно приготовил мясо и подал к нему отличное вино.

Беверли не думала, что так голодна, сделав первый глоток. Она ничего не ела с утра, кроме половинки грейпфрута с маленькой маслиной. Беверли сказала Маргарет несколько недель тому назад, что помимо черного кофе на завтрак можно подать только стакан томатного сока или половинку грейпфрута, как предписывала диета военнопленного. Маргарет ревностно исполняла этот приказ, хотя сама весила за восемьдесят килограммов и не собиралась садиться ни на какую диету, тем более на диету военнопленного.

Вот бы видела меня сейчас Маргарет, подумала Беверли, поглощая мясо с сыром и запивая их вином. Маргарет была бы счастлива узнать, что война окончена, всех военнопленных отпустили кормиться по домам.

Только Беверли собиралась похвалить мясо, как раздался телефонный звонок. Они

нервно переглянулись.

— *Что?* — сказал он в трубку, и на лице появилось выражение крайнего недоумения. — Никуда не уходи. Будь на месте. Мы сейчас будем.

Положив трубку, он сказал:

— Симона пыталась покончить с собой.

Беверли положила вилку и вспомнила о Ди-Ди.

— Это серьезно?

— Не знаю. Она бормотала, как идиотка. Поехали.

Когда Беверли хватала сумочку и натягивала плащ, она думала, что, может быть, сегодня полнолуние, раз вечер так переполнен событиями.

Они услышали лай Чу-Чу, когда вошли в дом на Пятьдесят седьмой, и побежали на третий этаж, где жила Симона. Дверь была открыта. Они миновали холодную гостиную, лающего Чу-Чу и нашли ее в ванне за занавеской с астрологическими рисунками. Она лежала обнаженной в ванне, заполненной на несколько сантиметров. Симона свернулась, как эмбрион, лицо распухло от слез, но, если не считать легкой дрожи, выглядела подозрительно спокойной. Вода слегка розовая, а в мыльнице блестела безопасная бритва.

— Симона, — склонился над ней Роберт, — покажи мне запястья.

Симона покорно подняла руки. На запястьях были легкие порезы и засохшие капельки крови. Она сосредоточила взгляд на Беверли, но в ее глазах ничего не отразилось.

— Все будет в порядке, — сказала Беверли, размышляя, что если эта история попадет в газеты, то ее жизнь будет уничтожена.

Модель пыталась покончить жизнь самоубийством от ревности. (Двадцать человек погибли в авиакатастрофе.)

Как она сможет объяснить полиции, почему лежала голой и гостиней Роберта, когда появилась Симона? Питеру нелегко придется. Беверли захихикала, когда представила себе реакцию мужа.

— У тебя тоже крыша поехала? — сказал Роберт, взглянув на нее.

— Извини. Я совсем... — Она виновато посмотрела на Симону. — Это я по своему поводу.

В ответ Симона показала язык.

Роберт вытащил пробку из ванны и сказал, чтобы Беверли нашла что-нибудь, чтобы укрыть Симону. На нижней кровати было толстое одеяло, и Беверли взяла его, думая, что двухэтажная кровать здесь такая же, как у ее сына. Роберт вытащил Симону и завернул ее в одеяло. Зубы у Симоны стучали.

— Поищи виски на кухне, — велел Роберт.

Она отыскала полупустую бутылку абрикосового бренди. Рядом лежал нераспечатанный пакет с мексиканским ужином. Овощи с рисом. Если бы я ела такое, подумала Беверли, я бы тоже покончила с собой. Она щедро плеснула бренди в баночку из-под джема и понесла ее в спальню, где Роберт пытался одеть Симону, а Чу-Чу лаял, скулил и носился под ногами.

У Симоны был ошеломленный вид, когда Роберт уговаривал ее выпить и одеться. Через несколько минут они ехали в госпиталь Рузвельта на машине Беверли. Веселый доктор забинтовал запястья Симоны и сказал:

— Ну, девушка, больше *этого* делать не надо.

На обратном пути Роберт сказал Беверли:

— Мне, наверное, лучше побыть с ней, а ты возвращайся домой.

— Очень неприятно, — сказала Беверли.

— Ты не виновата.

— Мне все равно плохо.

Беверли подъехала к дому Симоны, и Роберт поцеловал ее в щеку.

— Будь осторожна. На сегодня хватит несчастных случаев. Завтра я тебе позвоню.

— Спокойной ночи. — Беверли хотела добавить «дорогой», но, бросив взгляд на безмолвно выходящую из машины Симону, сказала: — Спокойной ночи, Роберт.

В последующие дни у Беверли был повод для размышлений.

Во-первых, она не такая слабая и беспомощная, как сама думала. Раньше Беверли сказала бы, что Ди-Ди и Симона сильнее ее, жизнеспособнее, они лучше справляются с трудностями, но, когда возникли проблемы, Ди-Ди покончила с собой, а Симона предприняла такую попытку (ха-ха!).

Во-вторых, как бы плохо ни складывались дела, она не покончит с собой (лучше умереть, чем сделать это, сказала она себе, наслаждаясь черным юмором). Может, она толстая, может, слишком пьет, страдает от мигрени, но не самоубийца. Эти мысли утешили. Пришли новые силы.

В-третьих, у нее появилось мрачное чувство юмора, которого она раньше в себе не замечала.

Беверли понимала, что подобные мысли были вариациями на одну и ту же тему: самоутверждение, и она была крайне довольна этим. Может, ее случай не такой уж и безнадежный, может, ей как-то удастся наладить свою жизнь, устроиться в мире. Поездка в Мексику, как она теперь понимала, была первым прорывом кокона, в котором жила. Что же дальше?

Ответ получила быстро, когда начала встречаться с Робертом Фингерхудом раз в неделю, по средам. Обдумав ситуацию, она сказала Питеру, что вступила в любительскую театральную группу, которую посещала ее подруга Симона.

— Дорогая, я не знал, что тебя интересует театр, — заметил Питер.

— Ты не знал, что я интересуюсь антропологией, — напомнила она, чувствуя себя очень остроумной.

Беверли не думала, что Питер будет протестовать против ее отсутствия по средам. Так и произошло. Да и почему? У него появился лишний вечер для собственных дел, какими бы они там ни были. Теперь, когда Беверли регулярно спала с Робертом, она перестала все время думать о Питере. Он был всего лишь мужем, отцом ее детей, добытчиком, человеком, который спал рядом с ней.

— Знаешь, — говорила она своему отражению в зеркале, — для меня Питер сейчас имеет мало значения.

И хотя произносила эти слова с долей сарказма, в них просвечивала мрачная правда.

Встречи с Робертом по средам стали ключевым моментом в жизни Беверли, вся неделя строилась вокруг них, и она перестроила весь распорядок недели. Так, теперь Беверли ходила в парикмахерскую не в пятницу, а во вторник, чтобы Роберт видел ее прическу. А благотворительную работу в соборе она перенесла с утра в четверг на понедельник, потому что четверг посвящался отдыху, воспоминаниям и размышлениям.

Самым гнусным временем оказались уик-энды. Раньше Беверли с нетерпением ждала эти два дня, теперь они ее ужасали, и она старалась заполнить их делами. Она занялась гольфом и решила усовершенствовать свой французский язык. Питер был потрясен ее

активностью, не подозревая, что главная цель — быть как можно дальше от него. Ей было неприятно видеть мужа, он напоминал ей о ее двойной жизни. И теперь, когда они оказывались вместе, она обращалась с Питером гораздо лучше, чем прежде. Легко быть добрым, когда ты ждешь объятий Роберта в следующую среду. Беверли и не подозревала, насколько сладостен может быть обман.

— Мамочка, ты хочешь стать актрисой? — спросила однажды Салли, когда Беверли уже собралась ехать якобы на встречу театральной группы. — И тебя покажут по телевизору?

— Нет, дорогая. — Беверли поцеловала дочь. — Это просто для себя.

— Малышка Фасси снова уписалась.

— Не давай ей так много пить.

Малышка Фасси была любимой куклой Салли. Беверли не понимала, почему так любят куклу, которая мочится, но для Салли это было очень важно, она не расставалась с куклой.

Маргарет смотрела на отлучки по средам с философским спокойствием.

— Наверное, вам нужно по временам выскакивать из упряжки, миссис Нортроп.

— Должно быть, так и есть, — ответила Беверли, сгорая от желания сказать Маргарет, насколько она права.

Вечера с Робертом быстро стали рутинными. Вариации были незначительными, потому что время не позволяло им терять ни секунды. Сначала они занимались любовью, потом Роберт готовил ужин, а затем Беверли возвращалась в Гарден-Сити.

Их тела приспособились друг к другу, и главной целью встреч стало удовлетворение потребностей со всем возможным мастерством. Разговаривали они немного. А о чем было говорить? Похотливый воздух жилища не располагал к словам. Они были просто счастливы вдвоем. Роберт освободился от горькой жизни с Симоной, а Беверли освобождалась от своих бед хотя бы на короткое время. Не было причин портить удовольствие, и их тела проникали друг в друга с отчаянием солдат, которые знают, что каждая битва может стать последней в жизни. А когда они выходили из сражения, шрамы были незаметными, а победа была совместной.

После этого, сидя за обеденным столом, рассматривали друг друга с обоюдным интересом. Роберт думал: «Неужели это та женщина, которую я несколько минут тому назад...» А Беверли думала: «Неужели это тот мужчина, в объятиях которого я...» Они едва узнавали друг друга, не знали, о чем им говорить, и даже смущались в эти моменты. В некоторых обстоятельствах физическая близость даже разъединяет людей. До смешного.

Были моменты, когда Беверли пыталась убедить себя, что Роберт в нее любился. Ей это было бы приятно. Связь между ними стала бы крепче, постельные дела еще горячее, и она тоже могла бы влюбиться в него. Ей не хотелось влюбляться в Роберта, потому что это существенно осложнило бы жизнь, но она мечтала о дикой, безнадежной страсти («Ты хочешь стать актрисой, мамочка?») и однажды в постели неожиданно сказала:

— Я люблю тебя.

После этого Роберт стал еще более нежным, чем прежде.

Беверли никогда не задавала ему вопросов о том, чем он занимается в остальные вечера. Она была уверена, что он спит с другими женщинами, но не хотела знать о них. А Роберт, в свою очередь, не спрашивал о ее взаимоотношениях с мужем. Они говорили только о самых общих вещах: фильмах, книгах, политике, искусстве. Это были невинные и лживые беседы, поскольку в них не было ничего существенного. Они были любовниками, которые в совершенстве знали тела друг друга и ничего не знали о жизни партнера.

Только однажды всплыла тема Симоны.

— Как она? — спросила Беверли.

— Нормализуется. Сумасшедшая, как всегда.

— Мне надо ей позвонить.

— Зачем?

— Узнать, как дела.

— Тебе интересно?

— Да. По-своему.

— Тогда позвони.

— Я и собираюсь.

Она не позвонила, и они больше не говорили о Симоне.

Но однажды вечером внешний мир вторгся в их жизнь. Они только что закончили постельные игры и хотели поужинать. Беверли не стала одеваться, как обычно это делала. На ней был голубой халат Роберта, и она потягивала шампанское в ожидании жареного мяса.

Это был один из любимых моментов вечера. Еще не остыв от страсти, она продолжала дрожать от восторга. Шампанское казалось вкуснее, песни Мейбл Мерсер — красивее. *Жизнь прекрасна, если ты научилась любить.*

Раздался звонок в дверь.

— Кто там? — прошептала Беверли.

— Понятия не имею.

— Ты откроешь?

Он не успел ответить, как раздался второй звонок, и мужской голос прокричал:

— Эй, док, открывай, это я с Анитой.

— Это Джек Бейли, — улыбнулся Роберт. — Он тебе понравится.

В таком случае Беверли обычно уходила из комнаты и одевалась, но сейчас она расслабилась и не хотела, чтобы ее тревожили. *Лицом к лицу, красивые, улыбчивые, довольные, чего еще нам хотеть от жизни?*

— Кто такой Джек Бейли? — спросила она.

Роберт уже открывал дверь. Довольно симпатичный и уже нагрузившийся мужчина стоял в проеме двери, а рядом довольно симпатичная и тоже полупьяная девушка, на голове которой была полувоенная фуражка. Оба они одновременно отсалютовали.

— Мы летим на высоте десять километров, — сообщил Джек Бейли.

— При этом мы не на самолете, — добавила Анита.

Джек помахал полупустой бутылкой коньяка «Реми Мартен».

— Не выпьешь, сосед? Может,пустишь нас?

— Да заходите, — пригласил Роберт. — У меня гостья, но все равно заходите.

— Нас здесь не ждали, — сказала Анита.

— Ждали, ждали, — заявил Джек, пропуская ее вперед. — В школе стюардесс тебя должны были научить быть уверенной в себе.

Тут он заметил Беверли с бокалом шампанского в руке, ее длинные рыжие волосы разметались поверх халата Роберта. Джек резко повернулся к Роберту.

— Безумный доктор в своем репертуаре. Все в норме, дружище. Не знаю, что здесь, но мне это нравится.

— Он нарезался, — хихикнула Анита.

— Мне можно, — отрезал Джек. — Я не на работе.

— Он фанат авиабезопасности, — сказала Анита.

— Беверли, — заговорил Роберт, — хочу представить моих друзей.

В этот момент Беверли отметила, что Анита вцепилась взглядом в обручальное кольцо на ее левой руке. Потом Анита сняла фуражку и положила ее на колено. Роберт принес бокалы для коньяка.

— Значит, вы снова вместе, — констатировал он.

Джек пожал плечами и рассмеялся, а Анита быстро сказала:

— Это не трудно заметить, правда?

— Я в восторге, искренне.

— По голосу этого не скажешь, — вставила Анита.

Беверли не могла понять смысла ее слов. У нее было ощущение тайны, повисшей в воздухе, чего-то недоговоренного. Возможно, из-за Аниты Роберт отправил Симону в Мексику. Может, пока Симона была в Мексике, Роберт спал с Анитой. Возможно (даже более чем), Роберт влюбился в нее. Беверли не понравилась Анита, слишком красивая, слишком серьезная. Симона тоже красивая, но она — полный ноль в психологии. А эта, нутром ощущала Беверли, не проигрывает, хотя сейчас и пьяна. От нее исходила пугающая Беверли чувственность. С этим ей трудно будет бороться.

Анита повернулась к Роберту.

— Давно видел Симону?

— Давно. А ты?

— На днях мы обедали.

— Как она?

— Прекрасно, — ответила Анита. — А тебе, скотина, все равно?

— Неправда. Я всегда о ней думаю.

Анита раскрыла рот, но промолчала. Теперь Беверли убедилась, что между Робертом и Анитой что-то было. Интересно узнать, где познакомились Анита с Симоной. Во время пребывания в Мексике Симона не упоминала ее имени.

— Мне очень нравится Симона, — впервые заговорила Беверли. — Мы познакомились месяц тому назад в Мексике.

— Да, я знаю, — сказала Анита. — Она рассказывала.

О голой Беверли на полу Симона тоже рассказывала? Скорее всего, да, если знать Симону. Беверли подняла воротник халата, чтобы укрыться от испытующего взгляда Аниты.

Мечты обольщают, а сердце прощает.

— Джек, — сказала Анита, — нам пора идти. У меня ощущение, что они хотят поужинать.

— Это точно.

Джек встал и пожал Роберту руку.

— Вы просто молодцы, — сказал Роберт. — Заходи в любое время.

Джек хлопнул его по спине.

— Из-за тебя у этого дома будет дурная слава. Ты меня понимаешь?

— В следующий раз сначала позвони.

— Мы же должны верить друг другу.

— Джек, — нетерпеливо сказала Анита. — Пойдем.

Роберт вручил Джеку бутылку «Реми Мартен».

Возьми меня с собой, — запел Джек Бейли, идя к двери. — *Если ты меня любишь...*

Возвращаясь домой в этот вечер, Беверли сделала странную вещь. Ожидая зеленый свет на Семнадцатой улице, она сняла трусики, вышвырнула их в окно и спокойно поехала дальше. Мир оказался набитым желанными мужчинами.

Через пять дней Беверли заявила Питеру, что уходит от него. Он не верил ей до тех пор, пока она не собралась уехать из замка.

— Я сняла квартиру в городе, — сказала она.

Впервые Беверли увидела плачущего Питера.

— Счастливые дни снова вернулись! — заверещал попугай.

Беверли не понравилась Аните. Она так и заявила Джеку Бейли, когда они передавали друг другу бутылку коньяка, спускаясь на один этаж ниже, в квартиру Джека.

— Если бы не эта сучка, — сказала Анита, — Симона не пыталась бы покончить с собой.

Джек Бейли слушал, но, как всегда, не высказывался. Анита давно заметила, что он очень экономит слова.

— Мне бы она не понравилась, даже если бы с Симоной ничего не было.

Суть дела была в том, что причина неприязни к Беверли не имела никакого отношения к Симоне, которая была так же важна для Аниты, как прошлогодний снег. У Беверли было то, за что Анита продала бы душу дьяволу, а именно: большая грудь и муж. А если бы Анита знала, что у нее есть еще и деньги, она бы просто ее убила. Женщина всегда находит врага в другой женщине, и Анита нашла его в Беверли.

— Я считаю ее сексуальной, — наконец-то разжал губы Джек. — У нее ноги до самой задницы.

— А мои докуда? До носа?

Он рассмеялся и открыл дверь квартиры, в которой царил беспорядок, отражавший образ жизни пилота международных рейсов. Шелковое кимоно, валявшееся на стуле, напоминало о Гонконге. Великолепно инкрустированная пивная кружка из Мюнхена. Плакат боя быков был куплен не в книжном магазине Нью-Йорка, а привезен из Мадрида.

И все не на своем месте, подумала Анита, сама не зная почему. Она тоже привыкла кочевать по отелям, как и он, и все, что они привозили из-за границы, оставалось как бы чужим, эти вещи не вписывались в квартиру, показывая скудость их образа жизни. Скудость, которой сами они не замечали.

— Какой у тебя рейс в следующем месяце? — спросила она, когда он принес из кухни стаканы.

— На Триполи.

— А я на парижском, — сказала Анита, когда стало ясно, что сам он не спросит.

Джек это знал, потому что она давно говорила об этом. Анита тогда еще и спросила: «Почему бы тебе тоже не летать в Париж?» — «Можно», — отрезал он. Но ничего не сделал. Не страшно, что она не летает с ним, так как знала: Джек вернется к ней. Он вернулся, когда Анита уже потеряла всякую надежду. Она считала, что его увлекла эта англичанка или какая-нибудь стюардесса. Грустно думать, что пилоты напоминают моряков, которые гордятся тем, сколько девушек они трахнули во всех частях света.

Анита летала достаточно долго и видела (а иногда и участвовала) маневры пилотов, когда речь заходила о женщинах. И все-таки пилоты нравились ей больше всех остальных мужчин. Доктора, актеры, биржевики, репортеры (уф!), юристы, футболисты, рекламщики. Она видела всех их с другой стороны тележки стюардессы, глядя на них сверху вниз, и они в подметки не годились Джеку Бейли, который помог выпутаться ей из скверной ситуации в одном из их первых совместных рейсов.

Анита тогда работала в туристическом салоне; ей приходилось туго, и, когда она разносила коктейли, правительственный чиновник из Штутгарта сунул ей записку с предложением встретиться вечером. Она проигнорировала ее, и он избрал новую тактику.

Каждый раз, когда Анита проходила мимо, мужчина откровенно глазел на ее стройную фигурку, обтянутую брюками, и облизывал губы.

— Клянусь, она славненькая, мисс Шулер, — прошептал он, когда девушка убирала бокалы.

Это уже последняя капля, решила Анита. Она в ярости направилась в кабину и рассказала капитану Бейли о случившемся. Ей навсегда запомнилось, как Джек решительно разрубил узел, высадив засранца в Париже, хотя тот летел в Мюнхен, а вечером пригласил Аниту поужинать.

— С такими мудаками иногда сталкиваешься в полете, — сказал он. — Постарайся не огорчаться.

— Забавно, но он из той же части Германии, что и моя семья. Меня не оставляет мысль, что мы можем быть дальними родственниками.

— Ну и что? — спросил Джек. — Значит, в семье не без урода.

— Да, но...

Она понимала, что не может объяснить Джеку всю сложность вопроса, ведь он ирландско-шотландского происхождения и не родился в 1942 году, когда Германия и Америка воевали. Война закончилась, и отец как-то заметил, что не важно, что говорят о Гитлере, но он хотел дать работу людям и наладить немецкую экономику, и мать печально покачала головой в знак согласия.

Мать всегда соглашалась со словами отца. Она была настоящей немецкой женой и соблюдала правило трех «К»: киндер, кюхе, кирха. Дети, кухня, церковь. Может, из-за этого Анита захотела убежать, чтобы самой не попасть в этот тоскливый круг? Как-то одним прекрасным весенним днем в школе появились работники авиакомпании и развесили яркие плакаты, обещавшие *Путешествия! Необычную жизнь!*, Анита Шулер, которой тогда исполнилось восемнадцать, была первой в очереди, первой выдержала экзамен, первой умчалась домой, чтобы рассказать об этом потрясенным родителям.

— Но зачем? — повторял отец. — Зачем? Чем тебе плох Кливленд?

(Позднее Анита часто развлекала других стюардесс, с которыми приходилось жить, пародийным показом этого разговора: «Чем тебе плох Кливленд?») Всем девушкам нравился этот вопрос, каждая из них подставляла название родного города вместо Кливленда, и они хором отвечали: «Всем!»)

Анита не могла рассказать отцу, что дело не только в Кливленде, хотя и его одного достаточно, несмотря на то, что здесь были восьмое по высоте здание в мире, великолепный симфонический оркестр. Не могла она сказать и того, что боится закончить свою жизнь, как ее мать, — покорной, забитой провинциальной женщиной, для которой в течение года только раз появлялся свет в окошке: двухчасовая прогулка на пароходе. Прожив почти всю жизнь в Кливленде, Анита не могла себе представить, что еще надеялась увидеть ее мать. Не могла она сказать и того, что если останется здесь, то зачахнет и умрет. А хуже всего было то, что из-за того, что она была младше, ей нужно было письменное разрешение родителей, чтобы попасть в школу стюардесс.

К удивлению Аниты, именно мать встала на ее сторону.

«Пусть едет, Пауль, прошу тебя». Вот и все, что она сказала, но этого оказалось достаточно. Ее темные спокойные глаза, обычно смотревшие куда-то в сторону, теперь глядели прямо в глаза мужчине, которому она столько лет повиновалась. Анита никогда не забудет этого, хотя ей до сих пор больно вспоминать, что платья у матери всегда были на

размер больше, чем надо, что она сама делала лапшу для обеда. Если бы Аниту попросили описать мать одной фразой, она бы сказала: «Моя мать не одобряет кинозвезд».

Была еще масса вещей, которых мать никогда бы не одобрила, знай она о них. Бешеный ритм работы, недосыпание, сравнительно небольшая зарплата, разборки, которые происходили из-за доносов других стюардесс руководству компании.

«Да, я слышала, как она болтала с пассажиром первого класса». Или: «Она дала пассажиру из туристического салона три мартини». Или: «Она спала во время полета». Или: «Она курила в галерее». И так далее, и тому подобное.

Анита привыкла к таким вещам. Время, деньги, доносы. Это неизбежные трудности жизни. Вот с чем она не могла до конца смириться, это с правилом, что пассажир всегда прав. Пассажиры могли хамить, приставать, надоедать, оскорблять, и ты должна не просто принимать это, но принимать с улыбкой. Иногда Аните казалось, что у нее от приклеенной улыбки лопнет лицо. «Да, сэр». Улыбка. «Нет, мэм». Улыбка. Только в крайних ситуациях стюардесса могла обратиться за помощью к капитану, как сделала Анита с пассажиром из Штутгарта. А в остальных случаях все нужно принимать как должное. И улыбаться. Как делала ее мать всю свою жизнь.

— Знаешь, как они познакомились? — спросила Анита у Джека, когда тот подал ей полстакана коньяка.

Он удивленно поднял брови, как бы спрашивая, о ком речь.

— Беверли. Их познакомила Симона.

Джек продолжал молчать.

— Бедная Симона! Она беспечно знакомит любимого мужчину с женщиной, с которой только что сама познакомилась. Очень наивно. Она ничего не знала о Беверли, но теперь знает. Представляешь, каково ей было, когда она открыла дверь и увидела их на полу? Я бы просто грохнулась в обморок.

— У сумасшедшего доктора, — хихикнул Джек, — есть кое-что для девушек.

Симона считала, что это большой пенис, но Анита думала, что у Роберта Фингерхуда было нечто, кроме этого. Она не рассказала Джеку, как Роберт позвонил ей и попросил о свидании буквально в момент отлета Симоны в Мексику.

— Я снова с Джеком, — сказала тогда Анита, — иначе я бы с удовольствием встретила.

— Что ж, включу тебя в список ожидания, — ответил Роберт, — подожду, пока вы снова разойдетесь.

— Если разойдемся.

— Обязательно, — уверенно ответил Роберт.

Она избегала говорить о звонке Роберта, потому что не хотела, чтобы Джек ревновал. Так говорила самой себе. Но, как и в объяснении неприязни к Беверли, это была неправда. Мысль о Роберте сверлила ее мозг. Если Джек Бейли снова исчезнет, Анита знала, что может опереться на Роберта. То, что он позвонил ей в момент отъезда Симоны, говорит, что первоначальное влечение к ней не исчезло, и она не хотела, чтобы Джек знал об этом, не потому, что боялась его ревности (как она лгала себе самой), а потому, что не надо выкладывать на стол все карты.

Увертки и отговорки. Этими качествами были отмечены все взаимоотношения Аниты с мужчинами. Ее жизненный девиз: никогда не говори мужчине о своих подлинных чувствах, это может обратиться против тебя. Вот она и одевалась ради мужчин, старалась говорить

нужные вещи и правильно действовать, была веселой и остроумной, развлекалась (мужчины это называли хорошим времяпрепровождением?) и никогда не раскрывала истинных мыслей. Ее беседы с мужчинами были столь же вежливы и безличностны, как с пассажирами, и за каждым словом таилось привычное: «Да, сэр». Улыбка. «Нет, мэм». Улыбка.

Впервые в жизни Аните пришло в голову, что она стала эмоциональным роботом, и огромная волна печали накрыла ее с головой. Она откинула голову на шелковое кимоно, висевшее на стуле, и слезы потекли по ее лицу. Что-то у нее не так, что-то страшное, и оно всегда было в ней. Соленые слезы смешивались со сладковатым коньяком.

— Что такое? — спросил Джек.

— Ничего. — Анита смахнула слезы. — Наверное, перепила.

У меня горе, хотела сказать она, *мне плохо, я несчастна*. Но признаться в своих чувствах было слишком больно, а Анита не хотела боли. И в то же время понимала, что без этого у нее никогда ничего не будет.

— Я слезлива, когда перепью, — сказала она.

— Да?

Если бы он попробовал разговорить ее, узнать, что у нее на душе... Но Джек Бейли меньше всего подходил для этой роли. Он был замкнут в себе не меньше ее. Они идеально соответствовали друг другу.

— Может, тебе станет лучше, если ты поешь? — предположил он.

Она не удержалась от улыбки. Пилоты всегда сводят все недомогания к физическим причинам, игнорируя психологию, и все-таки они ей за это нравились. Сейчас это распространенный взгляд. С другой стороны, может, и в самом деле поесть?

— Можно съесть гамбургеры, — сказала она. — Может, в «Максе»?

— Ладно.

— Или пойдем в другое место. — Она никогда не знала, чего он хочет на самом деле.

— Нет, сойдет «Макс».

— Точно?

— Да. Точно.

Надевая пальто, Анита ощутила, что ей уже лучше, она почувствовала голод. Аппетит дает ощущение жизни. Обильная немецкая кухня матери в годы ее юности напоминает о себе, не без удовлетворения подумала Анита. Может, у нее нет большой груди и мужа, как у Беверли, может, она не такая модно тонкая и элегантная, как Симона, у нее есть то, чего нет у них: хороший здоровый аппетит Среднего Запада.

— Я и французские булочки поем, — сказала она на выходе.

Джек продолжал настаивать на «Максе».

— Это всего в девяти кварталах, — сказал он.

Аните противно было идти пешком, как будто они не могли позволить себе такси. Она мечтала иметь лимузин с шофером, который готов приехать по первому вызову. К тому же нынешний дом Джека нравился ей гораздо меньше, чем прежний. После их разрыва в прошлом октябре он переехал сюда, и она не могла понять, почему он не нашел себе что-то подороже и получше. Когда Анита спросила его об этом, Джек ответил:

— Здесь дешевле, а дома я бываю очень редко, так что сойдет.

Не сошло бы, будь он женат, подумала она. Тогда тебе нужны были бы хороший дом, швейцар, центральный кондиционер и все прочее, что есть в Нью-Йорке. А сейчас он

холостяк и, наверное, вкладывает деньги во что-нибудь. Мысль о том, что в эту самую минуту деньги Джека Бейли работают, вдохнула в Аниту энергию. Их станет гораздо больше, когда они поженятся.

— Я рада, что мы вышли прогуляться, — солгала она, беря его под руку.

В «Максе» было, как всегда, шумно, но им удалось найти кабинку и сделать заказ официантке в мини-юбке.

— Давай возьмем кувшин вина, — сказала Анита, когда официантка ушла.

Если Джек не отвечал, это означало одно из двух. Или он не расслышал и был слишком горд, чтобы признать это (все пилоты страдали ранней глухотой), или слышал, мысленно одобрил предложение, но, скупясь, по обыкновению, на слова, не счел нужным раскрывать рот.

— Он вообще молчаливый, — когда-то объяснила Анита Симоне, которая удивилась, почему он с ней не разговаривает.

— Молчаливый? — переспросила Симона. — А я думаю, у придурка сломана челюсть.

— Он не придурок. Джек говорит, когда ему нужно. Он великолепен в критических ситуациях.

— Потрясающие взаимоотношения. Чем вы занимаетесь? Ждете пожара, чтобы сказать: «Старуха, дверь закрой»?

— Не смешно.

— Или, когда скучно, ты режешь себе пальчик?

— Если мужчина говорит много, это не доказывает, что он умен, — сказала Анита. — Важно, *что* он говорит.

— Ладно, так что же интересного сказал Джек Бейли за последнее время, кроме: «Говорит капитан корабля»? Или даже это он пропускает?

Эта пикировка состоялась в прошлом году, когда девушки жили вместе. Анита ответила:

— Ты завидуешь моей любви.

— Любви к камню.

— Завидуешь.

Как ни неприятно признать, но в словах Симоны было зерно истины. Симона умела бесстрастно, без тени смущения отметить слабости и недостатки людей. Ее прямота часто коробила Аниту. Симона могла брякнуть все что угодно, если считала, что это правда. Ничего святого. Ради красного словца...

— Ты тоже пережешь себе вены, — сказала Симона недавно, напоминая о своей неудачной попытке самоубийства, — если узнаешь, что любимый мужчина трахает твою замужнюю подружку на полу в гостиной. Но сейчас мне уже все равно.

Ужаснувшись мысли о самоубийстве, Анита тем не менее была счастлива, что великий роман Симоны с Робертом Фингерхудом благополучно скончался. Она бы не перенесла замужества Симоны, особенно из-за того, что Симона и не хотела замуж. Ее брак стал бы величайшей несправедливостью в мире.

— Ну, — начала философствовать Анита, — теперь ты можешь спокойно лететь в Лиму.

— Пока не улажу свои женские дела, я не могу. Не бегать же мне, почесываясь, по всей Перу.

— У тебя зуд? Жутко, но зато ты наконец сходишь к доктору.

— Не пойду. Я смотрела справочник у этой паскуды.

— Какой?

— У Роберта, конечно, — спокойно сказала Симона.

— Почему *конечно*? У тебя их и так хватало.

— Ты все время будешь меня подначивать? В справочнике сказано, что зуд может быть вызван двумя типами оргазмов...

— Организмов, — автоматически поправила Анита.

— Сама знаешь, я кое-чем озабочена, — рассмеялась Симона. — Ладно, организмов. Одни — это монилия, другой — что-то вроде трихиносиса. При этом нельзя пользоваться укусными тампонами, но у меня мятные.

— Ты не собираешься сходить к врачу и выписать лекарство? Кажется, это серьезно.

— Я уже три раза отменяла встречу с ним. В последнюю минуту сдавали нервы, когда я вспоминала о гинекологическом кресле и о своей позе.

— Ты до смешного печешься о себе, в этом все дело. Гинеколог привык к этим делам. Для этого он и учился. Поверь, что твое зудящее влагалище — не первое, в которое он сует нос.

— Ты нарочно хочешь, чтобы меня стошнило? — спросила Симона. — Ты же знаешь, у меня не заржавеет.

— Ну и пусть. А к врачу сходи.

— У меня еще и запах.

— Ничего не хочу слышать, — сказала Анита. — Иди к врачу.

— Я подумаю.

После этого разговора Анита не встречалась с Симоной и не знала, собралась ли та с силами пойти к гинекологу, а если собралась, то какой у нее диагноз. Может быть, время трахаться в ванной для Симоны кончилось.

— Может, это тайное благословение.

Вместо того чтобы спросить, о чем это она говорит, как сделал бы любой нормальный человек, Джек Бейли только чуть поднял голову и вздернул бровь.

— У Симоны зуд, — объявила Анита, припоминая, повторила ли она свое предложение насчет вина.

— Что зуд?

Он и вправду глухой. Но заинтересовался. Анита заметила, что при упоминании любого медицинского термина у Джека появляется специфический блеск в глазах. У всех пилотов болезненный интерес к здоровью, потому что их работа целиком зависит от физического состояния организма, и Джек был поглощен этой проблемой больше, чем другие. Иногда Анита думала, что если она по-настоящему хочет приземлить его, то ей надо придумать для него какие-нибудь экзотические симптомы. Они могут быть незаметными, так чтобы он поверил ей на слово. Например, странный привкус во рту, который не проходит, или необычные боли в животе. Может, если она скажет, что ходит во сне, это его увлечет? Можно сказать, что ходит, только когда спит одна.

— Зуд, — повторила Анита погромче. — Симона чешется, и *там* горит. А она упрямится и не идет к врачу.

Джек еще выше вздернул голову, демонстрируя острый интерес. Анита изо всех сил старалась придумать еще что-нибудь, но что можно добавить к сказанному? Что еще и пахнет? Но это противно, особенно перед обедом. Вообще разговор противный, лучше бы ей и не заводить его, пусть даже и удалось привлечь внимание Джека Бейли.

— Я сказала Симоне, что глупо не идти к врачу, — неуверенно произнесла Анита, отметив, что официантка несколько раз проходила мимо, но Джек не стал подзывать ее. Может, он слышал предложение Аниты, но не одобрил его? Это в его стиле — не сказать ни слова. Он будет безмолвно сидеть, а ей придется ломать голову, доискиваясь причины молчания. Замечание Симоны о любви к камню было горькой правдой.

— Как она заболела? — наконец спросил он.

Аниту охватило чувство благодарности за то, что Джек раскрыл рот. Если бы он сказал: «Суп холодный», — все равно была бы благодарна.

— Не знаю, — ответила она.

Джек Бейли вздернул голову. Это значит, что разговор окончен? Он задумался о более интересных вещах? Анита изучала его лицо, пытаясь узнать, остановит ли он официантку в следующий раз, но стальные глаза Джека смотрели куда-то вдаль.

Анита решила, что он все-таки не расслышал ее и был слишком горд, чтобы признать это. Может, ждет, что она повторит?

— Кто заказывал мясо с кровью? — спросила официантка с подносом в руках.

Джек ткнул пальцем в стол перед собой. Мог хотя бы сказать «я», подумала Анита.

— А мне средне зажаренное, — сказала она, пытаясь сгладить неловкость.

Официантка презрительно взглянула на нее и ушла, показав дырку на сетчатых чулках.

Анита решила проверить.

— Джек, — нерешительно сказала она, — как насчет кувшина вина?

Стальной взгляд стал смущенным.

— А я не заказал?

Аните стало легче. Он все же слышал ее, одобрил идею и просто забыл сделать заказ. Это обычная оплошность, особенно для пилотов международных рейсов. Постоянные смены временных поясов заморочат голову кому угодно.

— Мне показалось, я сказал.

— Нет, дорогой. — Она пожала ему руку в знак понимания и поддержки. — Просто выпало из головы.

Джек оглядел ресторан, но официантки не было.

— Неважно, — сказала Анита. — Закажем позже. Давай есть. Правда, выглядит восхитительно?

— Готов поклясться, что я заказывал!

Анита влюбленно улыбнулась. Джек хотел. Он хотел заказать это чертово вино. Наверное, сама виновата, что сразу не повторила предложение.

— Пожалуйста, забудь об этом, — сказала она. — Отчасти это моя вина.

— Официанток никогда нет, когда они нужны, — сказал Джек. — Ты замечала?

— Да. Да, конечно.

Она с надеждой ждала, что Джек продолжит разговор, скажет что-нибудь хорошее и веселое, но он сосредоточил свое внимание на тарелке.

— Я тебе рассказывала, что у меня привычка ходить во сне? — спросила Анита, начиная есть.

Джек Бейли поднял взгляд, в котором мелькнула искорка интереса.

— Это началось несколько лет тому назад... — начала счастливая Анита. Печаль исчезла. Беседуем, подумала она. Великолечно!

Но после этого вечера потянулась длинная череда попыток прорваться к Джеку Бейли, и

хотя ее любовь не ослабела, выросло беспокойство из-за барьера отчуждения между ними, который хотела преодолеть. Реакции Джека на то, что Анита говорила и делала, были такими, будто общается с человеком с Луны, и она удивлялась, почему раньше это не волновало ее. Может, раньше не видела проблемы во всей ее наготе? А сейчас даже простой обмен репликами становился мучительным.

— Давай сходим в кино, — могла она сказать вечером, разогрев ему ужин.

Вместо ответа получала непонятную ухмылку поверх десерта.

— Ты хочешь? — спрашивала она.

— Конечно.

Но Джек говорил так, что она не могла понять, чего же он хочет на самом деле. Может, это просто вежливость?

— Не обязательно ходить в кино, — продолжала она, ощущая спазмы в желудке. — Я просто предложила.

— А какой фильм ты хочешь посмотреть? — наконец спрашивал он стальным тоном судьбы из вестернов.

В этот момент, даже если Анита и думала о конкретном фильме, она нервно отвечала:

— Любой. А ты какой хотел бы увидеть?

Джек Бейли вставал и молча шел к двери. Она растерянно спрашивала:

— Ты куда?

— На улицу.

Через несколько минут возвращался с газетой и находил программы кинотеатров, так что Аните становилось легче, когда она понимала причину его внезапного ухода. Он не сердился на нее, не скучал и вышел не от раздражения, как она сначала подумала. И все-таки Анита не могла не обвинять его в том, что он не стал объяснять что-либо словами, чтобы она не дергалась после его ухода.

Потом Джек, как будто осознав, что ему трудно говорить, начал оставлять ей записки. Он оставлял их в самых неожиданных местах. На подушке («Ты восхитительна»). На зеркале в спальне («Убери свою одежду»). В аптечке («Милая, кончился аспирин»). На холодильнике («Ты паршиво готовишь»). В ночных тапочках («Целую ножки»).

Аниту они смущали, веселили, но всегда беспокоили. Записки были по-своему милыми, они ей льстили, какими бы ни были, и все равно угнетали. Может, когда-нибудь она найдет записку в противозачаточном колпачке: «Поменяй сорт крема»?

Тянулся месяц май, май в Нью-Йорке, май в Париже, и однажды, когда они приземлились в аэропорту Орли, Анита подумала, как здорово, как славно было бы стать июньской невестой. Ранние мечты умирают с трудом, а Анита всегда в мечтах видела себя лучшей от света июньской невестой в кружевном платье с длинными рукавами и с букетиком фиалок. Но стоило ей с воодушевлением заговорить о браке, как Джек отвечал: «Забудь», — таким тоном, что не было причин сомневаться в его искренности.

Иногда Анита не понимала, чего она сама от него хочет. Некоторые знакомые ей мужчины тянули связь, когда всякий интерес уже иссяк, только из чувства вины, но она знала, что Джеку наплевать на вину и обязательства. Он слишком любил себя, чтобы делать то, что ему не нравится. Это ее тревожило, и она должна была прийти к выводу, что Джека влечет к ней только секс.

Пилоты гордились своей мужественностью, даже если были в почтенном возрасте. Анита и Джек проводили в постели много времени, занимаясь любовью и потягивая

шампанское, которое Анита приносила из рейсов. В сексе с Джеком ее очень тревожил один аспект. В отличие от тех мужчин, которые кончали слишком быстро, Джеку, кажется, вообще было трудно кончить. («Тебе надо трахнуть с Симоной», — сказала она однажды.) Он мог заниматься этим часами без всякого успеха.

Часто, когда ему казалось, что момент наслаждения близок, Джек так сильно хватал ее за руки, что оставались синяки, но очень часто тревога оказывалась ложной, он слезал с нее, пил шампанское, затем начинал все сначала, поменяв позиции в надежде, что это поможет. Они не трахались только на потолке. Анита начала считать себя профессиональной циркачкой.

Трудности достижения оргазма у Джека выводили ее из себя. Она знала, что многие женщины сочли бы это даром небесным, но Аните секс не казался вершиной жизни, особенно когда он длился несколько часов и часто ничем не заканчивался с его стороны.

— Ты не виновата, — сказал однажды Джек, но она считала, что какая-нибудь женщина знает, как возбудить его, чтобы все было в порядке. Более того, Анита считала, что вопреки его словам он в глубине души обвиняет ее.

— Хотела бы я знать, что делать, — жалко ответила она. — Я чувствую себя такой глупой.

На самом деле в таких случаях она просто боялась. На ней висел груз невысказанных обвинений, а может быть, это она приписывала ему свои мысли? Когда он кончал, тревога и страх улетучивались, и однажды ночью поняла, что после Терри Радомски боится всех мужчин. Чтобы преодолеть страх перед врагом (да, именно так Анита их воспринимала), она стремилась сблизиться с ними, физически сблизиться. Если ты рядом, они не могут нанести удар.

В отличие от Симоны, Анита не была неразборчивой, за свои двадцать пять лет она спала с немногими мужчинами, с гораздо меньшим числом, чем подозревала Симона. И если подруга трахалась, чтобы достичь оргазма, то Анита (у которой в этом отношении все было в порядке) трахалась, чтобы видеть, как мужчина кончает. Ей нравился мужской оргазм. Когда мужчина кончал, Анита ненадолго чувствовала себя в безопасности рядом с ним. Он был слишком безоружен, чтобы обидеть ее. Из всех мужчин Джек Бейли был самым большим мучителем.

В середине мая неожиданно потеплело. Анита позвонила Симоне и пригласила пообедать вместе. Симона предложила молочный ресторан в районе меховых магазинов, сказав, что пища там «очень успокаивает».

Но когда они уселись друг против друга, мысли Симоны были далеки от еды.

— Не понимаю, почему ты так легко кончаешь, а я нет, — с горечью сказала она.

— У меня большой клитор, — прошептала Анита, чтобы ее никто не слышал. — И он очень удачно расположен. Вот почему. А сам этот процесс мне скучен.

— У меня маленький, — сказала Симона, пропуская мимо ушей последнее замечание. — Я в последнее время часто его рассматриваю. Значит, в этом дело?

— Отчасти, — вздохнула Анита.

— Почему отчасти?

— Потому что у тебя вообще развращенное отношение к сексу. Попробуй забыть о собственном наслаждении и думай об удовлетворении мужчины, могут получиться удивительные результаты.

— Ты серьезно? — заинтересованно спросила Симона. — В следующий раз попробую

это со Стейси.

— Кто такой Стейси?

— Стейси Макфарен. Я подцепила его в «Русском чайном доме». Не спрашивай, что он там делал. Сталелитейщик из Детройта. Коммерческий вице-президент громадной корпорации. Любит, чтобы его приковывали к кровати. — Симона пожала плечами. — У каждого свой бзик.

Лысый торговец за соседним столиком подмигнул ей.

— Ты не рассказала, что с твоим зудом, — сказала Анита, стараясь закрыть тему сталелитейщика, чтобы не прыснуть от смеха в чашку с клубникой.

— Это был ужас, когда я все-таки отправилась к гинекологу. Ты представить себе не можешь, в чем было дело. Просто смешно. — Симона оторвала взгляд от фруктового салата с сыром. — Там был тампон.

— Как?

— Уже несколько месяцев.

— Ты шутишь.

— Вовсе нет, — рассмеялась Симона. — Я его там забыла.

— Не верится.

— Я сначала и сама не поверила, но доктор Резник достал его и показал мне. Я просто позеленела.

— Большого безумства я не встречала, — сказала Анита, осознав, что теперь не сможет дообедать.

— Доктор Резник сказал, что, судя по цвету, он там уже давно, и я должна была признаться, что пользуюсь тампонами не только во время менструации, но и в другое время, чтобы согреться. Он был потрясен.

— Надеюсь, это послужит тебе уроком, — сказала Анита, — и ты будешь носить трусики, как все нормальные люди.

— И не собираюсь. Ни за что не откажусь от тампонов, но, если снова зачесется, я буду знать, отчего это.

Выходя из ресторана, она подмигнула лысому торговцу. А потом сказала Аните:

— Когда я приковываю мистера Сталь к кровати, он хочет, чтобы я садилась на его сраное лицо. А люди удивляются, почему мы проигрываем войну во Вьетнаме.

Как и прежде, Анита и Джек продолжали летать то вместе, то врозь, иногда встречаясь в Нью-Йорке. Они ненавидели покой.

Джек любил ходить по музеям, на шоу, в театры, но больше всего ему нравилось бегать по парку Греймерси, чтобы поддерживать форму. Парк был маленьким, так что ему приходилось пробегать его десять раз, что было равнозначно одному кругу вокруг озера в Центральном парке. Молодые матери с колясками и пожилые люди, загоравшие в парке, привыкли видеть его по утрам.

Деятельность Аниты все более угасала. Она любила рассматривать витрины на Пятой авеню, причесываться в хороших салонах, обедать с подругами, предпочтительно в «Палм» (тот молочный ресторан после разговора с Симоной стоял у нее поперек горла).

Им с Джеком нравилось одеться и пойти туда, где их многие увидят, потому что в глубине души они знали, что составляют потрясающую пару. Люди оглядывались им вслед, как будто узнавая, и Анита думала, что вдвоем они похожи на пару из голливудского

фильма. Ей нравилось, что люди не догадывались об их настоящих профессиях. У нее было ощущение удачного маскарада. Одной из тайных радостей было то, что Аниту никогда не принимали за стюардессу, в отличие от большинства ее коллег, профессию которых безошибочно определяли, даже если они были не в форме.

Однажды после театра они пошли поужинать в «Орсини». На Джеке был модный белый свитер вместо рубашки и пошитый в Мадриде костюм. Анита надела элегантный розовый жакет с вышитым золотым крестом на груди. Ей нравилось выглядеть католичкой. После появления Жаклин Кеннеди это стало модным. Гораздо более модным, чем быть лютеранкой из Кливленда.

Днем она обесцветила волосы, и золото креста, казалось, отсвечивало в пепельно-белых волос, стянутых позади розовой лентой. Анита знала, что выглядит блестяще, как никогда, и для публичного выступления не было места лучше, чем тусклый зал «Орсини». Даже не склонный к комплиентам Джек, когда она оделась, сказал:

— Ты, как Кэрол Ломбард.

Анита просияла.

— Я видела ее только в одном или двух фильмах, — призналась она. — Ее убили вскоре после моего рождения.

— Я все время забываю о твоей молодости, — хохотнул Джек.

— Молодости? Мне двадцать пять.

И не замужем, мысленно добавила она. Иногда Анита думала, что если не выйдет замуж до тридцати, то застрелится. Дожить до тридцати лет и не иметь мужа — это величайший позор, который могла вообразить себе Анита. Даже быть разведенной лучше, и она подумала о Беверли, которая спит с Робертом, не снимая обручального кольца. Симона рассказывала, что, когда они были в Мексике, Беверли много говорила о разводе, но не очень верила в то, что получит его.

— Мне ее не жаль, — ответила Анита. — Ни капельки. У нее хоть есть муж, от которого можно уйти.

— Ну, *мне-то* и подавно не жаль ее, — сказала Симона. — У нее не только муж, но и Роберт. А кто у меня кроме маньяка из Детройта?

— Я думала, что тебя не волнует замужество, — сказала Анита.

— Ну и что? Приятно услышать предложение.

Предложение. Как много это значит для женщины, думала Анита, гораздо больше, чем мужчины могут предположить.

— Мое назначение на Триполи в следующем месяце отменено, — сказал Джек, приступая к салату. — Так что некоторое время мы не будем видеться.

Вино, которым она наслаждалась, в эту секунду превратилось в уксус.

— Почему? Куда ты улетаешь?

— В Индиану.

Она не сразу поняла.

— *Опять домой, в Индиану*, — тихо пропел он, — *над полями, где слышны стоны старых пилотов...*

— Нет! — воскликнула она.

— Да.

В Индианаполисе была школа авиакомпании, и раз в год все пилоты должны были проходить трехнедельную переподготовку. Много лет тому назад один пилот написал свой

текст на мотив песни «Дом в Индиане», где рассказывалось о тоске этих курсов.

— Когда ты уезжаешь? — спросила она.

— Двадцать восьмого.

— Так скоро.

Он кивнул в ответ.

Это значило, что Джек приедет в Нью-Йорк в конце июня. Жутко несправедливо терять его, когда он только что вернулся.

— Ужасно, — угнетенно сказала она. — Я буду очень скучать.

Он похлопал ее по руке и загадочно улыбнулся.

— Ну-ну.

— Нет, правда, Джек. — Она уже начала тосковать.

— Это всего три недели.

Он мог хотя бы сказать, что тоже будет скучать, даже если это неправда, но, кажется, Джек вообще ничего не собирался произносить. Она давно уже заметила в нем неспособность (или нежелание) произносить слова утешения, когда они более всего необходимы. Он и вправду бездушный, подумала Анита.

— Можно мне еще бокал вина? — спросила она, погружаясь в пучину отчаяния.

Они возвращались в квартиру Джека. Анита предпочла бы поехать к себе, но недавно она подселила девушку, чтобы сэкономить деньги. Та тоже была стюардессой и, к несчастью, сегодня развлекалась с приятелем, который жил в квартире с двумя соседями. Анита пообещала, что не вернется до следующего утра.

Едва они переступили порог, как Джек тут же включил телевизор, чтобы посмотреть шоу Джонни Карсона. Даже в хорошем настроении Анита могла обойтись без Джонни Карсона, а сейчас ей хотелось, чтобы он подох на сцене.

— Если он снова заговорит о гольф-клубе, я закричу, — сказала она.

Но Джек налил себе водки с водой после того, как спросил, не хочет ли она выпить, и уселся перед телевизором, не обратив внимания на ее слова.

— Я переоденусь, — заявила Анита.

Джек смеялся над диалогом Карсона и Эда Макмахона.

— Всем на меня наплевать, — сказала Анита, направляясь в ванную.

Она стерла земляничную помаду с губ, но оставила остальной грим, затем аккуратно повесила жакет в шкаф Джека, сняла лифчик и крошечные трусики и надела индийский халат, который купила в Париже в прошлом году.

Чтобы компенсировать утерю лифчика, выпятила грудь, как делают модели в журналах. «Создайте свою грудь», — писалось там и объяснялось, что из-за плохой осанки маленькая грудь кажется еще меньше. Анита давно прекратила водные процедуры, от которых все равно не было никакого толка, и занялась упражнениями для груди.

Одно из них выполняло сразу две функции. В каждой руке у вас должны быть щетки для волос, вы наклоняетесь и начинаете расчесывать волосы поочередно каждой рукой. Считалось, что, если вы делаете это по пять минут каждый день, то у вас будут сверкающие волосы, а грудь увеличится. Анита делала это уже пару недель, и, как ей казалось, грудь у нее действительно стала немного больше.

— Я сойду с ума, если это не поможет, — сказала она своему отражению.

Джек досматривал шоу, когда она вернулась в гостиную. После этого пошли новости, затем вестерн, который Джек хотел посмотреть. Он прилег на софу с новым бокалом водки.

Если и было что-то, что Анита ненавидела больше, чем шоу Джонни Карсона, то это были как раз вестерны. Женщины в них всегда были жалкими и незначительными.

— Мне скучно, — сказала она.

— Сходи к сумасшедшему доктору наверху. Я не слышу скрипа кровати. Наверное, он один.

— Уже поздно для визита.

— Он не спит. Я слышал его шаги.

— Ты просто хочешь избавиться от меня.

— Ты же скучаешь, — пожал плечами Джек.

На экране Рэндолф Скотт сказал: «Я думаю, эту лошадь надо пристрелить, мэм».

Так он и поступил.

— Я ухожу, — сказала Анита. — Если не вернусь через час, припиши еще одно очко Фингерхуду.

Джек глотнул водку, ни на секунду не отрывая глаз от телевизора.

— Сюрприз, — сказала Анита, когда Роберт Фингерхуд открыл дверь. — Я вас разбудила?

— Нет, я читал. — Кажется, он был рад видеть ее. — Заходите.

— Надеюсь, мое вторжение не очень вас расстроило, — сказала она, проходя в гостиную. — Джек смотрит вестерн, а мне, честно говоря, скучно.

— Все прекрасно. Выпьете что-нибудь?

Несколько минут тому назад ей меньше всего хотелось выпить, но сейчас это предложение показалось великолепным.

— Водку с тоником, если у вас есть.

— Безусловно.

На нем голубой бархатный халат, в котором была Беверли в тот первый и последний раз, когда Анита ее видела. Симона, наверное, тоже его носила, когда жила здесь, и только Бог знает, сколько еще Женщин надевали его. Если верить Джеку, который переехал сюда только шесть месяцев тому назад, все это время в квартиру Фингерхуда бегали потрясающие женщины.

При взгляде на Роберта нельзя было сказать, что он такой уж пожиратель сердец. Он был привлекателен в обычном смысле этого слова, но вот его улыбка... И снова Анита удивилась: что в нем такого, что женщины считают его неотразимым? Может быть, доброта? Симона говорила, что, несмотря на то, что Роберт выгнал ее на Пятьдесят седьмую улицу, несмотря на то, что застала его на полу с Беверли, она все равно будет говорить, что он был очень заботлив, когда они жили вместе.

— У него есть чувство ответственности, — сказала Симона. — Даже если он ведет себя по-свински, то остается ответственной свиньей.

Анита не могла в эту минуту не подумать о Джеке. Как капитан «Боинга-707» Джек был образцом ответственности, но на земле она не могла ни в чем на него положиться. Он был такой аморальный, что ей становилось страшно.

«Делайте что хотите, я здесь ни при чем», — это было его любимое присловье.

Было ощущение, что всю отпущенную на его долю ответственность он изливал на пассажиров, чья безопасность была в его руках. И все-таки, по зрелом размышлении, Анита считала, что это не так. Человеческие способности не ограничены, это вопрос более сложный, вопрос желания раскрыть свою душу. И ясно было, что Джек этого не хотел. Ему

легче, безопаснее заботиться о жизни ста пятидесяти пассажиров, которых он никогда больше не увидит, чем об одной женщине, рядом с которой проснется на следующее утро.

На ее месте другая задала бы себе вопрос, почему она до сих пор любит его, но Анита жила любовью и робкой надеждой, что когда-нибудь все улучшится. Надежда и настойчивость. Этим она всегда руководствовалась в своей жизни.

— И как вы с ним поживаете? — спросил Роберт, вручая ей бокал.

— Прекрасно, если не считать, что он на три недели покидает меня. — И рассказала об обязательных курсах переподготовки в Индианаполисе. — Разве не ужасно?

— Ужасно, — согласился он, ослепительно улыбнувшись.

— Я присяду на гамак, — сказала она. — Он выглядит таким удобным.

Роберт смотрел, как она пытается устроиться так, чтобы длинная узкая юбка не слишком задиралась. Анита прекрасно помнила, что под ней ничего нет, и размышляла, догадывается ли об этом Роберт. Сама она догадалась, что на нем только халат, и у нее были странные чувства из-за пребывания в квартире чужого человека в полвторого ночи, когда оба они почти голые.

С другой стороны, ей казалось абсолютно естественным сидеть здесь и разговаривать с Робертом, гораздо более естественно, чем разговаривать с Джеком. Роберт умел слушать, чего недоставало Джеку. Она чувствовала, что может рассказать Роберту обо всем, и он посочувствует, но, конечно, это его профессия, его научили этому, как Джека научили летать.

— Роберт, интересно, а что вы думаете о Джеке?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, скажем, Джек не разговаривает, если только это не необходимо. Для него рот раскрыть — все равно что выдернуть зуб. В чем здесь дело?

— Не знаю.

— Но вы же психолог. У вас должны быть какие-то предположения.

— Может, кот проглотил язык.

Анита рассмеялась и тут же снова стала торжественной.

— Он такой чужой, отдаленный, такой... Иногда просто не человек. Отчего это? Скажите, есть возможность, что он изменится? Расслабится?

— Может, и нет. Ответ на ваш последний вопрос. Сколько ему лет?

— Сорок четыре.

— У него уже сформировалось то, что мы называем фундаментом характера, — кивнул Роберт. — Или, как говорит моя мать, он уже на рельсах. А почему Джек таким стал, каждый судит по-своему. С ним могла случиться масса вещей, из-за которых он воздвиг стальной колпак вокруг себя.

Упоминание о стали вызвало у Аниты мысль о приятеле Симоны, и подумала, не говорила ли она о нем Роберту. Анита сожалела, что спросила о Джеке. Слова Роберта огорчили ее.

— Вы давно говорили с Симоной?

— Она заходила на днях, чтобы рассказать о своем приятеле из Детройта. Уверен, вам она тоже рассказывала. Симона хотела, чтобы я объяснил, почему взрослый человек просит приковать его к кровати, чтобы у него возникла эрекция.

— И что вы ответили?

— Помимо всего прочего, я спросил, а почему она решила, что он взрослый? — Роберт

рассмеялся. — Симона есть Симона, и она ответила, что когда видит мужчину ростом сто восемьдесят сантиметров и с седыми волосами, то считает его зрелым гражданином.

— Она так и сказала: зрелый гражданин?

Роберт еще громче расхохотался, как будто вспомнил тот разговор во всех деталях.

— Это я своему. Было смешно слышать эти слова из ее уст, произнесенные с акцентом.

Накладные ресницы хлопают, она кипит от возмущения, что я спросил о его зрелости.

— Бедный Роберт, — рассмеялась в ответ Анита. — Все ваши знакомые женщины спрашивают о психологических отклонениях своих приятелей?

— К счастью, не все. А те, кто спрашивает, не так уж жаждут услышать ответ.

— А Беверли еще не спрашивала о муже?

Роберт, кажется, на мгновение удивился упоминанию о Беверли, и Анита испугалась, что зашла слишком далеко. Но он тут же спокойно сказал:

— Нет, и надеюсь, не спросит. Из того немногого, что я о нем слышал, хороших выводов не сделаешь. — И почти так же спокойно добавил: — Она ушла от него, вы знаете?

— Нет. — Аните было интересно, знала ли об этом Симона или просто не сказала ей. — Вы рады?

— Я здесь ни при чем. Она бросила его не из-за меня. Из ее слов следует, что разрыв назревал давно. Беверли сняла квартиру на Манхэттене, ее муж переехал в свой клуб, и оба несчастны. Но денежки у них водятся, так что с этой стороны все в порядке.

Ну, это уж слишком, подумала Анита. Большая грудь, *да еще* и деньги!

— К тому же связи между мной и Беверли почти нет, — сказал Роберт.

— Да? Казалось, она от вас в восторге. По крайней мере у *меня* было такое впечатление, когда я ее увидела.

— И я в восторге от нее, но дело обстоит так. По иронии судьбы совпало, что, когда она решила уйти, он получил колонку, которой долго добивался. Ее муж — журналист. Теперь Беверли размышляет, может, он вел бы себя иначе, если бы получил ее раньше. Другими словами, может, их брак был бы спасен. Потому что назначение очень хорошо на него повлияло.

— Тогда почему вы не верите в Джека? Что, если и с ним случится что-нибудь хорошее? Может, он тоже изменится?

— До некоторой степени это возможно. Но до какой степени? Я не считаю, что он достаточно гибок. Не забывайте, муж Беверли на добрых десять лет моложе Джека. К тому же из того, что она о нем говорит, нельзя сделать вывод, что хороший человек. Может быть, это просто игра.

— Вы мрачно смотрите на людей, да?

— Скажем, я не очень верю, что в одну ночь они перерождаются, как куколка превращается в бабочку.

Анита допила водку с тоником.

— Мне пора идти. Вам рано вставать...

Звонок в дверь прервал ее слова.

— Это Рэндолф Скотт, — сказал мужской голос. — Выходите, положив руки на затылок.

— Фильм наконец-то закончился, — промолвила Анита.

Когда Роберт открыл дверь, Джек быстро глянул на них обоих, пытаясь сразу понять, чем они занимались все это время.

— Я все сделал, чтобы соблазнить ее, — заявил Роберт, — но она стояла, как скала.

— Это было нелегко, — сказала Анита.

Роберт и Джек обменялись быстрыми шутливыми ударами.

— Трудно все время быть на работе, амиго? — спросил Джек.

Роберт взглянул на Аниту, которая выбрала как раз эту минуту, чтобы выпятить грудь.

— Трудно только тогда, когда... трудно, — ответил Роберт, — амиго...

Вернувшись в квартиру, Джек для разнообразия решил заняться любовью.

— Ладно, Бейли, — сказала Анита.

Ему нравилось, когда женщина называла его по фамилии. Когда-то он сказал ей, что это устанавливает дружеские отношения. Аните так же не хотелось называть его «Бейли», как и трахаться сейчас. Но она будет делать и то, и другое до дня свадьбы. И ради этого сядет хоть черту на рога.

— Ты не снимешь эту хреновину? — спросил Джек, имея в виду юбку с кофточкой. Он уже разделся и ждал ее в постели.

— Здесь очень светло, — возразила она, взглянув на лампу у кровати, которую он, кажется, не собирался выключать.

— Не понимаю, почему стюардессы стесняются своего тела. Какой-то у вас у всех пунктик.

Аните было противно, что ее поставили в общий ряд и лишили индивидуальности, но она расстегнула змейки и медленно пошла по комнате под пристальным взглядом Джека Бейли в его объятия. Единственными словами до его поцелуя были: «Я чувствую себя такой толстой», — а потом она позволила себе раствориться в теплоте близости, хотя ее мысли были далеко от того, что происходило.

Причина того, что Анита ощущала себя толстой и не хотела заниматься любовью (думала она, когда его руки начали ласкать ее тело), в том, что приближаются месячные. Она давно перестала следить за циклом, как делала это в юности. Пятичасовая разница во времени сбивала его начисто, у других стюардесс от этого были запоры, пилоты становились рассеянными, бортинженеры страдали бессонницей.

В бюллетене для внутреннего пользования авиакомпания предупреждала о возможных проблемах со здоровьем, отмечая, что перелетные птицы никогда не пересекают больше чем четыре часовых пояса за один раз.

Прочитав бюллетень, одна стюардесса, страдавшая хроническим расстройством желудка, сказала:

— Видите, эти маленькие воробышки, летящие зимой на юг, очень осторожны, они боятся испортить желудок. Интересно, может ли воробей залететь в аптеку и взять таблетки?

— Ты сухая, как кость, — через несколько минут объявил Джек. — Он не войдет.

— Войдет, — неуверенно сказала она.

— Чтобы поцарапаться? Как когда-то, когда я трахался в стогу сена. Лучше смажусь.

Но в ванной ему ничего не удалось найти, кроме тюбика с бриллиантином для волос, и он смазал им свой пенис.

— Это смешно, — сказала Анита, задумавшись о том, какие химикаты сейчас введут в нее.

Конечно, крем для мужских волос не должен содержать ничего вредного для женского влагалища, что там ни говори.

— Я вообще не хочу, — заявила она, когда Джек Бейли обильно смазал вход в

сопротивляющуюся нишу.

Через несколько минут, к ее восторгу, он бурно кончил.

— Ну, теперь я спокоен на целый месяц.

Анита думала о смеси спермы и крема, бурлящей в ней, и собралась было пойти в ванну, чтобы смыть хоть часть ее, но потом решила подождать до утра.

— Я так устала, что и пошевелиться не могу, — сказала она Джеку, но он уже перевалился на свою сторону кровати и быстро заснул.

На следующее утро Джек улетел в Лондон, а Анита позвонила Симоне на работу и рассказала, что Беверли ушла от мужа и переехала в город.

— Но Роберт заявил, что она ушла не из-за *него*, — добавила Анита. — Он даже сказал, что связь между ними практически кончилась. Тебе не лучше?

В трубке был слышен мужской крик: «Куда запропастилось это чертово пончо?!»

— Все это дело с Беверли приобретает какой-то зловещий характер, — задумчиво сказала Симона. — Ну, мой босс в ярости, потому что его подруга не получила колонку, которую так жаждала. Наверное, она плачется в жилетку бедному мистеру Сверну, а он, в свою очередь, срывает зло на всех нас. Но есть странное совпадение: Лу Маррон не получила колонку из-за мужа Беверли.

— Я не знала, что он работает в «Тряпье».

— Я тоже, — сказала Симона. — В Мексике Беверли говорила, что он журналист, но не упоминала названия газеты, а меня, по правде говоря, это не очень интересовало.

— Забавное совпадение.

— Если ты хоть что-то понимаешь в астрологии, то сообразишь, что никакое это не совпадение. Знаешь, что я думаю?

— Боюсь услышать.

— Я думаю, это значит, что все мы: Беверли, ее муж, ты, я, Роберт, мистер Сверн, Лу Маррон — все мы знали друг друга в предыдущей жизни. Возможно, мы жили вместе в Атлантиде. Меня в дрожь бросает от этой мысли.

— Ты забыла о Джеке, — сказала Анита.

— Я не думаю, что он был с нами в Атлантиде. Ты сама это чувствуешь.

— Не чувствую.

— Просто не хочешь, вот и все. И Стейси с нами не был.

— Господи, этот мудака все еще с тобой?

— Не просто со мной, — грустно сказала Симона. — Он теперь говорит, что цепи слишком легкие.

Двадцать седьмого мая, за день до отъезда Джека в Индианаполис, они поругались. Началось с того, что Анита расплакалась из-за того, что он ее не любит. Она не собиралась плакать, терпеть этого не могла, потому что считала, что на Джека это не произведет должного впечатления, он, скорее, будет презирать ее.

Анита знала, какие строгие требования Джек предъявляет к самому себе (следовательно, и к другим людям) в умении владеть собой. И все же слезы хлынули.

Они сидели в квартире и смотрели фильм с участием Энн Шеридан, когда Анита начала плакать. Сначала она сказала:

— Я плачу от всех старых фильмов «Уорнер Бразерс», они такие трогательные.

А когда в ответ Джек по обыкновению неприязненно взглянул на нее, она взорвалась:

— Это чепуха! Я плачу из-за того, что ты уезжаешь и ты меня не любишь!

— О черт! — был ответ Джека. — Хочешь устроить мелодраматическую сцену?

— Это все, что ты можешь сказать? — спросила она, не пытаясь сдерживать слезы, которые лились, как ливень после многомесячной засухи. — Это все, чем ты можешь меня утешить?

Губы у него сжались, глаза помрачнели. Он презирает меня, подумала Анита, он хочет, чтобы я испарилась. От этой мысли слезы хлынули еще обильнее. Она ничего не могла с собой сделать, горе было слишком сильным, слишком болезненным. Теперь Анита убедилась, что менструация начнется с минуты на минуту, потому что ей всегда предшествовала эмоциональная угнетенность, которая могла прорваться из-за любого пустяка.

— Вечно ты к чему-нибудь цепляешься, — сказал Джек, вставая. — Мне это осточертело.

Залитая слезами Анита не сразу заметила, что в эту минуту он вышел из квартиры, дверь хлопнула. Когда она это поняла, то ощущение несчастья затмило значение происшедшего события. Но, выплакавшись, осознала удар: Джек ушел, и она не знала, хорошо это или плохо.

— Я хочу умереть, — сказала Анита пустой квартире. — Умереть и лежать в земле.

Она подождала удара молнии, но ничего не случилось, поэтому решила съесть сэндвич. Анита не была голодна, но уговорила себя, что ей станет лучше, если поест. И, уж точно, хуже уже быть не может.

Так и было, пока не нашла записку в пакете с салатом («А если бы я не захотела положить салат на сэндвич?» — скажет она позднее). На салфетке было написано: «Между нами все кончено, так что не обольщайся насчет будущего. Поищи другой ангар». И инициалы.

Аниту буквально подбросило. Она яростно вычистила зубы, выпила чистого виски и позвонила Джеку на квартиру. Телефон не отвечал. Она представила себе, как он сидит в гостиной, читает «Воздушные битвы первой мировой войны» и не снимает трубки. Если не поговорит с ним сегодня вечером, другого случая не будет до его возвращения из Индианаполиса, но даже тогда он может упереться (новое слово этой недели) и откажется говорить с ней.

— Через пять лет я буду смеяться над этим, — сказала она.

Это напомнило ей старую притчу о человеке, у которого умерла жена и на похоронах он был безутешен.

— Это ужасно, — посочувствовала ему родственница, — но со временем все пройдет, вот увидишь. Ты снова будешь счастлив.

Мужчина посмотрел на нее с бесконечной печалью и ответил:

— Да, но что мне делать *сегодня вечером*?

Анита ощущала такое же глубокое отчаяние, она сама от себя этого не ожидала. Это было еще хуже, гораздо хуже, чем когда он ушел в тот раз, это было похоже на кошмар наяву. Если бы переговорить с ним, услышать его голос, если бы он пообещал позвонить после возвращения... Если бы она поверила, что потеряла его не навсегда...

Навсегда. Это слово не могло поместиться в ее сознании, она не могла представить себе его значения. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди.

Анита посмотрела на репродукцию Матисса, висевшую в гостиной над софой: две

томные женщины беседуют между собой. Ее всегда интересовало, о чем они могут говорить, и темы, которые она придумывала, отвечали ее настроению в данную минуту. Сейчас Анита считала, что одна женщина рассказывает другой о трагической любви, которая разрушила ее жизнь.

Было около половины девятого. Она выпила еще виски, снова набрала номер Джека и ждала десять гудков. Ответа не было. И вдруг ей пришла мысль, что он мог зайти к Роберту Фингерхеду. Почему она не подумала об этом раньше? Торопливо набрала номер Роберта.

— Нет, сегодня я не видел нашего капитана, — сказал Роберт. — А в чем дело? Снова поссорились?

Анита рассказала обо всем и затем добавила:

— Я так несчастна, что хочу умереть. Я никогда раньше не думала о самоубийстве, но теперь понимаю, что чувствовала Симона, когда совершала этот безумный акт. Я не представляю себе жизни без Джека. Если бы он снял трубку, я могла бы просто *поговорить* с ним...

— Вы же точно не знаете, что он дома. Может, он зашел в бар. Может, в эту секунду сидит в «Максе» и нарезается.

— Я бы тоже нарезалась, если бы оставила прощальную записку в пакете с салатом, — сказала Анита, думая, стоит ли ей позвонить в «Макс» после окончания разговора. — Почему в пакете с салатом? Я могла бы найти ее и через неделю. Вы не согласны, что это дурацкий поступок?

— Довольно дурацкий, — сказал Роберт, — но в его духе.

— А если я позвоню в «Макс», а его там нет? Тогда я, точно, покончу с собой. У меня есть бутылочка со снотворным, ее оставила соседка. Как только я нашла записку Джека, у меня возникло дикое желание проглотить все таблетки и умереть.

— Вы не обязательно умрете.

— Нет, умру. В бутылочке около тридцати таблеток. Лошадь можно убить.

— Я как-нибудь устрою вам экскурсию в институт психиатрии и покажу людей, проглотивших тридцать таблеток снотворного. Потом их вырвало во сне, и они живут, но как поврежденные разумом идиоты. Я не шучу и не преувеличиваю, поверьте.

— Никогда об этом не слышала, — сказала Анита, потрясенная нарисованной картинкой.

— Психушки забиты ими.

— Омерзительно. Не хочу и думать об этом. Но я не буду резать вены, как Симона. Меня тошнит от вида крови.

— Я думаю, вы должны жить, — весело сказал Роберт. — Если не собираетесь броситься под поезд или вышибить мозги из револьвера.

— Никогда не думала, что так трудно покончить с собой. О Роберт... — Она заплакала. — Не знаю, что делать, я не перенесу этого. Боль. Я ее не переношу, это так ужасно.

— Извините, детка. Простите меня. Почему бы не выпить и не позвонить в «Макс»? Может, он там?

— Именно это я и хочу сделать, — сказала Анита, не утруждая себя рассказом о том, что уже выпила, но это ни капельки не помогло. — А если Джек зайдет к вам, пожалуйста, попросите его позвонить мне. Скажите ему, что вы боитесь, что я покончу жизнь самоубийством, если он не позвонит. Вы скажете?

— Обещаю, — сказал Роберт Фингерхуд, — если вы пообещаете ничего с собой не делать.

— Обещаю.

В «Максе» Джека не было. Анита позвонила Симоне и сказала, что хотела покончить с собой.

— Не делай этого, — предостерегла ее Симона. — Лучше поешь горячего. После того как я пыталась перерезать себе вены, я выработала новый взгляд на самоубийство.

— Какой же?

— Ну, сказала я себе, положим, ты добилась цели, а в эту минуту звонит Эдди Фишер и приглашает на уикэнд в Гроссинджер. Что тогда? Разве мне не было бы жаль упустить такой случай?

— Старая позиция мне больше нравилась, — сказала Анита и положила трубку.

Это был один из самых страшных вечеров в ее жизни. Она всю ночь звонила Джеку — каждые полчаса. Он не отвечал, хотя было уже утро. Она похудела на несколько килограммов. — Смешно, но, когда взглянула на себя в зеркало, на нее смотрела свежая, красивая женщина, только что проснувшаяся после глубокого сна.

После восьми звонить не было смысла, потому что это был час отлета в Индианаполис, и она, к несчастью, не знала, в каком отеле он остановится, потому что Джек сам точно не знал. На курсы звонить нельзя. Джек взорвется, если его побеспокоить, когда он доказывает начальству, что может работать летчиком. Просто взбесится.

Три недели. Это как тюремное заключение, подумала она. Не только пережить это время, это одна проблема, хуже другое: а чего ждать в конце срока?

Отчаяние делает людей наблюдательными, как убедилась Анита через несколько дней.

Когда она пришла в банк, чтобы получить наличные, то заметила табличку в окне кассира: «Любое ограбление будет снято на пленку».

— Это новая табличка? — спросила Анита.

— Нет, мэм, она висит с прошлого года.

— А где камера?

Кассирша, темноволосая девушка в очках, бросила на нее неприязненный взгляд.

— Вон там.

Анита сомневалась, что есть камера, которая снимет ограбление, как сомневалась и в том, что скорость машины может быть определена радаром, и в том, что таблички могут испугать грабителей и любителей быстрой езды.

Потом она заметила, что у мужчины в химчистке у носа бородавка. Анита сталкивалась с ним уже два года и никогда раньше не замечала ее. Только боязнь показаться грубой идиоткой удержала ее от вопроса, когда появилась эта бородавка.

Клерк вручил ей вычищенную и отутюженную летнюю форму, а она сказала:

— Будет долгое жаркое лето, это точно.

— Вам-то нечего беспокоиться, мисс Шулер. Вы же будете в прохладном самолете.

Он произнес «сам-о-лет», как говорит большинство жителей Нью-Йорка. Когда Анита переехала сюда из Чикаго, ее сначала удивляло, почему столько людей неправильно произносит это простое слово, но потом привыкла. Сейчас она почему-то снова удивилась.

Потом отметила, что из-за отчаяния захотелось так обращаться с людьми, чтобы им понравиться. Ей теперь не составляло труда улыбаться всем пассажирам, любые их требования не были обременительны для нее. Даже самых пьяных пассажиров она

воспринимала спокойно. И когда в рейсе из Афин трехлетний мальчик облил ее новенькую форму, Анита не огорчилась.

— Не волнуйтесь, — весело сказала она матери ребенка, когда почистила то, что можно. — Это часто бывает.

— В таком случае, девушка, почему у вас на борту нет «Драмамина»?

— Да, мэм. Потому что он плохо действует на беременных. И мы вынуждены были бы спрашивать у каждой женщины, не беременна ли она, если просит это лекарство. А это неловко.

Женщина презрительно посмотрела на нее.

— Более глупого ответа я не слышала.

— Да, мэм.

— А это еще глупее. — Женщина погладила ребенка по голове. — Беременные женщины!

Но до тех пор, пока Анита не переспала с Робертом Фингерхудом на следующий день после возвращения из Афин, она не подозревала, до каких пределов может довести человека отчаяние. Потому что причины, по которым пошла с ним, были ложными, все они имели отношение к Джеку, а не к Роберту. Джеку, который ее не любил, Джеку, который ее бросил, Джеку, который никогда не женился бы на ней. И в секунду, когда Роберт обнял ее, Анита знала, что поступает плохо, но все равно сделала это. Ей отчаянно хотелось заняться любовью с мужчиной, который, как она думала, желает ее.

Именно Анита позвонила Роберту и спросила, не хочет ли он пригласить ее на ужин.

— Я приготовлю вам ужин, — ответил он. — Уверен, что Симона рассказывала о мясе с шампанским.

— Вы имеете в виду мексиканскую пещеру? — рассмеялась она. — Да, рассказывала. И говорила, что вы первоклассный повар. Когда мне приехать?

— Может, в семь?

— Прекрасно. Что-нибудь принести?

— Ну, кое-что... — заколебался он. — Нет, лучше я промолчу.

— Скажите.

— Не могу.

— Почему же?

— Я не могу объяснить. Пожалуйста, забудем об этом.

— Ладно, но...

Она не могла догадаться, что он хотел сказать, и только через несколько часов, когда они уже переспали, он сказал:

— Теперь можно сказать, о чем шла речь. О том, что я хотел, чтобы ты привезла.

— Ну?

— Противозачаточный колпачок. — Он поцеловал ее в ухо.

— И ты вправду думал, что сегодня переспишь со мной? — спросила она в полутьме.

— Честно говоря, нет. Конечно, я надеялся. Я хотел этого с нашей первой встречи, но думал, что ты не хочешь.

— А зачем бы я тогда позвонила?

— Потому, что ты одинока и страдаешь из-за Джека. И потому, что я тебе нравлюсь. И все это обернулось прекрасно проведенным вечером, как я себе и представлял. Даже еще лучше. А как тебе?

— Да, — быстро сказала Анита. — Да, конечно.

На самом деле она не была в этом уверена. Даже входить в этот дом ей было трудно. Идти сюда и не к Джеку — это почти предательство. А особенно к тому, которого Джек знал, к его другу. Было бы намного лучше, поняла она сейчас, переспать с незнакомцем. Слишком много сплеталось вокруг Роберта. Не только Джек, но и Симона, которая, несомненно, рассказала, что она пользуется колпачками, иначе почему бы он упомянул о них, когда все сейчас пьют таблетки? Анита не хотела думать, что еще могла наболтать Симона.

— Грудь у тебя больше, чем я предполагал, — сказал Роберт, включая радиоприемник.

— Правда? А в одежде я выгляжу плоской?

— Нет, не очень... — У него был смущенный вид. — Симона как-то сказала, что ты носишь специальные лифчики.

— Что еще она говорила?

Анита была вне себя, но ей было приятно, что Роберт в ней не разочаровался. Она раз и навсегда убедилась, что ежедневные упражнения для груди помогают, и решила делать их в пять раз больше, чем прежде. Завтра же позвонит Симоне и выскажет все, что думает.

Рок-группа запела по радио: *Где мне найти слова, чтобы сказать, что я больше не люблю тебя.*

Если бы ты был Джеком Бейли, то не задавал бы таких вопросов, не спрашивал, где искать нужные слова. Оставляешь грубую записку в пакете с салатом и улетаешь. Предана, предана, думала Анита. Куда исчезло у всех чувство ответственности?

Затем вспомнила окончательный вывод Симоны о том, что у Роберта есть чувство ответственности, и Анита чувствовала, что в этом есть доля правды, она ощутила, что, отправившись с ней в постель, он принял на себя определенные моральные обязательства. Роберт не бросил бы женщину так, как это сделал Джек Бейли. Он мог избавиться от нее (как избавился от Симоны), но делает это совершенно иначе. Когда Симона вернулась на Пятьдесят седьмую улицу, Роберт однажды зашел к ней и починил душ. Анита представляла себе, что было бы, если бы она попросила Джека Бейли что-то отремонтировать.

«На кого я похож? — спросил бы он. — На слесаря?»

И снова из-за мысли о гранитном равнодушии Джека на глаза навернулись слезы. Несколько добрых слов с его стороны перевернули бы мир. И все-таки он просто не способен произнести их или настолько бесчувствен, что не понимает, что их нужно произнести? Как можно любить такого человека, спрашивала Анита себя. Или она такая мазохистка? Ответ терялся в дебрях противоречивых чувств.

Они с Робертом перед сном еще раз занялись любовью, и последней мыслью перед тем, как смежить веки, было сравнение: у Роберта длиннее, чем у Джека, но у Джека толще. Затем она обняла его, поцеловала в плечо и быстро заснула тревожным сном усталого человека.

В середине ночи ей приснился Джек, его самолет в языках пламени падал в Атлантический океан, спасательные плоты и горящие обломки рухнули в воду, пассажиры в панике выпрыгивали из аварийных люков, а посреди этого кошмара капитан Бейли оставался на своем посту, сохраняя ледяное спокойствие, как будто никакой катастрофы не было.

Ближе к утру Роберт проснулся и начал заниматься с ней любовью, и все как-то перепуталось: руки Роберта на ней и руки Джека на штурвале. Они сплелись в ее сознании, и

она поняла, что не надо было идти в постель с Робертом от отчаяния, потому что физическое удовлетворение мало значит, если нет эмоционального удовольствия. Анита знала это по опыту. Ей следовало помнить, что когда ты любишь мужчину, то привносишь в постель радостное чувство, которое само по себе уже служит наградой. Важно не то, что мужчина делает в постели, а то, как ты его воспринимаешь до того, как он начал действовать, в этом вся суть. И хотя Роберт был страстным и нежным любовником, объективно говоря, лучшим любовником, чем Джек, она любила именно Джека, Джека, которого хотела в ту самую минуту, когда тело Роберта тесно прижималось к ней.

Анита позвонила Симоне на следующий день и сказала:

— У тебя не рот, а помойка. Я тебе ничего больше не буду рассказывать.

— О чем ты говоришь?

— Вчера я переспала с Робертом, *твоим* Робертом, и он сказал, что ты говорила о моих набивных лифчиках. И он, кажется, знает, что я пользуюсь колпачками, я понять не могу, откуда, если только не от тебя.

— Ты переспала с Робертом? — выдохнула Симона. — Как ты могла это сделать?

— А почему нет? У вас же все кончено. У тебя мистер Сталь и его цепи.

— Стейси не имеет отношения к Роберту! — негодовала Симона.

— Надеюсь, нет.

— Не сволочись.

— Слушай, — в гневе сказала Анита, — я позвонила, чтобы сказать все. Нечего катить на меня бочку.

— Неужели? А я качу, мисс Норформс. И если тебе интересно знать, то я рассказала Роберту и о свечах.

— Де Голль — засранец, — сказала Анита.

— А в Германии неофашисты, — ответила Симона.

— Сука.

— Паскуда.

Обе бросили трубки в уверенности, что последнее слово осталось за ней. Затем они занялись повседневными делами, и каждая ждала встречи со своим мужчиной в этот вечер. Симона встречалась со Стейси, чтобы поужинать в «Русском чайном доме», а потом они хотели опробовать новые тяжелые цепи, которые он купил. Анита играла роль хозяйки у Роберта, который пригласил к себе сотрудников Детского центра на ежегодную вечеринку.

Через три дня Анита проснулась в Париже и нашла у себя вшей. Сначала она не поверила глазам. Такое не может случиться с красивой, чистоколотной, безукоризненной, уважаемой девушкой, которая принимает душ дважды в день, но факт был налицо. У нее истерически заметались мысли, когда она поймала одну мерзкую тварь и рассмотрела ее под лампой. Крошечное насекомое, очень похожее на миниатюрного краба, было перед ее глазами во всей своей гадкой красе.

Следующая ужасная мысль была о том, сколько же его собратьев ползает по ее лобку в эту секунду. Она закурила, испытывая жгучее желание заорать изо всей мочи. Сначала, пока не поняла, что заполучила, Анита решила, что у нее такой же зуд и чесотка, как у Симоны, но интуиция подсказывала, что они с Симоной настолько разные, что у них не может быть одинаковой болезни, разве что разразится всемирная эпидемия чумы.

Анита знала, что бы с ней ни случилось, это будет отражением ее личности, точно так же как зуд из-за забытого тампона отражал личность Симоны. Когда поймала и изучила

вошь, то вспомнила, что родилась под знаком Рака, символом которого был краб, и задумалась: может, ее постиг ужасный удар со стороны звезд? Немного утешало, что в ее несчастье виноваты звезды и все было предопределено заранее.

— Не надо паниковать, — сказала она себе, так громко взвизгнув, что прибежала горничная.

— В чем дело, мадемуазель? Есть проблемы?

— Ни в чем. — Анита нервно затягивалась сигаретой. — Извините.

— Глупые американки, — бормотала горничная по-французски, выходя из комнаты и покачивая головой.

Анита сломала сигарету, закурила другую и позвонила Роберту в Нью-Йорк, молясь, чтобы он был дома. К счастью, надежда сбылась.

— Ты заразил меня вшами, — сказала она, почесываясь и затягиваясь. — Должна сказать, что нельзя так поступать с людьми. Даже с худшим врагом.

— Вши! — простонал он. — Нет! Беверли!

Анита не сразу поняла его слова.

— Ты от нее заразился?

— Я не знал, пока ты не сказала, но в последние дни у меня очень чешется.

— Я не знала, что ты встречаешься с Беверли. Ты же говорил, что у вас все кончено, так как же ты мог заразиться от нее?

Голос у Роберта был очень смущенным.

— Я не собираюсь с ней встречаться, но недавно мы с ней виделись.

— Как давно?

— Примерно неделю назад.

Она почувствовала себя жестоко обманутой.

— Ты хочешь сказать, что спал с нами обеими в это время, скотина?

— Не закипай, — нервно сказал он. — Только два раза. И я сказал Бев, что это наша последняя ночь.

— *Последняя ночь?! —* закричала Анита, яростно расчесываясь. — *Последняя ночь?! Ты хочешь сказать, что стоило мне ступить за порог, как ты прыгал в постель с этой гнусной шлюхой?*

— Нет смысла впадать в истерику. Я не собираюсь больше встречаться с Беверли.

— Я тебе не верю. Ты лжешь. Ты ее любишь.

— Я ее не люблю, но, даже если бы это было и так, кто *ты* такая, чтобы говорить в подобном тоне? Ты любишь этого молчаливого придурка, который живет этажом ниже.

— Он не придурок, — сказала Анита, подумав, что Роберт, в общем-то, прав. — Это действительно глупый разговор, потому что главное — как избавиться от этой пакости. Ты знаешь, как лечиться?

— Купи в аптеке бутылку «Камфофеника» и протри лобок. Все сразу исчезнет.

— «Камфофеник»? Я пользуюсь им от лихорадки.

— А теперь используй против лобковых вшей.

— Они так называются? — Она вспомнила о его медицинских справочниках. — Кажется, ты специалист по этому вопросу. У тебя они раньше были?

— Когда я был в Корее, и, к счастью, мой сержант рассказал мне о «Камфофенике». Сейчас он стоматолог.

Анита не могла понять, при чем здесь стоматолог.

— Когда мы поехали в отпуск в Японию, — продолжал Роберт, — я ходил по борделям, а он делал себе татуировку. Сержант сказал, что за два бакса хочет что-то настоящее. Он вытатуировал слово «Мать» и с тех пор пытается избавиться от него.

У Аниты задрожали колени, когда снова вспомнила, что по ее самой интимной части тела ползают отвратительные насекомые.

— Он сейчас занимается фарфоровыми протезами, — сказал Роберт. — Наверное, они приносят счастье.

— Я чувствую себя прокаженной. Все, заканчиваю и бегу в аптеку. Надеюсь, у них есть «Камфофеник». Кстати, если ты получил их от Беверли, от кого заразилась она сама?

— Именно об этом я сейчас и думаю. Может, от своего мужа. Она говорит, что давно не спит с ним, но я ей не верю. Бог знает, где он их подцепил.

— Может, от этой журналистки, с которой работает в «Тряпье»?

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю. Но, если у нее связь с хозяином Симоны, у нее может быть связь и с мужем Беверли. Из того, что Симона говорила о ней, нельзя заключить, что она страдает целомудрием.

— Вероятно.

— Из этого следует, что мистер Сверн заразил Лу Маррон, она передала их мужу Беверли, от него заразилась Беверли, потом ты, а теперь и я.

— Мы странным и таинственным образом оказались связанными, — мрачно сказал Роберт, яростно почесываясь, а Анита задумалась, не жили ли они все вместе когда-то в Атлантиде.

Когда самолет Аниты через два дня опоздал на шесть часов и приземлился в аэропорту имени Кеннеди, вшей у нее не было, а Нью-Йорк утопал в жаре раннего лета. В такси было очень душно. Анита даже испугалась, что упадет в обморок, и, когда вошла в квартиру, так и случилось. К счастью, Нэн, ее новая соседка, была дома и все видела. Позднее она рассказала:

— Ты падала на пол, как будто танцевала странный медленный танец.

— Это из-за жары. Невыносимая духота. Никогда со мной такого не было.

Когда она на следующее утро пошла к врачу, он спросил, когда в последний раз у нее были месячные.

— Не помню, — сказала Анита. — Я не слежу за этим.

И рассказала о нерегулярности цикла, от которой страдают многие стюардессы международных линий.

После того как доктор обследовал ее, он взял анализ крови и сказал:

— Подозреваю, девушка, что вы беременны.

— *Беременна!?*

Реакция у Аниты была такой же, как в случае со вшами. Смешно, невозможно, чтобы это случилось с ней.

— Но я не могу забеременеть. Я очень осторожна. Я всегда пользуюсь колпачками и все время смазываю их дорогим специальным кремом!

— Я сказал *подозреваю*, — терпеливо сказал доктор Кох. — Я не говорю, что уверен, но, к сожалению, все симптомы налицо. Матка твердая. Это один из первых признаков. Скажите, вас не тошнило в эти дни?

— Нет.

И тут вспомнила, как ее вырвало, когда она нашла записку Джека. Но кого бы не вырвало в такой ситуации?

— Грудь набухла, — продолжал доктор.

Щеки у Аниты вспыхнули.

— Я делаю некоторые... упражнения, чтобы увеличить ее, если хотите знать.

— Я получу анализ крови завтра днем, так что все прояснится.

Анита ненавидела его. Сначала увеличил размер колпачка, а теперь пугает ее угрозой беременности. Он чудовище, решила она, гинекологическое чудовище, которое любит пугать таких нежных девушек, как она.

— Уверена, что вы ошибаетесь, доктор Кох, — сказала Анита.

— Скоро узнаем. Позвоните мне завтра.

— Если хотите знать, что я думаю, то скажу, что вы разыгрываете не ту карту.

— Посмотрим. А пока я сделаю вам укол, чтобы попробовать вызвать менструацию.

Было бы очень хорошо, если бы вы вспомнили хоть приблизительно дату последней. Чем больше задержка, тем меньше надежды, что уколы помогут.

— Уколы?

— Их три. Если первый не вызовет менструацию к вечеру, надо прийти завтра на второй, а послезавтра на третий.

— А если анализ крови будет отрицательным?

— К сожалению, даже отрицательный результат не дает стопроцентной гарантии. Все равно вы можете быть беременной. Всякое бывает.

— А если будет положительный?

— Положительный и есть положительный, — твердо заявил доктор Кох.

— Кажется, в последний раз это было в Риме, но я не уверена. — Анита боялась, что ее в любую минуту стошнит. — Надо посмотреть расписание и попробовать вычислить.

— Прекрасная мысль, — сказал доктор Кох. — А сейчас закатите, пожалуйста, рукав.

— По правде говоря, полет в Рим был очень давно.

— Постарайтесь выяснить точно.

Анита вышла из кабинета в угнетенном состоянии. Она направилась в «Палм Корт», выпила три рюмки бренди «Александр», съела салат из омаров и вспомнила слова Байрона о еде и питье женщин. Поэт утверждал, что в зрелище едящей или пьющей женщины есть нечто неприличное, если только речь не идет о салате из омаров и не о шампанском. Анита ощутила, что если бы Байрон жил сейчас, то он бы милостиво включил в этот список исключений и бренди «Александр».

Мы тайно встречались, молча сейчас я горюю, обманутая тобой...

Розовый салат из омаров, будто некий причудливый глаз, мрачно смотрел на нее, как бы подтверждая мрачный прогноз доктора Коха. Анита думала о записке, оставленной в пакете с салатом. Думала о Джеке. Она хоть когда-нибудь волновала его?

Затем вспомнила кое-что о полете в Рим. Она пила кофе с другой стюардессой в кафе «Эль Греко», и та сказала:

— Ты не мерзнешь? Или это только мне холодно?

— В апреле здесь холодно, — ответила Анита, — а мне вдвойне холодно, потому что у меня месячные.

Был примерно конец апреля, и стюардесса сказала:

— Ничего, скоро май, так что согреемся.

Слезы тихо закапали на красивые листья салата, когда она поняла, что месячные опаздывают уже на три недели. Ей хотелось закричать. Роберт Фингерхуд заразил ее вшами, от которых, однако, удалось избавиться за двадцать четыре часа, а Джек Бейли дал ей ребенка, которого она не могла завести, и понадобится гораздо больше времени, чтобы избавиться от него, и еще больше времени, чтобы попробовать забыть о нем.

Тело знает, кто за что отвечает, думала Анита, неожиданно почувствовав себя мудрой беременной женщиной, но волны отчаяния уже окатили ее.

Когда она пришла к доктору Коху на следующий укол, он сказал:

— Мне не хочется огорчать вас, мисс Шулер, но результат положительный.

Положительный и есть положительный, подумала Анита и спросила себя, не будет ли неприлично упасть в обморок. Было только второе июня, все в Нью-Йорке жили обычной жизнью, солнце сверкало, а у нее нервный срыв. Она постигла жуткую реальность слов доктора Коха. Слов. Ужасных слов. Холодных и каменных.

Результат положительный.

Сэр, у вас рак.

Мадам, ваш ребенок умирает.

Извините, но положительный и есть положительный.

— Пожалуйста, закатите рукав, мисс Шулер. Еще есть вероятность, что это поможет.

Анита ничего не говорила Роберту до тех пор, пока и третий укол не помог. Тогда она сказала:

— Угадай, что я скажу? Я беременна.

Сначала он бросил на нее странный взгляд, как будто отвергая обвинения в свой адрес.

— Нет-нет, — успокоила она, когда поняла значение его взгляда. — Это не ты, это Джек.

Он облегченно вздохнул.

— Откуда ты знаешь?

— Доктор Кох утверждает, что все симптомы указывают на ранний период беременности. А мы с тобой начали спать совсем недавно. Доктор Кох говорит, что я на шестой или седьмой неделе.

— Что будешь делать?

— Полечу в Пуэрто-Рико. Там я знаю хорошую больницу.

— Я полечу с тобой, — к ее удивлению, сказал он.

— Да? Правда? Роберт, я... — Ее так ошеломил этот жест, что она долго не могла закончить мысль. — Я не могу выразить словами... Ты так добр.

— Это я, — горько усмехнулся он. — Доктор Доброта.

— Кстати, — спросила она, — а что с Беверли?

Она была так поглощена сначала вшами, потом беременностью, что забыла о сопернице. Да и почему нужно думать о Беверли в такое время? Какое ей дело? Может она влюбиться в Роберта?

— Я же говорил, что не встречаюсь с ней.

Он лжет, подумала Анита в панике.

— Она вернулась к мужу?

— Напоследок сказала, что хочет развестись, вот и все, что я знаю.

— Знаешь что? Я вспомнила о подходящем для нее парне, это мой старый друг. Его зовут Йен Кларк, он англичанин. Ты встречал его у меня на той вечеринке, он был в черном

свитере.

— Не помню. А почему тебя волнует судьба Беверли?

— Может, одно доброе дело влечет за собой другое? Ты так добр, что хочешь быть со мной в Пуэрто-Рико, а я хочу сделать добро кому-нибудь еще. А Йен очень, очень славный. Он работает на телевидении.

Она сознательно избегала упоминания о том, что Йен одержим поиском удачи. Йен жаждал денег, а у Беверли они есть. Если Беверли заинтересуется Йеном, ее большая груда не будет тосковать, и она окажется далеко от Роберта.

— Я предложу Йену позвонить ей, — сказала Анита, — если ты не возражаешь. Они должны понравиться друг другу.

— А почему я должен возражать?

На следующий день Анита сделала два звонка. Один Йену, чтобы дать ему номер телефона Беверли, но, к сожалению, его сейчас нет, ответили на студии. Анита сказала, что перезвонит. Другой звонок был Джеку Бейли в Индианаполис, чтобы попросить деньги на аборт. Разговор с Джеком оказался неприятным. Однако плохая связь и глухота Джека привели к серии недоразумений. Хотя потом Анита не знала, какие из них возникли по техническим причинам, а какие — из нежелания Джека понимать ее слова.

Например, когда она попросила его прислать пятьсот долларов на операцию, он спросил:

— Зачем тебе пять долларов?

В трубке сильно трещало.

Но в конце концов все разъяснилось, и он согласился немедленно прислать деньги. Потом сказал:

— Надеюсь, все обойдется. А сейчас мне пора на занятия.

— Роберт летит со мной, — заявила она, желая оставить за собой последнее слово.

— Прекрасно, — ответил Джек, как будто он говорил о ценах на грибы.

Через свою авиакомпанию Анита устроила Роберту билеты в Сан-Хуан на самолет «Транскарибских авиалиний», а себе, чтобы почти ничего не платить, взяла билет из списка ожидания. Это значило, что у нее нет точной даты вылета, и она должна ехать в аэропорт и ждать в надежде, что попадет на рейс Роберта.

— Конечно, это рискованно, — сообщила она Роберту, который, конечно, полностью оплатил билет, — но мне в таких случаях везет. Кто-то отказывается от места, а может, не все билеты раскупили.

— Ты там работаешь, — сказал он, — тебе лучше знать.

— Тебе нравится их девиз: «Со скоростью ветра»? Он напоминает мне старые фильмы Хеди Ламарр.

Четырнадцатого июня, ровно за неделю до двадцатилетия Аниты, она собирала вещи для полета в Сан-Хуан. И в эту минуту зазвонил телефон.

— Вы меня не знаете, — сказал в трубке женский голос. — Меня зовут Лу Маррон, я журналистка из «Тряпья».

— Слушаю.

Анита сообразила, что это та женщина, которая спит с боссом Симоны (а может, и с мужем Беверли), но что еще важнее — эта женщина могла быть одним из звеньев цепи, передавшей ей отвратительных вшей.

— Слушаю, — повторила она.

— Мой редактор хочет, чтобы я написала статью о стюардессах, — сказала Лу Маррон. — Как чувствуют себя стюардессы в форме, которую они должны носить на работе, как они одеваются в свободное время, как живут. И вопрос о путешествиях. Многие женщины мечтают, но не могут путешествовать, они жаждут прочесть, как вы ужинаете в Венеции, а завтракаете в Париже.

Ничего ты в этом не понимаешь, сестренка, хотела сказать Анита.

— Другими словами, — продолжала Лу Маррон, — я хотела бы взять у вас интервью. Вы согласны?

— Да, да, согласна, но, боюсь, придется подождать пару дней. Я сейчас улетаю в Сан-Хуан позагорать. Вернусь семнадцатого. Вы мне позвоните или я вам?

— Буду звонить, но вдруг вас не застану, так что запишите мой номер. Я уверена, что все прекрасно получится и я не отниму у вас много времени.

— Я тоже на это надеюсь, — сказала Анита, думая, что хочет встретиться с женщиной, которая заражает невинных людей вшами.

Через несколько часов в аэропорту Аните небрежно сообщили, что мест на самолете Роберта нет.

— Извините, — сказал клерк, — самолет заполнен.

— Я в отчаянии, — заявила Анита. — Даже не верится. Такого никогда не бывает.

В конце концов они решили, что Роберт летит этим рейсом, а Анита сядет на один из двух следующих рейсов в этот же день. Клерк сказал, что, скорее всего, места там будут.

— Это безумие! — воскликнула Анита, целуя Роберта на прощание. — Мне надо делать аборт, а летишь ты.

— Я буду ждать тебя в «Хилтоне». Ты скоро прилетишь, не волнуйся.

— Помнишь «Со скоростью ветра»? — спросила она. — Теперь это напоминает мне фильм ужасов.

— Не огорчайся, — сказал Роберт. — Все образуется. Увидишь. Мы хорошенько выпьем, когда все закончится. Банановое «Дайкири».

— У меня аллергия на бананы.

К тому времени, когда Лу поймала Аниту и договорилась о встрече, она уже взяла интервью у трех стюардесс из других авиакомпаний и решила, что они представляют собой забавное сочетание няньки и куртизанки. Когда говорила с Анитой, та предложила пообедать в «Палм Корт».

— Я обожаю это место, а вы?

Лу не просто не любила «Палм Корт», она презирала его, но поскольку она больше нуждалась в Аните, чем та в ней, то пришлось согласиться. Профессия научила ее уступчивости. Эта тактика порождала глубоко спрятанную неудовлетворенность, которую лучше всего в минуту откровенности выразил Питер Нортроп:

— Иногда я думаю, почему я беру интервью у *них*. Почему не наоборот?

Лу была убеждена, что все репортеры временами так думают, если не всегда. Их профессия носила отпечаток двусмысленности. Ты чувствуешь себя гораздо выше собеседника и в то же время значительно ниже. Лу давно поняла: когда она думает, что не мерит людей своими мерками, именно в эту минуту она это и делает. И, конечно, именно поэтому многие репортеры вставляют в интервью гнусные куски, как делала это и Лу. Слишком трудно проглотить собственное унижение.

В утро встречи в «Палм Корт» Лу надела розовое легкое платье без рукавов, розовый браслет и небрежно причесала короткие волосы. После того как колонку отдали Питеру, она решила, что если Тони Эллиот еще раз предложит ей изменить прическу, она предложит ему взамен поджарить лед. Но у него было интуитивное чутье, и он больше не поднимал этой темы.

Потеря колонки — второе несчастье в жизни Лу. А первое — это проблемы с дочерью Джоан. Недавно ей позвонила мать из Филадельфии и сказала, что у Джоан большие неприятности в школе, оценки у нее очень плохие, учителя озабочены ее поведением.

Иногда Лу хотела, чтобы мать не рассказывала о таких вещах, но сама знала, что одна не справится с дочерью. Она считала, что мать должна делить с ней ответственность за Джоан. Все были несчастливы. Мать Лу, зная, что не она мать Джоан, виновато просила совета у настоящей матери, своей собственной дочери.

А Лу, зная, что всем занимается мать, использовала свое преимущество, не только давая советы, но и молчаливо угрожая карой, если советы не будут приняты. Только женщины могут играть между собой в такие игры, часто думала Лу, отдавая дань уважения безусловному факту биологического материнства.

Деньги, которые Дэвид давал на содержание дочери, были еще одним видом оружия в битве за материнство, которую Лу вела уже десять лет с собственной матерью.

Однажды она сказала Дэвиду:

— Если бы я могла бросить ее, все были бы счастливы.

— Может, когда ты выйдешь замуж, — ответил Дэвид, — и родишь другого ребенка, ты сможешь это сделать.

А если я никогда не выйду замуж, подумала Лу. Она будет по-прежнему досажать матери и вмешиваться в жизнь, о которой давным-давно забыла? После того как Питер забрал у нее колонку, ее материнские требования стали более жесткими, более истеричными. Она еще больше интересовалась всеми мелочами жизни Джоан: какие у нее

оценки, кто ее друзья, насколько она выросла, что она ела на завтрак, есть ли у нее прыщи и так далее. Если Джоан подхватывала простуду, Лу не спала ночами, опасаясь воспаления легких. А когда девочка поправлялась, то придумывала новую напасть, чтобы чувствовать себя несчастной.

— Ты должна остановиться, — говорил ей Дэвид. — Чувство вины убьет тебя.

— Я не знаю, как это сделать.

— Может, тебе бросить ее раз и навсегда?

— Я ее и так бросила.

— Я не о юридической стороне дела, а о твоих чувствах.

— Я стараюсь, но ничего не выходит. Правда, стараюсь. Два года я пыталась думать, что ее не существует, что она умерла при рождении, а когда произошли неприятности на работе, у меня снова начались истерики. Не из-за работы, из-за Джоан.

Лу робко, но сердито взглянула на Дэвида.

— Ты не понимаешь? Я должна *что-то* делать.

Удивительное в Дэвиде было его понимание, и Лу часто думала, что именно поэтому она до сих пор с ним и, если что-то случится с Джоан, их связь с Дэвидом рухнет.

После того как Лу накормила кота тушеными бараньими почками, она насыпала корм золотой рыбке, сделала себе молочный коктейль в миксере, который Дэвид подарил ей на Рождество. Коктейль поддержит силы до встречи с Анитой в «Палм Корт» в час дня.

Анита опоздала на двадцать минут, чем привела Лу в ярость, потому что сама была воплощением пунктуальности. Она давно пришла к выводу, что ее судьба — сидеть и ждать людей, которые считают возможным опаздывать на двадцать минут. Так что не удивилась, когда Анита небрежно извинилась за свою расхлябанность.

— Извините, но в последнюю минуту сломался ноготь.

Лу потягивала холодный чай и в очередной раз удивлялась, как мало людей волнует то, что они заставляют других ждать. Их поведение, решила она, грубо и враждебно, даже если они притворяются, что сожалеют о своем опоздании.

— Все в порядке, — неискренне сказала она. — Я хоть отдохнула. Пришлось бегать все утро.

— Я вас понимаю, — сказала Анита. — Иногда, возвращаясь из полета, я так выматываюсь, что мечтаю уснуть навсегда. Но после полета трудно расслабиться, как хотелось бы. Все равно остаешься на взводе.

— Это очень неприятно.

— Да уж, — признала Анита.

Лу так же могла представить себя на месте стюардессы, как и на месте Альберта Швейцера, но сочувственно улыбнулась, достала сигарету и быстро осмотрела Аниту.

На Аните были коротенькое платье, коричневая бижутерия, губы покрашены перламутровой розовой помадой в тон маникюру. Пепельно-белые волосы стянуты сзади тонкой коричневой резинкой.

— Хотите закурить? — спросила Лу.

— Нет, спасибо. Я бросаю курить.

— Я бы тоже хотела, — сказала Лу, закуривая «голуаз».

Розовый браслет соскользнул с загорелого запястья, и она немедленно ощутила видимую разницу в ее облике и облике Аниты, резкий контраст между ними: Анита была тающим мороженым с вишневым соком, в ней было что-то от обитательницы гарема.

В эту секунду Лу все отдала бы, чтобы очутиться на ее месте, а не сражаться изо всех сил за успех. Просто расслабиться, успокоиться, быть просто девушкой, опаздывать на двадцать минут и по-детски объяснять это сломанным ногтем. Но это все равно что солнцу захотеть стать луной, и она тут же выбросила эти мысли из головы. И тут Лу заметила, что Анита только что вернулась из Сан-Хуана и не загорела.

— Как там погода? — спросила она. — Жарко?

Анита созерцала бренди «Александр».

— Да. Даже чересчур. Раньше я не бывала в Пуэрто-Рико летом, так что все время сидела в тени или там, где были кондиционеры.

Анита рассмеялась, но как-то кисло.

Наверное, она сгорает и облезает, подумала Лу, так что не любит тех, кто быстро и красиво загорает.

— У меня очень нежная кожа, — добавила Анита. — Мне не повезло.

— Понимаю.

Впервые их глаза встретились, и Лу поразила мысль, что Анита лжет. Девушка явно летала делать аборт и как-то хочет, чтобы Лу это поняла.

— Жаль, что вы не отдохнули, — сказала Лу, думая о том, что, если бы она сделала аборт в семнадцать лет, дочь не осложняла бы ее жизнь, но тогда и Дэвида могло бы не быть.

Анита пожала плечами, и на глазах у нее блеснули слезы, или Лу это показалось.

— Ладно, — сказала Лу, выдав одну из своих лучших профессиональных улыбок, — давайте сделаем заказ и займемся делом.

— Я буду салат из омаров, — ответила Анита, не заглянув в меню. — Это вкусно.

К ужасу Лу, в меню не было ничего, кроме салатов. В Дубовой комнате, в задней части ресторана, сидят мужчины и поглощают сочное мясо, а она, только потому что женщина, должна сидеть здесь и жевать всякие листочки.

— Я тоже возьму салат из омаров, — сказала Лу, мечтая оказаться в нормальном ресторане вместе с Дэвидом, а не сидеть в чайной гостиной с тупой стюардессой, чья жизнь недавно была разрушена уже в пятнадцатый раз, не меньше.

Интервью пошло неплохо. Анита оказалась умнее и веселее, чем сначала показалось Лу.

— Наша новая форма функциональнее, чем кажется, — говорила Анита. — Брюки-юбка очень удобны, чтобы выкатиться из самолета в критической ситуации.

— Выкатиться?

— Вы можете сказать «выскользнуть». В критической ситуации надо выпрыгнуть на длинный надувной трап и соскользнуть по нему на землю. Слава Богу, мне пришлось делать это только дважды. Первый раз, когда мы еще носили форменные юбки. Помню, она завернулась до самой шеи. А во второй раз я чувствовала себя женщиной.

— Ужасно. Кто-нибудь пострадал?

— В первый раз никто. А во второй пожилой мужчина сломал ногу на трапе. На это очень смешно смотреть со стороны, но беда в том, что самолет в любую секунду может взорваться, а все пассажиры в панике.

— Представляю их состояние.

— Но если не брать этого в расчет, большинство девушек не в восторге от новой формы. В ней что-то от Бэтмена.

Лу записала все это. И вдруг, к своему удивлению, услышала слова Аниты:

— Вы работаете с Питером Норттропом, правда?

— Да. — Лу с интересом смотрела на нее. — А почему вы спрашиваете?

— Его жена дружит с моей подружкой, и она как-то упоминала, что ее муж работает в «Тряпье». Какой он? Она — жуткая.

— Правда? А что в ней жуткого?

Анита вспоминала обо всем, за что невзлюбила Беверли с самого начала, и самое главное, о том, что подозревала, будто Роберт продолжает с ней встречаться, хотя и отрицает это.

— Не вдаваясь в детали, — сказала Анита, — она все-таки сучка. Они разошлись?

— Да, насколько я знаю.

— А что вы о нем думаете?

— Ничего, — резко сказала Лу. — Гнилая скотина.

Анита солидарно улыбнулась.

— Я так же говорю о парне, которого люблю. Тоже скотина.

Несомненно, скотина виновата в твоём аборте, подумала Лу.

— Как же вы можете его любить?

— Если подумать, то все мужчины скоты, правда?

Лу сочла забавным, что сидит со стюардессой, которую готовили ублажать мужчин, быть вежливой, улыбаться, а в личной жизни она не стесняется признаться, что улыбается своему естественному врагу. На память ей пришли слова Симоны де Бовуар: «Сталкиваясь с мужчиной, женщина всегда играет». С такой психологией де Бовуар стала бы великой стюардессой.

— Я не согласна с вашим мнением обо всех мужчинах. Так же, как нельзя говорить обо всех женщинах, — сказала Лу. — Я думаю, что так нельзя обращаться с людьми. Вы смешиваете всех в одну кучу. Надо подходить индивидуально, иначе можно промахнуться.

— Рассказывайте, — странно улыбнулась Анита. — А почему вы так не любите Питера Норттропа?

— Он не очень приятный человек. Вы удовлетворены?

Потом Анита удивлялась, как у нее хватило духа спросить:

— Не то что Дэвид Сверн?

Лу оледенела, услышав из уст незнакомки имя Дэвида, ею овладели страх и в то же время некоторое уважение к Аните, которая взяла верх над ней.

— Кажется, вы много обо мне знаете, учитывая, что мы никогда не встречались, — сказала Лу. — Или я ошибаюсь?

— Нет, не встречались.

В детстве Лу часто смотрела фильмы ужасов, закрыв глаза руками, но чуть расставив пальцы, чтобы все-таки видеть фильм. Именно так она сейчас себя чувствовала: ей хотелось узнать все до конца, и боялась этого. Не трус, сказала себе Лу, эта девушка, возможно, не причинит тебе вреда.

— Но вы очень много обо мне знаете, — сказала Лу.

— Верно.

Показалось, что в «Палм Корт» воцарилась мертвая тишина, хотя ничего не изменилось — все столики по-прежнему были заняты, женщины по-прежнему разговаривали.

— Вы не потрудитесь объяснить, откуда у вас столько сведений?

На этот раз закурила Анита.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— У меня есть подруга, француженка, которая очень интересуется астрологией, особенно переселением душ. У нее теория о людях, живших в Атлантиде...

Когда через сорок минут Лу выбежала из «Палм», она была в состоянии, близком к шоку.

Вместо того чтобы поймать такси, как обычно, решила пойти пешком к парикмахеру на еженедельную стрижку, надеясь, что прогулка поможет ей развеяться. Атлантида, потерянный континент, леди со вшами, и, подумать только, их связывала Лу Маррон, потом аборт в Пуэрто-Рико.

Не удивительно, что в голове каша. Откровения Аниты в конце обеда очень напоминали дешевые мыльные оперы по телевизору. Сначала Лу ужаснулась услышанному, потом посочувствовала, потом разгневалась, а потом весь цикл повторился.

На углу Пятой авеню и Пятьдесят первой улицы она натолкнулась на мужчину.

— Извините, — автоматически сказала Лу, не глядя на него.

— А вы очень красивая. — Его налитые кровью глаза смотрели на нее с религиозным фанатизмом. — Вы не должны стыдиться. *Вы слышите?*

Еще один придурок, город забит ими. Не удивительно, что люди в Нью-Йорке ходят очень быстро. Не только потому, что торопятся, но и потому, что в движущуюся мишень труднее попасть.

«Людовик XV» — было написано на огромном щите дорогого здания. Швейцар в форме вежливо улыбнулся, и она, как и каждую неделю, вежливо улыбнулась в ответ.

— Добрый день, — сказал он, придерживая дверь.

— Добрый день.

Привычка — великая вещь, подумала Лу, но в то же время и опасная. Совершая привычный ритуал, можно обмануться и поверить, что все так же, как всегда, что ничего не изменилось. Но после обеда с Анитой жизнь перевернулась. Теперь она знала, что чужие люди думают о ее взаимоотношениях с Дэвидом, и это было не очень приятно.

Когда Лу надела розовый халат, она вошла в салон, где ее ждал Филипп.

— Как дела, мисс Маррон?

— Не слишком, Филипп.

— Но выглядите вы прекрасно.

— Вы всегда так говорите.

— Это мой стиль. Разве Рубироза говорил женщине, что она выглядит плохо?

— Нет, но вспомните, как он умер.

— Как? — искренне удивился Филипп.

— Не помню.

Оба рассмеялись, и он занялся ее волосами, которые ему нравились, потому что были прямыми, густыми и толстыми. Как-то Лу пришло в голову, что то, что в юности досаждало, в зрелом возрасте приносит радость. В детстве мать часто накручивала ей волосы на бигуди, чтобы сделать их волнистыми, а сейчас все девушки с волнистыми волосами делают все, чтобы их выпрямить.

С другой стороны, ее ноги вылеплены более отчетливо, чем у других детей, у нее были мускулистые икры из-за ранних занятий балетом, а сейчас лучше было бы, чтоб они были потоньше. Лу особенно остро ощущала это летом, когда нельзя было надеть темные чулки, и завидовала девушкам с бесформенными, но тонкими ногами.

Она не стала читать «Вог» под феном, а задумалась о разговоре с Анитой.

— Моя подруга Симона говорит, что в магазине все знают о вас и о Дэвиде, — сказала Анита. — Они смеются, когда он называет вас мисс О'Хара. Веселятся, когда думают, кого хотят этим обмануть.

— Он хочет защитить меня.

— И себя тоже.

— В этом ничего страшного нет, не правда ли?

— Нет, если не страшно быть на содержании у пожилого женатого человека.

— Дэвид меня не содержит. Никто никого больше не содержит. Эта эпоха кончилась.

Как вы понимаете, у меня есть работа. Не знаю, почему я должна оправдываться перед вами. Моя личная жизнь вас не касается.

— Вот здесь вы ошибаетесь, — быстро сказала Анита. — Потому что, если Дэвид Сверг заразил вас вшами, а вы передали их Питеру Нортропу, а Питер — Беверли, а Беверли — Фингерхуду, а Фингерхуд заразил меня, то вы виноваты в худших днях моей жизни.

На минуту Лу показалось, что она сходит с ума.

— Вши? О чем вы говорите? Вы спятили?

— Ну, знаете, как они передаются. Один человек спит с другим, тот с третьим...

— *Вши?*

— Откуда-то они должны были появиться, и есть какая-то странная связь между названными мною людьми. Очень странная.

— Не уверена, что проследила ход ваших мыслей, но, если отбросить так волнующих вас вещей, вы намекаете, что я спала с Питером Нортропом?

— А разве нет?

— После аборта у вас помутился разум.

Вид у Аниты был такой, будто ее обдали ледяной водой.

— Кто вам это сказал?

— Никто. Я сама вычислила.

— Спорю, Роберт сказал Беверли, Беверли Питеру, а Питер вам.

— Я начинаю думать, что вы на самом деле сумасшедшая. Кто такой Фингерхуд? Из того, что он заразил вас вшами, я заключаю, что это мужчина. Может, мне следует спросить, что такое Фингерхуд?

— Мужчина, это верно. Мой нынешний любовник. Но я его не люблю, я люблю Джека Бейли. От него я и забеременела.

— Чудесная компания.

— Но Симона говорит, что Джек не был с нами в Атлантиде. Стейси тоже. Симона подозревает, что они жили в Помпее.

Когда Лу вернулась в офис, чтобы написать интервью с Анитой, ее ждало сообщение от Дэвида: «Я заеду в восемь. Потом давай поужинаем».

Этим вечером они хотели посмотреть спектакль «Кабаре». Лу мечтала его увидеть, хотя читала рецензии, но после обеда с Анитой у нее не было настроения смотреть музыкальную комедию. Если бы она сказала об этом Дэвиду, он бы ответил, что это способ развеяться, но Лу никогда не руководствовалась этой теорией. Она предпочитала смотреть музыкальные комедии в хорошем настроении, тогда внутреннее состояние становится просто радужным.

Дэвид давно называл ее мазохисткой за то, что она поддавалась настроениям, но механически улучшать его она не хотела. Лу предпочитала свой ритм подъемов и спадов,

иногда отчаяние становилось глубже, чем у других, зато и радость больше.

Сидя за столом под большим фото Марка Бохана, Лу начала печатать:

«Она очень живая блондинка. Ее зовут Анита Шулер. У этой стюардессы очень четкие представления об одежде, мужчинах и сомнительных удовольствиях от путешествий».

Не упоминать о вшах, абортах, предостерегла себя Лу и немедленно выбросила из головы эти вещи, не обращая ни малейшего внимания на царящую вокруг суматоху. Чтобы работать журналистом, нужно иметь нюх на новости и стальную дверь в сознании.

«О новой форме наша стюардесса Анита сказала, что она функциональнее, чем может показаться на первый взгляд. Юбка-брюки очень подходит, чтобы выкатиться из самолета в критической ситуации».

Девушка, писавшая о рынке сумочек, влетела, когда Лу уже заканчивала, и тут же затарахтела на машинке как одержимая. Однажды она призналась, что ненавидит любые сумочки, поэтому Тони Эллиот и назначил ее на этот участок.

— Тони Эллиот — извращенец, — сказала тогда девушка. — Как только этот сукин сын узнает, что тебя меньше всего интересует, он тут же тебя этим и займет.

Теперь, несколько месяцев спустя, Лу неожиданно вспомнила эти слова. Она знала, что это не совсем случайно, потому что жизнь научила ее, что люди, как белки, создают свои запасы на зиму. В надлежащий момент они раскрывают кладовые памяти и достают то, что нужно для выживания. Если, конечно, они вообще могут выжить.

— Ищи меховую сумочку, — сказала девушка за соседним столиком, не поднимая глаз. — Этой зимой их будут носить все леди. Ты счастлива, что ты не леди?

Лу знала, что девушке ответ не нужен, та просто так разговаривала с собой. Она откинулась на спинку стула и перечитала написанное об Аните Шулер. Неплохо. Если Тони понравится, она пошлет Кава или другого фотографа сделать несколько фото, и тогда все пойдет в номер на следующей неделе.

— Я? — сказала репортер по сумочкам. — Я уже десять лет ношу телячьи черные сумки.

Лу положила статью в корзину и задумалась, почему не она, а Питер получил колонку. В чем *истинная* причина? До сих пор она была твердо уверена, что Питер и Тони стали любовниками. Все остальные тоже так думали, но если они ошибаются? Ведь и раньше ошибались в Тони Эллиоте. Что, если он дал колонку Питеру потому, что Питер действовал так, будто ему наплевать на нее, а она явно показывала, что для нее это вопрос жизни и смерти?

Лу посмотрела на часы и увидела, что уже пять минут шестого. Куда ушел день? Она чувствовала себя утомленной, но энергичной, как будто какая-то тайная нервная сила противилась желанию тела расслабиться. Каждая жилка болела. Разум говорил, что надо ехать домой и отлежаться в ванне до того, как в восемь заедет Дэвид. Тогда почему же она не закрывает машинку и не уходит?

— Я не помешаю? — раздался голос над головой.

Напротив, оперевшись на стол, стоял Питер Нортроп.

— А, это вы, — сказала она, чувствуя себя идиоткой.

— Да, боюсь, вы не ошиблись. У вас такой отрешенный вид, что я чувствую себя инопланетянином из Порлока.

Не принимая его литературной реминисценции, она сказала:

— А я думала, вы из Гарден-Сити. — И почувствовала себя еще большей идиоткой.

— Я хотел вернуть вам книгу, которую брал. Она у меня в столе.

— А, «Герцог». Вам понравилось?

— Честно говоря, я и не мог прочитать ее. Книгу сразу реквизировала моя жена.

— Я уже забыла о ней. Дэвид дал ее мне сто лет тому назад. Я думаю, он тоже забыл с ней, но надо ее вернуть.

— Да, конечно.

К ее удивлению, он продолжал стоять, вперив в нее свои голубые глаза.

— Я еще хотел спросить: почему бы нам не выпить?

— Сейчас?

— Да, если вы свободны. Я предлагаю «Сторк клуб».

Так все называли забегаловку внизу здания.

— Ну, — сказала она, — мне надо ехать домой и переодеться, у нас с Дэвидом билеты на «Кабаре».

— У вас уйма времени, правда? Сейчас только пять.

— Не знаю.

Лу не могла сказать, что ее поразило больше: высокомерный Питер Нортроп приглашает выпить с ним или то, что она принимает приглашение.

— На очереди муфты, — сказала репортер по сумочкам. — Вот увидите.

— Я принесу книгу, — сказал Питер. — Вы готовы?

— Была и буду.

Этот ответ она с большим интересом вспомнит через несколько месяцев.

— Здесь скоро будет тьма народа, — сказал Питер, когда они уселись в баре.

Он предлагал занять кабину, но Лу настояла на баре. Бар более безличностей по сравнению с кабиной. Окруженная другими людьми, Лу могла уговорить себя, что здесь она не вдвоем с Питером Нортропом.

— Люди ходят сюда из-за кондиционера, — сказала она. — Ясно, что не из-за дизайна.

— И не из-за еды.

— Об этом я и говорю.

— Что будете пить? Я хочу виски со льдом.

— Я тоже.

— Два виски со льдом, — сказал он бармену, похожему на Гилберта Роланда.

— Вы сюда часто ходите? — спросила Лу.

— Кажется, во второй раз. Страшноватое местечко, да? Кто писал эти фрески?

— Безработный каменщик.

— Подозреваю, что вы правы.

Они рассмеялись, как бы признавая, что достигли глубокого взаимопонимания. Мужчина в мягкой шляпе с лентой бросил монету в музыкальный ящик.

Ты слишком хорош, чтобы быть правдой, не могу оторвать глаз от тебя, мечтаю прикоснуться к тебе, я так хочу обнять тебя.

— Самый гнусный музыкальный ящик в мире, — сказала Лу.

— В этом баре не хватает только одного.

— Чего же?

— Телевизора с бейсбольным матчем.

Девушка справа от Лу начала всхлипывать в салфетку, а ее спутник тщетно пытался

утешить ее. Чем больше он говорил, тем сильнее она рыдала. Лу уловила только одну его фразу: «Это не так безнадежно, как ты думаешь».

Наконец-то пришла любовь, и я славлю Бога за то, что жив.

— Почему, — спросила Лу, — чужое горе всегда кажется не совсем настоящим?

Она думала не только о паре справа, но и об аборте Аниты. В обоих случаях Лу было слегка неприятно, но не больше.

— Они очень реальны для тех, кто любит катастрофы, — ответил Питер. — Иначе мыльные оперы не были бы так популярны. Они порождают сочувствие.

— Только не у меня. Меня разбирает смех.

На Питере был прекрасно сшитый костюм, но ему надо было бы побриться. А глаза у него зеленые, а не голубые, подумала Лу. Ей было интересно, где он живет сейчас, когда разъехался с женой.

— Если вы смеетесь, значит, вы не плачете, — сказал Питер.

— В этом все дело?

— Есть такой шанс, не так ли?

— Да, наверное. Но я не плачу.

— А почему?

И в эту секунду в ней вспыхнуло старое чувство ненависти к нему, потому что он наступил ей на мозоль. Глаза набухли, но слезы пугали. Они доказывали потерю контроля над собой.

Я люблю тебя, детка, и ты нужна мне, детка, поверь моим словам, славная малышка.

— Если бы парфюмерные компании не выпустили водозащитную тушь для ресниц, я бы сказала, что именно поэтому не люблю плакать. Черные подтеки, жалко струящиеся по щекам...

Она взглянула на девушку справа и отметила, что у нее вообще не было туши.

— «Ревлон» убрал ваше последнее оправдание, — сказал Питер. — Теперь вы должны сказать, почему на самом деле не любите плакать.

— Может, просто не из-за чего, вам это не приходило в голову? Или вы хотите, чтобы я придумала какую-нибудь трагедию?

Он пробежал рукой по щетине.

— Моя жена любит плакать.

— Да?

— Она наслаждается слезами. Они ее успокаивают.

Лу думала, кто из них виноват в разводе. Возможно, Питер, судя по его презрительному тону. И снова Лу задумалась о его жене, о том, какая она на самом деле. Слова Аниты о том, что она сучка, мало для нее значили, потому что была невысокого мнения об Аните. Теперь жалела, что не попросила Аниту описать ее: вес, цвет волос. Все это имело больше значения, чем личные оценки Аниты.

— Мне жаль, что вы разъехались, — сказала Лу. — Думаю, вы понимаете, что все в редакции знают об этом.

— Они, наверное, знали об этом раньше, чем я, — рассмеялся Питер. — Все конторы одинаковы, это фабрики слухов. Иногда мне интересно, кто их порождает, но, в общем, плевать и на это. Да и в моем случае это не было высшей тайной.

Первоисточником слухов о Питере была секретарша Тони Эллиота, как часто бывало и в прошлом, но Лу прикусила язык и промолчала. Если Питер скажет Тони, тот может уволить

девушку, и в этом будет виновата она. Как раз секретарша сказала ей, что долгожданную колонку получит Питер, и эта весть на несколько недель сократила нетерпеливые ожидания Лу. Другие сотрудники тоже пользовались ее намеками, так что девушка была всеобщим тайным осведомителем.

— Где вы сейчас живете? — спросила Лу.

— В Гарвардском клубе, пока не найду квартиру. А моя жена на Восемьдесят четвертой.

— А что с Гарден-Сити?

— Мы продаем дом. Когда мы разошлись, Беверли захотела переехать в город.

Его жена живет всего в десяти кварталах от меня, подумала Лу, и ей снова стало интересно, как она выглядит. Затем вспомнила замечание актрисы во время одного интервью: «Если вы заинтересовались женщиной и не уверены в ответном чувстве, то вполне естественно изучить предшественницу. Это может дать ключ к пониманию того, что ему нравится в женщинах, а очень часто и того, что он не переносит. В любом случае это интересно».

— Выпьем еще? — спросил Питер.

Лу взглянула на часы. Было почти шесть. Масса времени для горячей расслабляющей ванны, можно еще и соснуть до приезда Дэвида.

— С удовольствием, — ответила она.

Пара справа от Лу ушла, мужчина в мягкой шляпе заказал еще один мартини. Питер вдруг сказал:

— Поужинайте со мной.

— Но я же сказала, что иду в театр с Дэвидом.

— Каким Дэвидом?

— Дэвидом Уэббом.

Другая пара села справа от Лу.

— Я разведен, богат и стерилен, — сказал мужчина.

— Неправда, — ответила девушка.

— Ты думаешь, что просто разошелся, беден и импотент?

— Именно.

Лу и Питер засмеялись, замолчали и глянули друг на друга.

— Начало летнего безумия, — сказал Питер.

— А я не могу завести роман с женатым мужчиной, чья жена едет в Саутгемптон, потому что два года вожусь с тем, чья жена никуда не ездит.

— Вы этому верите? — сказал Питер паре справа от Лу.

Но те пили пиво и не соизволили ответить.

Жизнь — это кабаре, дружище, иди к нам в кабаре! — пел Джоэл Грей несколько часов спустя, а Дэвид держал Лу за руку. Она думала о мужчине в мягкой шляпе, о мужчине, который сказал: «Все не так безнадежно, как ты думаешь», о разошедшемся с женой мужчине, бедняке и импотенте, и о Питере Нортропе, который, будем надеяться, не был ни тем, ни другим.

После спектакля Дэвид повел ее в «Голубую ленту», где они заказали татарский бифштекс и выпили много «Божоле».

— Мне нехорошо, — сказала Лу в середине ужина.

— Что такое?

Раньше Питер сказал ей, что позвонит в полночь, и она ответила: «Ждете часа, когда я превращусь в тыкву?» — «Именно», — ответил он.

— У меня был дикий день, — объясняла она Дэвиду, чувствуя прилив возбуждающей радости.

— Ты слишком много работаешь.

— Только это я и умею делать.

Дэвид нежно глядел на нее.

— Почему ты не позволяешь себе побыть женщиной?

— Потому что не знаю, как это сделать.

— Если бы ты сказала, что вышла бы за меня замуж...

— ...ты бы развелся с Лилиан.

— Да.

— Нет.

— Что нет? Не разведусь или ты не выйдешь за меня?

— И то, и другое, — искренне сказала Лу.

— Ради красного словца не пожалеешь и отца. Любой ценой. Почему так?

— Профессиональный азарт.

— Еще одно красное словцо.

Лу играла вилкой.

— Я вот что тебе скажу. Ненавижу татарский бифштекс. И всегда ненавидела. Чтобы понять это, мне понадобилось двадцать семь лет жизни.

— Действительно, ты права, — откликнулся Дэвид. — Я бы не развелся с Лилиан.

У Питера есть мозги, подумала Лу. И в самом деле начинается летнее безумие. Но позднее, поцеловав Дэвида на прощание, уже раздевшись и улегшись в постель, она не сняла трубки, когда в полночь зазвонил телефон.

Он прозвонил всего четыре раза, и Лу начала уважать Питера. Затем заснула, и ей приснилось, что она встретилась с его женой у «Людовика XV». Во сне Филипп сказал ей что у миссис Нортроп жидкие волосы.

На следующее утро Питер остановился у ее стола, достал маленькую стрелу из кармана и метнул ее в портрет Марка Бохана. Она вонзилась в левую ноздрю.

— Вы не ответили, — сказал Питер.

— Меня не было дома. Я вернулась около двух. — Да?

— Мы встретились со знакомыми в «Голубой ленте» и заболтались о всякой чепухе. Сейчас даже и вспомнить не о чем.

Питер снял стрелу с фотографии и сунул ее обратно в карман.

— Дэвид действительно много для вас значит?

— Да, — быстро сказала она. — Значит. Я в восторге от него.

— В восторге. — Он, кажется, развеселился. — Просто слово. Хорошее слово.

Лу начала сердиться.

— Слушайте, я не обязана отчитываться перед вами о взаимоотношениях с Дэвидом. Меня злят ваши вопросы.

— Понимаю. Извините. И все-таки, должен признаться, мне интересно, что же вы делаете с этим человеком?

Вспомнив о циничной реакции Аниты, Лу сказала:

— Уверена, что теперь вы все сводите к деньгам.

— Нет, ошибаетесь. Если бы я так думал, я бы не удивлялся, так ведь? Дело не в деньгах, но ясно, что и не в любви.

У Лу всегда было чувство вины из-за того, что она не любит Дэвида, и не любила, когда ей напоминали об этом.

— *Ясно?* — спросила Лу. — Откуда вы знаете? Что, черт подери, вы в этом понимаете?

Вчера в баре Питер впервые понравился ей за все время их знакомства, но сейчас он опять превратился в прежнего заносчивого человека, каким она всегда его и считала.

— Может, это удобно, — размышлял Питер, — как старый свитер. Может, вам спокойнее быть с человеком среднего возраста, который вас обожает, чем с более молодым, который...

— ...который что? — сердито оборвала она.

— Вы не позволили закончить мысль. Или вы боитесь того, что я хотел сказать?

— У меня очень много работы. — Лу достала папку с информационными бюллетенями и сделала вид, что просматривает их. — Извините.

Питер положил руку на ее голое плечо, и она вздрогнула. Они впервые соприкоснулись.

— Это баррикада жестокой девушки, делающей карьеру, — сказал он, — я вижу испуганную сексуальную женщину, пытающуюся спасти себя.

— Правда? Ну, мистер Нортроп, вы ошибаетесь. Я не испугана и никогда не считала себя особенно сексуальной.

— Я знаю, — сказал он, — но думаю именно так.

Через несколько минут, когда Лу уже собралась идти на еженедельную редакционную летучку, позвонила секретарша Тони Эллиота и пригласила ее пообедать.

Лу почувствовала, что-то произошло.

— Да. Хорошо. В полдень?

Осведомитель, тесно работавшая с Тони Эллиотом уже восемь лет, все эти годы ходила обедать ровно в полдень. Такого рода постоянство всегда ставило Лу в тупик, и она считала, что, если когда-нибудь станет очень умной пожилой леди, все равно не поймет этого. Чего еще Лу не понимала в Осведомителе (ее звали Энид), так это того, как она ухитряется каждый день обедать в «Шрафте» и не сойти с ума.

Лу ненавидела это место и ходила туда очень редко. Смешной ресторан. Антисептическая пища, ирландские официантки, леди с голубыми венами, потягивающие слабый «Манхэттен». У нее было подозрение, что все постоянные посетители «Шрафта» страдают хроническими запорами, но не могла объяснить, почему так думает.

Когда они сели, Энид заказала помидоры и чай со льдом. Лу взяла омлет с сыром и кофе со льдом.

— Все утро я занималась поездкой шефа в Париж в следующем месяце, — сказала Энид, — и до сих пор не закончила. Всякий раз, когда он едет на показ этих чертовых коллекций, я бегаю так, что не пожелаю и заклятому врагу.

Осведомитель часто превращалась в Жалобщицу, и Лу поняла, что это как раз такой случай.

— Нелегко приходится, — сказала она.

— Нелегко? Это кошмар. Если бы вы знали, через что приходится проходить дважды в год!

В июле и январе лидеры французской моды раскрывали двери своих салонов и демонстрировали новые тенденции в женской одежде. Публика на этих показах состояла из

торговцев, дизайнеров, фабрикантов, просто покупателей и вездесущей прессы. Тони Эллиот, который лично освещал эти коллекции все годы работы в «Тряпье», часто говорил, что Париж сам по себе — лучшее шоу мире.

— Я думаю, что все главное вам уже удалось сделать, — сказала Лу. — Уж если кто и знает всю машину, так это вы, Энид.

Энид мягко посмотрела на нее сквозь голубоватые бабушкины очки.

— Я не о гостинице и о транспорте. Это пустяки. Чистый отдых после главного. Как вы думаете, легко организовать ужин с Пьером Карденом?

— Для меня трудно, а для Тони Эллиота...

Энид отрезала кусочек помидора.

— Вы не представляете, какво разговаривать с французскими секретаршами. От них на стенку полезешь.

— Невеселое дело.

— Хуже, это отвратительно. Вы бы видели список лиц, с которыми шеф хочет встретиться. Он не вписал только Шарля де Голля, да и то, думаю, по ошибке. Я ничем не могу заниматься, кроме разговоров по телефону.

Ненавижу скулеж, подумала Лу.

— Вы же не можете заниматься всем сразу.

— Иногда он думает, что могу.

— Не огорчайтесь. В конце концов, если эти встречи так важны для него, он простит, если вы отложите другую работу на какое-то время.

— Да не так много они для него и значат. Он просто суетится.

Выражение лица, с каким Энид это произнесла, тон ее голоса были такими, что у Лу кусок омлета застрял в горле.

— Не понимаю, — сказала она.

— Мистер Эллиот сыт по горло этими коллекциями. Ему теперь не нравится писать о них.

— Да?

— Вы же знаете, как он любит новые подходы ко всем вещам.

— А кто не любит? — осторожно заметила Лу.

— Он считает, что люди устают и истощаются, если слишком долго занимаются одной и той же работой. И себя не считает исключением из правила. Именно это он и сказал вчера вечером: «Энид, мне осточертело писать об этих коллекциях два раза в год. Нужен свежий ветер».

— Но он же собирается в Париж в следующем месяце?

— Да. Собирается.

Энид вытерла рот салфеткой и сделала глоток чая.

— Строго между нами, у меня предчувствие, что он едет в последний раз. Что-то мне подсказывает, что в январе я, слава Богу, не буду лезть из кожи вон, устраивая миллион встреч.

— А кого он хочет послать вместо себя?

Энид допила чай и сказала:

— Откуда *мне* знать? Я на него работаю, но не могу же знать все, что происходит в его безумных мозгах.

Две интересные вещи случились после уик-энда четвертого июля. Тони Эллиот уволил

секретаршу, а Лу Маррон переспала с Питером Нортропом. Позднее Лу отметила, что ни одно событие не произошло бы, если бы газета «Тряпье» не была закрыта в День независимости, как почти все офисы в Нью-Йорке.

Дэвид Сверн уик-энд проводил на побережье с женой. Беверли Нортроп с детьми уехала на весь июль. Даже «Сторк клуб» был закрыт. Основной костяк редакции всегда работал по праздникам, потому что у них было общее чувство избранности и заброшенности, похожее на чувство людей, очутившихся на необитаемом острове после кораблекрушения. Несколько человек, предоставленных самим себе.

На самом деле Тони Эллиот уволил секретаршу третьего июля, но никто в офисе не знал этого, потому что впервые Осведомитель молчал. И именно третьего числа Лу и Питер оказались в ее квартире более чем немного пьяными. Они не ужинали, а обед остался слабым воспоминанием.

— Давайте посидим в саду, — сказала Лу.

— Я не знал, что у вас есть сад.

— Это у меня вместо швейцара.

— У моей жены есть швейцар.

Интересно, подумала Лу, что поделявает Беверли в эту минуту. А через секунду ее поразило, что она думает о ней. Как о Беверли. Жену Дэвида звали Лириан. У нее едва не вырвался истерический смешок, когда представила себе, какими катастрофическими будут последствия, если она перепутает этих два имени. Очень смешно. Лу ясно представила себе свою жизнь, наполненную тревогой за то, чтобы с каждым мужем правильно называть его жену. Уф! Извини, дорогой, это другая женщина. Хоть карточки для памяти заводи.

— Тут очень приятно, — сказал Питер, когда они вышли в сад.

— Мне здесь нравится, особенно летом. Я сижу и читаю. И представляю себя на юге Франции.

— Забавный столик.

— Как в ресторане на каком-нибудь пляже.

Это был белый круглый столик, который она купила в дачном отделе «Блумингдейла». В центре стоял тент, который затенял весь стол. Три белоснежных стула вокруг ждали посетителей. На одном развалился мистер Безумец и напряженно сверлил Питера желтыми глазами.

— Ты меня принял? — спросил у него Питер.

— Он еще не решил.

— А вы?

Неожиданность и прямота вопроса выбили Лу из седла. Она не была готова к нему (почему нет, спросила она себя). Лу лежала в белом шезлонге, закрыв глаза, и вопрос Питера повис в воздухе без ответа. Казалось, время застыло, хотя прошло всего несколько секунд.

— Да.

Питер лежал в зеленом шезлонге, и снова Лу показалось, что время замерло. Молчание и бездействие. Но вот Питер встал и поцеловал ее. Поцелуй был таким страстным, что у Лу закружилась голова. Удивительное чувство. Ее давно так не целовали, она почти, да нет, она совсем забыла о таких поцелуях. Дэвид никогда так ее не целовал, даже в самом начале их романа, но Дэвид старше. Толще. Слабее. У него дряблое тело.

Через минуту они были в постели, Лу ощутила на себе тяжелое, гибкое тело Питера, и два года жизни Дэвидом обратились в прах. Она, должно быть, была не в себе все эти два

года. В ту секунду, когда Питер вошел в нее, Лу знала, что больше не будет отказываться от самой себя.

— Мне нравится, — простонала она. — Как хорошо.

— Я люблю тебя.

Она ослышалась, или он действительно это сказал? Какая разница? Она так наслаждалась, что все утонуло в звуках из переплетенных тел. Сначала это было воспаленное дыхание, потом все стало мокрым, очень мокрым, даже слишком мокрым.

— Я принесу полотенце, — сказал Питер.

— Да.

Он принес из ванной полотенце, и она вытерла их обоих.

— Мы не получим воспаления легких, если я включу кондиционер? — спросила она.

— А иначе у нас будут тропические язвы.

Она дурачки хихикнула и на подгибающихся ногах подошла к окну. Ее трясло, когда Питер снова вошел в нее. По пальцам пробегало электричество, такого чувства она никогда не испытывала. Он меня буквально закупорил, подумала Лу. Через несколько минут она сдерживала оргазм, лежа неподвижно, и каждая клеточка ее тела ликовала.

— Давай, — очень нежно прошептал он.

Его слова прорвали плотину с такой неистовой силой, что Лу, услышав вопль, не сразу поняла, что это кричит она сама.

Когда они потом курили в постели, Питер сказал ей:

— У тебя очень красивая грудь. Не большая и не маленькая. Счастливица.

Лу никогда не обольщалась насчет своей груди, потому что она была недостаточно высокой. Не провисшая, но низкая. Ей, к тому же, не нравилось то, что соски у нее коричневые. Но, сравнивая себя с другими женщинами, Лу знала, что не проигрывает им в этой части. А женщины с прыщиками вместо груди, с которыми она часто сталкивалась по работе, годятся разве что для птичек.

— Какую ошибку я сделал, — сказал Питер, — так это то, что женился на лифчике.

— Что это значит? Твоя жена носит армированный лифчик?

— Да нет. Совсем наоборот. Того, что в лифчике, хватает на двух женщин.

— Многим мужчинам это очень нравится.

— Знаешь, женитьба на лифчике влечет за собой много поездок.

— О чем ты говоришь? — рассмеялась Лу.

— О поездках. Мне понадобилось восемь лет, чтобы доехать от сосков Беверли до ее мозгов, и когда я приехал, то не обнаружил ничего стоящего. Поездка не оправдала средств.

— Ты все-таки сумасшедший, — сказала Лу, довольная тем, что ему нравятся женщины с грудью среднего размера и хорошими мозгами.

— Да, я женился на размере тридцать шесть — Вэ, а развожусь с размером тридцать шесть — Цэ. Так она выросла. Через несколько лет у нее будет тридцать восьмой размер, если не больше. В последний раз, когда я проверял, она уже вылезала из тридцать шестого — Цэ.

— Когда это было?

— Около полугода тому назад. Мы давно, как говорится, не спали вместе. Задолго до разрыва.

Лу вспомнила слова Аниты о том, что Питер заразил вшами Беверли, которая передала их Фингерхуду, не важно, как его там зовут, а он, в свою очередь, Аните. Если Анита права,

это значит не только то, что Питер лжет, что давно не спал со своей женой, но может значить и то, что он не знал, что его жена спит с другим.

Питер остался на ночь. Они спали, тесно обнявшись и дыша друг другу в уши. Перед рассветом Лу проснулась от жажды и пошла на кухню. Включив свет, удивилась, почему она решила, что Питер и Тони Эллиот были любовниками.

— У меня было помрачение ума, — сказала Лу подошедшему мистеру Безумцу.

Кот решил, что настало время завтрака, и запрыгнул на стул.

— Потом, — сказала Лу.

Она вернулась в спальню в надежде, что после пробуждения Питер возьмет ее еще раз. Ей хотелось этого при утреннем свете, дабы убедиться, что прошлая ночь не была волшебным сном.

Это случилось еще раз. И это был не сон.

У Лу на десять часов была назначена встреча с дизайнером домашней одежды, так что она должна появиться в офисе не раньше одиннадцати. Садясь за письменный стол, Лу надела темные очки, страшась момента встречи с Питером и не имея смелости посмотреть ему в глаза. Еще раньше, до ухода, они договорились вести себя так, чтобы в редакции не догадались, будто отношения между ними изменились.

— Будем вести себя, как прежде, — сказал Питер. — Друзья-враги.

— Мы не были друзьями.

— Ну, мы же были радушными.

— Я тебя ненавидела.

— Почему?

— Ты был таким высокомерным!

— А ты, мисс Превосходство?

— Я?!

— Да, дорогая. Такое, застенчивое «я»! Может, ты так думаешь, но ведешь себя иначе.

— У меня жуткое предчувствие, что я покраснею, когда мы встретимся в редакции.

— Такие, как ты, не краснеют.

— Тогда будет еще хуже.

— Они ничего не заподозрят, если ты не напишешь объявления печатными буквами, да и тогда эти идиоты ничего не поймут.

— Надеюсь, я не покраснею.

— Считай это упражнением по самоконтролю, — сказал Питер. — Лучший способ решать такие проблемы.

Они встретились только после обеда. Питер с утра уединился с Тони Эллиотом, а когда вышел, Лу уже спустилась перекусить. Когда она вернулась в редакцию, Питера за столом не было, машинка зачехлена.

Наверное, он уже не вернется, подумала Лу, наверное, он позвонит ей из города. И ей пришло в голову, что это было бы глупо, потому что на коммутаторе узнают его голос. Что из этого? Они связаны по работе, так почему он не может позвонить ей по делу? Но когда, черт подери, он звонил ей? Сколько раз? Три раза за четыре года?

«Это не их дело», — решила Лу, считая коммутатор гигантской шпионской сетью, чтобы выследить и поймать ее.

В итоге, когда Питер небрежно подошел к ее столу после обеда и поздоровался, она была так удивлена, что так же небрежно ответила и обнаружила, что не покраснела.

— Видишь? — сказал он. — Я так и знал, что ты прекрасно владеешь собой.

— Я даже не буду носить темные очки.

— Ты свободна вечером? Может, поужинаем?

— Чудесно.

— Я заеду в семь. Мне нужно сначала поехать в клуб и переодеться.

— Хорошо.

Они поужинали в полутемном итальянском ресторане на Третьей авеню, где заказали суп из шпината, телятину, сыр, кофе и полбутылки «Орвьето». Как раз это вино Лу так глупо заказала в «Элен» несколько месяцев тому назад, когда противный драматург, имени которого не могла запомнить, предложил ей выпить. А позднее она подцепила Маршалла в Еврейском музее. Если бы ей тогда кто-то сказал, что уже в июле у нее будет роман с Питером Нортропом, Лу рассмеялась бы ему в лицо.

— Тебе не нравится вино? — спросил Питер.

— Очень нравится. Это мое любимое. А что?

— У тебя было странное выражение лица, когда ты его пригубила.

— Я думала о другом.

— О чем или о ком?

— О том и другом.

Питер испытующе посмотрел на нее и деликатно сменил тему.

После ужина они неспешно пошли к ней домой. Едва вошли, Питер обнял ее и сказал:

— Я весь день о тебе думал.

Они быстро разделись, легли в постель, но там немного отдохнули. Теперь, когда знали, как хорошо им будет, не было смысла спешить. Слова тоже были не нужны. Что говорить? А если что-то и произносилось, то ответ был не нужен, отдельные слова просто вырывались из уст, и их звук повисал над мокрыми телами.

— Да, — могла сказать Лу.

— Вот так, — через долгое время мог сказать Питер.

Или: «Я не могу».

— Тебе это нравится?

— О!

— Невероятно.

— Слушай.

— Снова электричество.

Не важно, кто сказал это, в какой последовательности и через сколько времени, на завтра они ничего не помнили. Слова были частью волшебства, их произносили снова и снова в разных сочетаниях, когда они были очарованы близостью. Язык эротики сам по себе специфичен, как язык любой магии, и так же бессмыслен, когда колдовство заканчивается.

На следующий день, пятого июля, все в «Тряпье» узнали, что секретарша Тони Эллиота уволена, а Лу вспомнила, что Дэвид вернулся в город. Она совсем забыла о нем. И так быстро. Только очень ветреный человек мог забыть кого-то так быстро, а Лу не считала себя ветреной. При этой мысли огорчилась, но ей стало и очень весело, у нее было ощущение силы и свободы. Наверное, она не так нуждалась в Дэвиде, как сама думала все это время.

Вскоре Дэвид позвонил ей.

— Я скучал по тебе, — сказал он. — Как прошел уик-энд?

— Очень скучно.

— Какая была погода в Нью-Йорке?

— Очень жарко. Мне хороший счет за кондиционер. Компания будет в восторге.

— Жаль, что ты не могла уехать.

— Ненавижу ездить в такие дни. Полно машин, и все дергаются. Зато теперь у меня пара выходных на неделе, а это неплохо.

— Вот если бы ты получила колонку... — сказал Дэвид.

— Это вчерашний день, — ответила Лу резче, чем сама хотела.

— Все равно жаль.

— Прошу тебя, Дэвид, забудь о колонке. Ее ведет Питер Нортроп, вот и все.

— Извини. Я просто хотел...

Дэвид хотел сказать, как он ей сочувствует, бедолага. Он стал бедолагой в тот момент, когда Питер Нортроп вошел в нее, но Дэвид еще об этом не знает. Что мне с ним делать, думала Лу.

— Как насчет завтра? — спросил он. — Я сказал Лилиан, что иду в турецкие бани.

Вечер в турецких банях уже давным-давно стал алиби Дэвида перед женой, чтобы провести ночь с Лу. Лу часто шутила:

«Вот уж не думала, что когда-нибудь буду благодарна туркам хоть за что-то».

Сейчас она остро чувствовала грязь их отношений, ложь, непорядочность. Как он смеет так обращаться со мной? Правда, Лу забыла, что два года ее это ни капли не беспокоило. Следующая мысль: у него дряблкое тело.

— Завтра, — с сожалением сказала она, — подойдет.

— Я позвоню завтра днем. Не перерабатывай.

Он всегда был таким банальным!

— Попробую, — ответила Лу. — Пока.

Положив трубку, она заметила, что пальцы побелели от напряжения. Лу смотрела на них. Это те же пальцы, по которым пробежал ток, когда она спала с Питером. Тогда она любила их, теперь ненавидела.

— Завтра я встречаюсь с Дэвидом, — сказала Лу Питеру вечером после того, как они трахнулись.

— Да?

— Он попросил, а я не знала, как выпутаться.

— А почему ты должна выпутываться?

Они сидели в саду, во тьме мерцали огоньки сигарет. Лу отчаянно всматривалась в темноту, пытаясь разглядеть выражение его лица и понять настроение. Он искренен? Саркастичен? Оскорблен?

— Потому что я больше не хочу спать с ним, — сказала она, сомневаясь, что когда-то хотела этого. — Правда, не хочу. Но не хочу и обижать его.

— Надо выбирать, правда?

На них были халаты, которые Лу купила несколько лет тому назад в мужском магазине «Лорд и Тейлор». Она приобрела сразу два халата, чтобы Дэвиду было удобно, когда он у нее оставался. И сейчас ей пришло в голову, что Питер слишком умен, чтобы не догадаться, что до него халат носил Дэвид. Это волнует Питера? По его поведению не скажешь, но внешне он ведет себя так по отношению ко всему вообще.

— Я хочу выпить, — сказала Лу, неожиданно занервничав. — Тебе тоже налить?

— Да, это было бы прекрасно.

Когда шла в гостиную налить виски, она поняла, что хочет, чтобы Питер ревновал, а этого не было. Ей важно, чтобы его волновало, будет ли она спать с Дэвидом; ей хотелось, чтобы он расстроился из-за этого. Может, он не огорчится, может, она ничего не значит для Питера? А затем вспомнила о Беверли.

— Ты слышал о человеке по фамилии Фингерхуд? — спросила она, когда вернулась со стаканами в руках.

— Фингерхуд?

— Да.

— Нет, не думаю. Такой фамилии не забудешь. А кто это?

— У него был роман с твоей женой.

— Моей женой? — Питер приподнялся с шезлонга. — О чем ты говоришь? Что ты знаешь о моей жене?

— Много чего. — Лу было приятно видеть, что сукин сын все-таки вышел из себя.

— Ты хочешь сказать, что встречалась с Беверли?

— Нет. Никогда.

— Тогда, значит, ты знаешь этого Фингерхуда? Так?

— Тоже нет.

Сейчас Лу хорошо видела выражение его лица. Страх загнанного животного, и она подумала, не такое ли лицо было у нее в «Палм Корт», когда Анита упомянула о Дэвиде.

— Должен признаться, я заинтригован, — сказал Питер. — Ты не объяснишь мне, в чем тут дело?

Лу сделала большой глоток виски с содовой.

— Это довольно запутанная история.

— Я слушаю.

— Ну, на самом деле все началось очень давно, в Атлантиде.

На следующий вечер Лу отсосала у Дэвида, у которого в последнее время эрекция появлялась только в этом случае.

Отсасывая его, она думала о Питере и его дикой реакции на рассказ о встрече Беверли и Симоны в Мексике, о Симоне, которая работала у Дэвида и у которой была связь с Фингерхудом. Симона сделала ошибку, познакомив Беверли с Фингерхудом. Потом Лу рассказала об Аните, подруге Симоны, у Аниты (как она подробно описала пораженному Питеру) была связь с Фингерхудом одновременно с Беверли, и...

— Фингерхуд! — заорал Питер. — Что это за ублюдок?

— Он лечащий психолог.

— Рад это слышать, а то я уже решил, что это маньяк, работающий на почте.

— Анита говорит, что он очень основательный человек. Работает в Детском центре на Парк авеню.

— Неужели? Как же он все успевает?

Когда у Дэвида наступила эрекция, он вставил в нее и кончил, а она пошла в ванную, и ее вырвало.

Потом вернулась к Дэvidу и сообщила:

— Я не могу больше с тобой встречаться.

Сначала Дэвид решил, что она шутит.

— Нет, я чертовски серьезна, — сказала Лу. — Мне стыдно перед Лилиан (слава Богу, она не перепутала ее с Беверли).

— Это моя проблема, — твердо ответил Дэвид, — а не твоя.

— Но я о ней думаю.

— Не надо.

— Я ничего не могу поделать. Что, если у нее новый приступ, когда ты со мной в постели? Как я себя должна чувствовать?

— А если бы у нее был приступ, когда я сижу в турецких банях? Какая разница?

— Разница в том, что ты не в бане, а со мной.

Через секунду Дэвид осторожно спросил:

— У тебя кто-то есть?

— Конечно, нет.

— Если есть кто-то, скажи.

Страшный будет вечер, поняла она. Возможно, разговор затянется до утра. Лучше бы промолчать, но сейчас, черт подери, уже поздно.

— Я знаю, ты не хочешь меня обижать, — сказал Дэвид, — но, уверяю, лучше мне знать правду.

— Абсолютно никого нет. Ты доволен?

Она может быть непрактичной, но она не сумасшедшая. Правда! Смех один. Только идиот будет говорить правду в такой ситуации, только идиот хочет ее услышать. Она была идиоткой, когда сказала Питеру, что встречается сегодня с Дэвидом. Чего этим добилась? Ладно, завтра она скажет ему, что встречалась с Дэвидом, но не спала с ним. И Питер поверит ей, как Дэвид поверит, что у нее никого нет. Потому что оба хотят верить. Это вне всяких сомнений. Правда — это для птичек. Отрицать все.

— Как может быть кто-то еще, если мы только что переспали? — спросила она тихо, ощущая новый приступ тошноты.

Утром Лу смотрела, как Дэвид одевается, и непрерывно думала о Питере. Дэвид сначала натянул носки и туфли, а потом брюки. Питер все делал наоборот, брюки у него были слишком узкие.

Глядя на Дэвида в розово-лиловой спальне, Лу решила, что манера Питера ей нравится больше, и задумалась, оттого это, что она начинает любить его, или ей просто нравится его стиль. Стиль всегда интересовал ее. Как человек выглядит, как он одевается, как ходит по комнате. Только очень поверхностный человек считает такие детали незначительными. Внешнее выражение глубинного внутреннего мира.

— Я тебе не верю, — сказал Питер на следующий день, когда она утверждала, что не спала с Дэвидом. — Я прекрасно знаю, черт подери, что ты трахнулась с этим сучьим сыном, но ценю твой жест.

— Это не жест, это правда. После тебя просто *не смогла бы*.

— Хорошо, что ты не увлекалась театром. У тебя это паршиво получается, дорогая.

Он смеялся. Чтобы показать, как огорчена недоверием, Лу заплакала. Он расхохотался еще больше. Она не любила, если ее удавалось перехитрить, надо ей сменить подход, потому что Питер, ясно, не проглотит того, что съел Дэвид. Между всхлипами Лу мысленно пометила себе, что надо обдумать, как вести себя с Питером в будущем.

— Ты мерзавец, — сказала она.

И тут же вспомнила об Аните и ее пилоте. Безнадежная, зависимая любовь. И она тоже попадет в эту дурацкую ловушку?

— Я хочу, — сказал Питер, будто прочитав ее мысли, — чтобы ты зависела от меня.

— Почему?

— Тогда я могу избавиться от тебя.

— Приятно слышать. Но если ты этого хочешь, почему не избавиться от меня сейчас?

— Потому что сейчас именно я от тебя завишу.

Они были обнажены, но еще не занимались любовью.

— Я не верю, что ты когда-нибудь от кого-то зависишь, — сказала Лу.

— Да, до встречи с тобой.

— Я боюсь, — неожиданно задрожала она.

— Кого?

— Не знаю. Тебя. Нас. Я чувствую, ты убьешь меня. У меня никогда раньше не было такого чувства.

— У тебя и электричества в пальцах не было.

— Правда. Все взаимосвязано. Я слишком тебя хочу.

— Хорошо.

Лу не знала, как это случилось, почему она это сказала. Но через секунду услышала свой голос:

— Ударь меня.

Ни секунды не колеблясь, он дал ей пощечину.

— Еще раз. Ладно, хватит, — сказала она после второго удара.

— У меня не очень получается, да?

— Лучше, чем ты думаешь. Ты не тратил времени, другой мог бы вообще отказаться.

— Ты всегда просишь мужчин об этом?

— Впервые в жизни.

— Еще одно впервые, — сказал Питер, обнимая ее дрожащее, заряженное электричеством тело.

После этой ночи Лу стала физически одержимой, она могла думать только о нем и жила только ради вечеров с ним в розово-лиловой спальне.

Они встречались раза четыре в неделю. Вечера, которые Лу проводила в одиночестве, уходили на сон, стирку нижнего белья, намазывание кремом лица и чтение. Теперь, если она спала одна, то непрерывно вертелась, а однажды протянула руку, чтобы нащупать Питера, и проснулась, поняв, что его нет. Его отсутствие так взволновало ее, что остаток ночи она не спала, лежала, глядя в потолок, и думала, зачем ей это безумие. Лу чувствовала, что не принадлежит себе, она была вне себя, ей это не нравилось, совсем не нравилось, но ничего не могла с этим поделать.

С ней это случилось только однажды, и, как она неохотно вспомнила, глядя в потолок, было еще один раз. Все произошло вскоре после ее переезда из Филадельфии в Нью-Йорк, и это был студент. Он учил ее писать статьи, был женатым и не слишком красивым. И все же в нем что-то было. Когда он прикасался к ней, она млела. Несколько дней после встречи с ним тело ее пылало, соски опухали, а сознание мутилось. Лу бродила, как во тьме, ожидая только встречи с ним.

Он не любил ее и не притворялся. Называл ее Луис. Она ненавидела это имя, но из его уст оно звучало музыкой. Он мог бы называть ее Агнесс или Присциллой, ей было все равно. Лу пыталась понять, что в нем такое, что она становилась безоружной, и решила, что, скорее всего, это его недоступность. А что, если это простая старая, сильная биохимия? Ей нравился его запах, хотя не могла бы объяснить, что это за запах. Легкий лимонный аромат,

вот и все, что могла сказать. Наверное, так же невозможно описать цвет. Как это возможно? *Можно ль пламя синим написать?*

Успеваемость у нее стала неровной, потому что она все время думала о чем угодно, только не об учебе. Однажды ночью он сказал ей: «У тебя самая лучшая пиписка из всех, которые я встречал». — «Да нет, обычная», — ответила Лу.

Это была, в общем, правда. Он считал ее нимфоманкой, сначала она спорила с ним, а потом перестала, потому что решила, что, может, он и прав, может, к девятнадцати годам прорвалась ее подлинная натура.

Она делала все, что он хотел, но, к счастью для нее, хотел он немногого. В конце семестра Лу потеряла его как учителя, а вскоре и как любовника. Он заявил, что решил отныне быть верным жене из-за детей и все такое прочее. А через несколько месяцев она узнала, что он связался с семнадцатилетней первокурсницей с длинными светлыми волосами. Вскоре развелся и женился на этой девушке, которая ждала ребенка.

Теперь начала страдать работа Лу в «Тряпье», и однажды Тони Эллиот сказал ей:

— Что-то у вас притупилось перо. Что-нибудь случилось?

— Может, у меня начался ранний климакс.

— Если я могу чем-то помочь...

Она удивилась. Впервые увидела, как Тони сбросил маску равнодушия и искренне посочувствовал ей. Может, все-таки он человеческое существо, подумала она, удивляясь, почему же тогда уволил секретаршу.

— Я постараюсь исправиться, — сказала она. — У меня сейчас личные проблемы.

— Я в вас верю. Вы великолепный репортер.

— Вы имеете в виду, — улыбнулась Лу, — *была* им.

— И остаетесь.

Он взялся за телефон, показывая, что разговор закончен.

— Ты еще любишь свою жену? — спросила она ночью Питера.

— Не думаю. Но восемь лет жизни и дети что-то значат. Возможно, это не любовь, а привычка, но я все равно не хочу жить с ней.

— Но ты о ней думаешь, — сказала Лу, ненавидя себя за настырность.

— Временами. Нет. Чаще. Я думаю об этих восьми годах, и мне кажется, что мы не были несчастливы. Не восхитительные годы, но по-своему нормальные. И все равно не хочу возвращаться, слишком поздно. Но я удивлен. Я удивлен даже проблемой лифчика, о которой тебе говорил. Скажи, я преувеличивал, говоря, что Беверли — посредственность?

— Ты хотел оправдать разрыв.

— Да, что-то вроде этого.

Мужчины, которые недавно разошлись с женами, просто несносны, подумала Лу. Они ни здесь, ни там. Болтаются, как цветок в проруби. Самое худшее время для связи с ними. У женатых мужчин типа Дэвида была возможность вернуться домой к успокаивающей привычной рутине жизни. Мужчина, который недавно развелся, должен создать для себя новый образ жизни, что-то предпринять, чтобы заполнить возникшую пустоту. А некоторые, вроде Питера, метались между двумя разными мирами, не примыкая к одному и не порывая с другим.

Не следовало говорить о Беверли и Фингерхуде. Возможно, тот факт, что Беверли заинтересовалась другим мужчиной, пробудил интерес к ней. Зачем она ему сказала? Без сомнения, это глупое, злобное желание показать, что она знает о его жене нечто, чего не

знает он. Глупость и ничего больше. Нужно было придержать язык. Мысль, что Питер может вернуться к Беверли, сводила ее с ума, и от этого она стала еще одержимее сексом. Как будто могла крепче привязать его безудержными постельными играми, хотя и сама понимала, что это чепуха.

В конце месяца Лу получила от Дэвида чек на сто долларов и записку: «Пожалуйста, возьми деньги. Ради Джоан». Выглядело так, что Дэвид заботливый и неэгоистичный, в отличие от нее. Она не доверяла неэгоистичным людям, не могла поверить в их искренность. В письме Лу поблагодарила Дэвида, написав, что надеется на выздоровление Лилиан.

— Лилиан прекрасно себя чувствует, — сказал Дэвид, когда позвонил после получения письма. — А как ты? Я жутко скучаю по тебе.

— Все хорошо.

— Не хочешь как-нибудь поужинать вместе?

Очень грубо ему сейчас отказывать.

— Нет, не думаю, — ответила Лу, а потом добавила: — Сейчас не то время.

— Но мы же можем быть друзьями?

Возник образ спальни.

— Конечно, Дэвид.

— Я позвоню тебе.

— Береги себя, Дэвид.

— Ты тоже, детка.

А в это время состоялось несколько других разговоров.

Разговор № 1. Беверли и Анита

Беверли. Это Беверли Нортроп. Вы меня помните?

Анита. Да, конечно. Как поживаете?

Беверли. Хорошо. Я с детьми только что вернулась после месячного отдыха.

Анита. Завидую.

Беверли. И мне позвонил человек, который говорит, что он ваш друг. Англичанин...

Анита. Йен Кларк.

Беверли. Именно он.

Анита. Надеюсь, вы не сердитесь, что я дала ваш телефон. Мне показалось, что вы понравитесь друг другу.

Беверли. Очень мило с вашей стороны. Мы еще не встречались, и именно поэтому я звоню. Какой он?

Анита (*искренне*). Очень милый, очень воспитанный и очень привлекательный.

Беверли. Чем он занимается?

Анита. Работает в телешоу «Загадка».

Беверли. «Загадка»? Это там, где все участники с высшим образованием?

Анита. Да, это. Йен — помощник режиссера. Он подбирает участников.

Беверли. Хорошая работа.

Анита. Он ведь иностранец, так что ему нелегко было прорваться на телевидение, пришлось заниматься тем, что дали. Но Йен далеко пойдет. Он очень одаренный.

Беверли. А как он выглядит?

Анита. Высокий блондин. Англичанин.

Беверли (*меняя тему*). Я читала статью о вас в «Тряпье». А что вы думаете о девушке, которая брала у вас интервью?

Анита. Лу Маррон? Я думаю, она лесбиянка. Ну, не совсем лесбиянка, а бисексуалка.

Беверли. Да? А почему вы так думаете?

Анита. Она ведь трахается с вашим бисексуальным мужем, правда?

Разговор № 2. Анита и Симона

Анита. Привет, мне только что звонила эта жопа Беверли Нортроп.

Симона (*сидя за ужином*). Ты начинаешь разговаривать, как я. Роберт тебе еще этого не говорил?

Анита. Не сволочись из-за того, что Стейси вернулся в Детройт. Найдешь другого урода, как всегда.

Симона. Спасибо за комплимент, но Стейси здесь ни при чем. Я рада, что он исчез. Он начал действовать мне на нервы. Мне эти цепи уже по ночам снятся. Ну, хватит обо мне. Как у тебя дела с месье Фингерхудом?

Анита. Честно говоря, после аборта не очень. На меня это сильно подействовало.

Симона. А иначе ты сейчас была бы на четвертом месяце.

Анита. Я не хочу ругаться. Мы давно дружим, и я всегда знаю, когда ты расстроена.

Симона. Откуда?

Анита. Ты всегда опускаешься до французских слов.

Симона. Лучше, чем опускаться до немецких, фрейлейн Норформс.

Анита. Я пока не буду ругаться. Я позвонила, чтобы сказать, что, кажется, я соединила Беверли с искателем удачи Йеном. Разве ей не поможет?

Симона. В чем?

Анита. Ты спрашиваешь? Ты что, не помнишь, как увидела ее на полу у Роберта через два дня после того, как он тебя выбросил? Не рассказывай только, что теперь вы снова подружились.

Симона. Это правда. Беверли — нормальная женщина. Я ее простила.

Анита. А я нет.

Симона. Тебе *ее* не за что прощать.

Анита. Это ты так думаешь. У нее большая грудь и куча денег.

Симона. Она не виновата.

Анита. Я знаю, и это еще хуже. Она ничего не сделала, чтобы получить их. Посмотри на меня. Я паху двадцать пять лет и до сих пор плоскогрудая и нищая.

Симона. Двадцать шесть.

Анита. Если б я не знала, что у тебя нет оргазма, я бы тебя не простила, но, честно говоря, мне тебя жаль, Симона. Поэтому я не сержусь.

Симона. Лучше бы ты сердилась. Кому нужно твое вшивое сочувствие? Кроме того, я кое-что придумала и в ближайшие дни получу классный оргазм, вот что я тебе скажу.

Анита. Не хочу спрашивать, потому что боюсь услышать ответ. Но, думаю, тебе будет интересно узнать, что твоего дружка Дэвида Стерна обманывает его подружка.

Симона (*удивленно*). С кем же?

Анита. С мужем-педиком Беверли.

Симона. Откуда ты знаешь, что он педик?

Анита. Ты же сама так говорила, когда вернулась из Мексики. Задница.

Симона. Почему ты веришь всем моим словам? Ты же знаешь, какая я лгунья.

Анита. Ну, с меня хватит. Надеюсь, ты никогда не кончишь.

Симона (*задумчиво*). Это комбинация психологии и йоги. Ты говоришь себе: «Я не хочу кончать, я не хочу кончать, я не хочу...»

Разговор № 3. Симона и Дэвид

Симона. Мистер Сверн, есть кое-что, что вы должны знать.

Дэвид (*устало*). Да?

Симона. Речь о мисс О'Хара.

Дэвид (*оживленно*). В чем дело? Она в беде? Несчастный случай?

Симона. Она в беде, верно, но я бы не назвала это несчастным случаем. Это нечто особенное.

Дэвид. О чем вы говорите?

Симона. Мисс О'Хара трахается с мистером Норттропом, мистер Сверн.

Дэвид (*позеленев*). Вы уволены, мисс Ласситье.

Когда Питер спросил Лу, зачем она держит кота, та ответила:

— Потому, что это не кот: Он принц. Скоро превратится в принца.

— Или в лягушку.

— Иногда я тебя ненавижу.

Питер запел: *Когда я тебя ненавижу, то любовь во мне говорит. Что поделать, я так счастлив с тобой.*

— А я несчастна.

Они столкнулись по дороге в редакцию, и Питер предложил зайти выпить кофе. Это было через три дня после того, как они спали в последний раз.

— Вечером встречаемся? — спросил Питер, садясь за столик.

— Если ты снова не занят.

— Это зависит не от меня.

— А от кого? Другая девушка? Может, Беверли?

— Ты сегодня просто ясновидящая.

— Вовсе нет, дорогой. — Она начала и говорить, как он. — Ясновидение относится к будущему. А я говорю о недавнем прошлом. О последних трех ночах.

Питер рассмеялся, но не стал ничего отрицать.

— Не шути со мной, — с горечью сказала Лу.

— Шутить с такой шутницей, как ты?

— Ты это и делаешь. Передай, пожалуйста, сахар.

На выходе он сказал:

— Сегодня вечером есть маленькое дельце. Я должен пойти на день рождения дочери.

Ей сегодня шесть. Хочешь пойти со мной?

Предложение поразило Лу.

— А Беверли будет?

— Конечно, она же мать Салли.

— С удовольствием. — Желудок у нее уже свело. — Спасибо.

Первое, что потрясло Лу в тот вечер, это дом, в котором жила Беверли. Это было совсем не новое здание из стекла и стали, как она ожидала. Старое величавое здание с угрюмым вестибюлем, равнодушным швейцаром и лифтом самообслуживания.

Питер нажал кнопку, и они поехали. Лу тут же подумала о своем первом этаже и садике.

Утром она получила письмо от матери, в котором та писала, что Джоан становится все своенравнее. Теперь она отказывается завтракать. Лу разъярилась, прочтя эти строчки. В детстве мать насильно кормила ее овсянкой, от которой ее рвало. Не удивительно, что Джоан взбунтовалась. Понятно, что ее так же насильно кормят. Единственное, от чего ее тошнило быстрее, чем от воспоминания об овсянке, это от отсасывания Дэвида.

Когда четыре дня тому назад она легла в постель с Питером, он сразу сказал:

— Давно меня не отсасывали.

Первой ее реакцией, которую она скрывала, было проклятие, но выяснилось, что Питер — это особый случай. Ей нравилось это делать, может быть, потому что у него эрекция от этого не зависела, как у Дэвида. В случае с Дэвидом она знала, что это благотворительность, а от этого с души воротило.

Днем, когда у Лу была пауза, она написала письмо матери, в котором требовала прекратить третировать девочку. «Ты насильно кормила меня, — писала Лу. — Ты помнишь? И я благодаря тебе сейчас не могу завтракать». Но, отдав письмо курьеру, огорчилась. Неужели она может диктовать свои условия из-за сотни долларов в месяц?

— Приехали, — сказал Питер, нажимая кнопку звонка.

Плотная негрятянка в белом переднике и чепце открыла дверь. Лу с интересом заметила, что вместо привычной для прислуги одежды на ней было платье с ярко-оранжевым геометрическим рисунком. Лу остро ощутила, что женщина сейчас заорет, как истая африканка, но вместо этого та очень спокойно сказала:

— Добрый вечер, мистер Нортроп.

— Как дела, Маргарет? Это мисс Маррон. Лу, это Маргарет.

— Привет, Маргарет, — сказала Лу. — Роскошное у вас платье.

— Спасибо, мэм, — ответила Маргарет и бросила на нее подозрительный взгляд.

— Не тушуйся, — прошептал Питер, когда они входили в гостиную, где на стене висело огромное фото Адольфа Гитлера без усов. — Мне его сделал Кав, — сказал Питер.

В комнате маленький мальчик крутил вокруг себя девочку с завязанными глазами. Когда она остановилась, то пошла к портрету и попыталась приколоть усы на место. Они попали в ухо, и все дети рассмеялись.

— Эту образовательную игру придумал я, — сказал Питер. — Вместо того чтобы прикалывать хвост ослу, дети прикалывают усы Гитлеру, сигару Уинстону Черчиллю, пенсне Рузвельту и так далее.

— Это не устарело? Я имею в виду персонажей. Почему не Мао Цзэдун или не Линдон Джонсон?

— Это будет другая серия. А эта посвящена второй мировой войне. Я сделаю несколько серий по мировой истории.

В комнате висели бумажные гирлянды и воздушные шары, а в центре покрытого белоснежной скатертью длинного стола стоял торт с шестью розовыми свечами.

— Папа! Папа!

Это была маленькая девочка, которая только что приколола усы в ухо Гитлеру. Она крепко обняла Питера. Платьице у нее задралось, и Лу заметила под ним трусики того же стиля, что и изысканное летнее платье.

— Папа, я боялась, что ты не придешь.

— Ну, милая, как же я мог пропустить день рождения моей малышки?

— Может, и мог, — сказала Салли, уставившись на Лу. — Мы же разводимся.

— Глупости. Я удивлен. Родители не разводятся с детьми и иногда даже не разводятся друг с другом. С днем рождения, милая.

Он представил Лу, и Салли сказала:

— Я вас знаю. Вы пишете о лифчиках и поясах в папиной газете.

— Правильно, — сказала Лу, пораженная сходством между отцом и дочерью.

— Вам лучше писать о конкурсах пирожных.

Лу и Питер рассмеялись, Салли вернулась к гостям, и тут появилась Беверли. Она была выше и красивее, чем думала Лу, и у нее прекрасные волосы, спускавшиеся по веснушчатым, слегка загоревшим плечам. На ней было романтическое зеленое платье с глубоким вырезом, открывавшим большую грудь, от которой так устал Питер. Лу было интересно, какой на ней лифчик. У нее возникло жгучее желание пососать грудь Беверли.

— Дорогая, — сказал Питер жене, — я хочу представить тебе...

Беверли что-то пила из темного бокала такого же цвета, как и платье, и Лу отметила, что под глазами у нее синяки и вид утомленный. Маргарет и другая тоненькая негритянка начали приносить блюда и сервировать стол. Повсюду стояли вазы с красными и желтыми длинными розами, а в углу сидела бабушка. Лу вспомнила о своей дочери, давящейся овсянкой на Спрюз стрит.

— Я рада, что вы пришли, — сказала Беверли Лу. — Я много о вас слышала от Питера. Он считает вас первоклассной журналисткой.

— Спасибо, но, кажется, вашей дочери не нравятся темы, на которые я пишу. Она считает, что я должна писать о пирожных.

Женщины обменялись взглядами. Сочувствие? Враждебность? Отчаяние? Лу не могла понять. Она шла сюда с предубеждением против Беверли, а сейчас не знала, что ей и думать. Как правило, она быстро разбиралась в своих чувствах, но сейчас оказалась в сложном положении. Если бы не Питер, они могли бы подружиться, подумала Лу. Что-то в Беверли привлекало ее. Под здоровой оболочкой таилась потерянная душа.

— Где подарки? — спросил Питер.

— Я положила их в шкаф Маргарет. Это самое надежное место.

— Сейчас будем дарить?

— Наверное.

Лу перестала прислушиваться. Она чувствовала себя лишней при этой домашней сценке, она не принадлежала к этому миру. С чего ей взбрело в голову принять приглашение Питера? Только из желания посмотреть на Беверли? Теперь, после встречи, Лу не могла вспомнить, что она ожидала увидеть, и через минуту поняла почему. Потому что Беверли для нее по-настоящему не существовала, она была фантомом, призраком, который Питер называл своей женой, но который в сознании Лу существовал, как придуманный образ.

Так же она думала и о Лилиан. Может, ей понравилась бы Лилиан, если бы они познакомились, но сейчас это вряд ли вероятно. Дэвид. Она уже скучала по нему. Лу не

хотела, чтобы он вернулся, по крайней мере в физическом смысле, но все равно скучала. Он был ее другом, таких отношений с Питером у нее не будет. У Питера есть друзья? Она сомневалась. Потом задумалась, не потому ли они с Дэвидом друзья, что между ними не было страсти? Почему дружба исключает страсть? Или страсть — дружбу?

— Наверное, я сейчас сделаю подарок Салли, — сказал Питер, — потому что нам скоро уходить.

— Куда ты идешь? — спросила Беверли. — Это я к тому, что мне жаль, что ты не можешь остаться. Ты даже не поздоровался с сыном.

— Я как раз собирался это сделать, дорогая. Я же только что вошел.

— И не дождешься, когда уйдешь.

— Я чувствую, что я... — начала Лу.

— Ты не виновата, — отрезал Питер.

— Никто не виноват, — беззлобно сказала Беверли.

Подошла Маргарет и сообщила, что звонит мистер Кларк.

— Я поговорю из кухни, — сказала Беверли.

Она вернулась с нахмуренным лицом.

— Свидание за ужином отменяется. Он должен встречаться с продюсером. Бизнес. Все мужчины в Нью-Йорке только о нем думают. Не знаю, как им удастся выкраивать время для женщин, если все так заняты карьерой? Вы со мной согласны, мисс Маррон?

— Не знаю. Я сама слишком озабочена карьерой.

— Да, конкуренция жестокая.

— Ко всему привыкаешь.

— Я бы не смогла, — сказала Беверли, делая глоток. — Мужчины в Нью-Йорке пугают меня. Я и не представляла себе, как мы были изолированы в Гарден-Сити. Теперь я понимаю, что значит жить в воздушном замке.

— Значит, вы не скучаете по нему.

— От избытка воздуха кружится голова. — Беверли отхлебнула еще. — Слишком много виски.

— Тогда почему бы не остановиться, дорогая? — спросил Питер.

— Мне нравится быть карикатурой. Меня это веселит. Знаешь, высший средний класс, скучающая домохозяйка, которую уже не любит муж, так что она до одурения смотрит по телевизору мыльные оперы.

— Твоя жалость к себе не имеет границ.

— Как и отсутствие сочувствия у тебя.

— Нет смысла ссориться, — сказал Питер. — Давай сделаем подарки Салли.

Позднее, когда они с Питером убежали в бар в «Карлайл», Лу сказала:

— Мне понравилась твоя жена.

— В смысле, что ты ее жалеешь?

— Не совсем. Я никогда не жалею красивых людей.

— Она красивая, правда? — Он посмотрел на себя в зеркало за стойкой бара. — Хотя и пьет.

— Она и впрямь много пьет?

— Если не спит. Она — как рыба. Ее способность пить ты и вообразить не можешь.

— Так всегда было? С самого начала брака?

— Первых несколько лет она не пила так много, но склонность была всегда.

Оглядываясь на прошлое, я не понимаю, почему я не видел первых знаков опасности.

— Тогда ты любил ее.

— Наверное, поэтому.

Хотя видно было, что он вызывает у жены отвращение, Лу чувствовала, что его еще влечет к ней. Или это просто жалость? Лу не жалела Беверли, она подозревала, что в этой женщине есть скрытые ресурсы, о которых Питер ничего не знал и не хотел знать. Отчасти он был сделан своей женой, а теперь эту роль приходится выполнять ей.

— Беверли хочет присоединиться к нам, — сказал Питер, — после того, как Салли задует свечи.

— Здесь?

— Да, надеюсь, ты не против? Она не в себе. Этот парень отменил встречу, да и остальное не лучше.

Лу хотела сказать: «Но я против, категорически против. А чего ты от меня ожидал? Убийца».

Вместо этого она совершила ошибку, пытаясь быть цивилизованным человеком:

— Интересный должен быть вечер.

Так и случилось.

Беверли была гораздо пьянее, чем когда они оставили ее дома, и настроение у нее было еще отвратительнее. Она стала угрюмой, жалкой и злой.

— Моя жизнь разрушена, — сказала Беверли в какую-то минуту. — Всем плевать, жива я или мертва, так что пора кончать с собой.

Но через мгновение она обвела сердитым взглядом богато обставленный зал и сказала:

— Это для богачей. Давайте выметаться отсюда.

Они пошли в бар в Гарлеме и заказали фирменный напиток «Черная мама», который оказался не экзотичнее молока со льдом. Через несколько минут они снова заскучали, отчасти потому, что на них никто не обращал внимания, а воздух почти не проветривался.

— Куда теперь?

Это спросила Лу, понимая, что если у нее есть хоть капля мозгов, то надо оставить их и бежать к своему садику и коту. Но, не умея пить, она нарезалась и не могла видеть ни садик, ни кота, хотела выпить еще, сделать что-то, чтобы разрушить чары, под которыми жила с тех пор, как связалась с Питером. Сексуальная мания была не лучшей частью жизни. Лу хотела, чтобы был секс или не было его, но только бы он не властвовал над ней, как сейчас. Крайности чувств пугали ее, она не хотела так много думать ни об одном человеке. Если бы не была так озабочена, то могла бы взять верх, как это было с Дэвидом. Но из-за Питера ей стала скучна умеренность, которой она наслаждалась с дорогим Дэвидом.

Наслаждалась, потому что Дэвид подходил ей. При нем она хорошо работала, достаточно гордилась собой и могла похрапывать во сне. При Питере ляпнулась, и ради чего? Любовь? Какое смешное слово, сколько в него втиснуто недоразумений! Например: ничтожность, желание, неопределенность, экстаз. Пруст писал, что человек может узнать, любит ли он другого, только по силе причиненной ему боли. Именно поэтому Пруст жил в обитой пробкой комнате и завернувшись в плотное пальто, а по ночам бегал в «Риц» поболтать с метрдотелем.

Когда они уходили из бара в Гарлеме, Питер сказал:

— Давайте попьем опиума.

И женщины пьяно кивнули. Он повел их в дом в начале шестидесятых улиц, от которого

у него были ключи.

— А как пить опиум? — спросила Лу, когда они вошли в дом.

В доме было три этажа, но Питер посоветовал остановиться на первом, где были две комнаты и кухня. Большая комната была забита толпой гипсовых людей. Одни танцевали, другие стояли у бара, ожидая, когда гипсовый бармен сделает им коктейль. Третьи обнимались. Один гипсовый мужчина держал за грудь гипсовую женщину в трусах. Некоторые ели гипсовые бутерброды, разрисованные под настоящие. Был и гипсовый полицейский с гипсовой кобурой и гипсовым револьвером. Полицейский разговаривал с гипсовым мужчиной в куртке и мотоциклетном шлеме.

— Все очень просто, — сказал Питер. — Я вам покажу.

Он прошел на кухню и поставил чайник. Затем взял с полки три чашки, на одну четверть засыпал сахаром, положил по пакетiku чая и залил кипятком.

— Сахар снимает горечь опиума, — пояснил он Лу, которая прошла с ним.

Откуда-то сверху раздалась мелодия джазовой песни: *Эй, мисс Бесси, ты прекрасно все приготовила. И я приду к тебе в полночь.*

Беверли осталась в большой комнате и танцевала в одиночестве, когда они вернулись с тремя чашками дымящегося чая. Питер вынул коробку из-под аспирина из куртки гипсового полицейского и достал три крошечных бумажных пакетика. Беверли была поглощена танцем, но, когда чуть не врезалась в одного из гипсовых танцоров, Питер велел ей сесть.

У стены стояло несколько дешевых металлических стульев, и она рухнула на один из них.

— Так это сюда ты возишь детишек? — спросила Беверли у мужа.

Через открытую дверь можно было рассмотреть другую комнату, поменьше. Там были кровать с отполированным изголовьем, ковер и блестящие золотой бахромой подушки.

— Итак, — сказал Питер, обращаясь к ним, — кладем опиум под язык, но не глотаем его. Отхлебываем чай, пару секунд держим его во рту, глотаем и делаем другой глоток. Но опиум не глотаем. Суть в том, чтобы он растворился в чае.

— А если проглотить? — спросила Лу.

— Придется долго ждать, пока разберет.

— А что тогда будет?

— Очень теплое приятное чувство охватывает все тело. Начинается с желудка.

— Я голодна, — сказала Беверли.

— Заткнись, — ответил Питер, — и пей чай.

— Я проглотила, — через секунду сказала она. — Что теперь?

— Жди двадцать минут. Если ничего не будет, я тебе еще дам.

Питер забалдел первым. Они сидели на складных металлических стульях, выстроившись в линию, как манекены. А голос сверху продолжал петь: *Не надо горячего, не надо холодного. Я обглодаю все до косточки.*

Впоследствии Лу не могла вспомнить, кто первым пошел в спальню, кто вторым и кто третьим, все происходило в каком-то тумане. Она парила в космосе. Помнила какой-то мягкий мех на коже, он щекотал спину, потом соски, потому что она перевернулась. Или это была Беверли?

Затем они медленно переплелись. Питер был в ней, Лу откинулась на спину, он подsunул под нее подушку с золотой бахромой, и она лежала, закинув руки за голову, а Беверли с закрытыми глазами сосала ее грудь. Потом Беверли поцеловала Питера в рот над

ее головой, Лу попыталась поцеловать их обоих сразу, но все перепуталось, и она в душе просто парила над кроватью. Ничего, кроме тела. Сон стал явью. Языки переплелись. Рот Лу был в Беверли, руки ласкали ее грудь, а султан Питер смотрел на все это и затем погрузил свой рот в Лу, утопая ногами в длинных рыжих волосах Беверли.

Ни одного слова не было произнесено, только сдавленные животные звуки в душной атмосфере, и они не исчезали, пока их не заглушал очередной стон одного из трех безумцев. Это был медленный танец. Лу окосела. Питер был хореографом. Он располагал их то в одной, то в другой странной позе, но странным это показалось Лу только на следующий день, потому что в момент действия все казалось естественным единством тел. Лу чувствовала, что была ничем, только бесформенной массой чувств. Все ее худшие страхи сбылись. Это пик гедонизма (не думала, а ощущала она), и это не убило ее. Лу не собиралась умирать оттого, что ее заживо едят двое других безумцев.

Не хочу жирного, не хочу постного. Эй, Бесси, ты меня понимаешь.

Пластинку, должно быть, ставили снова и снова, и она продолжала играть, когда они все-таки вынырнули из черной спальни и безмолвно начали одеваться. Питер поправил галстук и подтянул ремень. Грудь Беверли снова полуспряталась в кружевах платья. Лу пристегнула летние оранжевые чулки. Когда она пристегивала заднюю подтяжку, то увидела мужскую ногу, настоящую ногу между гипсовых людей. Прямо у ее лица.

Она раскрыла рот, но промолчала. Это был Тони Эллиот в двубортном полосатом костюме гангстера, в руке у него был гипсовый стакан, а на голове длинноволосый белый парик. Глаза у него сверкнули. Лу взглянула на Беверли в молчаливой мольбе, а Беверли посмотрела на Питера. Тонкие губы растянулись в улыбке, а Тони прядью волос из парика изобразил усы. Питер рассмеялся.

И звук его смеха вывел Лу из себя. Она подошла к гипсовому полицейскому, вынула гипсовый револьвер и прижала его к влажному виску Питера. Лу нажала на курок. Рев трубы на пластинке заполнил паузу, и тут же раздался звук падения тела Питера на пол, потом раздался его смех. Сам он корчился, схватившись руками за живот.

Лу и Беверли продолжали одеваться, а Тони Эллиот дергал гипсового полицейского за руку, чтобы тот обратил внимание на гипсовое убийство.

Было утро среды в середине сентября, и Симона одевалась на похороны Дэвида Сверна.

По крайней мере она старалась это сделать. Смесь шока, горя и обычной для нее неорганизованности очень замедляла этот процесс. Она начала одеваться в девять часов, уже час тому назад, и до сих пор не могла выбрать между черным мини и черным миди. Мини-платье выглядело более почтенным, значит, более подходящим для этого случая, но впереди на юбке было пятно, которое не удавалось вывести. Она понятия не имела, отчего оно: от еды, от напитков или от спермы. Последним, кто трахал ее в платье, был мудака-психолог, но это происходило сто лет тому назад, и платье было другое. Ну, ладно. Она еще раз рассмотрела другое платье. Все равно больше подходит для вечеринки, чем для похорон. Оно напоминало об итальянских актрисах из старых фильмов Росселлини, когда они изображали проституток.

Симона в свое время вышвырнула три черных платья, в которых работала манекенщицей. Любое из них подошло бы для похорон, но когда в прошлом месяце Дэвид Сверн уволил ее, она, вернувшись домой, в слепой ярости выбросила их в мусорный ящик. Сначала Симона решила, что хозяин шутит, даже не могла поверить, что он так разозлится.

— И все из-за того, что я сказала, будто мисс О'Хара трахается с мистером Нортропом, — плакала она на плече Хелен в раздевалке.

Другая манекенщица сочла ее невероятно наивной.

— Как ты могла подумать, что будешь так говорить с боссом и тебя не уволят? — спросила Хелен.

— Я желала только хорошего. Мне хотелось, чтобы он знал, что творится за его спиной.

— Вот босс и узнал. За сколько он тебе заплатил вперед?

— За две недели.

— А что насчет новой работы?

— Наверное, — вытерла слезы Симона, — я буду работать у доктора Хокера.

— Кто это?

— Хорошенький мозольный оператор, которого я встретила в «Русском чайном доме».

Его контора за углом от моего дома, и он говорит, что ищет девушку для работы.

— И что ты должна делать? Резать грязные ногти на ногах?

— Мы не обсуждали деталей, но какая разница? Он очень милый человек, место работы удобное. Я могу обедать дома.

— Если останется аппетит после запаха грязных ног.

— У меня плохой нюх. Как и у доктора Хокера. Он говорит, что через три дня я ничего не буду чувствовать. Как люди на мусороуборочных машинах. Для них мусор пахнет не хуже духов.

— А может, перейти к другому меховщику? У тебя большой опыт.

— Нет. Надо поменять жизнь.

Хелен пожалала плечами.

— Да уж, доктор Хокер — это настоящая перемена.

— Он к тому же говорит, что у меня будет белая одежда медсестры. Белое лучше, чем осточертевшее черное каждый день. У меня предчувствие, что в белом мне будет легче.

— Не могу представить тебя в халате медсестры.

— Да, — засмеялась Симона, — зрелище еще то будет.

Похороны были назначены на 11 утра в часовне Риверсайд на углу Семьдесят шестой улицы и Амстердам авеню. Вчера вечером Хелен по телефону сообщила трагическую новость.

— Он умер прямо в демонстрационном зале, на глазах у всех. Сидел с дураком из Луисвилля, обсуждал ондатровые шапочки и вдруг рухнул на стол. Когда приехала «скорая», он уже был холоден, как рыба. Инфаркт, как я и предсказывала.

— Интересно, как воспримет это мисс О'Хара?

— Не знаю, как она, а вот его жена в ужасе. Сразу начала кричать, как только ей позвонили.

— Ирония судьбы, — сказала Симона. — Долгие годы она была инвалидом, а он скопытился первым. Да, интересные будут похороны.

— Ты хочешь сказать, что *пойдешь*? — удивилась Хелен.

— Конечно, а ты?

— Ни за какие коврижки. Ты была на еврейских похоронах?

— Нет.

— Жуткий плач, Симона. Они невероятно плаксивы, совсем не сдерживают себя, особенно если смерть была внезапной. Сама увидишь. Они задыхаются и падают в обмороки.

— Ну, нельзя же себя вести, как на китайском Новом годе, правда?

— Восхищаюсь твоим мужеством. Расскажешь, как выглядит мисс О'Хара.

— Я все запишу, — пообещала Симона.

Доктор Хокер милостиво отпустил ее в это утро, чтобы она смогла пойти на похороны. Работать у него было не плохо, совсем даже не плохо, решила Симона, когда еще раз попыталась удалить пятно с платья. Мозоли и вросшие ногти. Ей в голову не приходило, что так много внешне благополучных людей страдают от них. Она должна была только вымыть пациенту ноги после операции и посыпать тальком между пальцами, а все остальное время отвечала по телефону, составляла график и заполняла счета. В полдень шла домой, разогревала обед и гуляла с Чу-Чу. Нет, совсем не плохо.

Пятно не выводилось, и Симона решила закрыть его брошью. Брошь странновато

выглядела на подоле платья, но люди решат, что это новая мода. Другое платье совсем не подходило для таких печальных событий. Оно было бы оскорблением памяти мистера Сверна, и, хотя он ее и уволил, она сохраняла наилучшие воспоминания о хорошем человеке. Было и чувство вины. Может, ее рассказ о сексуальной жизни мисс О'Хара ускорил его преждевременную смерть.

Симона пошла к станции метро, чтобы доехать до часовни Риверсайд («Там хоронят всех богатых евреев», — сказала Хелен). Она не ездила в метро с тех пор, как ушла из «Мини-Ферс инкорпорейтид», и оказалось, что оно осталось таким же отвратительным, как и прежде. Несмотря на все прожитые в Нью-Йорке годы, Симона не переставала удивляться тому, сколько в нем можно встретить уродов и сколько там людей разговаривают сами с собой. Когда вышла на Семьдесят второй улице, пуэрториканец в яркой полосатой рубашке спросил ее, не жарковато ли она оделась для теплого сентября. Симона жалела пуэрториканцев, но хотела, чтобы они вернулись домой, где с ними не обращались бы так пренебрежительно и где они не выглядели бы такими забытыми. Ее поражало, что они продолжают приезжать в Нью-Йорк.

Часовня Риверсайд была большим внушительным зданием, и сердце у Симоны забилося при приближении к нему. Когда она сказала, что не была на еврейских похоронах, то не стала уточнять, что вообще ни разу в жизни не была на похоронах. Мысль о смерти так ужасала ее, что Симона не могла столкнуться с ней лицом к лицу. И все же сегодня она пришла сюда под воздействием чувства вины, раскаяния и любопытства.

У здания стояла толпа разговаривающих между собой людей. Все поглядывали на часы. У Симоны часов не было, но она знала, что одиннадцати еще нет, так как взглянула на часы в метро. В вестибюле к ней направился высокий торжественный человек с седыми волосами. Он казался одним из персонажей фильма «Семья Аддамсов».

— Могу я чем-то помочь?

— Да, я хотела бы знать, где проводы мистера Сверна.

— На четвертом этаже. Они еще не начались.

— Спасибо.

У лифтера тоже был очень торжественный и очень душевный вид. Симона подозревала, что после работы все они отправляются пить пиво и играть в боулинг.

Когда она вышла из лифта, к ней направились три молодых человека, похожие на служащих в кинотеатрах. У нее было ощущение, что ей предложат хорошее место в первом ряду на хороший фильм, но где же их фонарики? Они провели в высокую часовню с витражами, где уже собралось много народа.

— Покойный вон там, — прошептал один из молодых людей. — Служба начнется через десять минут.

Она задумалась, а что же за люди стояли на улице. Может, они ждут другую службу, а может, хотят видеть покойника не больше, чем она сама. Но было уже слишком поздно уходить.

Они положили слишком много румян на щеки мистера Сверна, стараясь, чтобы он выглядел, как живой, и это поразило Симону, потому что он был холоден и мертв, как камень. Тихая процессия людей шла в один ряд мимо открытого гроба Дэвида Сверна, у некоторых были слезы в глазах, на лицах отражалась нестерпимая боль, у других только вежливое любопытство. Посмотрев на мертвого человека, они останавливались и разговаривали с женщиной, сидевшей в первом ряду сразу за гробом. Симона тут же узнала в

ней вдову Дэвида, потому что в его кабинете висели ее фотографии.

Миссис Сверн была маленькой женщиной с курчавыми темными волосами и темными глазами, в которых не было слез. Она держала себя очень достойно, совсем не так, как ожидала Симона после рассказа Хелен о ее реакции на сообщение о неожиданной смерти мужа. Кроме того, к удивлению Симоны, миссис Сверн выглядела невероятно здоровой. И это полуинвалид, которая страдала от приступов колита и целые дни проводила в постели?

Симона подошла к ней и сказала:

— Мы не встречались, но я работала у мистера Сверна. Меня зовут Симона Ласситье.

— Да, — улыбнулась миссис Сверн, — он говорил о вас. Вы та французская девушка, которая работала моделью. Он очень любил вас. Ему было жаль, что вы ушли.

Симона удивилась, что миссис Сверн знает о ее уходе, и рассердилась, что он все переврал. С другой стороны, нельзя же было ожидать, что хозяин расскажет своей жене, будто уволил работницу только потому, что она слишком много знает о его подружке.

— Он был удивительным человеком, — сказала Симона. — Я очень расстроилась, когда узнала о его... уходе.

Симона ненавидела слова типа «уход», она от них задыхалась.

— Спасибо, моя дорогая. Нам всем его будет не доставать.

Симона подумала о своем отце, убитом немцами, когда она была маленькой, и у нее забурчало в желудке. Один из киношвейцаров показал ей, где туалет. В умывальной комнате несколько женщин причесывались и пудрили носы перед зеркалом. Одна из них сказала:

— Надеюсь, служба не затянется. Я должна встретиться с Флоренс в половину первого.

В другой комнате с кабинками она отчетливо слышала, как кого-то рвет за одной из дверей. Симона прокляла недостаток интимности в американских общественных туалетах, потому что знала, что через минуту и ее все услышат, и ничего не поделаешь, потому что начинался понос. Нервы. Они губят ее до сих пор, несмотря на то, что работа у доктора Хокера имела те преимущества, что здесь были любые таблетки и ее еженедельно трахали (для успокоения нервов) в удобном откидном кресле. Доктора Хокера очень волновала проблема ее оргазма, но он так был похож на комического актера, что ей хотелось не кончить, а рассмеяться.

Выскочив из кабинки, Симона лицом к лицу столкнулась с женщиной, которую рвало. Она стояла у соседней раковины и мыла руки. У нее прямые черные волосы, подстриженные в геометрическом стиле. Одетая она была в креповое блестящее платье в духе двадцатых годов. Но внимание Симоны привлек браслет. Она с большим интересом уставилась на него. Браслет был украшен изумрудами, рубинами и розовым кварцем, а Симона прекрасно помнила тот зимний день, когда мистер Сверн послал ее к «Картье».

— Извините, — сказала она, — вы Лу Маррон, правильно?

Девушка прекратила мыть руки и со спокойным интересом осмотрела Симону.

— А вы кто?

— Я работала у мистера Сверна. Меня зовут Симона Ласситье, и я очень хорошо помню этот браслет. Я забирала его у «Картье».

На угловатом лице Лу Маррон появилось подобие улыбки, которую Симона не сочла очень приятной. Она быстро высушила руки.

— Симона. Да, конечно. Вы, как я припоминаю, та девчушка с длинным языком.

— Понятия не имею, что вы хотите сказать, — сказала Симона, нервно вспомнив разговор с мистером Сверном, после которого ее уволили.

— Вы хотите, чтобы я освежила вашу память?

Симона пожалела, что не взяла с собой успокоительное, у нее было предчувствие, что оно скоро понадобится.

— Не нужно, — ответила она, — мне не интересно.

— Слушай, мелкое ничтожное трепло, понимаешь, что ты наделала? Или тебе плевать? Ты из людей этого сорта. Распускаешь гнусные слухи и убиваешь неповинных людей.

— Приятно было побеседовать, — сказала Симона, — но мне пора на похороны.

Она едва успела дойти до двери, как Лу Маррон мокрыми руками схватила ее за плечи и развернула к себе лицом. Симона была так поражена этим, что и не пыталась защищаться, когда та врезала ей по лицу и закричала:

— Это тебе за то, что ты рассказала Дэвиду обо мне и о Питере, потаскуха!

Симона зарыдала.

— Ты разбила его сердце и называешь *меня* потаскухой?

— Ты убила Дэвида своей болтовней.

— Он бы не умер, если б это была неправда.

Лу впервые растерялась, и лицо у нее стало не таким злым.

— Ты к тому же сказала своей подруге Аните, что я косвенно виновата в том, что она заразилась вшами.

— Это было только предположение, — всхлипнула Симона. — Зачем воспринимать все так серьезно? Ты, наверное, Козерог.

Лу успокоилась до состояния тихой дрожи.

— Я Лев, — сказала она.

— Клянусь, у тебя Козерог в подъеме. Мистер Сверн был Козерогом. Потому он всегда носил нижние рубашки.

— Не понимаю, о чем ты говоришь?

— Если у тебя Козерог в подъеме, это объясняет, почему тебя влекло к нему. Это значит, что твое бессознательное отвечает его сознанию.

— Это еще одна твоя теория? — с нескрываемым презрением спросила Лу.

— Это не теория, это непреложный астрологический факт. Но ты слишком занята статьями о нижнем белье, чтобы интересоваться серьезными сторонами жизни. Конечно, раз ты Лев, то слишком сильна для бедного мистера Сверна. А я всего лишь Весы. Весы никогда бы не сделали этого с Козерогом. Пусть убивают Львы. Вспомни о Фиделе Кастро, если не веришь мне.

— У тебя крыша поехала, — сказала Лу Маррон. — И, кстати, парик тоже.

Они вместе вернулись в часовню и сели рядом в конце переполненного зала. Служба уже началась, но Симона была так потрясена эпизодом в туалете, что не слушала раввина. Хотя иногда в ее размышления врывались отдельные слова о мистере Сверне:

— ...у него было доброе и щедрое сердце.

— ...он огорчил нас своей смертью.

— ...память о нем навсегда сохранят все, кто знал и любил его.

Из толпы раздались приглушенные рыдания, и Симона удивилась, что Лу тоже заплакала. Она инстинктивно протянула руку и коснулась плеча Лу, выражая сочувствие. Лу посмотрела на нее заплаканными удивленными глазами.

— Кажется, скоро все кончится, — прошептала Симона. — Дать тебе салфетку?

Лу несчастно кивнула.

Когда Симона полезла в сумку, одна упаковка тампонов, которая попала в салфетку, выпала на пол часовни Риверсайд и покатила в сторону гроба.

— Семья покойного устраивает поминки на Вест Сайд авеню, девятьсот шестьдесят, — объявил раввин.

Заиграл орган, и гроб вынесли в проход двое мужчин в строгих костюмах, на головах у них были надеты кипы, как и у всех мужчин в зале. За ними шел раввин и пел шестьдесят шестой псалом:

— Будь милостив к нам и благослови нас, освети нас лицом твоим, дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое.

За раввином шла миссис Сверн, теперь уже рыдающая, с одной стороны ее поддерживала женщина ее возраста, с другой — мужчина в галстуке и с огромными черными усами. Симона со значением ткнула локтем Лу.

— Вот она.

Лу кивнула, но взгляд ее был прикован к усатому мужчине.

— Стив Омаха! А он что здесь делает?

— Он славный, — сказала Симона, думая, взял ли кто-нибудь ее несчастные тампоны и что он с ними будет делать. — Даже с этой штукой на голове. Ты его знаешь?

— Несколько месяцев тому назад я брала у него интервью, но оно не пошло. Он, наверное, родственник Дэвида. Невероятно.

Усы Стива Омахи восхитили Симону. Это были самые густые усы, какие она видела, и у нее возникло подозрение, что они могут решить ее проблему с оргазмом. Но сейчас не время говорить об этом, особенно с Лу Маррон, которую едва знала, так что она прикусила язык, и они в молчании присоединились к процессии.

В главном вестибюле сразу стало ясно, что дело пошло как-то не так. Люди стояли по двое, по трое, возбужденно перешептывались, качали головами и пожимали плечами.

— Может, мистер Сверн ожил и вылез из гроба? — предположила Симона. — Вот было бы охренительно!

— Они говорят со служащими.

— Кто?

— Миссис Сверн и другая женщина.

— А если мистер Сверн вылез и сказал, что одурачил всех нас?

Лу смотрела на миссис Сверн.

— Интересно, что происходит?

Через секунду Симона поняла, что Лу хочет поговорить со вдовой Дэвида, это был ее последний шанс.

— У меня идея, — сказала Симона. — Почему бы тебе не познакомить меня с усами? Он стоит в одиночестве. У меня предчувствие, что он может помочь мне в одной проблеме.

— Какой? — подозрительно глянула на нее Лу.

— Я тебя мало знаю, чтобы обсуждать ее.

— Что-то прячешь в рукаве, да?

Все Львы склонны к паранойе, напомнила себе Симона.

— Да, у меня кое-что на уме, если ты это имеешь в виду, но ты этого не знаешь. Давай. Будь умницей. Познакомь нас.

— Если ты настаиваешь.

Сначала Стив Омаха не узнал Лу, но после нескольких слов вспомнил встречу в студии,

фотографирование Сонджи Хени на черном льду, интервью, которое «Тряпье» так и не опубликовало.

— Так что? — спросил он у Лу.

— Я же послала письмо, где все объяснила. Вы его не получили?

— Я не заглядываю в почтовый ящик. Отнимает массу времени. Телефон. Вот мое средство связи.

— Мы случайно столкнулись здесь, — сказала Лу. — А какое вы имеете отношение к Дэвиду?

— Он мой дядя с материнской стороны. А вы? — Он повернулся к Симоне. — А вы? Вы, девушки, с чьей стороны?

— Ни с чьей, — ответила Симона. — Мы просто друзья. Скажите, почему люди все перешептываются? Все огорчены. Что-то не так?

— Да, — ухмыльнулся он. — Вы не поверите. Такое классное место, а у лимузина лопнула шина.

— Должны же быть другие лимузины, — вознегодовала Лу, не отрывая глаз от миссис Сверн и женщины, которые сейчас направлялись к ним.

— В том-то и дело, — сказал Стив Омаха, довольный происходящим. — Все до единого лимузины заняты. Мне сказали, что в сентябре куча смертей, особенно среди женатых. Знаете, конец лета, жены возвращаются и снова начинается грызня. Конечно, я не о тете Лил. Она золото. Сейчас все уладится, но я все равно вне себя. Даже похоронить нельзя без бардака.

Женщина с миссис Сверн оказалась матерью Стива. Когда Стив представил их, мать попросила его отойти на минуту.

Симона смотрела на уходившего Стива Омаху и печально думала обо всех годах, потраченных на поиски НОРМАЛЬНОГО мужчины. Какой же она была дурой! Во-первых такого не существует, во-вторых, даже если он есть на белом свете, то, как она начала понимать, не заинтересует ее. Анита была права в одном, хотя и неприятно признавать это: ей нравятся извращенцы. Симоне стало легче после этой мысли, и она перестала ощущать, будто плывет против бурного течения. Может, это и называется зрелостью? Принимать неизбежное. Конечно, Роберт Фингерхуд не согласится с этой теорией, но что он знает о жизни, если сидит себе и мучает детишек дурацкими тестами? Маленький принц и Рима, девушка-птичка, встали перед глазами. Она давно их не вспоминала и скучала по ним. Воспоминание о них было похоже на возвращение домой.

— Может, Дэвид нарочно перевирал некоторые мои проблемы со здоровьем, а может, сам верил своим словам, — говорила миссис Сверн Лу.

Лу робко смотрела на нее, и Симона подумала, не попросят ли у нее другую салфетку (и новый конфуз с тампонами). Погрузившись в себя, она едва не позабыла о странной связи между двумя женщинами, которые впервые в жизни видели друг друга.

— Понимаете, — продолжала миссис Сверн, — много лет тому назад я сильно болела. И так и не выздоровела до конца. Я сочла более разумным такое поведение, мисс Маррон. Уверена, что вы меня понимаете.

— Вы все время знали обо мне, — сказала Лу.

— Как я, прожив тридцать два года с человеком, могла *не знать*?

— И вы прикидывались инвалидом, чтобы Дэвид не развелся с вами?

— Полуинвалидом. Больная жена. Это не совсем ложь. Я немного болела. Вы же не

думаете, что вы у него первая?

— Вы хотите обмануть меня. — Губы у Лу некрасиво сжались в линию. — Как обманывали все эти годы Дэвида.

— Он хотел, чтобы его обманывали. Честно говоря, я не думаю, что его прельщала перспектива женитьбы на вас. Может, ему невыносима была мысль, что вы можете отказать. Может, ему невыносима была мысль, что вы примете предложение из жалости. А может, ему нравилось просто встречаться с вами раз в неделю, а не видеть вас ежедневно. Как бы там ни было, всех устраивало, чтобы речи о разводе не было.

— И вас тоже.

— Естественно, мисс Маррон, — улыбнулась миссис Сверн. — Я не хотела терять мужа. Теперь все кончилось. Мы обе потеряли его.

Все время, пока Симона работала в «Мини-Ферс», она жалела именно миссис Сверн, выслушав этот разговор, ее симпатии перекинулись на сторону Лу. Ее поразила ирония ситуации: все эти годы обманутой была любовница, а не жена. Глаза у Лу затуманились, она дрожала от того, что сейчас услышала. Симоне хотелось сказать ей что-нибудь. Как-то утешить, но ее саму немного трясло. Меньше всех она могла подозревать в неискренности Дэвида Сверна, и это лишний раз доказывало, как мало мы понимаем других людей.

К ним подошли Стив Омаха с матерью.

— Колесо заменили, тетя Лилиан, — сказал он. — Можно ехать.

— Давай сматываться, — шепнула Лу Симоне. — Меня тошнит.

— Мне тоже не по себе.

Стив Омаха извинился перед тетей и матерью, взял девушек под руки, как раньше держал пожилых женщин.

— Мне надо ехать на кладбище, — сказал он Симоне. — Паршиво, но что поделаешь? Мать очень расстроена.

— Может, когда-нибудь позвоните мне? — спросила Симона. — Я есть в справочнике. Я живу на Пятьдесят седьмой.

— Ласситье?

— Да. Кстати, какой у вас знак?

— Стрелец. Лучник.

— Великолепно! А я Весы. Прекрасно сочетается со Стрельцом.

— Кажется, меня снова вырвет, — сказала Лу. — Здесь так душно.

— Поговорим позже, — сказал Стив Симоне. — Позаботьтесь о своей подруге.

Симона послала ему воздушный поцелуй.

— Давай выпьем, — сказала Лу, когда они вышли на улицу.

— Конечно. Тебе действительно так плохо?

— Еще хуже, чем кажется.

Последние дни лета обдавали жарким влажным воздухом, и на Амстердам авеню солнце палило изо всех сил. Они зашли в бар для рабочих и сели в кабинку. Лу заказала двойной коньяк, а Симона чашку кофе.

— Сейчас обеденное время, леди, — сказал Симоне официант. — Между двенадцатью и двумя минимум стоимости заказа — тридцать пять центов.

— Тогда кофе и сэндвич. Рыбный, пожалуйста, на тосте.

— У нас нет тостов, леди. Это не «Шрафт». Ржаной или пшеничный хлеб?

— Пшеничный.

Лу одним глотком выпила двойной коньяк.

— У меня ощущение, будто меня лягнули копытом в живот. У тебя так бывает?

Симона вспомнила, как открыла дверь и увидела на полу Беверли и Роберта.

— Да, и я тогда хотела покончить с собой.

— Покончить? Я бы убила их.

— Кого их?

— Любого, кто обидел меня. Поздновато думать о том, чтобы убить Дэвида, но если бы он был жив и я знала то, что мне сейчас рассказали... — Она потрясла кулаком. — Я бы так грохнула этого сукиного сына.

— А почему его? А не миссис Сверн? Ты же на нее сердишься.

— Я была душой. Какой же я была душой! Когда об этом думаю, я... — Она подозвала официанта. — Еще один двойной коньяк, пожалуйста.

Симона взяла сандвич с тунцом и луком и задумалась, каким окажется в постели Стив Омаха. Художники не славятся тонкостью и искусностью в любви. Она надеялась, что он не кончит сразу. От этого на стену лезла, а Нью-Йорк кишит такими одноминутными мужчинами. Она как раз ценила Роберта за то, что ему нужно было время, он умел сдерживаться. Большинство не умеют и не хотят. Они так озабочены своей карьерой и карабканьем по лестнице успеха, что на все остальное им наплевать. Творческие люди меньше торопятся. У них мозги не заняты встречами с продавцами, клиентами и прочей белибердой. У нее как-то была короткая связь с девятнадцатилетним художником. Только он кончал, как у него снова вставал. Был неловким, но чего ждать от девятнадцатилетнего парня?

— Дэвид любил меня, — сказала Лу. — Я это знаю. И он бы женился на мне, если бы не его жена. Мне все равно, что она сейчас говорит. Может говорить что угодно. Дэвид уже не возразит. Ей кажется, что он любил ее и не хотел развода, но я лучше знаю. Он чувствовал себя слишком виноватым, чтобы просить о разводе. — Лу прикончила вторую порцию коньяка. — Он чувствовал вину из-за сына.

— Какого сына?

— Ты не знала? Я думала, что в любой конторе люди знают все.

— До сих пор и я так думала, — откликнулась Симона, думая, что надо возвращаться к доктору Хокеру, иначе будут неприятности, но у нее не было ни малейшего желания провести остаток дня в созерцании мозолей и вросших ногтей. Может, ей позвонить Гарри и сказать, что так расстроена, что не может сегодня работать, она отработает этот день на следующей неделе (или лишний раз трахнется в откидном кресле).

— У них был сын, он умер при рождении. Что-то связанное с кровью. После этого они боялись заводить детей. А вдруг умрет и следующий? Врач сказал, что на это существует один шанс из тысячи, но они слишком боялись.

— Я об этом не знала.

— Это было очень давно. Дэвид старался не вспоминать об этом. — Лу бросила на Симону извиняющийся взгляд. — Извини за инцидент в туалете. Мне не следовало давать волю рукам. *Но зачем ты это сделала?* Зачем ты рассказала Дэвиду обо мне и Питере?

— Мне было так жаль его.

— Жаль? — закричала Лу, и люди вокруг в удивлении оглянулись на нее. — Если жаль человека, то не бьешь его по яйцам.

— Я не думала, что на него это так подействует. Мистер Сверн был очень несчастен, и я

решила, что, узнав о тебе, забудет все, и ему станет легче. Он так любил тебя.

— Правда, любил? — робко спросила Лу.

— Просто боготворил. В магазине все об этом знали. И гордился тобой. Ты бы видела, как он хватался за каждый номер «Тряпья», если в нем была твоя статья! Если видел ее там, то весь день сиял от счастья.

Лу закурила, улыбнулась и прислонилась спиной к дешевой пластиковой стене кабинки.

— Она лгала. Раньше у него никого не было. Она из ревности хотела меня уязвить. Ты не слышала, был у него кто-нибудь раньше?

— Не знаю. Я недолго работала. Меньше года.

— Но ты бы знала о слухах. Знаю я все эти конторы.

— Я ничего не слышала, — искренне сказала Симона.

— Конечно, нет. Потому что ничего не было. Никого не было. Она лжет. Как лгала Дэвиду о своем здоровье. Ты ее видела. Она тебе показалась больной женщиной?

Симона едва не сказала, что Дэвид Сверн тоже выглядел здоровым, но решила промолчать и отрицательно покачала головой.

— Она здорова, как лошадь, — продолжала Лу. — Она переживет всех нас, эта жуткая женщина. В последние годы Дэвид не мог спать с ней. У них были отдельные спальни. Она допекала его все время и чего добила?

— Попробуй забыть об этом, — сказала Симона. — Тебе же хуже становится. Забудь. Думай о будущем. О Питере.

— Питере?

— О Питере Нортропе.

— *О Питере?* — недоверчиво переспросила Лу. — О чем ты говоришь? Ты же не думаешь, что после этого я могу...

Теперь, в свою очередь, удивилась Симона.

— Ты же не виновата в смерти Дэвида. При чем здесь ты, если у него оказалось слабое сердце?

— Глупая, у Дэвида сердце было не слабое. Он умер из-за того, что его разбили. — Лу закрыла лицо руками. Браслет от «Картье» сверкал в лучах лампы. — Я его убила! Я!

Мужчины по соседству перемигнулись и заказали еще по кружке пива.

После звонка доктору Хокеру Симона позвонила Роберту Фингерху, который писал шестьдесят четвертую страницу своей диссертации.

Симона неожиданно вспомнила, что сегодня среда и Роберт не мучает ребят в Детском центре, а поскольку она не пошла на работу и заняться ей было нечем, то попросила угостить ее чашечкой кофе. Если бы не знакомство со Стивом Омахой, она не осмелилась бы позвонить Фингерху. Но то, что Стив позвонит ей, было как козырный туз в рукаве.

— Заходи, — сказал Роберт, — у меня как раз есть хорошее шампанское.

— С каких это пор ты стал таким обходительным?

— С тех пор, как ты ушла от меня, Рима.

— Не я ушла, а ты меня выгнал. Забыл?

— Ладно, заходи. Хорошенько отдохнем.

— Сомневаюсь, но сейчас приду.

Лу приканчивала четвертый двойной коньяк, когда Симона вернулась из телефонной будки.

— Я еду к своему старому другу, — сказала Симона. — А что ты будешь делать?

— Вернусь в редакцию.

Интересно, подумала Симона. Когда человеку худо, он стремится вернуться к старому знакомому или на привычное место. Для Лу это была работа, а для нее, как ни смешно, Фингерхуд. И в самом деле мечты умирают с трудом.

— Что за старый друг? — спросила Лу.

— Фингерхуд. У него есть холодное шампанское.

— Когда-нибудь я встречу с этим сукиным сыном.

— Зачем?

— Не знаю. Слишком часто слышу его фамилию в последнее время.

— Он тесно связан с твоей кармой, — задумчиво сказала Симона.

— Я не спрашиваю, что это значит, — ответила Лу, допивая коньяк.

— Наверное, вы были знакомы в Лемурии.

— Это где?

— Сейчас она на дне Тихого океана неподалеку от Лимы. Это, как и Атлантида, утонувший континент. Сначала я думала, что Роберт Фингерхуд был с нами в Атлантиде, но сейчас считаю иначе. Скорее, он был в Лемурии. Может, именно поэтому он не может закончить свою диссертацию.

— Не вижу никакой связи.

— Ты не понимаешь, о чем идет речь.

Приятно очутиться в безопасном уютном такси, подумала Симона несколько минут спустя, и ехать к человеку, который едва не разрушил твою жизнь, а теперь ничего для нее не значил. То, что она резала вены из-за Роберта Фингерхуда, теперь удивляло ее. Он был сейчас так далек от нее, так обыденен, просто еще один мужчина в ее безумной жизни, а она чуть не покончила с собой из-за него. Симона сомневалась, что может еще раз так сильно увлечься кем-то. Наверное, человек учится защищать себя. Она *любила* Роберта. Вот что удивительно. Она так верила в их совместное будущее. Какой же была наивной дурачкой.

Такси выехало на Лексингтон авеню, и Симона вспомнила, как хотела забрать Чу-Чу у Аниты на следующий день после вечеринки, какой радостной она была на зависть Аните. Что означала эта радость? Детские фантазии, мечты о сказочном романе. Роберт рассказал ей сказку о Маленьком принце, а она и растаяла. Он еще сказал, что Достоевский писал, что любовь для среднего класса ушла в прошлое. Гарри Хокер, откидное кресло, крохотуля с большим пальцем, Стив Омаха со своей дрянью (она еще не знает, с какой). Вот это реально.

В такси было стекло, отделявшее пассажира от водителя, на которое скотчем прилеплено рукописное объявление: «Чихание и кашель распространяют заразу. Прикрывайте рот и нос».

Это было самое дурацкое объявление, которое видела Симона в своей жизни, и она была рада, что в сумочке у нее есть салфетки на случай безудержного кашля. Нос у нее уже зачесался. Водитель, наверное, полный кретин.

— Жаркий сентябрь, — сказал он.

Симона посмотрела на брошь, прикрепленную к подолу.

— Жара меня сегодня не волнует, я еду с похорон, так что у меня есть о чем подумать.

— Надеюсь, не кто-то из близких?

Ей пришло в голову, что у нее не хватит денег расплатиться, тунец выбил ее из седла.

— Всего лишь мой отец, — ответила она.

Оказалось, шофер легко согласился взять чек.

— Мне очень неловко, — начала она скорбным голосом.

— Ничего, малышка. Не думай об этом. Не каждый день умирает твой старик.

— Вы очень милый человек, — сказала Симона, выходя из машины. Она думала, потеряет ли шофер веру в человечество, когда чек не оплатят, потому что у нее на счете только один доллар.

Симона в дверях столкнулась с Джеком Бейли. Он был в форме пилота, и изо рта у него пахло мятой. Анита рассказывала, что перед полетом он всегда жует мятные таблетки, чтобы заглушить запахи бурно проведенного вечера. Глаза у него, как всегда, были холодными, и Симона в очередной раз поклялась не летать на самолетах его компании. Как говорила Анита, Джек был в отчаянии, когда вторая жена бросила его и потребовала алименты, и, напившись, он признался, что иногда ему хочется утопить всех пассажиров в Атлантическом океане.

— Конечно, Джек никогда этого не сделает, — уверяла Анита, но у Симоны такой уверенности не было.

В нем была ирландская чокнутость, которая вполне уместна, если бы он читал стихи в каком-нибудь подвале Сан-Франциско, но пугала, если он властвовал над жизнью невинных людей.

Джек отдал честь Симоне, механически улыбнулся и сказал:

— Приветствую. Крепитесь.

— Спасибо за проникновенный совет, — бросила она, внутренне кипя от негодования.

Роберт Фингерхуд сидел в плавках, потягивал шампанское и писал диссертацию при зажженных черных свечах.

— Свет погас, — пояснил он. — Жду электрика.

На обеденном столе в маленькой комнате были разбросаны бумаги. В других комнатах, включая мексиканскую пещеру, свет горел.

— А я решила, что тебе нравится работать при свечах, — сказала Симона. — Не хватает только черного ворона.

— Я же не Эдгар По.

— Умер мистер Сверн.

— Что?

— Да, я как раз с похорон. Умер от инфаркта.

— Мне искренне жаль. Кажется, он был хорошим парнем. А ты все еще работаешь у него?

Симона поняла, как давно не говорила с Робертом. Он не знает, что ее уволили, что сейчас она работает у доктора Хокера. Роберт развеселился ее рассказу.

— На прошлой неделе, — рассказывала Симона, — пришла новая пациентка. Карточки на нее не было, я провела ее в кабинку и сказала, что доктор сейчас придет. Он был в соседней кабинке. Я вернулась к столу и тут услышала истерический вопль доктора Хокера. Когда он вошел в кабину, то женщина уже разделась догола. Естественно, доктор Хокер был в шоке и спросил, зачем она полностью разделась.

— Мне тоже интересно, зачем? — сказал Роберт Фингерхуд, уставившись на свечу.

— Очень смешно, — хихикнула Симона. — Она думала, что доктор Хокер — проктолог. В ее поврежденной головке все перепуталось, и она ждала совершенно другого. Доктор Хокер ей все объяснил, но тут же увидел, что у нее неверно подстрижены ногти на ногах.

Надо обрезать прямо, а у нее они были подрезаны полукругом. Доктор Хокер все поправил и не взял с нее ни цента, но потом пожаловался, что не хочет работать бесплатно, да еще с женщиной, у которой волосы на сосках.

— Кажется, он славный парень.

— Ты не представляешь, в каких условиях он работает. Туда приходит столько идиотов, что даже не верится. Если бы не транквилизаторы, он бы не выдержал. Одну таблетку пьет перед завтраком, вторую перед обедом, и после этого его ничто не волнует. Кроме голых женщин, естественно. «Мои пациенты меня не колышут, — однажды рывкнул он. — Я в кайфе...»

После двух бокалов шампанского Симона опьянела и решила, что, хотя она больше не увлечется Робертом, все равно он самый привлекательный. Она, наверное, всегда так будет считать, хотя он ее больше не интересуется. Печально все это. Физическое влечение существует (у тел своя жизнь), но эмоционального ответа нет. Она не была готова к мысли, что сочтет его привлекательным, и огорчилась. Симона почувствовала себя животным, а не сравнительно развитым человеческим существом. В такси она думала, что они посидят, выпьют шампанского, вспомнят давние времена, а теперь хотела трахнуть с ним. До боли в зубах.

— Не думай, что я хочу вернуться к старому, — сказала она после его поцелуя.

— А я и не думаю.

У Роберта было специфическое выражение лица перед постелью, и сейчас она его видела. Слегка стеклянные глаза, как будто разум покинул тело. Все мужчины выглядят по-разному в эти минуты. Интересно, подумала Симона, как будет выглядеть Стив Омаха. Интересно, как выглядит она сама? Страстной, без сомнения. Верящей. Может, на этот раз ей удастся преодолеть барьер.

— Я чувствую себя такой язычницей, — сказала она, сбросив платье и демонстрируя Роберту черную шелковую комбинацию, которая почти не закрывала груди, чуть опухшей от предстоящих месячных. — Красиво? — спросила Симона, делая пируэт и задирая рубашку на голову. Хотя он и не любил ее, хотя она не любила его, но знала, что Роберта волнует ее роскошное тело.

В эту минуту Симоне стало жаль тех несчастных женщин, которые не знают удовольствия созерцать свое тело. Доктор Хокер часто восхищался ее телосложением. Иногда несколько минут рассматривал ее до того, как опрокинуть на кресло. Но больше всего он любил отсасывать ее, держа ступни ее ног в руках. Она была маленькой, изящной, прекрасно сложенной, а ее маленькие ступни очень его возбуждали. У него ступни были широкие и розовые, какие-то младенческие. Он как-то сказал, что у его жены ноги, как у пехотинца, и Симона поняла, как это огорчает человека с таким развитым эстетическим чувством. Когда-нибудь она спросит его, почему он женился на женщине с ногами пехотинца, хотя, наверное, ей будет не интересно слушать его ортопедические объяснения.

Роберт задернул шторы в спальне и начал ласкать ее жаждущее тело. Она уже забыла его нежные прикосновения, забыла, как волнительно предвкушать момент входа в нее. Рот его ласкал правый сосок, левая рука гладила левый сосок, пока оба они не затвердели, и она ощутила знакомый жар во влагалище. Клитор невероятно разбух. Ей хотелось, чтобы он что-нибудь с ним сделал. Если бы кто-то избавил ее от ужасной проблемы оргазма, она была бы благодарна ему всю жизнь, которая будет не слишком долгой, если будет так продолжаться.

— Поиграй со мной, — сказала Симона, чувствуя, что если сейчас не поиграть с

клитором, то взлетит до потолка. Она давно так не возбуждалась и думала, не связано ли это с похоронами бедного мистера Сверна. Смерть, как считается, порождает эротический эффект. Роберт ей об этом рассказывал. Она так тяжело дышала, что горло пересохло, и она попросила дать ей глоток шампанского.

— У меня перехватило дыхание.

— Сейчас принесу.

Она плотнула вино, и газ ударил в нос. Роберт принес новую бутылку, два высоких бокала и наполнил их. Симона окунула палец в бокал и смазала соски ледяным шампанским.

— Смотри, — сказала она, — им не нравится.

— Они не умеют пить.

— Предатели, вот уж не думала.

Роберт слизал шампанское с сосков.

— Я бы хотела натереть все тело, — сказала она. — И когда ты будешь меня трахать, у тебя во рту будет приятный вкус. Хочешь?

— Чудесно, — рассмеялся он. — Но не лей слишком много, а то будет неприятно.

— В такую жару освежает.

Она натерла шампанским руки, ноги, живот и обильно смочила лобок, но так, чтобы не испачкать простыню. Клитору тоже досталось. Он тут же успокоился. Может, если она не сумеет кончить, то хоть не будет мучиться. Но какое же это дорогое решение проблемы! Она представила свою будущую жизнь, когда придется покупать шампанское для эротических целей. Кто знает? Может, дело того стоит. Она сократит другие расходы.

Когда Роберт погрузил язык в нее и начал высасывать шампанское, Симона ясно поняла, что дело того действительно стоит. Наверное, можно найти подешевле консервы для Чу-Чу. Роберт редко играл с ее клитором, когда они жили вместе, и тогда ей этого не очень и хотелось, но после появления доктора Хокера она пристрастилась к этому. Но как бы ни возбуждалась, оргазм не наступал. Временами она чувствовала его близость. Через месяц ей будет двадцать пять. ОНА ДОЛЖНА КОНЧИТЬ!

Роберт перестал целовать ее, нежно вытер губы о живот и приготовился к главному действию. Симона не любила прикасаться к пенисам, они ее пугали, а у Роберта был такой длинный, что боялась вдвойне, и вот он вошел в нее. Она чувствовала себя маленькой девочкой.

— Подложи под меня подушку.

Так было лучше. Клитор приподнимался, и она больше возбуждалась. Роберт двигался медленно, плавно и ритмично, но не этого хотела Симона. Она жаждала, чтобы мужчина вторгался в нее изо всей силы, жаждала яростной схватки двух тел, хотела, чтобы ее зад тискали, шептали в ухо непристойности, кусали и мяли тело. Может, она кончит? Так никогда не было. Роберт Фингерхуд мог заниматься с ней любовью двадцать четыре часа в сутки, но Симона не кончала. Он слишком нежный, и хотя любила его за это, ей нужно было другое. Ей нужен более дикий и неистовый мужчина.

— Давай, — сказал Роберт, все его тело задрожало в предвкушении оргазма, ритм ускорился, и когда семя вливалось в Симону, она думала о Стиве Омахе и его великолепных усах.

Они лежали в постели и допивали шампанское. Симона уже хотела было спросить Роберта, как у него дела с Анитой, и в эту секунду почувствовала странный запах и резко

села.

— Роберт, чем-то пахнет.

У него лицо тоже стало испуганным.

— Дым!

Симоне захотелось залезть под одеяло, спрятаться и ждать спасения, но она давно решила бороться со своей трусостью, поэтому выскочила за Робертом из постели, трепеща от страха. В столовой одна черная свеча упала, и теперь горели бумаги на столе, горела диссертация Роберта. Некоторые листы чуть обгорели, многие сохранились целиком. Симона никогда не присутствовала на пожарах, да еще в квартире, и оцепенела от вида языков пламени. Роберт побежал на кухню за водой. Как сквозь вату, слышала его крик, он просил помочь сбить огонь, но она не могла пошевелиться.

Один из листков начал сворачиваться от огня, Симона видела, как последняя строчка на странице превратилась в пепел. Она гласила: «Плохая эрекция и неверная эвакуация всегда исключают оргазм».

Когда Роберт вернулся с огромной кастрюлей, в которой обычно варил омаров, он заревел:

— Убери бумаги, идиотка!

Она схватила листы, а он залил водой пламя. Раздалось шипение, а потом воцарилась мертвая тишина. Симона смотрела на бумагу в своих руках. Взгляд уловил еще одну строчку: «В случае с фетишизмом, связанным с ногами и обувью, терапевт анализирует свободные ассоциации пациента, пытаясь уловить вытесненные и болезненные образы в подсознании».

Эта фраза напомнила ей о дорогом докторе Хокере и о том, что лучше было бы ей после похорон пойти на работу, а не навещать Фингерхуда. Чего она этим добилась? Тело было липким от шампанского, Роберт наорал на нее. Секс не волновал. Может, ей бросить все и уйти в монастырь? Если бы она не была так озабочена оргазмом, у нее было бы время для какого-нибудь полезного занятия. Например, брать уроки балета или рисования. Она представила себя великой балериной, и самым приятным в этих мечтах было то, что у танцоров нет времени для секса, он им не нужен, они слишком заняты непрерывными репетициями.

— Да, в трудную минуту ты помогаешь по-настоящему, — услышала она голос Роберта.

— Когда я буду танцевать в балете, ты пожалеешь о своих словах. — Она вручила ему остатки манускрипта и тут же осознала, как он огорчен. — Что будешь делать с диссертацией?

Он смотрел на рассыпанный пепел на обгоревшем столе.

— Попробую восстановить. У меня остались черновики.

— Тебе худо, я понимаю, извини, что я растерялась. Никогда раньше не видела пожар вблизи.

— Надо было мне погасить свечи до того, как мы пошли в спальню.

Симона понимала, что он хочет сказать: *И ради чего?* Она чувствовала себе не лучше: отвращение, усталость. Это один из худших дней в ее жизни. Ей сегодня вообще не следовало вылезать из постели. Все звезды сейчас против нее, но она не стала говорить об этом Роберту, потому что он презирал астрологические объяснения. (Дома надо будет посмотреть таблицы и проверить положение Луны — это может объяснить все сегодняшние события.)

— Я оденусь, — сказала Симона.

Перед самым уходом она спросила, как у него развиваются дела с Анитой.

— Анита до сих пор без ума от капитана Бейли, — ответил Роберт.

— Ой, я забыла сказать, что столкнулась в подъезде с Джеком-Улыбкой.

— А так все у нас хорошо.

— Рада слышать. — И это была чистая правда, потому что приятно узнать, что Роберту не лучше, чем ей. — Я хочу спросить, а почему ты разошелся с Беверли?

— Во-первых, она много пьет, а во-вторых, я не выношу ее детей.

— Другими словами, это ты ее бросил.

— Об этом я и говорю.

— Интересно, — пробормотала Симона.

— Что?

— А Беверли утверждает, что она бросила тебя. Сказала, что ты вечно сидишь дома, никуда не хочешь ходить, а это очень скучно.

— Скучно, что она пьет. Впрочем, Беверли верит в свои фантазии. Как и все пьяницы. Потому и невыносимы. Они не отличают реальности от фантазий. Это одно из последствий повреждения мозга алкоголем.

Симона не принимала холодного взгляда Роберта Фингерхуда на жизнь.

— Хотел бы познакомиться с другой девушкой?

Роберт впервые оживился после пожара.

— Кого ты имеешь в виду?

— Лу Маррон. Бывшая любовница мистера Сверна. После похорон мы с ней перекусили, и она сказала, что бросает Питера.

— Какого Питера?

— Питера Нортропа, мужа Беверли.

— Я не знал, что у них роман. Это не та девушка, что писала об Аните?

— Она. Лу потрясена смертью мистера Сверна. Считает, что убила его изменой с Питером.

— Она сказала, что хочет со мной познакомиться? — нервно спросил Роберт.

— Не совсем. Ты же не считаешь, что в таком состоянии она будет мечтать о другом мужчине? Но она заинтересовалась, когда я сказала, что, наверное, вы оба были в Лемурии.

— Что за бред?

Если кто и может скрутить рога Фингерхуду, то как раз Лу Маррон, с мстительной радостью подумала Симона.

— На дне Тихого океана. *Мудак.*

Первое, что сделала Симона, вернувшись на Пятьдесят седьмую улицу, это посмотрела цену на банке с собачьими консервами. К сожалению, та стоила всего тридцать один цент. Она не представляла себе, как может сэкономить на них, чтобы позволить себе бутылку шампанского, когда клитор пошлет предупреждающий сигнал. Пока изучала банку (на которой был нарисован улыбающийся кокер-спаниель), Чу-Чу смотрел на нее влажными блестящими глазами, как бы предупреждая, что он не хочет менять свой рацион.

— Наверное, есть другой вариант, — сказала Симона, расцеловав пуделя. — Надо спокойно подумать.

Через секунду она прозрела. Если не будет спать с мужчинами, которые не могут добиться ее оргазма, ей не надо будет тратить на дорогие противозачаточные таблетки, и

она сумеет позволить себе покупать сухое шампанское. Она может и выпить, и обтереться им, возбудиться и успокоиться. Фантастическая идея! Почему она не приходила ей в голову раньше? Потом вспомнила о Стиве Омахе, его выдающихся усах, которые обещали какое-то мистическое удовлетворение. Он будет последним, твердо решила Симона, последним в длинной цепи тех, от кого она ждала оргазма, и если с ним ничего не получится, прочь таблетки и да здравствует шампанское! Бедный доктор Хокер. Ему придется искать новую жертву с маленькими ступнями для откидывающегося кресла.

Симона разделась уже во второй раз за день и надела свободный трикотажный комбинезон. Затем включила кондиционер, который доктор Хокер подарил ей в первый день работы, когда пожаловалась на духоту в квартире. Она до сих пор восхищалась этой машиной. Нужно остыть до принятия ванны и избавиться от спермы Фингерхуда, которая сейчас металась в ней и безуспешно пыталась оплодотворить ее хорошо защищенные яички. Ей стало легче, когда она решила отбросить свои сексуальные проблемы. Симона вполне резонно считала, что Стив Омаха (хоть и с роскошными усами) преуспеет не больше, чем все остальные засранцы в ее жизни.

Стоя под душем, она услышала телефонный звонок (это, конечно, Стив!) и вылетела из ванной, обтираясь полотенцем с астрологическими знаками и расплескивая воду по всему полу.

— Привет, — сказала Беверли. — Ты так дышишь, будто только что вбежала в квартиру.

— Нет, из душа. Я жду звонка от нового мужчины.

Симона различила в трубке позвякивание, и заплетающийся голос Беверли произнес:

— Я не могу уследить за тобой. Каждый раз слышу о новом мужчине. Теперь это кто?

— Его зовут Стив Омаха. Он художник, и я познакомилась с ним утром, представь себе, на похоронах. Мой бывший босс умер. Мистер Сверн. Стив — его племянник, и мы встретились в часовне Риверсайд. Как раз твоя старая пассия Лу Маррон и познакомила нас. Знаешь, я родилась во французской деревушке, но Нью-Йорк мне кажется тесным до безобразия. Даже не верится.

— А я верю, — мрачно сказала Беверли.

— Ты о чем?

Симона услышала, как Беверли что-то отхлебнула. Виски, конечно.

— Ни о чем, — сказала Беверли.

Подумав о Лу и Питере, Симона почувствовала, что пахнет жареным.

— Ты что, встречалась с Лу?

— Однажды.

— И что было?

— Мы устроили оргию.

— Слушай, правда, Беверли...

— Что правда?

— Ты пьяна.

— Конечно. Я пьяна, и мы устроили оргию. Разве это не совмещается?

Симона вспомнила слова Роберта об алкоголиках и их фантазиях.

— Как раз в это мне трудно поверить.

— Тем не менее это правда.

Было что-то в ее тоне. Что-то. Симона поверила ей, возможно, потому, что она не хотела верить ничему, что говорит Фингерхуд.

— Ладно, — сказала Симона, — после Мексики ты сильно изменилась.

— После Гарден-Сити тоже. Я сейчас веду двойную жизнь, тебя это должно заинтересовать. Я разрываюсь между мужем и очень милым англичанином, которого подсунула твоя подруга Анита.

— А, да, Йен.

— Ты его знаешь? — быстро спросила Беверли.

— Нет. Видела его один раз на вечеринке у Аниты. Он тебе нравится?

— Да, очень. Он очень мил по сравнению с мерзавцем, за которого я вышла замуж.

Анита сделала мне подарок. Не понимаю только, почему?

— А я понимаю.

Возникла пауза.

— Ну, *продолжай*, — сказала Беверли.

— Он ищет женщину с деньгами, а у тебя они есть.

— *Йен?!!*

— Нет, Гарри Беллафонте.

— Не шути, Симона.

— Конечно, Йен. Йен Кларк. Он работает в этом дурацком телешоу.

В трубке звякнул стакан.

— Я тебе не верю, — сказала Беверли. — Насчет денег.

— Ну и ладно. А я не верю, что ты знаешь, что такое оргия.

— Спроси у Лу Маррон. Клянусь, она тоже не знает.

Настал черед Симоны удивиться:

— А при чем здесь она.

Но Беверли бросила трубку, и мокрое ухо Симоны пронзили гудки отбоя.

До одиннадцати часов вечера Стив Омаха не позвонил, и Симона бродила по крошечной квартире, вспоминая строки из любимой книги по астрологии: «В минуту слабости Стрелец может пообещать вам весь мир, но у него нет ни малейшего желания сдержать свое слово». Или это обо Львах? К несчастью, Чу-Чу сжевал книгу несколько месяцев тому назад, так что теперь не проверишь. Она от отчаяния решила лечь спать и мечтать о шампанском, которое исправит ее покореженную жизнь.

Во сне купалась в шампанском, когда зазвонил телефон, и Симона взлетела с нижней постели (нижняя — летом, зимой — верхняя) и схватила трубку.

— Извини, что не позвонил раньше, — сказал Стив Омаха, — но сначала была занята линия, а потом я столкнулся с парижскими друзьями, потом заснул. Что ты делаешь?

— Сплю. Который час?

— Около двух. Понимаю, что поздно, но можно зайти на чашечку кофе? Я принесу кофе и голландский сыр. Ты любишь голландский сыр?

— Конечно. Ты где? Я слышу какой-то шум.

— Да я напротив, в «Русском чайном доме». Я буду через минуту.

Чу-Чу с лаем начал возбужденно носиться по квартире. Потом он лег на пол, перевернулся на спину, задрал вверх лапы и заскулил, привлекая к себе внимание.

— Все верно, — сказала ему Симона. — К нам идет гость, и нечего ревновать.

Возбужденная Симона, у которой теперь сна не было ни в одном глазу, помчалась к шкафу и достала просторный халат, который взяла в кредит в «Лорд и Тейлор» в конце весны на распродаже. Халат был роскошного синего цвета в китайском стиле, а воротник и

манжеты отделаны страусиными перьями.

— Как здесь холодно, — сказал Стив Омаха, когда пришел. — Как вы здесь живете?

— Я забыла выключить кондиционер перед сном. Сейчас выключу.

Он чертовски привлекателен, подумала она. Бешеные глаза и сумасшедший вид. Вдобавок к двум банкам кофе и двум пакетам сыра он принес бутылку коньяка. Симона достала две баночки из-под джема, на одной из которых еще были его следы, и налила в них коньяк.

— Вот, — сказала она, — сейчас согреешься.

— Спасибо. Неплохая квартирка. А как зимой? Есть батареи?

— Да, но их выключают в десять. А что?

— Просто интересно. — Он огляделся. — Моя берлога зимой заледеневаает.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Симона. — Если хочешь что-то сказать.

— Ты решила, что я сравниваю температуру у нас в квартирах, а я говорю о своих фантазиях.

У нее возникло страстное желание зарыться лицом в его усы.

— Я не совсем тебя понимаю.

— Потому что до сих пор притворялся.

— Продолжай, — сказала Симона, пригубив коньяк, и в этот момент низ ее тела привычно заныл.

— Ну, глядя на меня, ты скажешь, что я абсолютно нормален, так ведь?

— Нет.

— Тогда ты угадала.

— Что угадала? — еще больше смутилась и растерялась Симона.

— Что я люблю делать с женщинами.

— Я понимаю, что тебе покажутся странными, даже дикими мои слова, но это не так. Честно. Просто в силу ряда событий сегодняшнего дня я решила отказаться от секса, если только не...

Она вспыхнула, не зная, как закончить предложение, но пришлось продолжить:

— Если только...

— Если что?

Сейчас или никогда, подумала она.

— Если только я не сумею кончить.

— А разве раньше этого не было?

Она робко покачала головой.

— Нет.

Лицо у Стива стало суровым.

— *Никогда?*

Появился негодующий взгляд.

— Нет, никогда.

— Ужасно. Хуже не бывает.

— Да, — согласилась она. — Гнусно.

— Хуже, чем гнусно.

— Ну, я не виновата.

— Да нет же. Все ясно. Это только твоя вина. Ты что, не понимаешь? Ты сделала что-то плохое, очень плохое.

— Да я вообще ничего не сделала.

— Отрицательные реакции очень дурно влияют, за них так же нужно наказывать, как и за положительные. Ты, конечно, понимаешь, о чем я?

— Не понимаю. Мне кажется, ты слегка тронутый, так что забирай сыр, коньяк и отправляйся домой. Быстро.

— Уйду, — сказал Стив Омаха, — после того, как ты будешь наказана.

— Я же сказала, что меня не за что наказывать. Не за что. До тебя не доходит?

— Если ты не хочешь, чтобы тебя наказывали, я предлагаю, чтобы ты извинилась. Тебе надо только сказать, что ты вела себя плохо и просишь прощения за это.

— Я не вела себя плохо, — настаивала она, — и мне не о чем жалеть.

— Нет? Посмотрим.

При этих словах он отставил банку с коньяком, встал и быстро задрал халат Симоны, так что она ничего не успела предпринять.

— Хорошо, — сказал он. — Больше снимать нечего.

— О чем ты говоришь?

— О трусиках, конечно. Я даю тебе последний шанс признаться, что плохо себя вела, жалеешь об этом и раскаиваешься. Так? Ты готова раскаяться и извиниться?

— Конечно же, нет. И иди к черту!

Стив понимающе кивнул.

— Да, теперь я вижу, что все правильно понял с самого начала.

Он схватил ее за талию, перекинул через свое колено на живот и начал шлепать по голой попке. Медленно, сильно и методично.

Между ударами он говорил:

— Теперь ты признаешься, что плохо себя вела и жалеешь об этом? Как, Симона?

И каждый раз Симона кричала в ответ:

— Нет, скотина! Ничего нет!

— Очень хорошо. Сейчас я задам следующий урок.

— *Какой урок?* — визжала она.

— Узнаешь.

В конце концов терпение ее лопнуло, не потому что было больно, хотя и приятно не было. У нее возникло предчувствие, что все это ведет ее к чему-то очень необычному.

— Хватит, — сказала она. — Я признаюсь.

Тогда Стив Омаха снял ее с колена и поставил на ноги перед собой.

— Послушаем, — сказал он.

— Я плохо себя вела и жалею об этом.

— Жалеешь *о чем?*

Симона непонимающе гладела на него и думала, что она сделала и чего от нее хотят.

— Я тебя не понимаю, — сказала она.

Затем вспомнила мать и фашиста, который спал на софе в гостиной.

Голос у Стива был нежным и тихим, когда он дал ей тайный пароль:

— Мне жаль, *сэр*.

— Мне жаль, *сэр*, — покорно повторила Симона, и, когда долгожданное извинение сквозь силу вырвалось наружу, оргазм, о котором мечтала почти двадцать пять лет, обрушился на нее, невероятный ураган, который смел все мысли о шампанском на клиторе.

Через мгновение Симона оказалась в объятиях Стива Омахи, халат свалился на пол. Она

все еще оставалась Римой, девушкой-птичкой, но из нее наконец вырвали перья.

Октябрьское утро началось для Беверли с привычной пульсирующей боли над левой бровью. За окном светило солнце, но в спальне было сумрачно, и она боялась двинуться из страха, что грядет новый приступ мигрени. Можно опрокинуть качающуюся лодку и утонуть в жуткой боли, которая обещала (*обещала*, подумала Беверли, какое чудное, обнадеживающее слово, хм-м) долгие часы мучений, мучений не только из-за самой боли, но и из-за холода, тошноты, поноса и потери реальности, которые всегда сопровождали боль и требовали неподвижно лежать в постели, как труп в гробу, пока не пройдет приступ.

— Почему? — задавала она себе вопрос. Почему так часто? С тех пор как пять месяцев тому назад переехала на Манхэттен, сильные приступы шли один за другим, и она дошла до такого состояния, что от страха перед ними боялась просыпаться.

Утро стало мукой не только из-за мигрени, но и из-за того, что каждый день у Беверли было сильное похмелье, и нужно было несколько часов, чтобы избавиться от него. Когда это удавалось, она уже была сильно пьяна, что влекло за собой следующее, ужасное утро. Одно за другим, жизнь стала невыносимой. Как она недавно сказала Маргарет, своей служанке:

— Это куча дерьма, а не жизнь, и если бы не дети... я бы «бац-бац». — И приставила палец ко лбу.

Маргарет жила теперь не с ней, а с семьей, в Рослине, и каждое утро приезжала по железной дороге, чтобы одеть детей, приготовить им завтрак и отвезти в школу Далтон, куда они ходили уже месяц. Это была идея Питера.

— Школа их подготовит, — сказал он.

— К чему? К чувству собственной исключительности? К лицемерию?

— Ты, наверное, хочешь послать их в пуэрториканскую школу в восточном Гарлеме, где они до девяти лет не научатся читать, а потом до старости будут читать комиксы, шевеля при этом губами?

— В школе нужно получить не только знания.

— Что же еще?

— Научиться выживанию.

В тот момент, когда Симона, преодолевая трусость, бежала за Робертом Фингерхудом в горящую комнату, Беверли пыталась преодолеть свой снобизм, декларируя либеральные и прогрессивные лозунги. На самом деле она бы упала в обморок, если бы дети пошли в угрюмую общественную школу.

— Я думаю, неправильно защищать детей от суровой реальности, с которой им рано или поздно придется столкнуться, — твердо добавила она.

Питер пришел в бешенство, обозвал ее простофилей и сказал, что она скоро пойдет маршем на Вашингтон вместе с другими спятившими с ума домохозяйками, которым нечего делать, вот они и сидят на газоне у Белого дома и вопят о гражданских правах.

— Я могу заняться чем-то и похуже, — сказала Беверли, не представляя себя в толпе этих орущих, невоспитанных людей.

— Ты все еще моя жена, пусть мы и живем врозь, и мои дети — это мои дети, а пока так обстоят дела, я могу сказать пару слов о том, как им жить.

— Пару слов? Ты такой скромный, дорогой. Как всегда. С самого начала.

— Тебе это нравилось!

Мысль, что он прав, она это знает, и он знает, что она знает, убила ее. Сначала ей это нравилось. Ей все нравилось в Питере: его снобизм, его притворная застенчивость, скрывавшая жажду власти, которая вскоре расцвела махровым цветом. Он в университете спас ее от изоляции. Какую же ошибку совершили родители, когда послали ее в Уэллесли, к другим таким же отверженным, но там так много занимались спортом, там была до чертиков нормальная атмосфера. В мае там праздновали День дерева. Было живописное озеро. Там было так тихо и спокойно, что начинало тошнить. От отчаяния Беверли занялась теннисом.

«Или это, или пинг-понг, — писала она родителям, надеясь, что они поймут скрытый смысл этих слов, потому что знали, как она не любит спорта. — Конечно, дорогие мои, всегда есть синяки и шишки, но все-таки...»

Беверли не закончила фразы. Таков был ее нынешний стиль. В этот стиль вписывалось и обращение «дорогие мои», которое она подцепила на Востоке, но не от уродов в Уэллесли, а от двух девиц на корте из колледжа Рэдклиф. Разница между двумя колледжами объяснялась просто. В Уэллесли ты причесываешься и ждешь, когда юноша поведет тебя есть мороженое. В Рэдклифе ты не причесываешься и сама мчишься на кинофестиваль в Бреттле. Не понимали ли ее родители такие важные различия? Конечно, нет. А Питер Беннет Нортроп II понимал, и это, помимо всего прочего, привело спустя восемь лет и после двух детей к этому паршивому октябрьскому утру.

Даже их разрыв стал фикцией, потому что Питер месяц тому назад приполз к ней, когда Лу Маррон бросила его (вспомните болтовню Симоны, смерть Дэвида и реакцию Лу на нее). Конечно, Питер отрицал, что его возвращение связано с Лу. Он утверждал, что не может ни минуты прожить без своей любимой жены и чудесных детей.

— В глубине души я человек семейный, — провозглашал он.

— Семейные люди не накачивают жен наркотиками и не вовлекают их в оргии со своими подружками, не правда ли?

— О, — как всегда беспечно сказал Питер. — У всех свои маленькие причуды.

Это была правда, только Беверли не назвала бы их маленькими. Она часто думала, что случай в том доме повлек за собой многие, если не все, приступы, потому что не могла выбросить его из головы, и эти мысли деморализовали ее до крайней степени. Вина и наказание. Оргии и мигрени. Да.

Из ванной раздался шум воды. Мужской голос чертыхнулся.

— Питер, ты брешь?

— Нет, делаю «Трусливый Бродвей».

— Что это?

— Новый лосьон после бритья.

— А что значит «делаю»?

— То, что это новый танец, тупица.

— Питер, — крикнула она, хотя от шума заболела каждая клеточка, — ты вернулся меня мучить?

— А для чего еще существуют браки?

— Надеюсь, ты порежешь себя на куски.

— Некоторые так и делают. Иногда мне кажется, что меня не любят, и синдикат здесь ни при чем.

Она не хотела в очередной раз выслушивать эту историю. Тони Эллиоту недавно

предложили, чтобы колонка Питера распространялась через сеть национального синдиката под названием «Взгляд Питера на будущее», но Беверли было плевать. Карьера Питера ее больше не интересовала. И все-таки она разрешила ему вернуться. Почему?

Впервые за долгое время ее внимание привлекла висевшая на стене картина Ларри Риверса. В живописи было что-то странное. Повесишь картину и перестаешь замечать ее. Переехав в город, Беверли занялась коллекционированием. Хотя какое-то дело. Лучше ходить по галереям, чем напиваться до бесчувствия, но времени хватало на оба занятия. Ей нравилось ходить по галереям. Она чувствовала себя очень умной и образованной, хотя и не понимала многого из того, что показывали, и временами ей казалось, что ее дурачат.

Свежевыбритый Питер высунулся из-за ситцевой занавеси.

— Все нормально, дорогая?

— Нет, голова разболелась.

— Принести таблетки?

— Я их теперь не пью. Из-за них начинается сердцебиение.

— Я этого не знал.

— Доктор Роджерс сказал, что на некоторых они так действуют.

— Может, если бы ты пила поменьше, тебе стало бы лучше? Спиртное действует на сосуды.

— Но только оно удерживает меня в здравом уме, и не надо читать мне лекции о силе воли.

— Для лекций сейчас слишком раннее время.

— Слава Богу.

— Между прочим, Маргарет уже должна была прийти. А я не слышу привычных шумов. Беверли содрогнулась от страха.

— Дорогой, я совершенно забыла. Маргарет сегодня будет поздно. Она рвет зуб. Ты не отведишь детей в школу?

— Конечно, нет. — Голос у Питера был неприятным. Он не прощал ошибок. — Надо было сказать раньше. У меня скоро встреча.

— Извини, ты прав.

— Если Маргарет нет, значит, дети не оделись и не позавтракали.

Он вышел и через несколько минут вернулся с нахмуренным лицом.

— Они в постели Салли дрались подушками. Ты, должен признаться, добилась успеха в одном. Они не осмеливаются беспокоить свою хрупкую мамочку по утрам. Это ты вдолбила им в головы. Салли сказала: «Мамочка не любит, если ее тревожат, пока она не выпьет кофе». Я достал им одежду. Салли оденет Питера, и им придется ехать без завтрака из-за твоих провалов в памяти.

Упреки, сплошные упреки. Но на этот раз Питер абсолютно прав, она забыла о детях. Слезы отчаяния навернулись на глаза, но Беверли удалось проглотить их.

— Питер, — сказала она через секунду, — зачем ты настаивал на примирении? Ты же меня не любишь.

— Смешно. Конечно же, люблю. Ты моя жена.

— Да, это тоже своего рода любовь. Но я не о ней.

— Слушай, Беверли, мы женаты восемь лет. Не могу же я вести себя, как пылкий студент.

— А как ты вел себя с Лу Маррон?

— Боже, снова об этом? Это совсем другое. Я же тысячу раз говорил. Это простосвязь. А связь — это не брак. Именно поэтому женатые мужчины их и заводят. Разные ситуации.

Беверли вспомнила о своей связи с Йеном. После возвращения Питера она перестала с ним встречаться, но только на неделю. Присутствие Питера скоро стало невыносимым, и она позвонила Йену и напросилась на обед. Подозревая ее тайные мысли, он пригласил ее к себе на квартиру. Йен жил всего лишь в нескольких кварталах от телестудии, где работал, и теперь они встречались там дважды в неделю днем, по вторникам и четвергам. Вспоминая день в загородном клубе в Гарден-Сити, она подумала, что вторник и четверг были днями встречи Ди-Ди с человеком, который преподавал музыку Ренессанса. Тогда Беверли была шокирована бесстрашием Ди-Ди, а теперь и сама делает то же самое. Ди-Ди, должно быть, и гробу переворачивается от смеха.

— Тебе тридцать лет, Беверли, и ты мать двоих детей. Ты не считаешь, что пора жить соответственно возрасту, помнить об обязанностях и прекратить глать о театральной группе?

— Да, да, ты прав, — утомленно сказала Беверли.

Она знала, что имеет в виду Питер, говоря о разнице между связями и браком, и эти мысли угнетали ее. Перед возвращением Питера Йен попросил ее развестись и выйти за него замуж. Если бы Беверли согласилась, связи у них не было бы, ушло бы все очарование тайны. Йен стал бы ее мужем, и она, очевидно, вскоре завела бы новую связь. Ее удивляло, как супружеские пары с большим стажем преодолевают повседневные трения совместной жизни. Или у них такая же жизнь, как у них с Питером?

— Ненавижу эту кровать, — сказал Питер, все еще не снимая халата и ночных тапочек. — Какого черта ты ее купила? В ней я чувствую себя идиотом.

Беверли нравилась кровать с нежно-розовым балдахинном.

— Когда я покупала кровать и снимала эту квартиру, мы оба не думали, что будем жить вместе. Помнишь? Мне она кажется романтической.

В ней была безопасная замкнутость пространства, и Беверли часто залеживалась до обеда, читая «Таймс» или новый роман. К сожалению, сегодня был всего лишь понедельник, значит, она увидит Йена только завтра. Вчера ночью они занимались с Питером любовью, но оргазма у нее не было. Он ее не возбуждал, скорее даже, вызывал отвращение, хотя все делал, как и прежде. Так что дело не в том, что он делает, дело в том, какой он и как она его воспринимает. Беверли изменилась после той ночи в доме у Тони Эллиота. Эти жуткие гипсовые люди и до сих пор остававшийся во рту вкус Лу Маррон...

Питер снял халат.

— Я оденусь и отведу детей.

— Да, пожалуйста.

Дети прекрасно выглядят, подумала Беверли, они очень изящно одеты. Питер-младший в итонской куртке и Салли в желтом пальтишке. Беверли раскрыла объятия и поцеловала каждого из них.

— У каждого мужчины есть женщина, — сказала Салли, — а у мороженщика только его палки.

Питер-младший восторженно захихикал. Сестра толкнула его и сказала:

— Ты же не понял шутки.

Беверли хотела, чтобы Питер-младший был первенцем и заботился бы о сестре, как ее брат Говард заботился о ней в детстве. Дорогой тупица Говард. Она давным-давно не

вспоминала о нем, но когда-то они были очень близки. Говард и рассказал ей о сексе и любимом развлечении его друзей. Подростки в Солт Лейк Сити сядились в круг и онанировали. Побеждал тот, кто кончал первым. Потрясающе. Беверли завидовала им, она не могла этим заняться. Говард посочувствовал ей и пояснил, что у девочек все иначе, у них нет «штуки», за которую надо дергать. Беверли очень огорчилась и спросила, а есть ли надежда, что у нее тоже вырастет «штука». Говард сказал, что нет, если она не урод и не лесбиянка (Беверли такого слова раньше не слышала, а брат ничего не объяснил), но когда она подросла, то узнала, чем занимаются девочки, и пришла в восторг. И, вспоминая об утешении, которое дал ей Говард, сожалела, что первым родился не сын, но потом расстроилась, что Питер-младший может оказаться гомосексуалистом. «Как и его отец», — пришло ей в голову, но она оттолкнула от себя эту мысль. Ясно, что Питер не был стопроцентным гомосексуалистом, иначе зачем бы он оставался в браке с ней? И все же не была уверена, что они с Тони Эллиотом занимались только выпуском газеты о модах. У нее не хватало духа прямо спросить Питера. Она боялась того, что может услышать в ответ. С Питером ни в чем нельзя быть уверенным. Он мог рассказать о любых гадостях, если хотел шокировать ее. Ей не хотелось признаваться даже самой себе, но ее муж пугал ее, он непредсказуем, и она временами думала, что совсем не знает его, несмотря на восемь лет совместной жизни.

— Маргарет заберет вас из школы, — сказала Беверли детям.

— А почему ее сейчас нет? — осведомилась Салли.

— Ей удаляют зуб, дорогая.

— Что такое «удаляют»? — спросил Питер-младший.

— Папа объяснит тебе по дороге.

Питер потрепал губами волосы Беверли, и она поймала его взгляд, устремленный в низкий вырез белой ночной рубашки. Ее длинные волосы были стянуты сзади белой тонкой резинкой. В призрачном полумраке комнаты она чувствовала себя юной девушкой, а не женой и матерью.

— Ты похожа на девочку в маминой постели, — сказал Питер, будто прочитав ее мысли.

Дети выбежали в коридор. У Беверли было ощущение, что Питер хочет взять ее прямо сейчас, может, чтобы уравновесить ночное фиаско. Он очень специфически смотрел на нее.

— Мог бы меня подождать, — сказала она.

— Я пытался. Но так бывает.

— Ты тут же заснул.

— Трудный был день, я устал.

— А с Лу Маррон тоже уставал?

Питер поправил узел галстука, хотя все было нормально.

— На ужин меня не будет.

Беверли ждала объяснений, зная, что Питер слишком умен, чтобы лгать в деталях. Она поняла главные правила мудрого бизнесмена: лги меньше, ничего не объясняй без крайней надобности, а потом с честным лицом цеди ложь сквозь зубы.

— А я как раз хотела приготовить ужин по рецепту из «Лайфа», — сказала Беверли.

— Съешь сама, дорогая. Попробуй еще поспать.

— Да, дорогой. Так и сделаю.

Через минуту после его ухода Беверли вылезла из постели, надела бледно-голубой халат

поверх короткой ночной рубашки и пошла в гостиную, где над софой висела картина Джона Халтберга. Картина нравилась Беверли, потому что унылый пейзаж был изображен через окно, все было неясно, размыто. Беверли купила его в галерее Марты Джексон в состоянии опьянения, и у нее было ощущение, что она видит мир сквозь мутное стекло и откуда-то издали.

Такое же чувство было у нее и сейчас, когда налила себе чистое старое виски и залпом проглотила его. Спиртное очень плохо действует при мигренях, оно лишь усиливает боль, и Беверли часто удивлялась, почему она продолжает так себя мучить. Ее передернуло от виски. Она покачала головой — подсознательный жест всех алкоголиков, как бы говорящий: «Нет, нет», тогда как их действия говорили: «Да, да».

Беверли было все равно, что она пьяна, во всяком случае, это ее волновало не больше, чем когда жила в Гарден-Сити. Теперь она не пряталась от Маргарет. А что касается Питера, то знала, что он не будет всерьез осуждать ее и не попытается остановить. Разве что иногда скажет: «Если бы ты не пила так много, дорогая...» Мягчайший выговор, и Беверли понимала, почему он так поступает. Питер даст ей пройти весь путь до конца, если она не будет вмешиваться в его жизнь. Взаимная договоренность. Никаких объяснений, никаких проклятий, спокойное взаимопонимание между дружественными врагами, которое позволяет друг другу заниматься своими грязными делишками.

— Убирайся, убирайся!

— Счастливые дни вернулись!

Да, у нее остались паршивые попугаи, и это было еще одной уступкой воле Питера, потому что она ненавидела птиц с самого начала и все-таки не избавилась от них, когда переезжала на Манхэттен.

— Дети, — сказал Питер, — очень их любят, ты знаешь?

— Нет.

— Дети начинают новую жизнь. Это будет нелегко. Они столкнутся с незнакомым окружением, так что нельзя лишать их привычных вещей.

Беверли знала, что и Питеру-младшему, и Салли нет дела до птиц, но у нее не было сил спорить. Она чувствовала себя виноватой в том, что лишает детей корней, лишает их отца, так теперь еще выбросить оранжевых птиц, которые истошно орали?

— Если бы у них был побольше репертуар, — сказала Беверли своему отражению в зеркале в гостиной.

Маленькая девочка в коротенькой рубашке и халате исчезла, вместо нее из зеркала смотрело изможденное, мятое лицо. Беверли видела опухшие глаза, морщинистую кожу, выражение отчаяния на лице и подумала, что на кинозвезду она не похожа. Новый ночной крем «Спящая красавица» не смягчал кожи, как обещала этикетка, не сглаживал морщин, они тут же проступали наружу, стоило удалить крем. Глядя на себя в овальное зеркало, Беверли решила, что «Спящей красавице» не удалось пробудить уставшую женщину. Она высунула язык. Он был покрыт белым налетом.

— Я разрушена.

А в марте ей стукнуло всего лишь двадцать девять, и было это семь месяцев тому назад. Она вплотную подошла к тридцати. Мысль, что уже никогда не будет двадцатилетней, сейчас ужаснула Беверли больше, чем когда-либо. Нереально быть тридцатилетней. Нереально, но неизбежно: молодость и страстные надежды исчезли навсегда. Она всхлипнула, вспомнив слова Питера, что ее жалость к себе не знает границ.

— А почему я не должна жалеть себя? — спросила у него Беверли. — Что у меня есть? Чему я училась? Ничему. Только быть женой, матерью и играть в теннис, когда хорошо себя чувствую.

— Ты молода. Ты могла бы многому научиться, если бы захотела.

— Нет. Мечты исчезли.

— Только если хочешь быть неудачницей.

Ну, таков был ответ Питера на ее истерику, но что он знает? Питер сильнее ее. У него нет таких сильных чувств, как у нее. Она читала его колонку в последнем номере «Тряпья», стиль огорчил ее до слез. Скучища. Питер затронул тему длины юбок и утверждал, что мини уходят, а миди и длинные юбки становятся модными. Он во всем обвинял американских дизайнеров Нормана Норелла и Билла Бласса, которые сидят в своих полосатых апартаментах, смотрят ночное шоу Лупе Велеса и придумывают, как еще больше обезобразить женскую фигуру.

«Скоро они вернут накладные плечи, как у Джоан Кроуфорд», — заключал колонку Питер.

Скуку у Беверли вызывало все. Неужели можно всерьез загореться размышлениями с нескольких лишних сантиметрах ткани, когда люди гибнут во Вьетнаме, а мир содрогается от ужаса ядерной катастрофы?

— Кому какое дело до оборок и рюшек? — сказала она Питеру после чтения. — Или накладных плеч? До всего этого? Ты думаешь, что в Солт Лейк Сити до сих пор ходят на острых каблуках, отставая от моды на семь лет?

Питер презрительно сморщился.

— Да плевать всем, что носят в Солт Лейк Сити, дорогая. Ты этого как раз и не понимаешь.

— Всем плевать в Нью-Йорке или Париже. Но всем в Солт Лейк Сити плевать, что думают в Нью-Йорке или Париже. Вот этого не понимаешь *ты!*

— Ты дура, — сказал Питер. И ушел в клуб.

Она продолжала смотреть в зеркало стиля рококо. Беверли неожиданно сорвала халат и рубашку и осмотрела свое обнаженное тело. Фигура в порядке, лучше, чем когда-либо. Пьянство прежде всего поражает лицо. Суровая диета военнопленного осталась в туманном прошлом. После переезда на Манхэттен она потеряла четыре килограмма и без всяких мыслей о том, что сидит за колючей проволокой и ест только жидкую похлебку. Вчера съела всего лишь одно крутое яйцо и два пирожка (и пятнадцать порций виски), но живот оставался твердым, а грудь висела на приличествующей ее размеру высоте.

— Когда-нибудь все изменится, — сказала она, мечтая, чтобы сегодня был вторник, а не понедельник.

Беверли вернулась к бару, отвинтила пробку и хлебнула из горлышка. Господи, что за прелесть этот алкоголь и что за гадость. Головная боль тут же усилилась, ее сильно затошнило. Скоро очутится в ванной, ее вырвет, и она будет думать о том, что сейчас поделывают нормальные люди. Беверли снова запрокинула голову.

— Миссис Нортроп!

Она не слышала, как Маргарет открыла дверь. Впервые Беверли увидела шокированную Маргарет.

— Миссис Нортроп, что вы делаете? Сейчас всего полдесятого утра. Вы пьете, да еще голая.

— Какая, к черту, разница? Ради кого здесь быть одетой и трезвой?

В руке Маргарет был конверт.

— Это от вашей матери.

— Здорово. Чего мне не хватает сегодня утром, так это послания старой ведьмы. Я ничего не вижу. У меня дикая головная боль. Вскрой и прочитай самое важное, если оно там есть.

Маргарет разорвала конверт.

— Ваша мать увлеклась гольфом, — сказала она через минуту.

— Ты считаешь это важным?

— Она играет в клубе Маунтин Делл, где солнце так сияет, что она должна носить темные очки.

— Я в восторге.

— Она уже выиграла восемьдесят очков, — бубнила Маргарет, — и удар становится все лучше с каждым днем. Она берет уроки.

— *Маргарет!*

— Да, миссис Нортроп?

— Меня совсем не интересуют успехи матери в гольфе. Если она пишет только об этом, то не читай. Просто выбрось.

Маргарет перевернула страницу.

— Она спрашивает, как вам нравится Манхэттен, как здоровье детей. Она думает, что вам надо привезти их в Солт Лейк Сити на Рождество, иначе они забудут, что у них есть бабушка.

— Она пишет о мистере Нортропе?

Маргарет продолжала читать.

— Да. Она пишет: «Дорогая, я должна предостеречь тебя против развода. Как ты знаешь, я никогда не была в восторге от Питера, но брак — в руках Господних, и это все очень не просто».

— Хватит. Выбрось в корзину.

— Вы не хотите услышать о вашем брате Говарде?

Говард всегда был любимчиком матери.

— Попробую угадать, — сказала Беверли, закрывая глаза. — Он баллотируется на пост председателя городского совета.

— Нет, в законодательное собрание штата.

— И ни слова о том, как человек может жить после кружка онанистов.

Маргарет стояла перед высокой, белой и голой Беверли, стараясь не смотреть на рыжие волосы в паху. Беверли пришло в голову, что Маргарет, наверное, всегда видела только голых негритянок.

— Миссис Нортроп, может, вы оденетесь и ляжете в постель? Вы плохо выглядите, мэм.

Беверли подняла белую батистовую рубашку и надела через голову. Ее затрясло, потом озноб прошел, зато охватил жар. Эти переходы от жара к холоду длились часами, тело изнемогало от этой борьбы, и даже когда приступ мигрени проходил, она чувствовала себя истощенной.

— Может, вы оставите бутылку здесь, миссис Нортроп?

— Нет. Между прочим, Маргарет, как твой зуб? Я о дырке во рту.

— Стало как-то пустовато.

— А у меня такая жизнь, — улыбнулась Беверли.

— Счастливые дни вернулись! — заверещал попугай.

Беверли улеглась в постель с бутылкой виски и включила электроодеяло. Ее так трясло, что едва не опрокинула открытую бутылку. Она была на две трети полна, и Беверли подумала, что сказал бы Питер, если бы постель пропахла виски. Тихо зазвенел бледно-зеленый телефон у кровати.

Беверли сняла трубку.

— Привет, — сказал Йен. — Как себя чувствуешь?

— Сажу дома и пью.

Йен весело рассмеялся. Типичная реакция англичан на неприятные известия.

— Не хочешь пообедать со мной? — спросил он.

— Сегодня понедельник, — удивилась Беверли. — Это не наш день, дорогой.

— Нет, — снова засмеялся он. — Я говорю об *обеде*. Давай. Тебе станет легче.

— Мне станет легче после другого.

— Я вот что собираюсь сделать. Я закажу столик на двоих в «Граунд Фло» на двенадцать тридцать. Ты придешь?

— Я бы лучше трахнулась.

— Сегодня нет времени, дорогая. У меня будет жуткий день.

— А на обед время есть?

— Я хочу кое-что обсудить с тобой, — терпеливо ответил он.

— Можем обсудить это в постели.

— Дорогая, ты же знаешь, что я этого не люблю. И мне кажется, тебе надо немного поест.

Вот этого Беверли хотела меньше всего, но ей было любопытно, о чем думает Йен.

— Двенадцать тридцать, — сказала она.

Положив трубку, сообразила, что не следовало в таком состоянии соглашаться на встречу. Она не сумеет одеться, подкраситься и пересечь порог дома. Если бы удалось соснуть, ей стало бы лучше, но страдающие мигренью лишены этого удовольствия. Беверли от безысходности разрыдалась.

— Это несправедливо, несправедливо, несправедливо.

Цветастые простыни промокли от слез. Она плотнула виски, передернулась и снова задумалась о том, чего хочет Йен. В прошлый четверг он был озабочен не только возвращением Питера, но и тем, что Беверли не собиралась выгонять его.

— Нельзя же жить с человеком, которого терпеть не можешь, — сказал Йен.

— Наоборот, так можно жить вечно.

— Я тебя не понимаю, Беверли.

— Женишься, поймешь.

В дверь тихо постучали.

— Входи, — сказала Беверли.

В проеме показалась голова Маргарет.

— Миссис Нортроп, давайте я что-нибудь принесу. Чашку чая? Или настоящий завтрак?

Маргарет недавно высказала озабоченность отсутствием у Беверли интереса к пище.

— Знаешь же, что я не могу есть, когда болит голова. Но чашку чая можно. С медом и побольше лимона, пожалуйста.

Лимон — это хорошо, может, хоть тошнота прекратится. Больше всего болело над

левым глазом. Правый еще могла раскрыть, но левый не подчинился, как будто его проткнули ножом. Она поставила бутылку на пол и выключила электроодеяло. Холод исчезал, по телу начала разливаться приятная теплота. Когда Маргарет вернулась с подносом, Беверли дико потела.

— Спасибо, Маргарет. Ты оптимистка.

Рядом с чаем Маргарет положила тонкую гренку (как любила Беверли) и большую порцию консервированных абрикосов.

— Гренки хороши при тошноте, — отметила Маргарет, закрывая за собой дверь.

В такие моменты Беверли удивлялась, что бы она делала без Маргарет. Временами даже всерьез хотела включиться в движение за гражданские права, хотя бы ради Маргарет, но не могла представить себе, как она сидит в душном офисе, скажем, два раза в неделю и разбирает запутанные случаи, которые были выше ее понимания. Беверли огорчало бедственное положение негров, но не знала, что нужно делать. Если говорить о ней, то она хорошо платила Маргарет, была с ней вежлива и отдавала ей всю свою и Питера ненужную одежду. Больше ничего не могла сделать. В конце концов, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Мормонов выбросили со Среднего Запада, их пророка убили, дома уничтожили, но они пересекли горы в пыльных фургончиках и создали в пустыне процветающий город. Воспитание Беверли говорило, что люди ничего не должны просить и не должны ждать подарков. Милостыня унижает достоинство человека. Это было одно из немногих положений, которое она разделяла с Питером.

Беверли отхлебнула чай с лимоном, надкусила сухую гренку и поставила поднос на пол рядом с бутылкой виски. Затем вылетела в роскошную ванную, и ее вырвало.

Она составила план действий на день. Встретиться с Йеном в «Граунд Фло», как они договорились, но одеться и накраситься... Эти подвиги выше ее сил. Пояс, чулки, трусики, туфли и пурпурное пальто поверх рубашки — это все, что смогла сделать. Пьяная и разобранная, она все же сообразила, что рубашка неуместна, ведь ей предстоит снять пальто, но все равно лучше это, чем процедура полного одевания. Чтобы защитить глаза от болезненного солнечного света, Беверли надела темные очки в толстой лиловой оправе (из «Блумингдейла»), поверх которых извивалась зеленая змейка.

Беверли заказала лимузин на двенадцать двадцать. В других обстоятельствах она бы попросила швейцара Генри вызвать ей такси, но сейчас даже трехминутная задержка была для нее невыносимой.

— Я буду сразу после обеда, — проинформировала она Маргарет. — И не волнуйся насчет ужина. Мистера Нортропа не будет, а я есть не буду. Позвони, пожалуйста, цветочнику, закажи три дюжины нарциссов и поставь их в гостиной. Иначе она похожа на гробницу.

Маргарет кивнула, вздохнула и вернулась к назначенной на понедельник генеральной уборке электропечи. На ней были резиновые перчатки, и она держала в руках новый очиститель, о котором Беверли слышала по телевизору. Маргарет больше нравился старый, им она пользовалась много лет, но слишком хорошо знала Беверли, чтобы спорить.

«Миссис Нортроп — как ребенок, настоящее дитя, — любила говорить Маргарет своей невестке в Рослине, — а ты знаешь, как ведут себя дети. Особенно испорченные и деспотичные».

На улице было холоднее, чем думала Беверли. Или приближался новый приступ озноба? Генри поддерживал ее за локоть, когда она спускалась к лимузину по короткой лестнице.

Шофер стоял с вежливой улыбкой и держал открытой дверцу длинного черного «кадиллака».

— Добрый день, мэ, — сказал он.

— Добрый день, — ответила Беверли и благодарно нырнула в полумрак кабины.

— Надеюсь, вам станет лучше, миссис Нортроп, — сказал швейцар.

— Спасибо, Генри.

Беверли схватилась за ручку левой дверцы и откинула голову на кожаное сиденье, правая рука отдыхала на сумочке из крокодиловой кожи. Может, и полураздета, неожиданно подумала она, но все при мне.

Поездка за тридцать кварталов в «Граунд Фло» оказалась легче, чем ожидала Беверли. Пятая авеню была забита людьми, и Беверли удивилась тому, как шикарно были одеты работающие девушки. Обычно, если она выезжала купить что-нибудь, то всегда это было после двух часов, когда *голодранцы* вернутся в свои конторы и освободят место для избранных. У светофора две девушки поймали ее взгляд. Они вышли из «Бонвит Теллерс», у них были пакеты с фирменным знаком. Девушки смеялись и болтали. Беверли было интересно: о чем? О покупках, о том, где пообедать, о вчерашнем свидании? Им было слегка за двадцать. Свежие, чистые. Может, они секретарши за сто долларов в неделю, но Беверли им завидовала.

Они свободны. Они еще не сделали больших ошибок.

Беверли раньше не была в «Граунд Фло» и совершенно не ожидала увидеть такое. Она не была бы готова к этому и в лучшем состоянии, чем теперь, при ее мигрени. Ресторан показался ей кошмарным. Огни! Шаг за дверь, и ее ослепил потолок, в который какой-то маньяк из корпорации «Эдисон» построил тысячи ламп и врубил их на полную мощность. Глаза ослепли, несмотря на темные очки.

— Стол мистера Кларка у дальней стены, — сказал метрдотель. — Пожалуйста, идите за мной.

Беверли неприятно было увидеть Джона Фэйрчайлда с двумя поклонниками за столом у самого входа. Три головы склонились над столом, как заговорщики. В их позе было нечто скульптурное, красивое в их завершенности. И странная неподвижность.

Беверли немедленно кивнула и улыбнулась Джону Фэйрчайлду. Она давно сталкивалась с издателем «Женской одежды», он был единственным конкурентом «Тряпья» в этой области. То, что Беверли видела людей из этого журнала в такой особенный день, волновало ее только потому, что она подумала, что, возможно, где-то поблизости обедают Питер, Лу Маррон и Тони Эллиот. Обеды и заговоры — таково модное сумасшествие в эти дни. Беверли презирала их мир, но и завидовала ему, потому что это был мир, связь, команда, в которую ее не включили. У Лу Маррон была хоть ее работа.

Горькое ироническое чувство овладело Беверли: она завидует Лу Маррон, когда большинство женщин позавидовали бы ей, ее красивому, преуспевающему мужу, ее детям в хорошей частной школе, дому за городом, чудной квартире в Нью-Йорке, деньгам, социальному положению, респектабельности. Но что все это значит, если спишь с человеком, который тебя не любит, если напиваешься до бесчувствия, если в холодный яркий октябрьский день под пальто только ночная рубашка, и она идет ко второму в цепи ее любовников?

Беверли с нежностью вспомнила Фингерхуда, первую свою измену и изысканные

блюда, которые он готовил, они напоминали ей ресторан «Дургин Парк» в Бостоне. Питер часто возил ее туда по субботам, а потом привозил обратно в Уэллесли к паршивому комендантскому часу.

Женщины, обедающие в «Граунд Фло», большей частью были одеты в маленькие осенние костюмы, на некоторых были маленькие шляпки. Известный киноактер, сидевший вдали, привлек ее внимание. С ним были двое мужчин, оба лысые и толстые. В жизни актер выглядел лучше, чем на киноэкране, но Беверли удивили его блестящие глаза, глаза Питера. Кажется, они могли прорезать стальную дверь.

— В последний раз, — сказал Питер несколько дней тому назад, — говорю тебе, что с Лу Маррон покончено.

Но Беверли этому не верила, несмотря на утверждения Симоны, будто после смерти Дэвида Лу не встречалась с Питером. Симона после похорон подружилась с Лу, а Беверли звонила примерно раз в неделю, чтобы дать, как она выражалась, «полный дружеский отчет». Симона говорила, что Лу сейчас ведет целомудренный образ жизни, но Симона хочет исправить это положение и познакомит ее с Фингерхудом. Единственной помехой, говорила Лу, было то, что прошло слишком мало времени после смерти дорогого Дэвида, чтобы с кем-то знакомиться, и из уважения к его памяти она должна выждать какое-то время.

— Полный дружеский отчет номер четыре, — сказала вчера Симона по телефону между двумя глотками мексиканского ужина, в котором были жареная фасоль и прочая гадость. — Лу Маррон говорит, что секс ей так противен, что она даже перестала принимать таблетки.

Беверли удивилась, что Лу, прикидывающаяся такой умной, может пить таблетки. Симона говорила, что таблетки — это величайшее изобретение после пенисов, но Симона не слишком выдающийся мыслитель, и она ничего не хотела слышать о многих женщинах, умерших из-за таблеток, которые могли вызвать закупорку сосудов.

— Ты мое мнение о таблетках знаешь, — сказала Беверли Симоне, — так что хватит об этом.

— Твое мнение ни черта не значит, если вспомнить об Аните. Если бы она пила таблетки, ей не пришлось бы делать аборт в Сан-Хуане. Ей даже не дали наркоза.

— Аборт?

Возникла легкая пауза, а потом Симона начала задыхаться.

— Я подавилась перцем. Не в то горло попало.

— Я не знала, что Анита делала аборт.

— Это была морковь, — сказала Симона, отхлебнув вина.

— Ты не говорила, что Анита делала аборт, — заявила потрясенная Беверли. — Когда это было?

Тон у Симоны стал заговорщицким.

— Это тайна. У меня длинный язык. Умоляю тебя, никому не говори. Анита мне парик порвет вместе с моими волосами, если узнает, что я проболталась.

— Я ее только один раз видела. Что она имеет против меня?

— У тебя деньги и грудь, — быстро ответила Симона.

Беверли не могла поверить, что Анита ее не любит, как не могла поверить, что Йена интересуют только ее деньги. Она была слишком несчастна, чтобы ее не любили, и не слишком богата, чтобы ей завидовали.

— Знаешь, Симона, иногда я думаю, что ты немного не в себе.

— А я и не спорю. Но ты никому не скажешь об Аните, правда? Она очень переживает из-за этого.

— Буду молчать, как рыба, — промолвила Беверли и подумала, что скажет Йен об этой потрясающей новости. Йен всегда заявлял, что они с Анитой были только друзьями, но Беверли в этом сомневалась так же, как сомневалась в целомудрии Лу. — Когда она сделала аборт?

— Этим летом. Доктор Доброта летал вместе с ней.

— Кто это?

— Фингерхуд, конечно, — нетерпеливо сказала Симона. — Но он не виноват. Ребенка ей заделал Улыбающийся Джек. А у нее был колпачок.

— Это очень разумно.

— Разумно? И ты меня называешь сумасшедшей? Она же забеременела! Что в этом разумного?

— Не выходи из себя, — сказала Беверли. — Подавишься перцем.

— Морковью.

— Помнишь, как мы ужинали с братьями в Мексико-Сити? Помнишь, какой я была недотрогой.

— Ничего, ты сейчас наверстываешь.

— Я знаю. Но когда подумаешь о стольких потерянных годах...

— А каково мне? Столько лет трахаться и не кончать. Я могу просто умереть от этого. Кстати, я вспомнила интересную вещь. Представляешь, первый оргазм у меня был в день похорон мистера Сверна.

— Не вижу связи.

— Полная дурища, если так, — сказала Симона. — Смерть. Жизнь. Понимаешь? Мистер Сверн ушел, а у меня пришло.

Беверли едва не врезалась в тележку с десертом, который выглядел бы очень аппетитно, если бы только запах пищи не вызвал у нее нового острого приступа тошноты. Господи, как люди могут столько есть? Симона говорила, что ньюйоркцы так озабочены пищей потому, что Нью-Йорк живет под знаком Рака, а это знак еды. Астрологические объяснения Симоны не убеждали Беверли, которая давно решила, что некоторые люди — свиньи в душе, и ничего с этим не поделаешь.

— Извините, — сказала она вздрогнувшему официанту, который толкал тележку. — Прекрасная земляника.

— Только утром доставили из Франции, — с гордостью заявил он.

Беверли запомнила, чтобы сказать об этом шовинистке Симоне, когда та будет делать следующий дружеский доклад. Она поторопилась за метрдотелем, который опередил ее на несколько шагов. В ресторане было нестерпимо душно. Беверли чувствовала запах из-под мышек и сомневалась, что доживет до конца обеда. С облегчением она увидела Йена.

— Дорогая, — встал сияющий Йен, — ты вовремя.

— Я заказала лимузин.

Метрдотель отодвинул стол, и Беверли села рядом с Йеном на банкетке. Банкетки ей не нравились, потому что разговаривать было неудобно. Шея потом будет болеть несколько дней.

— А почему не на такси? — осведомился Йен.

— Страшно болит голова. Мне вообще не следовало выходить.

— Вид у тебя неважный, — признал он на французском языке.

Беверли удивлялась, почему англичане обожают вставлять французские слова, если терпеть не могут французов.

— Я чувствую себя отвратительно.

— Коктейль будете заказывать, сэр? — спросил официант.

Йен повернулся к Беверли.

— Виски со льдом, побольше лимона и без сахара.

Йен повторил заказ Беверли официанту, а себе заказал виски с содовой. Потом он сказал:

— Я тебе искренне сочувствую, но скажи... Как дела на семейном фронте?

После возвращения Питера под родной кров это был его любимый вопрос.

— Статус-кво.

Он неодобрительно взглянул на нее.

— Тебя это, кажется, не волнует.

Под мышками вспотело еще больше.

— Волнует? Мне так плохо, что меня ничто не волнует.

— Так дальше продолжаться не может. Ты понимаешь?

— Да? Почему же?

— Я не считаю вторники и четверги основой для хороших взаимоотношений.

— Можем поменять на понедельник и среды.

— Твой юмор меня не веселит.

— Неужели? — спросила она, думая, что, если официант немедленно не принесет напитки, ее вырвет прямо на белоснежную скатерть. — А я считала себя остроумной.

Йен прочистил горло и зашел с другого конца:

— Ты знаешь, как я к тебе отношусь.

— Дорогой, пожалуйста, не сейчас.

Он негодуяюще вздохнул, а Беверли пришло в голову, как странно у них поменялись роли мужчины и женщины. Раньше именно она, женщина, жаловалась бы на неполноту их романа, а он, мужчина, твердо стоял бы на том, что ничего не надо менять. Беверли была удовлетворена тем, что главенствует над Йеном. Это отчасти компенсировало то, что ею командует Питер. В другом углу известный ведущий колонки слухов что-то черкал в своем блокноте, слушая элегантную блондинку, которой Беверли не узнала. Ресторан был заполнен. Слева от Беверли мужчина и женщина ели рыбное филе с бледно-зеленым виноградом.

— Кристофер, — сказала женщина, — прислал мне открытку из Демоса.

— Пережарено, — ответил мужчина. — Что пишет дорогой мальчик?

Беверли не стала ждать ответа женщины. Ей казалось, что вопрос важности общения невероятно скупен. Но людей он волновал, они продолжали есть и пить вместе и непрерывно болтали о разных глупостях. А что остается? Она сама была ответом на этот вопрос. Могла ведь остаться в постели и тихо страдать под балдахином, но все же выползла из дома, несмотря на дикую головную боль, в мир еды, питья и болтовни. Убить время. Она часто думала, что люди только этим и заняты, потому что и в ее случае она в глубине души знала, что Йену на самом деле нечего обсуждать с ней, все уже говорено-переговорено, так что остается только пережевывать старые темы. Или вот слова мужчины о пережаренной рыбе, ведь это простая передышка в несущественном разговоре. Человек привык

разговаривать. Ля-ля, бу-бу, ля-ля, бу-бу. Даже пустопорожний разговор лучше тишины. Льюис Кэрролл писал об этом правильно.

— Наконец-то, — сказал Йен, когда официант принес напитки. — Будь здорова, дорогая.

Рука у Беверли тряслась, когда она брала ледяной бокал. Какой дурак наполняет его до краев?

— Будь здоров, — сказала она и сделала большой глоток. — Они все-таки положили сахар.

— Отослать обратно?

Рыба пережарена. Они положили сахар. Ля-ля, бу-бу, ля-ля, бу-бу. Ах, как они наслаждаются своими голосами!

— Нет, выпью и так. У меня в горле пересохло.

— Как хочешь.

На Йене были темно-синяя куртка в стиле Мао Цзэдуна и голубой свитер.

— Потрясающе выглядишь, — заметила она.

— Я вообще потрясающий парень, но с тобой мне это не помогает.

— Еще как помогает.

— Не слишком. Я хочу жениться на тебе, Беверли. Ты это знаешь. Или ты мне не веришь?

— Верю.

— Ну и?

— Я уже замужем.

— Ты его не любишь.

— А почему ты думаешь, что я люблю тебя?

— Ты сама говорила, — обиженно ответил Йен.

Неужели? Она не помнила. Должно быть, когда они занимались любовью, но кто всерьез воспринимает такие вещи? Люди всегда так говорят, это просто слова, если ты сексуально возбужден. Йен ведет себя неразумно, как ребенок, требуя ответственности за слова, произнесенные во мраке ночи. Значит, не такой уж он умный, как кажется, но тогда американцы всегда будут клевать на его английский акцент, который делает самые пустяковые слова очень значительными и умными.

— Конечно, я тебя люблю, — поправились она, думая, что несколько часов тому назад она слышала те же слова от Питера. Но Питер любил ее не больше, чем она Йена. Питер не хотел ее терять, а она не хотела терять Йена. Беверли была удобной подушкой для Питера, как и Йен для нее. Питеру нужно было возвращаться в дом, а Йен ей нужен, чтобы выдерживать жизнь с Питером. Она понимала, почему Йен расстраивается. В этой ситуации он был слабее, его использовала жена, которая на самом деле не хотела бросать мужа. Беверли была несчастлива с Питером, но это было знакомое несчастье. Она к нему привыкла и за те несколько месяцев, когда они жили врозь, скучала по нему. Развестись с Питером и выйти замуж за Йена (или кого-то другого) означало вероятность незнакомого несчастья. И какой в этом смысл? С Питером она хоть знала, что ее ждет, и хотя ничего хорошего в будущем не ожидалось, это пугало меньше, чем неизвестность. — Я люблю тебя, — повторила она, — но не пойду за тебя замуж. Так вот обстоят дела.

— Хреновые дела.

— Мы часто не получаем того, что хотим, — сказала Беверли, ощущая претенциозность

СВОИХ СЛОВ.

— Ты, кажется, все получила. Удобный брак и меня по вторникам и четвергам.

— Йен, ты говоришь вздор.

— Потому что ты поставила меня в такое положение.

Он и вправду очень слабый, подумала Беверли, скулит, как щенок, никакой гордости. Питер никогда бы не пал так низко. Точно? Может, он тоже ныл и плакал, когда Лу Маррон сказала, что не будет с ним встречаться. Трудно вообразить Питера в этой роли, но и Питеру, наверное, трудно вообразить ее в роли несгибаемой женщины, которую она играла с Йеном. С Питером она слабая, а с Йеном сильная. Какая же она на самом деле?

— Йен, пожалуйста, не спорь. Не сегодня. Голова раскалывается.

Он допил виски с содовой и заметил, что ее бокал пуст.

— Выпьешь еще?

— Пожалуйста. Только на этот раз без сахара.

— Я использую все свое мощное влияние.

Он сказал это саркастическим тоном, а Беверли подумала, как у него мало мощи и как мало влияния для Нью-Йорка с его могучей конкуренцией. Бедный Йен. Он, в конце концов, всего лишь ассистент режиссера дневной викторины. Интересно, сколько он получает? Беверли боялась узнать, потому что сумма могла оказаться еще ничтожнее, чем она думала. Этот обед, несомненно, экстраординарный поступок, если только студия не оплатит счета. Ей было интересно узнать, где обедает Питер, что он ест, с кем сидит. Неожиданная страсть к мужу, приправленная горькой печалью, охватила Беверли.

В эту минуту она знала, что больше не разведется с ним, что бы он ни сделал. Эта мысль произвела на нее странное воздействие: ей еще сильнее захотелось переспать с Йеном, и немедленно.

— Согрелась, дорогая? — успокоившись, спросил Йен. — Не хочешь снять пальто?

— Да. Спасибо.

Йен помог ей раздеться и удивленно уставился на то, что было надето под пальто.

— Ты в ночной рубашке? Или я сошел с ума?

Беверли взглянула на рубашку, будто видела это одеяние впервые. Грудь была хорошо видна сквозь полупрозрачный батист, соски ярко розовели под белой тканью.

— Я слишком плохо себя чувствовала, — сказала она. — Да и какая разница? Никто не заметит. Вот увидишь.

— Наверное, лучше надеть пальто, — нервно сказал Йен.

— Не смейся. Всем плевать. Смотри, никто и глазом не моргнул.

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Ты... Ты... — Он не мог продолжать. — Ты *не одета!* — выдавил он наконец, украдкой оглядывая ресторан.

— Ночные рубашки сейчас носят повсюду, — отметила она. — Я-то знаю, у меня муж занимается модами.

— Но не такие же.

— Ну, значит, я основываю новое направление. Питер будет доволен.

— Беверли, я тебя умоляю, надень пальто.

— Не надену. Здесь жарко.

Йен закурил ментоловую сигарету и с плохо скрываемым гневом быстро затягивался.

— Я преподам тебе пример, — сказала Беверли, наслаждаясь остротой ситуации. — Я спрошу пару слева, заметили ли они что-нибудь необычное.

— Ничего подобного ты не сделаешь!

— Извините, скажите, я необычно выгляжу? — повернулась Беверли к паре слева.

Они без интереса посмотрели на нее, а мужчина сказал:

— Все равно спасибо, дорогая. Но грудь меня не волнует. Коленки — вот что главное.

Женщина просто пожала плечами и продолжала есть десерт.

— Видишь? — победно произнесла Беверли. — Я же говорила, всем наплевать.

— Мне нет.

— Потому что ты до одури консервативен.

— Все видят твою грудь, глупая.

— Ну и что? Им все равно.

— Абсолютная нелепость.

— Это ты нелеп. Именно ты развел бурю в стакане воды из-за пустяков.

Он бросил окурок, закурил другую сигарету и прошипел:

— Для меня это *не пустяки!*

Впервые после пробуждения ей стало легче. Смех побеждает все. В этом ее главная беда, решила Беверли. Она всегда мрачная, плаксивая, надо научиться видеть смешное в жизни. Может, этот случай с Йеном перевернет ее мировоззрение.

— Коленки, — сказал мужчина. — Это точно.

— Беверли, пожалуйста, — сказал Йен.

— Без сахара. — Официант поставил перед ней виски.

Беверли повернулась к Йену.

— Чем таким важным ты занят сегодня днем, что мы не можем трахнуться?

— Надо набрать новых участников.

«Загадка». Жуткое шоу. Однажды Беверли смотрела его пять минут, содрогаясь от участников, у которых было высшее образование. Йен говорил, что высокий рейтинг шоу объясняется тем, что все матери страны могут увидеть еще более тупых людей, чем их дети.

— Да, — сказал Йен, — надо набирать новых болванов.

— Это важнее, чем переспать со мной?

— Многие идиоты не хотят больше участвовать, потому что их публично унижают.

— Мы говорим о разных вещах.

— Диплом они получили не для того, чтобы телевидение делало из них дураков.

— Займись любовью, а не дураками.

Йен, кажется, только сейчас ее услышал.

— Извини, дорогая, но сегодня об этом не может быть и речи.

Беверли отхлебнула.

— Анита Шулер пару месяцев тому назад сделала аборт.

— Что?

— Да. Мне Симона сказала. Операция.

— Есть способ лучше, — сказал человек слева. — Его применяют в Китае, и там это стоит всего десять центов.

Мало того, что шея будет болеть, так еще приходится обедать в одной компании с незнакомцами.

— Это тот пилот, за которым она гонялась зимой? — спросил Йен.

— Эта задница. А Фингерхуд летал с ней в Сан-Хуан. И ей даже не давали наркоза. Симона сказала, что ей только вкололи новокаин, сам знаешь куда. Так что она кричала двадцать минут.

— Высасывающая машинка, — сказал мужчина слева. — Работает, как пылесос. И просто высасывает зародыш.

— Это очень интересно, — сказала Беверли, — но мы бы хотели поговорить вдвоем. Если вы не против.

— Десять центов в Китае. Спорю, что с вашей подруги содрали пять сотен.

— Четыреста пятьдесят. Фингерхуд сторговался.

— Так и надо с этими пуэрториканскими живодерами. Ты должен торговаться, иначе ничего не получишь.

Питер не позволил бы чужакам вмешиваться в их разговор, подумала Беверли, мечтая, чтобы Йен не был слабым, но тут же спохватилась: ведь это она не оставляет ему выбора.

— Пожалуйста, не говори Аните, что я рассказала тебе об аборте, — сказала Беверли. — Она умоляла Симону, чтобы та не болтала.

— Обещаю.

Пара слева наконец-то встала. Мужчина сказал Беверли:

— Грудь не важна, дорогая. Поверьте, я знаю.

— Приятно было пообедать с вами. Но повторять мы не будем.

Женщина просто улыбнулась ей, и они ушли.

— Очаровательная пара, — скривился Йен. — Посмотрим меню?

После обеда Йен посадил Беверли в такси и сказал, что позвонит позже.

— Зачем? — спросила Беверли.

— Просто узнать, как ты себя чувствуешь.

— Я знаю, как я себя буду чувствовать. Еще паршивее, чем сейчас.

— Не отчаивайся, дорогая. Завтра вторник.

— *Наш* день. — Беверли послала ему воздушный поцелуй из окна машины. — В галерею Лео Кастелли на Семьдесят седьмой, — сказала она водителю. — И не спешите, я не тороплюсь.

— А я тороплюсь. Я работаю. Где на Семьдесят седьмой?

— Между Пятой авеню и Мэдисон. Хотите кое-что узнать?

— Не очень.

— В Нью-Йорке трудно трахнуть.

Когда Беверли приехала в галерею, там кроме Кастелли и Ивана Карпа был только один человек в вельветовом костюме. У него были большие черные усы, и он углубленно созерцал диптих, изображавший Джона Пейна и Кармен Миранду, сидевших верхом на лошадях. Картины слегка озадачили Беверли, потому что бананы и апельсины были на голове у Джона Пейна, а не на голове Кармен, но, будучи завсегдаем галерей, она знала, что никогда нельзя подавать вида, что ты ошарашен. Да и почему бы им не быть на голове у Джона Пейна? Какая разница? Она повернулась к усачу.

— Бодлер говорил: «Жизнь — это больница, в которой каждый пациент отчаянно хочет поменять койку».

Мужчина бесстрастно посмотрел на нее.

— Как вы думаете, где вы находитесь? В «Модерне»?

Беверли скрыла, что ничего не поняла.

— Чья это выставка?

— Моя.

— А! А кто вы?

— Стив Омаха.

— Рада познакомиться. Я Беверли Нортроп. Я так понимаю, вы знаете способ, как довести женщину до оргазма.

В эту секунду ей показалось, что у него сейчас отвалятся усы.

— Погодите. Как, вы сказали, вас зовут?

— Беверли Нортроп. Я подруга Симоны. Я удивлена, что она не говорила вам обо мне.

— Нортроп. Нортроп. А, да, вы та сумасшедшая леди с буферами!

— Она *меня* называет сумасшедшей?

— Кажется, я сболтнул лишнее.

Стив Омаха сунул руки в карманы.

— Как вам моя выставка?

— Очень необычно.

Бетти Хаттон и Эдди Бракен на лошадях. На другой картине на лошадях сидели Вера Хруба Ралстон и Джон Карролл. Верхом были и Джордж Brent с Мерл Оберон.

— Я понимаю, что задаю глупый вопрос, — сказала Беверли. — Но почему все верхом?

— Вы были правы. Дурацкий вопрос.

У Мерл Оберон были усы Стива Омахи, но после картин Розенквиста, Раушенберга и Олденбурга Беверли уже ничему не удивлялась. Завершали выставку Ивон де Карло и Турхан Бей. Рядом с портретами Джона Пейна, Кармен Миранды и Джорджа Brent висели красные звезды.

— Вы их продаете? — спросили Беверли. — Или это просто выставка?

— Попробуйте купить и узнаете.

Блестящая мысль. Если Питер завел сраных попугаев, у нее на стене может висеть Джордж Brent (или Джон Пейн). Любой из них будет хорошо контрастировать с пейзажем Халтберга. Беверли распирало от цитат. Столько лет не зря ездила по вторникам в галереи из Гарден-Сити! Она тогда читала путеводитель, в котором говорилось, что сюрреалистическая живопись так же красива, как сочетание зонтика со швейной машинкой на анатомическом столе.

— Я действительно хочу купить одну из ваших картин. Завтра я переговорю с Лео.

— А почему не сейчас?

— У меня очень болит голова. В таком состоянии я не хочу обсуждать денежные вопросы. Но я действительно заинтересовалась вашими работами.

— Хорошо. Смотрите, кто пришел на ужин!

Это была Симона в том же черном дождевике, который был на ней, когда Беверли заметила ее в вестибюле отеля «Мария Кристина» в Мексико-Сити.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Симона.

— Хочу подцепить твоего красавчика, но не очень в этом преуспела.

Симона и Стив счастливо улыбнулись друг другу.

— Стив — не Роберт Фингерхуд в той квартире, — сказала Симона. — Этот номер не пройдет.

— У меня давно никого не было. Ты не знаешь, каково мне. Я только что обедала с Йеном. Я хотела переспать с ним, но ему нужно искать новых болванов для своего шоу.

Такие дела.

— Беверли хочет купить мою картину, — сказал Стив, обнимая Симону за талию.

— У нее бабки есть.

— Я не считаю, что Йен интересуется ими, — сказала Беверли. — Правда. (Но в глубине души она именно так и думала. Его интересовали не деньги сами по себе. Но устроенная жизнь, готовые дети, легкая жизнь. Да, в самом деле, он бы хотел тут же переехать и занять жилище другого мужчины. Беверли была убеждена, что, если бы не Питер, Йен вообще не обратил бы на нее внимания.) — У меня теплые воспоминания об этом плаще, — сказала Беверли Симоне. — А что под ним?

— Ничего.

Беверли разозлилась, что Симона побеждает ее на ее же площадке. Как можно сравнить ночную сорочку с наготой? И все же...

— А у меня только рубашка. — И Беверли распахнула полы пурпурного пальто, чтобы все удостоверились, что она говорит правду.

— У вас могут быть проблемы, — сказал Стив, уставившись на потрясающие соски.

— Хотите поспорить?

— Ты все еще ведешь двойную жизнь? — спросила Симона.

— Если двух полумужчин считать двойной жизнью, тогда — да.

— Пойдемте выпьем, — сказал Стив. — Может, «У Мэдисона»?

Девушки согласно кивнули.

— Часто тампоны не спасают от холода, — говорила Симона, когда они выходили из двери. — Даже если на улице не очень холодно.

После трех порций виски Беверли уехала домой. Швейцар Генри спросил, как она себя чувствует.

— Спасибо, Генри, гораздо лучше.

На самом деле ей было гораздо хуже, голова раскалывалась, а Питера долго не будет. Когда она поднялась, дети на кухне обсуждали с Маргарет проблемы сексуального воспитания.

— Вылупились яйца, что появляется? — спросила Салли.

— Цыплята, — ответил Питер-младший.

— У других животных тоже есть дети, — напомнила Маргарет. — Но яиц у них нет. Откуда же они появляются?

— Из капусты? — истерически захохотал Питер-младший, а сестра ущипнула его.

— Мама хочет выпить мартини, — объявила Беверли, — а потом ждать, когда позвонит дядя Йен.

— Кто это? — спросила Салли.

— Новый мужчина, дорогая.

Анита наливала мартини для одного из пассажиров первого класса рейса 431 из Каира. Она вспомнила последний полет в Каир и мужчину, который пригласил ее на ужин в Нью-Йорке. Ему было около сорока лет, красивый, неженатый (как он сообщил) и очень вежливый. Пережевывая кусочек седла косули, он сказал, что она может существенно увеличить свои доходы во время следующего полета в Каир, если привезет в Нью-Йорк маленький пакетик.

— А что в нем?

— О, — вкрадчиво сказал мужчина, — немножко героина.

— За такие вещи можно угодить в тюрьму.

— Это не очень опасно для стюардессы. А даже если вас схватят, что маловероятно, вы всегда можете сказать, что вам его подсунул какой-то пассажир.

Анита не могла доесть.

— Нет, спасибо. Не стоит рисковать.

Мистер Вежливость сменил тему:

— Как хотите. У вас есть банковский счет?

Анита едва не сказала, что у нее нет банковского счета, но потом передумала; после этих слов он мог возобновить разговор, который потряс ее. Ей казалось, что за шесть лет работы в авиакомпании она уже все видела, и хотя до нее доходили туманные слухи о том, что члены экипажей занимаются контрабандой, сама она столкнулась с этим впервые. Даже Лайза, стюардесса, которая подрабатывала, как говорил Джек Бейли, не стала бы перевозить наркотики. Анита размышляла, не сообщить ли в ФБР об этом пассажире, но тут представила, как ее убьет преступный международный синдикат, и желание донести пропало.

— Кроме того, — сказала она Симоне, — откуда я знаю, что он меня не разыгрывает? Хочет придать себе больше веса.

Симона как раз перешла из «Мини-Ферс» к доктору Гарри Хокеру, где получала сто два доллара в неделю, на семь долларов больше, чем прежде.

— Сколько денег ты могла бы заработать! — воскликнула Симона. — А как интересно! Помнишь фильм «Я воровала бриллианты»?

— Вozить наркотики опаснее, чем красть драгоценности.

— Ричард Грин настиг ее в самом конце.

— Это нарушение закона. Я могла бы загреметь в тюрьму «Синг-Синг» на двадцать лет.

— Тебе было бы всего сорок шесть, когда ты вышла бы. Да еще с деньгами в швейцарском банке. Сделала бы пластическую операцию и остаток жизни попивала бы шампанское на вилле в Каннах.

— Обязательно напоминать мне о возрасте?

— Что ты такая чувствительная? Если тебе станет легче, то скажу, что вчера у меня был день рождения. Мне двадцать пять.

— Обязательно напоминать, что ты на год моложе?

— Могла бы поздравить, — сказала Симона.

— Поздравляю. Как тебе грядущее тридцатилетие?

— Со мной этого не случится.

— Что тебе будет тридцать или что ты выйдешь замуж?

— Я могла бы стать миссис Стив Омаха, если хочешь знать.

— Я могла бы стать миссис Роберт Фингерхуд, — ответила Анита.

— Ну, хоть перестала думать о том, чтобы стать миссис Джек Бейли, и то прогресс.

— Я так и вижу карточку: «Доктор и миссис Роберт Фингерхуд сердечно приглашают вас...»

— Ты все еще хочешь купить ореховый гарнитур для спальни?

— Да. А одежду для беременной я куплю в «Бендел». Там чудные вещишки.

— Дети? — с отвращением сказала Симона. — Зачем тебе дети? Фигура испортится.

— Все женщины хотят детей. Это естественно.

— А я не хочу. С меня хватит Чу-Чу.

— Проблема только в том, — продолжала погруженная в свои мысли Анита, — к какой религии они будут принадлежать? Роберт еврей, а я лютеранка.

— Тогда буддизм. Счастливый компромисс.

— Мои родители — страшные антисемиты. Как же я приеду с Робертом в Кливленд? Надо будет предупредить их заранее, чтобы не болтали о пейзажах и прочих вещах.

— Возможно, тебе следует подождать, пока Роберт сделает предложение, а потом уже суесться насчет семьи и религии?

— Ты намекаешь, что он не сделает предложения?

— Ты должна признать, что он не производит впечатления человека, озабоченного женитьбой.

— Из-за того, что он не сделал предложения тебе... — горячо начала Анита.

— Не надо меня кусать. Мой тебе совет — не слишком бегай по магазинам в поисках орехового гарнитура. Фингерхуд — засранец, и мы обе это знаем.

— Полагаю, твой вшивый художник такой же?

Симона вздохнула.

— У нас теперь новый способ. Оказалось, что если я отдаю честь и говорю: «Да, сэр!», то оргазм вдвое сильнее.

— Ты ненормальная.

— Все эти цепи и кнуты могут кости переломать, а хороший оргазм никому не повредит.

Этот обмен мнениями с Симоной состоялся около месяца назад, но ни Роберт Фингерхуд, ни Стив Омаха предложения не сделали. Анита, однако, не была обескуражена. Роберт по крайней мере говорил, что хочет жениться, а Джек всегда утверждал, что не хочет. При всем своем сарказме Симона была права, говоря, что большой прогресс уже то, что она оставила мечты о браке с Бейли. Надежды на это разрушали ее, и Анита часто удивлялась, почему она так долго не верила, что Джек говорит серьезно. Он ее не обманывал, она обманывалась сама из-за упорного нежелания принять слово «нет». У нее всегда будет болеть сердце при мысли о Джеке Бейли. Он негодяй. Но за пять месяцев после аборта она полюбила Роберта Фингерхуда так, что и сама себе не верила. Он летал с нею в Пуэрто-Рико. Симона не зря называла его доктором Добротой, хотя и произносила эти слова обычным для нее уничижительным тоном.

Роберт был с ней добр до и после ужасной операции, во время которой она орала двадцать минут. Без его заботы просто не выжила бы. Последовавшее чувство утраты было горше, чем боль. О боли, как выяснилось, легко забыть, а депрессия — это совсем иное,

серое, мрачное, не отпускающее ни на минуту чувство. К ее ужасу, это состояние длилось несколько месяцев, она начала уже думать, что никогда от него не избавится. Часто начинала беспричинно плакать, тело содрогалось от рыданий, а потом слезы так же внезапно исчезали, она весь день занималась обычными делами, но чувство усталости и безнадежности не покидало ее. И только в последние несколько недель слезы прекратились, туман начал рассеиваться, появились первые радостные просветы. Она даже перестала винить Джека Бейли в своей беременности и в его бегстве.

«Бог велел прощать», — говорила Анита себе, когда вспоминала о прощальной записке в пакете с салатом перед его отлетом в Индиану.

— Это не самый сухой martini в мире, — пожаловался пассажир первого класса. — Не будете ли вы добры плеснуть еще водки?

Анита профессионально улыбнулась.

— Извините, сэр, но они смешаны заранее.

— Предполагается, что в первом классе сухой martini, не так ли?

Анита снова улыбнулась, пожелав в душе скорой его смерти.

— Извините, сэр. Мы стараемся изо всех сил.

— Да. Конечно. Ну, это не ваша вина. Вы не знаете, мы прилетаем в Нью-Йорк вовремя?

— Думаю, мы прилетим по расписанию, сэр.

Мужчина прищурил глаза.

— Вас очень хорошо тренируют. Сукины дети.

Жалобы, насмешки, неудовлетворенность. Она привыкла ко всему этому. А через несколько часов, когда пассажиры выходили из самолета, этот мужчина потрепал ее по плечу и пожелал ей съесть завтра, в День благодарения, кусочек индейки.

— Спасибо, — ответила она. — Обязательно.

Роберт Фингерхуд устраивал в этот день вечеринку, которую Анита с ужасом ждала уже несколько недель из-за списка приглашенных людей, но сейчас она слишком устала и хотела спать, чтобы пережить из-за этого. Стоянка в Каире была короткой, едва удалось вздремнуть несколько часов. Сейчас ей хотелось как можно быстрее очутиться в своей квартире и нырнуть в постель, забыв обо всем на свете.

В середине ночи ей приснился дурной сон. Она повезла Фингерхуда к своим в Кливленд. Был День благодарения, все сидела за столом и смотрели, как ее отец режет индейку. Когда он положил два куска темного мяса в тарелку Фингерхуда, Анита заметила на срезах маленькие, но хорошо различимые свастики. Роберт, однако, ничего не заметил. Анита с ужасом смотрела на отца, который весело ей подмигнул.

Она проснулась в холодном поту и, трясась от озноба, пошла на кухню подогреть молоко. После этого вернулась в постель, но заснуть не смогла. Остаток ночи она курила и читала в «Космополитэн» новый детектив, но больше всего думала, как примирит своих родителей с мыслью, что зятем у них будет психолог-еврей.

Роберт попросил Аниту прийти завтра пораньше, чтобы помочь по хозяйству. Когда она пришла, он пытался затолкать индейку и поросенка в узкую печь, но ему это не удавалось.

— Может, положить одно на другое? — предложила Анита.

— Это мысль.

Он поставил индейку на поросенка, индюшачьи ноги обняли бедного поросенка, который уставился на странную соседку. Из рта у него торчало яблоко.

— Когда они зажарятся, то будут жутко влюблены, — сказал Роберт, закрывая печь.

— Странный союз.

— А бывает иначе?

Анита подумала: интересно, на что он намекает, но осторожно решила не уточнять.

— Я принесла тебе подарок. Удалось взять из самолета четыре бутылки шампанского.

— Умница, а то у меня его мало.

— Когда должен начаться этот кошмар? На который час ты их пригласил?

— На пять. Есть еще час. Не хочешь заняться салатом?

Анита боялась, что он попросит ее заняться любовью. Она не хотела, потому что испортился бы грим и ее до сих пор пучило после вчерашнего полета. Под костюмчиком с леопардовым рисунком были надеты самые сексуальные из ее трусиков-поясов с черными кружевами, они хорошо поддерживали отвисший живот. Симона утверждала, что сексуальных трусиков-поясов не существует, это противное изобретение создано лишь для того, чтобы отвратить любого мужчину. Но Анита чувствовала, что легко Симоне говорить это, если у нее нет проблем с животом. Как бы там ни было, ей очень хотелось, чтобы авиакомпания закончила свои исследования в этой области.

Мало того, что живот пучило, так еще и проблемы с грудью и противозачаточными колпачками. Анита иногда считала себя самой несчастной женщиной в мире, но время от времени ловила свое отражение в какой-нибудь витрине, удивляясь собственной привлекательности, тому, как ей завидуют многие девушки, которые не понимают, сколько у нее сложностей, насколько ложно впечатление самоуверенности, производимое ею. Как часто пассажиры верят в стюардесс, тогда как те сами ни в чем не уверены и полагаются только на случай.

— С удовольствием займусь салатом, — сказала она.

На самом деле она была бы без ума, если бы Роберт сам готовил ужин. Анита была сыта этим по горло в воздухе, так что хотелось хоть на земле передохнуть. Ведь одним из качеств, которые привлекали ее в Роберте, была его любовь к кухне, что освобождало ее от неприятных обязанностей. Еще больше привлекал контраст с Джеком Бейли. В холодильнике Бейли редко встречалось что-нибудь, кроме водки и лимонного сока, а у Роберта холодильник был забит. Как напоминала себе Анита, различие между содержимым холодильников отражает контраст между их отношениями к дому, а мужчины, любящие дом, склонны рано или поздно жениться. Ее беспокоило, что Роберт до сих пор не затрагивал наиважнейшей темы, но стоило ей подумать о неизбежном столкновении между ним и ее семьей, она была даже признательна за его колебания.

— Надеюсь, ты не против, что я пригласил Джека? — спросил Роберт. — Но мне жаль этого мерзавца. Не сидеть же ему одному в День благодарения. И живем мы в одном доме.

Как будто она могла об этом забыть!

— А почему я должна возражать? Между нами давно все кончено.

Шесть месяцев прошло, если быть точным, и хотя Анита пару раз летала с Джеком Бейли, они обменивались только формальными приветствиями и деловыми фразами. С тех пор у них был только один серьезный разговор, когда они столкнулись в диспетчерской перед полетом в Мадрид и Тунис.

— Как прошел аборт? — спросил Джек, отведя ее в сторону.

— Прекрасно.

— Ты себя хорошо чувствуешь?

— Да, прекрасно.

— Надеюсь, Фингерхуд не был потрясен поездкой в Пуэрто-Рико?

— Если и так, то не подал вида. Он был очень нежен со мной, все время за мной ухаживал.

— Я рад. Я бы полетел с тобой, если бы это было возможно.

Легко говорить так задним числом, когда неприятность уже позади.

— Сомневаюсь, — сказала она, — но если ты от этого чувствуешь себя не таким подонком, то ладно.

Она махнула рукой одной из стюардесс из их рейса, взяла сумку и ушла, не сказав больше ни слова.

— Что мне еще сделать? — спросила Анита, закончив возиться с салатом.

— Все. Давай откроем бутылку шампанского и пойдем в гостиную.

— Как хочешь.

— Хочу. Симона обещала принести пирожные, а Беверли — пирог.

— Беверли! А эта сучка зачем?

— Симона умоляла пригласить ее, — неуверенно ответил Роберт.

Аните хотелось задушить свою бывшую соседку. Симона знала, что если есть человек, без которого Анита могла обойтись, то это как раз Беверли Нортроп. Ей не хотелось видеть Беверли даже больше, чем Джека, потому что она не могла избавиться от подозрения, что Роберт может заинтересоваться бывшей пассией.

— Потрясающая будет вечеринка, — сказала Анита, в два глотка выпивая бокал шампанского. — А с каких пор Симона научилась печь пирожные?

— Она не умеет, это доктор Гарри Хокер.

— Не говори только, что и этот мудака придет.

Роберт отрицательно покачал головой.

— Как раз он единственный, кто *не* придет.

— Умница. Он же будет есть пирожные с ногтями.

Симона явилась в слезах без четверти пять. Она была в истерике и без пирожных. Роберт взял ее за плечи.

— Что случилось? — спросил он. — В чем дело?

— Ненавижу художников! Ненавижу художников! Ненавижу!

Анита налила ей бокал шампанского и сказала:

— Насколько я помню, ты также ненавидишь программистов, психологов, крохотуль, инженеров по электронике, помощников дантиста, стального человека из Детройта...

— Заткнись! — крикнула Симона, беря шампанское. — Вечно ты ворошишь грязное белье.

— Сейчас я не могла удержаться.

Симона выпила шампанское и сняла пальто. К удивлению Роберта и Аниты, на ней были только черные чулки и прозрачный пояс с четырьмя цветными подтяжками.

— Вы простите, что я не экипирована, но я оставила платье у двери Стива.

— Ну и дела, — сказала Анита, думая, что ее бывшая соседка безнадежна, абсолютно безнадежна.

Роберт предложил Симоне сесть, расслабиться и рассказать, что произошло. Симона выбрала гамак и помахала рукой чучелу совы.

— Я вижу, что все на местах, — заявила она Роберту плаксивым тоном. — Каждая вещь мне что-то напоминает. Ужасно, когда терзают воспоминания. Можно еще бокал

шампанского?

— Ты же не умеешь пить, — сказала Анита. — Через пять минут развезет.

— Ты мне всегда не нравилась, Анита, а сейчас еще больше. Полная засранка.

— Почему? Потому что говорю правду? Потому что не связываюсь с сумасшедшими и извращенцами? Потому что не участвую в диких сексуальных экспериментах?

— Потому что у тебя нет воображения.

— Девушки, девушки, — нервно сказал Роберт, — не ссорьтесь. Не сегодня. Пожалуйста, успокойтесь.

На минуту в комнате воцарилась тишина, а затем Симона сказала:

— Я потому так расстроена, что мы со Стивом поругались пару дней тому назад. Я начала критиковать картину, которую он сейчас пишет. Деннис Морган и Джоан Лесли на лошадях. Я только сказала: «Какого черта все вечно сидят верхом?» Нельзя поверить, что столь безобидный вопрос так может разъярить человека.

Аниту в Симоне всегда удивляла только одна вещь: почему при всех ее связях с умалишенными ее ни разу никто не побил. Симона утверждала, что самым худшим происшествием в ее жизни был случай, когда Эдвин Куберстейн, писатель, держал ее взаперти шесть дней и заставлял читать сборник Дж. Сэлинджера, когда он сосал ей клитор.

— Стив тебя ударил? — с надеждой спросила Анита.

— Только дважды. Он же еврей. Евреи не любят рукоприкладства. Они считают это ниже своего достоинства. Ну, можете себе представить еврея — боксера? Между раундами он бы читал «Нью Рипаблик». Нет, Стив дал мне всего две пощечины. Даже не больно. Затем разрыдался и сказал, что помешан на лошадях и ничего с этим не поделаешь.

— Стив Омаха — не еврейское имя, — сказал Фингерхуд.

Симона допила второй бокал шампанского и поставила его на шкуру ягуара на полу.

— Омаха — это псевдоним, глупыш. Его настоящая фамилия — Силверстейн. Кажется, я тебе говорила.

— Ты говорила, что он племянник Дэвида Сверна, но фамилию Силверстейн не упоминала.

— Я тоже не знала, — сказала Анита и подумала, что какое счастье для Симоны, что ее мать живет далеко. Если бы Симона и Стив поженились, ей не надо было бы везти его знакомить с семьей.

— Когда Стив перестал плакать, то стал очень холодным и попросил меня уйти, — продолжала Симона. — Я попросила прощения за то, что задела его за живое, но ему нечего расстраиваться из-за его мании, потому что мне неожиданно пришло в голову, что он, наверное, в прошлой жизни был казаком. Кроме того, он Юпитер в доме творчества, а его Солнце в доме денег и богатства, так что его ждет грандиозный успех и ему нечего волноваться.

— Спорю, что он поверил, — сказала Анита.

— Так бы и было, если бы он верил в астрологию и переселение душ.

Зазвенел звонок в дверь, и Роберт вышел.

— Я так понимаю, что это ты пригласила Беверли, — сказала Анита. — Очень остроумно.

— Ничего страшного. Ты не любишь ее потому, что она Рыба, а ты Рак, а эти знаки очень похожи.

— Я не люблю ее из-за денег и из-за груди. Сколько раз тебе говорить?

— Это твоя версия.

— Надеюсь, Йен попортил ей кровь.

— Доброжелательство никогда не было твоим достоинством, Анита. Можно еще шампанского?

Новым гостем была Лу Маррон в кожаном платье и золотом трико. Симона успела сообщить Аните, что пригласила Лу в надежде, что та заинтересуется Джеком Бейли, и Анита согласилась с ней.

— Мне кажется, она тебе понравится, — сказала Симона, удивляясь реакции Аниты. — Она написала очень хорошую статью о тебе.

— И заразила меня вшами.

— Это не доказано.

Теперь удивилась Анита:

— Да ведь ты же сама это сказала. Забыла?

— Теория — это еще не факт. Может, она виновата, может, нет.

— Ладно, пусть будет, как есть. Я не в восторге от нее, но лучше она, чем эта сучка Беверли.

— Будь с ней вежлива, — прошептала Симона, когда Лу входила в комнату. — Недавно она пережила трудные времена.

Посмотрев на Лу, Анита была поражена произошедшими с ней переменами после их первой и единственной встречи прошлым летом. Лицо стало мягче и не таким напряженным, как в тот день, когда она брала интервью у Аниты. Наверное, Симона была права. Смерть Дэвида Сверна потрясла Лу.

— Симона как раз рассказывала о своей любовной драме, — пояснила Анита, когда Лу села верхом на слоновий позвоночник. — Вам будет интересно, потому что это ведь вы познакомили ее со Стивом Силверстейном. Я имею в виду, с Омахой.

Лу слабо улыбнулась и ответила:

— Да, это я их познакомила. Надеюсь, ничего страшного не произошло?

— Сейчас расскажу, — сказала Симона, ухватившись за нить разговора. — После ссоры он не отвечал по телефону, так что перед приходом сюда я зашла к нему в мастерскую уговорить его пойти со мной. Он писал Денниса Моргана и Джоан Лесли и хотя впустил меня, но разговаривать не стал. Я умоляла его перестать дуться. Сказала, что он хорошо развлечется, мы вкусно поедим, все что-то принесут. И даже показала ему пирожные, которые испек доктор Хокер. Видно, что-то в пирожных разозлило его, потому что он вдруг схватил их и грохнул на заляпанный краской пол. Бедный доктор Хокер! Он так старался. В них был даже алтей.

— Не говоря уже о ногтях, — сказала Анита, но на нее никто не обратил внимания.

— Когда я это увидела, то взбесилась. Я выскочила, захлопнула за собой дверь и пошла по лестнице. И тут меня озарила блестящая мысль. Я вернулась, сняла платье и сожгла его перед дверью Стива.

— *Что* ты сделала? — хором вскричали все трое.

— Да мне этого платья не жалко, вот я и решила, что маленький пожар послужит уроком Стиву за то, что он уничтожил работу доктора Хокера. — Симона повернулась к Лу. — Вот почему я сижу в одних чулках.

Фингерхуд печально покачал головой.

— Почему я связываюсь со всеми сумасшедшими дамочками? — произнес он в

пространство.

И тут сразу же начали прибывать остальные гости.

Сначала пришел Джек Бейли в костюме от Кардена, который он купил в Мадриде. Он выглядит лучше, чем обычно, отметила Анита. Здоровый, уверенный в себе, хозяин жизни. Его привлекательность поразила ее еще больше, чем во время первой встречи, и она почувствовала, что так будет всегда. В нем был какой-то магнетизм. Он как бы обещал что-то своей улыбкой, какое-то обещание таилось и в глубоко посаженных глазах, нечто, чего он никогда не выполнит. Забота о себе всегда вытеснит заботу о любом другом человеке, и Анита знала, что должна быть счастлива, что между ними все кончено. Она даже была благодарна Джеку за то, как он порвал с ней, потому что освободил дорогу своему преемнику, Роберту Фингерхуду, который гораздо лучше, чем Джек.

Анита с нежностью повернулась к Роберту и увидела, что он поглощен ногами Лу Маррон, верх которых закрывало золотое трико, выступавшее из-под кожаного платья. Ноги у Лу были не лучшей частью ее тела, и Анита не могла понять, почему Роберт так ими заинтересовался. Ее охватил страх, когда вспомнила о Симоне и Беверли, ее предшественницах. Она скоро присоединится к этому строю? Анита с облегчением заметила, что Лу не видит, с каким интересом Роберт разглядывает ее, продолжая разговаривать с Джеком. Шесть месяцев тому назад Анита была бы в ужасе от этого. Неужели нет ничего постоянного?

— Я рада, что вам понравилась эта серия, — говорила Лу Джеку. — Я ее писала с удовольствием. Люди в авиации — странные люди.

Джек выдал одну из лучших своих ухмылок в духе Гари Купера.

— Вы еще не знаете, насколько странные.

— А все остальные люди?

— Тоже. Чем лучше узнаешь человека, тем более непонятым он становится.

— А почему? — спросила Лу.

— Открываются новые грани. Которых раньше не замечал. Человек становится многоцветным, а не черно-белым, как ты думал сначала.

— Вы считаете, что это справедливо по отношению ко всякому?

— Всякого стоит узнать, — снова хохотнул Джек.

Анита восприняла последние слова как скрытое оскорбление. Из-за того, что Джек бросил ее? Потому что недостаточно многокрасочна? Ей раньше не приходило в голову, что она просто доказывает его теорию узнавания других людей. Как же мало она его знала! Постель, в конце концов, не лучший способ узнать друг друга. За две минуты Лу узнала больше о Джеке Бейли, чем она почти за два года.

— Где эта безумная типиска?!

Все подняли взгляд на человека в джинсах и в заляпанной краской футболке с номером «41» на спине, который вломился в комнату.

— Стив! — вскочила Симона. — Тебе плохо?

Никто не успел пошевелиться, как он ударил Симону так, что она приземлилась на одну из шкур ягуара, попав головой в колено Фингерхуда.

— Два года работы над кинозвездами сороковых годов из-за тебе исчезли в пламени! — заревел Стив Омаха. — Два года работы превратились в пепел! Лучше лежи на полу, иначе я сломаю тебе шею.

Фингерхуд снял голову Симоны с колена и представился Стиву.

— Мне жаль ваши картины, — сказал он, — но я не позволю бить женщин в своей квартире. Так что или присоединяйтесь к нам, или выметайтесь.

— Не смей так разговаривать со Стивом! — закричала Симона, потирая ушибленную щеку. — Ты не знаешь, что я наделала. Я разбила его жизнь!

— Значит, ты Роберт Фингерхуд? — спросил Стив. — Давно хочу встретиться. Симона немного рассказывала о тебе. Ты то дерьмо, из-за которого она чуть не покончила с собой.

— Это не совсем моя вина... — начал Роберт и замолчал, потому что двумя быстрыми ударами Стив уложил его на пол.

— Кто еще хочет? — осведомился Стив.

Джек Бейли встал.

— Если я сломаю руку, то не смогу летать. Если я не смогу летать, мне не будут платить. Если мне не убудут платить, я рассержусь. Плевать на это. Все мы потеряли здоровые инстинкты.

И он вмазал Стиву по носу так, что потекла кровь. Анита быстро встала между ними.

— Пожалуйста, — умоляла она. — Немедленно прекратите это безобразие. Это варварство. Давайте выпьем шампанского и успокоимся.

— Хорошая мысль, — заметил с пола Фингерхуд. — Ты не откроешь бутылку?

— Обожаю шампанское, — сказал Джек Стиву. — А ты?

— Я тоже. — Он достал носовой платок из брюк и прижал к кровоточащему носу. — Я ведь тоже не люблю насилия.

— Это точно, — сказала Анита. — «Нью Рипаблик», это точно.

Когда она вернулась из кухни с шампанским, Стив Омаха громко рыдал, закрыв лицо ладонями, а все его успокаивали, все, кроме Симоны, которая сама плакала.

— Я не хотела сжечь твою мастерскую, — причитала она. — Прости меня. Пожалуйста.

— Прости меня *кто*? — спросил он сквозь рыдания.

— Простите меня, сэр.

— Если так дальше пойдет, — прошептала Анита Фингерхуду, — то она скоро кончит.

— Мне тоже так кажется.

Через несколько минут Аните удалось успокоить Симону и Стива настолько, что они смогли выпить.

— Эй, неслабая штука, — просветлел Стив. — Я почти что пришел в себя. А еще чуть-чуть?

— Мне тоже, — вставила Симона.

Анита почувствовала, что захмелела, а оглядевшись, отметила, что все остальные тоже. Напряжение исчезло, началось нечто типа летаргии. Все двигались и разговаривали медленно, как будто на замедленной киносъемке. Звонок в дверь прозвенел дважды, пока его услышали.

— Входите! — крикнула Симона.

Со смущенным видом вошел Йен Кларк.

— Йен! — воскликнула Анита, обрадовавшись встрече со старым другом. — Я приятно удивлена. Мне не сказали, что ты приглашен.

— Так и есть. Надеюсь, не помешал. Меня позвала Беверли.

Лу Маррон побледнела.

— Беверли Нортроп?!

— Да. — Йен глянул на Роберта, Джека и Стива, угадывая, кто же здесь хозяин. — Я

полагаю, что один из вас Роберт Фингерхуд.

Фингерхуд представился и представил Йену остальных.

— Беверли должна быть с минуты на минуту. Выпьете шампанского?

— С удовольствием.

— Мне тоже, — нервно сказала Лу.

Анита была поражена тем, как изменилась Лу через несколько секунд после прихода Йена. Ее хладнокровие исчезло, разлетелось в клочья, и она стала такой же напряженной, как во время встречи в «Палм Корт». Лу достала сигарету, чиркнула зажигалкой, так что никто из мужчин не успел ее опередить, и начала быстро затягиваться, как Бэтт Дэвис, когда Мириам Хопкинс увела ее жениха. Анита все время боялась прихода Беверли, но Лу боялась еще больше, да и разве могло быть иначе? Какая здравомыслящая женщина захотела бы столкнуться лицом к лицу с женой бывшего любовника? Анита неожиданно посочувствовала Лу, но и ощутила свое превосходство над ней. Ей стало легче. В глубине души она улыбнулась. Вечер мог оказаться интереснее, чем ожидалось.

Когда через несколько минут пришла Беверли, на ней, кроме подпоясанной шубы из русских соболей, ничего не было.

— Я принесла пирог, — сказала она, вручая его Фингерхуду. — С кокосами.

Нежно поцеловав Йена в щеку, Беверли вручила ему шубу, чтобы он повесил ее. Потрясенные женской наготой, все молчали.

— Она без чулок, — наконец вымолвила Лу.

Беверли повернулась на нетвердых ногах и обратилась ко всем:

— Так что вы об этом думаете?

— По мне, так ты хороша, — ответил Джек. — Готов по первой просьбе.

— А, я тебя помню, — сказала Беверли, ткнув в него пальцем. — Ты тот летчик, который обрюхатил Аниту. Симона мне все рассказала, паршивец.

— Нет! — покраснела Симона. — Невероятно. Это ложь.

Беверли ухмыльнулась.

— Не отрицай, дорогая. Все знают, какая ты сплетница, но все равно мы тебя любим.

— Я ее не люблю, — сказала удрученная Анита. — Я бы ее сейчас задушила.

— Беверли, я думаю, тебе следует одеться, — предложил Йен, все еще держа в руках соболиную шубу.

— Господи, мы же уже обсуждали это в «Граунд Фло», и я повторяю, мой милый Йен. Я не собираюсь одеваться. Зачем? Я горжусь своим телом.

— Ты пьяна.

— Я пьяна *и* я горжусь своим телом.

Анита с завистью оглядела Беверли. Грудь у нее была большая, как и боялась Анита, хорошо понимая, чем гордится Беверли. Она бы тоже гордилась, если бы у нее было такое тело. Ее немного успокоили следы изможденности на лице Беверли из-за алкоголя. Кожа начала терять эластичность. Почему на лице, а не на груди, пожалела Анита. Это нечестно.

Джек Бейли заинтересовался Беверли не меньше Аниты.

— Только дайте знак, — сказал он, — и я у вас.

— На твоем месте я бы остановился, — заметил Йен, подходя к Джеку. — Или, как говорят в этой стране, сумел бы это сделать. Вам напрасно кажется, что миссис Нортроп своей наготой предлагает себя.

— Здорово выразился, — сказал Стив Омаха.

— А я себя предлагаю, — проговорила Беверли, сев вплотную к Джеку Бейли.

— Ты преуспела, милая! — воскликнул он.

— Ты не поверишь, что я уважаемая замужняя мать двоих детей, правда?

— Если ты так говоришь...

— Это правда. Спроси любого здесь. — Она взглянула на Лу. — Практически любого.

— Беверли! — сказал потрясенный Йен.

— Успокойся, Йен. Сцапаешь ты свое наследство. — Она прижалась к Джеку, и ее тяжелая грудь исчезла в его пиджаке от Кардена. — Вы, летчики, известны своей силой.

— Мы стараемся, мэм.

— Но не всегда преуспеваете, — сказала Анита, — и если хотите доказательств, то девчушка перед вами.

Беверли мягко и презрительно улыбнулась ей.

— Тогда подрасти, малышка.

— Ужин подан, — объявил Фингерхуд, но никто не шелохнулся. Все смотрели, как Джек взял в рот правую грудь Беверли. — Я так понимаю, что не до ужина. — Глаза Фингерхуда были прикованы к Беверли и Джеку. — Но он все равно подан.

— Да, нам надо поесть, — без энтузиазма сказала Анита, думая, что Беверли может стать очередной пассией Джека. Она уже ревновала.

— Ты ревнуешь, — тут же отметила Симона. — Тебе Джек больше не нужен. Ты же сама так говоришь.

— Но это не значит, что его получит Беверли.

— Жадная свинья.

— Пожалуйста, не произноси этого слова. Ты же знаешь, как я не люблю вспоминать, что мой отец продавал свинину. Тем более не тебе говорить о ревности. Как ты себя чувствовала, когда Беверли и Роберт трахались на полу? Ты пошла домой и перерезала себе вены.

— Верно, но у меня тогда не было другого мужчины. А у тебя есть Роберт.

Анита вспомнила сон, который приснился ей сегодня ночью.

— Я бы убила Гитлера. Если бы не он, мои родители не были бы жуткими антисемитами.

— Все антисемиты, — весело сказала Симона. — Особенно евреи. Они хуже всех.

— Меня волнуют не все. Меня волнуют собственные родители. Ты не знаешь моего отца. Он до сих пор поет под душем «Германия превыше всего».

— Может, у него будет инфаркт, и он быстро умрет, как бедный мистер Сверн, и тебе нечего будет переживать.

— Твои решения запутанных проблем всегда меня восхищали. Просто гений. Это точно.

— Не буду спорить, — согласилась Симона, закатив глаза, как она сделала в случае с Чу-Чу сегодня утром. — Так всегда с учеными идиотами.

Джек и Беверли наконец оторвались друг от друга и присоединились к остальным. Над столом висела большая картина, где люди в вечерних костюмах сидели за столом и смотрели на дворецкого.

Симона толкнула сидящего рядом Стива.

— Смотри, они не на лошадях.

— Хочешь еще раз получить в нос?

— Нет, сэр, — весело отсалютовала она.

Фингерхуд зажег высокие черные свечи в центре стола и принес три бутылки шампанского и краба в листьях салата. Краб был щедро нарезан большими кусками.

— Мамочка Фингерхуд куховарит, — сказала Симона. — Обалдеть можно.

Джек и Беверли бешено обнимались, а все делали вид, что ничего не видят, хотя постоянно украдкой смотрели на них.

— Пошли в спальню, — театрально прошептала Беверли Джеку на ухо.

— Роджер. Пошли.

— Ты этого не сделаешь, — твердо сказал Йен.

Беверли и Джек не обратили на него ни малейшего внимания.

— Мы скоро вернемся, ребята, — сказал Джек, когда они в обнимку выходили из комнаты. — Приятного аппетита.

Анита пришла в ярость.

— Роберт, ты хозяин. А сидишь и позволяешь эти... эти... эти аморальные поступки в своей квартире? В твоей *постели*?

Фингерхуд тоже взвился.

— А чего ты от меня хочешь? Чтобы я предложил им трахаться в ванне?

— Ты должен предложить им уйти.

— Почему? Они никому не мешают.

— Нет, мешают. Они мне мешают. — Анита оглядела сидевших за столом в поисках сочувствия, но никого, кроме Йена, не заинтересовала ее гневная тирада. — Это позор! Они не имеют права так себя вести при нас. Это гнусно!

— Они так себя ведут не при нас, — заметила Лу. — Они уединились в спальне.

— Ты такая же дегенератка, как они!

— Заткнись, — сказал Стив. — Ешь краба.

— Ненавижу крабов. — Анита взглянула на Роберта. — Ты специально его приготовил? Чтобы напомнить о том, чем заразил меня летом?

— Я не виноват. Меня заразила Беверли.

Симона и Анита обменялись победными взглядами.

— Вот ты и признался. Интересно, а где их получила мисс Большие Сиськи?

Лу подняла глаза.

— Она получила их от Питера, а он от Тони Эллиота, а тот заразился от военных моряков. Теперь вы довольны?

— Тони не был с нами в Атлантиде, — задумчиво сказала Симона. — А моряки были. «От холмов Монтесумы до побережья Триполи». Эта песня — символическое обозначение того, что они жили в таких колониях Атлантиды, как Африка и Мексика. Самой большой колонией Атлантиды был Древний Египет. Не думаю, что вы мне поверите, но это так.

Все помолчали пару минут, а затем Йен сказал:

— Они уже долго там.

— Джеку трудно кончить, — призналась Анита и только потом сообразила, что раскрыла интимный секрет, до которого никому нет дела. — Я имею в виду, что он любит сдерживаться как можно дольше.

— Задержанная эякуация, — вставил Фингерхуд.

— Спорю, что она его отсасывает, — хихикнула Симона. — Так что рот полон не только у нас.

Йен побелел.

— Беверли таких вещей не делает.

— Давай поспорим, — возразил Фингерхуд.

— Ты намекаешь...

— Напекаю, черт подери. Я спас ее от тоски Гарден-Сити. Я был номером один, дружище, так что знаю, что говорю.

— Я с тобой согласен, — сказал Аните Йен. — Все они дегенераты. Не понимаю, что я здесь делаю.

— Я жду, когда мисс Денежный Мешок кончит отсасывать Улыбчивого Джека, — сказала Симона.

— Хватит, — прикрикнул на нее Стив. — Оставь парня в покое.

— Да, сэр.

— Может, Джек отсасывает Беверли? — предположила Лу.

— Надеюсь, она использовала «Норформс», — сказала Анита. — Джек очень щепетилен в отношении женской гигиены.

Лу презрительно рассмеялась.

— Женская гигиена? Ты говоришь, как машинистка из фармацевтической фирмы.

— Ну, я хоть не трахаюсь с педиком, который трахался с другим педиком, который спит с военными моряками.

— Когда Атлантида всплывет на Бимини, вы поймете, что Симона совсем не сумасшедшая, — заметила Симона.

— Питер Нортроп не трахнул бы твою лоханку, — сказала Лу Аните. — Ты такая антисептичная, что тебе нужен мистер Чистота.

— Дегенераты, — повторил Йен.

— Я единственный, кто здесь развлекается! — воскликнул Фингерхуд, наливая себе шампанское. — А все остальные лаются. Атлантида. Дегенератизм. Кто кого сосет. Да какая разница? Вы что, не умеете отдыхать?

— Я отдыхаю, — сказал Стив.

— Тогда почему у тебя такой вид, будто ты сейчас разрыдаешься?

— Ты бы тоже так выглядел, если бы сгорели два года твоей работы.

Фингерхуд взглянул на Симону.

— А так и было. Именно поэтому я не дал тебе по роже, когда ты меня сбил. Мне было жаль тебя.

— В том пожаре я не виновата, — возразила Симона.

— Каком пожаре? — встревоженно спросил Стив.

— Мы как-то лежали с Робертом в постели, а его диссертация сгорела. Там было все об оргазмах.

— Когда это произошло?

Не раздумывая, она ответила:

— В день похорон бедного мистера Сверна.

— В этот же день мы впервые переспали с тобой, — сказал Стив, откладывая вилку.

— Да, правильно.

— Значит, в один день ты трахнулась с нами обоими?

— Да, полагаю, можно так сказать.

— *Полагаешь?* Что значит *полагаю*?

— Значит, я в один день трахнулась с обоими.

— Полные дегенераты, — сказал Йен.

— Парень, я отдыхаю, — заметил Фингерхуд.

Стив отодвинул свой стул от стола.

— Это не смешно, Симона.

— Я не говорю, что это смешно.

— Как ты могла это сделать?

— Что ты имеешь в виду?

— Спать с ним и со мной в один день, тупая шлюха!

— А какая разница, один это день или нет?

— Резонно, — сказал Фингерхуд.

— Не вмешивайся, — ответил ему Стив.

— Мне теперь не жаль тебя, тупая скотина. Вставай.

Как только Стив встал, Фингерхуд сбил его на пол.

— Я это заслужил, — сказал Стив, проверяя, не потекла ли снова кровь из носа.

— Ты заслужил больше, но, к твоему счастью, я не злопамятен. Иначе я бы избил тебя как следует, умник. Ну, может, вернемся к праздничному ужину? Сегодня ведь День благодарения.

— Дикая дегенераты, — заключил Йен.

Анита с Робертом начали убирать тарелки, и в этот момент из спальни выплыли Беверли и Джек с блаженными улыбками на лицах. Джек теперь тоже был голым, что тут же вызвало волну размышлений вслух.

— У него толще, чем у Фингерхуда, — сказала Симона.

— Но не длиннее, — отметила Анита.

— Толщина важнее.

— Кто сказал?

— Я.

Беверли и Джек не обращали внимания на них, настолько они были поглощены происшедшим.

— У него одно яйцо меньше другого, — сказал Стив.

— Дегенераты, дегенераты, дегенераты.

Фингерхуд принес новые бутылки шампанского, Анита внесла салат в огромной сверкавшей мексиканской чаше. Салат был из листьев латука, цикория, маслин, сдобрен оливковым маслом и уксусом. Затем Фингерхуд принес индейку, а Анита поросенка с запеченным яблоком во рту. Анита сняла шкурку с индейки и положила ее в отдельную тарелку.

— Плакать хочется, когда вспоминаю о пирожных бедного доктора Хокера, — сказала Симона. — Они бы оченьгодились. Тебе не жаль, Стив, что они валяются на полу в студии?

— Они там не валяются.

— Почему?

— Потому что студии нет.

— Верно, я и забыла. — Слезы заструились по лицу Симоны, когда ей напомнили об учиненном ею пожаре, и она неожиданно выкрикнула: — Я хочу, чтобы меня побили!

— Садо-мазохистский дегенератизм.

Но Симону этим не остановишь, через секунду она сняла пояс и чулки. На ее наготу

обратили внимание лишь Беверли и Джек, которые увлеченно ели индейку и поросенка, но только одной рукой. Другой рукой ласкали друг друга. Они погрузились в закрытый мир гастрономической и сексуальной чувственности и не желали, чтобы их отвлекали от двух таких приятных вещей.

— Йен прав, — сказала Анита. — Вы все дегенераты. К тому же еще и отвратительные.

— Дегенератизм сам по себе отвратителен, — заметил Йен.

— Не всегда, — поправила его Лу. — Это зависит от моральных норм человека.

Лу сняла свое золотистое трико и платье. Мало того, что под ним ничего не было, так еще и груди были окрашены в бледно-зеленый цвет.

— Раскрашенные груди сейчас в моде, — сказала она. — Косметические компании в ближайшем будущем озадачат компании женского белья.

— А тебя это не озадачит? — спросила Анита. — Ты же пишешь о белье.

— А я стану писать о косметике.

— Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ МЕНЯ ПОБИЛИ! — закричала Симона, видя, что о н оскорбительно забыли.

Аниту страшно затошнило. Она видела, как ее мир разваливается на куски, растворяется в воздухе. Это было невыносимое зрелище. Почему Роберт не положит конец такому ужасному стриптизу? Почему он не защитит ее от этого? Разве это не мужская задача? Или теперь нет старого разделения ролей между полами? Чувство ужаса охватило ее.

— Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ МЕНЯ ПОБИЛИ. КТО ЭТО СДЕЛАЕТ?

Фингерхуд оправдал наихудшие ожидания Аниты.

— У меня есть хлыст.

— Ты не должен это делать, — сказала Анита. — Ты еврей.

— При чем здесь это? Я такой же извращенец, как и все.

— Но ты *не должен* быть таким.

— Кто сказал?

— Я.

Стив Омаха встал с добродушной улыбкой.

— Я из тебя выбью пыль, Симона, и ты это знаешь. Я только не понимаю, почему ты всегда выбираешь для этого неподходящее время. Могла бы подождать до возвращения домой.

— Невероятная глупость, — ответила она. — Я не хочу, чтобы *ты* меня бил!

— А почему?

— Все художники дураки. *Дураки!* Если это будешь ты, тогда не считается. Ты только в лошадях разбираешься! Это должен быть тот, кто не хочет, кого это возмущает. Боже мой, я должна давать эти сраные мотивации?

— Я удивлен, откуда ты знаешь это слово? — сказал Фингерхуд.

Анита хотела заплакать, но не могла. Она чувствовала слезы под веками, им хотелось пролиться наружу освежающим ливнем. Анита оглядела комнату в поисках спасения, но все было тщетно перед лицом этой безумной катастрофы. Зеленые груди Лу были только одной ее частью. Они шокировали не больше, чем желание Симоны быть высеченной, или левая рука Беверли на правом яйце Джека, или предложение Роберта насчет хлыста, или признание Стива в садизме, или болтовня Йена. Она на корабле дураков — в мире.

— Я назначаю Аниту, — бесстрастно сказал Джек.

— На что? — спросила она.

— Бить Симону.

— Не смейся.

— Я и не смею.

— Да нет, смешишь. — Но он затронул чувствительную струнку, хотя Анита и не хотела в этом признаваться.

— Ты всегда ненавидела французскую писюшку, — сказал Джек, быстро целуя рыжий лобок Беверли. — Зачем же таиться? Выпусти пар. Будь Mensch. Избей ее!

— Не буду.

— Ну, давай, — сказал утомленный происходящим Фингерхуд.

Анита проглотила кусок индейки и удивилась ее странному вкусу. Майоран? Таррагон? Шалфей? Тмин? Новый рецепт? Нет. Это нечто совсем другое, неуловимое ощущение холода во рту, но не могла понять отчего. Затем заметила, что Роберт очень заинтересовался зеленой грудью Лу, и она растерялась, не зная, что предпринять. Ее смущало, что груди Лу не были лучшими в мире. Среднего размера, слегка опущенные, но должна была признать, что в зеленом гриме был свой шарм. Зеленый цвет делал обычные сиськи привлекательными, и немаловажную роль играло то, что соски были тоже зелеными. Она вот делала дурацкие упражнения для груди, не говоря уже о гидротерапии, и чего добилась? Ничего. Ей противно было признать, что Лу нашла гораздо лучшее решение: если не можешь изменить грудь, придумай ее. Затем Анита осознала, что она единственная одетая женщина в комнате, и еще больше испугалась, потому что было только одно решение, а она его ни капельки не хотела.

— НЕ БУДУ ЖЕ Я ЖДАТЬ ВЕСЬ ВЕЧЕР! ДАВАЙТЕ!

Костюм Аниты из двух частей, окрашенный под леопарда, неожиданно показался ей невероятно старомодным. Но предстоявшее раздевание пугало. Это ее проклятое воспитание человека из среднего класса, оно мешало. Если бы она принадлежала к низшему классу, тогда не была бы такой пугливой. Или к высшему классу.

— Роберт, — сказала она. — Ты меня любишь?

Он проглотил листик салата.

— Да, люблю. Так почему ты не бьешь Симону?

— Будь Mensch, — сказал Джек.

Зеленые соски Лу коснулись индейки, когда она наклонилась над столом. Потому что грудь низкая, радостно подумала Анита.

— ЭТО СТАНОВИТСЯ СМЕШНЫМ!

— Так было во времена Третьего рейха, — заметил Йен.

И прильнул к влагалищу Лу, а она продолжала спокойно есть.

— Со мной ты никогда этого не делал, — сказала Беверли. — Ни разу. Я считаю это личным оскорблением.

— Это лишь потому, что я ему безразлична, — начала Лу, — а ты его, наверное, волнуешь.

— Никаких *наверное!* Конечно, волную. Правда, Йен?

Но Йен мог только промычать в ответ, потому что лицо его утонуло в паху Лу.

— Я ЖДУ!

Никто не обращал внимания на Симону. Ее роскошное тело боролось за внимание с телами Беверли и Лу, которые были похуже и, следовательно, не такими волнующими. И только сейчас Анита поняла, что найдет в себе смелость снять костюм.

Лу тут же презрительно сказала:

— Смотрите. Она до сих пор носит лифчик. Деревенщина.

— Я тоже ношу, — заметила Беверли.

— В твоём случае это печальная необходимость.

— Плевать.

— Я ТРЕБУЮ!

— Если ты не будешь его носить, — сказала Лу, — то будешь хлопать грудью и смешить людей. Йен, ты перестарался. Глупыш, мне больно.

— Потрясающий ужин, — проговорил Фингерхуд, отрезая новый кусок поросенка, а Анита бережно положила голливудский лифчик в нескольких сантиметрах от ноги Йена.

— Мало того, что она носит лифчик, так еще и набивной.

Лу тут же почувствовала превосходство своих зеленых грудей и внимание Йена. А ведь она даже не была с ним знакома.

— А трусы ты не будешь снимать? — спросил Стив застывшую Аниту.

— Возможно.

Низ значил для Аниты больше, и у нее пока не хватало мужества обнажить его. Ее пугало, что, когда она это сделает, Симона брякнет о крашеном лобке, и что тогда делать? Это будет так унижительно. Она встала из-за стола, схватила хлыст, который стоял в углу, и врезала Симоне по животу.

— ПРИЗВЕЗДЕННАЯ ИДИОТКА! ТЫ НЕ ДОЛЖНА МЕНЯ БИТЬ! ТЫ ДОЛЖНА ТОЛЬКО УГРОЖАТЬ! ТЫ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЕШЬ В ИЗВРАЩЕНИЯХ!

Слегка растерявшаяся Анита хлестнула Симону по бедрам.

— Это тебе за все старое.

— БОЛЬНО! — завизжала Симона.

За девушками наблюдал один Стив, остальным через несколько секунд наскучило смотреть на порку, и они начали есть. Даже Йен оставил Лу и принялся за индейку. Он разделся, и очень белая английская кожа контрастировала со смуглым телом Лу. Она почему-то задумалась о Маршалле, негре, который работал в отделе ссуд банка. Лу тепло о нем вспоминала, ведь он был частью эпохи Дэвида Сверна. Она до сих пор не могла поверить, что Дэвид ушел. Лу думала, что он вечно будет рядом, и его смерть поразила ее, как жестокое и неожиданное предательство. Ей было бы интересно узнать, как переживает потерю его жена. Кто-нибудь может примириться со смертью? Она думала, что нет, потому что человеческий мозг не может принять это. Он не воспринимает пустоты. Не удивительно, что Симона выбрала веру в переселение душ.

— Я хочу еще раз трахнуть, — заявила Беверли.

— Мне сорок четыре года, — сказал Джек. — У меня не встает в любую минуту, когда ты захочешь. Пригласи другого. На сегодня я отключился. Возьми безумного доктора.

— Я только сначала доел, — предложил Фингерхуд, отрезая кусок жареного поросенка. Стив взглянул на Беверли.

— А я доел. Пошли.

— Нет! — завопила Симона. — Ты не трахнешь Беверли!

— Какое твое дело? Тебя же бьют.

Анита довела себя до бешенства и с удовольствием видела, как извивающееся тело Симоны покрывается рубцами. Она не подозревала, что может дойти до подобного исступления, и немного гордилась тем, что смогла проявить такую же жестокость, как и

другие. Втайне Анита винила авиакомпанию в проявлении этого качества: долгие годы вынужденных улыбок и ухаживания за вонючими детишками. Свист хлыста успокаивал.

— ХВАТИТ!

— Симона права, — сказал Аните Фингерхуд. — Ты чересчур увлеклась.

— Мне понравилось.

— А нам уже не нравится.

Беверли и Стив вышли из комнаты.

— Не понимаю, зачем им уединяться? — спросила Лу. — Как будто они не среди друзей.

Обруганная Анита с сожалением поставила хлыст на место и вместе с Симоной села за стол.

— Ты настоящая сучка, — сказала Симона Аните. — Я раньше даже не подозревала, какая же ты сучка. Еще секунда, и я бы не выдержала.

— Беверли уволакивает всех твоих мужчин, да? Сначала Роберт, теперь Стив.

— Ненадолго. Он сделал это, чтобы отомстить мне за мастерскую. Надеюсь, он не кончит.

— Задержанная эякуация, — сказал Фингерхуд.

Слезы потекли по лицу Йена.

— Я люблю эту девушку. Не понимаю, как она могла так обойтись со мной.

— Ты любишь не Беверли, — сказала Анита. — Ты любишь запах ее денег. Кого мы обманываем?

— Нет, я люблю ее.

— Я бы хотел очутиться в десяти километрах над Барселоной, — отрешенно улыбнулся Джек. — Я сейчас летаю на «Боинге-707» номер шесть тысяч семьсот сорок восемь... Мой друг пару лет назад на таком разбился. Анита, ты помнишь Счастливого Гонсалеса?

— Я была с ним в предпоследнем полете. Славный парень.

— Но поганый пилот. Латиноамериканцы не любят точности. Никогда с ними не летайте, ребята. Ни от кого нельзя зависеть. Это мой девиз. В Англии самые лучшие аэропорты.

— Спасибо, — вытер глаза Йен.

Анита теперь сняла и юбку.

— Господи, — сказала Лу, — она носит пояс-трусы. Не могу поверить.

— Легко сидеть с зелеными грудями и умничать. Ты не летаешь три-четыре дня в неделю. И не знаешь, как тебя все время пучит. Кстати, твое золотое платье не покрасилось в зеленый цвет?

— Нет, это несмываемый грим.

— Где ты его купила? Как он называется?

— «Тужур Авокадо». Купила в моем салоне. Его бешено раскупают. Можно использовать и вместо теней.

— Как интересно. — Анита смотрела на свой живот. — Все проходит. Джек, скоро ВВС закончат свои исследования?

— Они работают. Результаты скоро будут. Счастливчик знал одного из их шишек в этом деле.

— Бедный Счастливчик. Мне его не хватает. Он всегда щекотал меня, когда я приносила ему кофе.

— Конечно. Наверное, потому и разбился. Если бы он смотрел в окно, как должен бы, а не совал пальцы в задницы стюардессам, то мог бы сегодня быть с нами.

— Ты отвратителен, Джек.

— А я всегда это говорила, — заметила Симона. — Но ты его всегда защищала. Теперь ты видишь, каков он. Зверь. Я ни за что не буду летать рейсами вашей сумасшедшей авиакомпании.

— Не ругайтесь, не ругайтесь, — сказал Фингерхуд.

Анита с удовольствием обозревала рубцы на теле Симоны.

— А мы тебя не хотим видеть. Ты, наверное, одна из тех, кого рвет все время.

— Нет.

— И даже не в специальный пакет.

— Не понимаю, почему ты обзываешь Джека, — ответила Симона, — если сама такая же?

— Я же сказал, не надо ссориться.

— Заткнись, Роберт, — огрызнулась Анита, — ты же знаешь, мы с Симоной обожаем ругаться.

— Мы не хотим, чтобы хоть кто-то здесь был счастлив.

— Счастливчик никогда не был по-настоящему счастлив, — сказал Джек. — Я знаю. Он страдал геморроем. Старик, это страшная вещь. Счастливчик закупал свечи, как другие покупают аспирин.

— Ты помешался на задницах, дружище, — заметил Фингерхуд.

— У безумного доктора клинический подход. Это безумие.

— Ты хуже, — сказала Анита Джеку. — И если хочешь знать правду, то он лучше, чем ты, в постели.

— Я не говорил, что хочу знать правду. Я согласен с О'Нилом: «Как доказывает мировая история, правда никому и никогда не нужна. Она несущественна и нематериальна».

— Вот что нужно этой стране, — сказал Йен. — Пилот и поэт в одном лице.

— Лучше это, чем быть англичанином и зарабатывать на жизнь поиском придурков, — защитила Джека Анита. На самом деле она ненавидела всех их, всех четверых мужчин. Один хуже другого, а хуже всех оказался Роберт Фингерхуд, потому что проявил себя таким же аморальным извращенцем, как и все остальные. Он был последним оплотом в сохранении старомодного мира браков и материнства, а теперь она видела, что, как и в случае с Джеком, жестоко ошиблась.

— Я сейчас сообразила, что я единственная из девушек, которая не переспала с Фингерхудом, — сказала Лу, посмотрев на него. — Не хочешь устранить этот недостаток?

— Как только доем.

— И еще я сообразила, что Фингерхуд — единственный одетый мужчина. Не хочешь устранить этот недостаток?

— Как только доем.

Симона протянула бокал, чтобы ей налили шампанского.

— Я хочу, чтобы Беверли и Стив вернулись. Я начинаю ревновать.

— Начинаешь? — спросила Анита. — У тебя лицо стало зеленым, как сиськи Лу, уже пятнадцать минут тому назад.

— Они там не так долго, правда? Стив больше пяти минут не продержится.

И в эту секунду раздался звонок в дверь.

— Входите, — крикнул Фингерхуд, — открыто!

— Кто это может быть?

— Это может быть Питер Нортроп, — сказал Питер, входя в комнату. — Вот и я.

Он споткнулся, увидев представшую перед ним картину. Переглянулся с Лу, а потом спросил:

— Вы мою жену не видели?

— Она сейчас в спальне, — ответила Симона. — Трахается с моим дружкой.

— А, тогда порядок. Значит, она еще не напилась до полусмерти.

— Для тебя порядок, а я вне себя. Стив ни разу не трахал меня больше пяти минут, а они там уже не меньше четверти часа.

— Что поделаешь? Не смотри на часы под подушкой.

— Я слышала о тебе в Мексике. И ты оказался таким мудаком, каким я тебя и представляла.

— А ты, должно быть, француженка, сплетница Симона?

— А я Роберт Фингерхуд, — сказал Роберт, пожимая руку Питеру. — Кажется, я вас не приглашал, но все равно присаживайтесь. Это Анита Шулер, Джек Бейли и Йен Кларк. Лу Маррон вы, кажется, знаете.

— Да, мы встречались. Забавная компания. Чем фарширована индейка? Марихуаной?

— Нам не нужны искусственные стимуляторы, чтобы расковаться, — сказала Анита, сгорая от желания провалиться сквозь землю. — Мы просто захотели раздеться. И я могу признаться, что волосы у меня на лобке обесцвечены. Пергидроль.

— Я сама хотела сказать об этом, — надулась Симона.

— Я знаю. Именно поэтому решила опередить тебя.

— Если хочешь знать правду, — сказал Питер, — меня не интересует твой лобок.

— Несущественно и нематериально.

Не обращая внимания на Джека, Питер повернулся к Фингерхуду.

— А почему ты один не разделся?

— Потому что я еще не доел.

— Похоже, ты и не сделаешь этого, старик, — заметил Йен, обращаясь к Фингерхуду.

— Не называй меня стариком. Терпеть не могу шовинистических выражений.

— Хотелось бы, чтоб моя жена пришла побыстрее.

И Питер немедленно разделся.

— Смотрите, — сказала Симона. — Он не носит трусов. Это важный признак. И кстати, а где сейчас ваши дети?

— Беверли отправила их к своей матери на праздники. С ними поехала наша экономка. Да и какое твое дело?

— У тебя яйца какие-то мятые. Мне это не нравится. У Стива твердые и гладкие.

— Стив — это тот кретин, который рисует старых кинозвезд на лошадях?

— Он не кретин.

— Моя жена купила его мазню. Полторы тысячи долларов за Дона Амече и Алису Феи на вороных жеребцах. И Алиса усатая.

— Это одна из лучших картин Стива.

— Правда? Ты меня разыгрываешь?

Симона хотела возразить, но раздались шаги из спальни. Все взглянули на Беверли и Стива, вид у которых был несчастный.

— Привет, дорогая, — сказал Питер.

— А, это ты, дорогой! Что ты здесь делаешь? Я думала, ты ужинаешь с Тони.

— Я и поужинал с ним. Мы быстро поели.

— И сделали кое-что еще, — сказала Симона.

— Я не виноват, что мне нравятся оба пола.

— Сраный педик!

— Эй, эй! — Беверли толкнула Симону в плечо. — Все будет нормально. Я вернула твоего дружка, и, честно говоря, он не преуспел.

— Зато он умеет командовать.

— Пришли бы нацисты к власти, если бы они говорили по-французски? — спросила Анита. — Nein, nein, nein!

— Ладно, я наелся. — Фингерхуд встал из-за стола. — И готов немного развлечься. Могу я предложить свои превосходные услуги кому-нибудь из сумасшедших девушек?

Лу рассердилась.

— Я на тебя рассчитывала, поскольку я единственная, кто не воспользовался ими и только слышал о них. Симона говорит, что ты настоящий супермен.

— Это точно, — сказала Симона.

Питер повернулся к Фингерхуду.

— Пока вы не оказали честь мисс Маррон, позвольте мне отсосать, потому что, по правде говоря, вы меня восхищаете.

— Несущественно и нематериально.

— Полные дегенераты!

— Ты потерял всякую связь с реальностью? — спросил у Питера Фингерхуд. — Я не извращенец.

— Конечно. Именно потому меня и влечет к тебе. Педики хороши в своем деле, но хочется взять в рот твой член.

Он замолчал, представив себе эту картину.

— Большой глупости я не слышал, — сказал Фингерхуд. — Ты, *точно*, потерял связь с реальностью.

В комнате воцарилась напряженная тишина, и Анита испугалась того, что сейчас может произойти. Вчера она не поверила бы, что это возможно, но сегодня услышала свой голос:

— Роберт, давай. Это же просто шутка.

— Пусть это и шутка, но у меня не встанет во рту мужчины.

— Поспорим? — спросил Питер, быстро расстегнув Фингерхуду брюки.

После долгих споров обеденный стол очистили и девушки сказали, что будут стоять рядом с обнаженным Фингерхудом, когда он подвергнется великому испытанию.

— Я же говорил, что не встанет, — повторил Фингерхуд, ложась на стол, и неожиданно ощутил, как в задницу вошел палец. — Вынь! Это нечестно!

— Да здравствует Роберт Фингерхуд! — хором закричали все. — Да здравствует Роберт Фингерхуд!

— Он сдержал слово, — сказала Симона. — Не встает.

Девушки сгрудились над Фингерхудом, заталкивая ему пищу в рот, а он скрежетал зубами от злости. Их груди колыхались над его сердитым лицом.

— Не встает, — повторила Симона.

Тогда Лу наклонилась и поцеловала Фингерхуда в губы, и тут же член у него вскочил,

он вырвал его изо рта Питера.

— Гнилая скотина, — сказал Питер. — Как раз когда все пошло так хорошо.

И когда Фингерхуд оттолкнул Питера и начал трахать Лу прямо на столе, Анита яростно обняла Йена в гамаке в соседней комнате. Йен лежал под ней, глядя на чучело совы, и когда вошел в нее, то сказал:

— Это дегенератизм, но лучше, чем дрочить в тряпочку.

Отчаявшийся Питер начал трахать свою жену на софе, а Симона, Стив и Джек сплелись втроем на шкурах ягуаров.

Через несколько минут, когда Анита кончила, она оглядела комнату и истерически расхохоталась. Роберт перестал возиться на столе и спросил, что ее так развеселило.

— Смешно, — сказала она, — что всего несколько часов тому назад я волновалась, что ты можешь не понравиться моим родителям потому, что ты еврей.

Теперь это был другой стол, и Лу с Фингерхудом не лежали на нем, а торжественно сидели друг против друга в личном кабинете Фингерхуда в Детском центре. Лу пришла обсудить с ним проблемы своей дочери, которую несколько дней тому назад протестировали здесь.

Лу впервые встретилась с Робертом после памятного Дня благодарения в прошлом месяце, и сейчас, одетая в норковую шубку, она не чувствовала себя той девушкой, которая голая лежала на обеденном столе на глазах семерых человек. Ей было интересно знать, что чувствует Роберт в своем консервативном сером костюме и полосатом галстуке. Может, ему тоже немного не по себе говорить с ней серьезным профессиональным тоном о неуспеваемости ее дочери?

Лу смешило их положение. Она — озабоченная мать. Роберт — дипломированный психолог. И при всем этом месяц тому назад они были потной, трахающейся парой эксгибиционистов.

— Я думаю, что могу говорить с тобой откровеннее, чем с другими родителями. — Перед Фингерхудом лежал отпечатанный на машинке отчет, в который он все время заглядывал. — Иногда со мной это случается. Обычно я перевожу с профессионального языка на бытовой. Если я могу говорить прямо, то это более эффективно и исключает неприятную вероятность недопонимания.

Комната, в которой они сидели, была сравнительно пустой. Ни картин на стенах, ни ковра на полу, ничего декоративного. У окна, выходящего на Парк авеню, стоял другой стол с кучей детских игрушек. Лу знала, что это не просто игрушки, а часть тестов, но ей все равно казалось, что она сидит в чьей-то детской. Нет, не совсем в детской, а в той, где дети играют, а отец работает из-за недостатка места в доме. Комната противоречила всем ее представлениям об уюте. Она выглядела так, будто рабочий стол Фингерхуда плавал в море цветных блоков и нелепых конструктивистских игр, и это странным образом противоречило вниманию и сосредоточенности. Фантазия и болезнь.

Лу раздражало это противоречие обстановки даже больше, чем противоречивость их взаимоотношений с Робертом.

— Джоан спокойно отнеслась к тестам, — прочитал Роберт из отчета. — Она легко и точно реагировала. Было несколько случаев, когда девочка смущалась и отказывалась контактировать. Это касалось только тестов Роршаха, но в других случаях все было нормально.

Лу думала о том, что все это значит. Ее смущала холодная, отчужденная терминология, которой Роберт задевал ее нежные материнские чувства. Пусть она формально отказалась от ребенка, но чувства у нее остались. Как и всем родителям, ей было противно слушать, как ребенка описывают психологическими терминами, и хотя отвергала это, в глубине души признавала, что действует по обычному шаблону. Лу всегда выбивалась из общей колеи, но чем дольше она жила, тем больше сомневалась, что очень отличается от остальных. Иногда ей хотелось быть обычным человеком: поддаться слабости, не напрягаться, не бороться изо всех сил. Но чем она будет без борьбы? Драться и побеждать. Даже когда точно не знала, за что сражается, считала лишь, что должна победить, отличиться, выстоять против толпы. Это ее сущность и, следовательно, судьба.

— Показатель интеллекта по полной шкале девяносто шесть баллов, — решительно продолжал Фингерхуд, — что выше показателя тридцать семь процентов нормативного населения. Вербальный компонент девяносто семь баллов, контактный — девяносто четыре балла, разброс интересов между шестью и двенадцатью. Оценки показывают трудности в понимании и дезорганизирующее воздействие напряженности. Другие параметры показывают, что ее интеллектуальный потенциал выше среднего уровня.

Нормативное население. Средний уровень. Лу почувствовала горькое разочарование. Она родила тупого ребенка? Вспомнив об отце Джоан, который погиб в автокатастрофе до ее рождения, Лу с неохотой допустила вероятность плохой наследственности с отцовской стороны. Хотя Хэнк обладал типичным для ирландцев очарованием, умницей он не был. Она помнила его горячее увлечение бейсболом и стремление попасть в команду высшей лиги. Но в семнадцать лет он, пьяный, врезался в телефонную будку, возвращаясь с танцев, на которые Лу не пошла из-за пятимесячной беременности. Девушка, одноклассница Лу, сидевшая с ним в машине, выжила, но ее парализовало.

Лу решила высказать свои опасения.

— И что означает этот отчет?

— Во-первых, говоря академически, Джоан не реализует своих возможностей. — Вид у Фингерхуда был задумчивый. — Она не любит школы и занимает резко отрицательную позицию по отношению к ней.

— А почему?

Лу продолжала удивляться убранству комнаты. Это сознательная политика администрации, чтобы стены в Детском центре были голыми, а обстановка сведена к минимуму? Или это отражение вкусов самого психолога? Она с интересом припомнила роскошное убранство квартиры Фингерхуда.

— Джоан пуглива, — сказал он. — Она призналась во множестве обуревающих ее страхов. Кажется, девочка чувствует, что обе родительницы, особенно мать, от которой она ждет защиты, не могут помочь ей.

— Ты имеешь в виду *мою* мать? — спросила Лу резким тоном.

— Джоан же считает ее матерью, так ведь?

— Да.

— Ты говорила, что она не знает, кто ее настоящая мать, а тебя считает старшей сестрой. Я верно говорю?

— Верно. Ты считаешь это ошибкой?

Она не собиралась спрашивать об этом. Сам вопрос говорил о позорном признании неудачи.

— С точки зрения здоровья Джоан было бы ошибкой, если бы ты не смогла выдержать до конца роль старшей сестры. Другими словами, если ты будешь по-прежнему вмешиваться в методы воспитания твоих родителей.

— А ты думаешь, я вмешиваюсь?

— Скажем так, ты проявляешь чрезмерную ответственность за Джоан, гораздо большую, чем обычная старшая сестра.

— Например?

— Ну, скажем, ко мне на консультацию привезла ее ты, а не родители Джоан.

— Ты прав, — кивнула Лу. — Я вмешиваюсь. Я хочу отойти в сторону, но мне это не удается. Вечно сую нос во все, что касается Джоан. Я не хочу отвечать за нее и не могу

бросить ее. Чувствую себя очень виноватой.

— Твои родители, ее родители, тоже чувствуют себя виноватыми, когда вынуждены контролировать ее поведение, и в итоге у Джоан возникло постоянное чувство неуверенности. Она стремится защититься сама. Например, играя с маленькими детьми. Суть в том, что Джоан нужен разумный контроль, который дает чувство безопасности, она очень в нем нуждается. Ее родители слишком нерешительны и снисходительны, возможно, потому, что у них руки связаны твоим вмешательством. Ты им мешаешь.

Все это было известно Лу, хотя и не в такой форме, она давно это знала, и все же было облегчением (хотя к нему примешивалось и сожаление) услышать суть проблемы в медицинских терминах.

— Что мне делать?

— Можешь пересказать твоим родителям наш сегодняшний разговор. Если хочешь, привези их, я переговорю с ними. А еще лучше, я порекомендую им психолога в Филадельфии. При данных обстоятельствах это практичнее.

— Да, я тоже так думаю.

— Прекрасно. — Фингерхуд написал на листке две фамилии. — Я очень рекомендую этих людей и пошлю свой отчет тому, кого вы выберете.

— Это значит, что Джоан нуждается в лечении?

— Да, с определенностью могу это сказать. Ей нужно лечение, родителям нужны советы, и если ты не хочешь стать полноценной матерью, то должна заставить себя не влиять так сильно на ситуацию, а играть роль обычной старшей сестры.

Лу зазнобило под норковой шубкой, и она встала.

— Спасибо. Я рада нашей беседе. Это очень полезно.

— Я знаю, как ты себя чувствуешь. — Фингерхуд тоже встал. — Трудно бросать того, кого любишь, но ты должна помнить, что в данном случае ей это во благо.

— Оттого еще больнее.

— Почему?

— Я чувствую себя чудовищем. Драконом, который один и может помочь, но не помогает, чье влияние пагубно, чье вмешательство осложняет жизнь человеку, которого я люблю больше всего на свете.

И даже произнося эти слова, Лу сомневалась, любила ли она Джоан по-настоящему или притворялась, чтобы загладить ужасное чувство вины за то, что бросила дочь одиннадцать лет назад. Кажется, она потеряла всех людей, за которых переживала: Дэвида, Питера, Джоан. В душе возникли пустота, жалость к себе и осуждение себя. У нее осталась только работа, и, может, впервые в жизни ее поразило, какой это пустяк по сравнению с теплом близких человеческих взаимоотношений. На глаза навернулись слезы, когда она пожала руку Роберту и еще раз поблагодарила его.

Лу покидала Центр со смешанным чувством облегчения, раскаяния и радости, что не надо больше выслушивать анализ проблем ее дочери, но также и с чувством ужаса перед теми шагами, которые должна предпринять, чтобы решить эти проблемы. На Парк авеню было холодно, светило солнце, на домах, выстроившихся вдоль улицы, как гигантские серые крепости, висели рождественские венки. На Шестьдесят пятой улице из одной из крепостей выбежала женщина с серо-голубыми волосами — под цвет здания. На ней были пелерина и замшевые сапоги. Она посмотрела на Лу, как будто та была прозрачной.

На Пятьдесят седьмой улице Лу повернула на запад и подумала, что может пойти снег.

Воздух уже пах им, соблазнительный и свежий запах дразнил весь город. Сначала Лу хотела покататься на лыжах в эти четыре дня предстоящего праздника, но в последнюю минуту аннулировала заказ и уговорила родителей отпустить к ней Джоан, решив показать ее Фингерхуду. По словам матери, Джоан стала дикой и невозможной, они с ней не могут справиться. В школе учителя называют ее бешеной и злой. Когда Лу встречала ее на вокзале, то ожидала увидеть одиннадцатилетнее исчадие ада, а перед ней предстала очень замкнутая и скрытная девочка с сумкой в одной руке и подарочным пакетом в другой.

— Счастливого Рождества. — И Джоан застенчиво вручила пакет Лу. — Надеюсь, тебе понравится. Я не знала, что тебе подарить. У тебя такой тонкий вкус.

Церемонно расцеловались. Последний раз они виделись несколько месяцев тому назад, поэтому им потребовалось некоторое время, чтобы восстановить сестринские взаимоотношения. После рождения Джоан Лу видела ее четыре или пять раз в году и всегда только в Филадельфии. Это был первый визит Джоан в Нью-Йорк, и ее поразили толпы на Седьмой авеню.

— Обычно здесь не так людно, — пояснила Лу. — Перед праздниками начинается настоящий сумасшедший дом. Надеюсь, хоть такси поймаем.

Джоан была потрясена квартирой Лу, особенно прозрачными софой и креслом. Мистер Безумец обнюхал туфли Джоан, потерся о ее ноги и ретировался в свою плетеную корзину в углу.

— А, у тебя сад! — глянула Джоан на клочок голой земли и уселась на софу. — Смешно. Никогда такого не видела. А если я ткну в нее иголкой?

— Я тебя убью.

— Нет, понимаешь, она так выглядит, будто рассыплется в любой момент.

— Не надо пробовать, ладно?

— Ладно, — добродушно ответила Джоан. — Не хочешь взглянуть на мой подарок?

— Сейчас.

Джоан с трепетом смотрела, как Лу разворачивает бумагу и достает овальную сумочку летних оранжевокрасных цветов.

— Называется «кукабурра», — сказала Джоан. — Нравится? Смешно дарить вещи не по сезону, да?

— Ну, теперь и у меня есть такая. Спасибо, любимая. Очень красивая. Это мои цвета.

Она размышляла: это Джоан сама выбрала сумочку или ей помогла мать? Подбирая рождественский подарок для Джоан, Лу посоветовалась с редактором детской одежды «Тряпья», которая предложила что-нибудь типа пижамы, красивой шкатулки с набором кремов и шампуней.

— В одиннадцать они сейчас выглядят на пятнадцать, — сказала редактор.

Лу приняла ее предложение и теперь с удовлетворением смотрела на радостное лицо Джоан, когда та раскрыла свои подарки.

— Очень изысканная пижама, правда? — спросила она у Лу, прикладывая одежду к себе.

— Очень.

— О, шампунь для ванны! Потрясно. Я обожаю шампуни.

— Я так и думала, — улыбнулась Лу.

— А что ты купила народу?

— Это секрет.

— А я знаю, что они тебе купили.

— Не говори, я хочу, чтобы это был сюрприз.

Народом они называли родителей Лу, это была их личная шутка, и им нравилось употреблять ее как можно чаще, потому что создавалось ощущение большей близости, чем это было на самом деле.

— Ну, повидеешься с народом через пару дней, — сказала Джоан, — так что ожидание не убьет тебя.

— Я потерплю.

Все магазины на Пятьдесят седьмой улице были празднично украшены. Лу увидела свое отражение в витрине отеля «Букингем» и поразилась выражению своего лица. Вечером будет сочельник, и она собиралась вернуться с Джоан в Филадельфию сегодня днем, но разговор с Фингерхудом изменил ее планы. Она отправит Джоан одну, а родителей навестит на следующей неделе или чуть позже. Сейчас Лу была слишком расстроена, чтобы обсуждать с ними то, что узнала сегодня утром. Ей самой нужно переварить все это. Самое главное, как можно быстрее расстаться с Джоан. То, что она отправит ее одну, было не очень существенным шагом, но для нее он означал начало новых взаимоотношений с дочерью. Сестрой, поправилась Лу.

Она остановилась перед маленьким невзрачным зданием посреди квартала и поискала фамилию «Ласситье» у дверного звонка. Лу никогда не была у Симоны, но утром она на такси отослала Джоан к ней и сказала, что заберет ее после встречи. Доктор Гарри Хокер уволил Симону на прошлой неделе за некомпетентность (неосмотрительно наступила на мозоль старой леди). Поэтому она решила сходить с Джоан и Лу на фильм в Радио Сити Мюзик Холл.

Мужчина, стоявший в дверях дешевого мехового магазинчика, сказал:

— Похоже, пойдет снег, да?

— Точно.

— Вы подруга француженки?

— Верно. — Лу ждала ответа Симоны по домофону.

— Она славная малышка. — Он повертел пальцем у виска. — Но крыша meshugah.

Лу всегда удивлялась, как все люди в Нью-Йорке автоматически усваивают еврейские слова. Ей надо было бы держать в руках какую-нибудь шовинистическую газету, чтобы потрясти меховщика.

— Боже мой. — Симона стояла в дверях квартиры, когда Лу взбиралась по шаткой лестнице. У ее ног скулил и махал хвостом маленький пудель. — А я только что разогрела роскошный готовый обед для Джоан. Жареный цыпленок, а на десерт яблоко и персик.

Девушки обменялись поцелуями.

— Не надо было беспокоиться, — сказала растроганная Лу. — Мы могли бы где-нибудь пообедать.

Когда Лу вошла, Джоан доедала десерт.

— Никогда не ела готового обеда, — радостно сказала девочка. — Вкусно. Не похоже на настоящую еду.

— Потому я их тоже люблю. — Симона села на табуретку, покрытую выцветшим ковриком для автомобильного сиденья, и подвинула Лу другую. — Как можно есть настоящую еду? Это отвратительно.

На Симоне были тонкая блузка, мужской полосатый галстук и оранжевые вельветовые

брюки. Лу показалось, что она вся сияет. Симона тут же выпалила:

— Стив сделал мне предложение! Разве не потрясающе!

— Ты приняла его?

— Конечно. Ведь должна же я когда-нибудь выйти замуж, хотя бы для расширения опыта. Я рассказала Аните, и она готова выброситься из самолета. Ты знаешь, что у них с Робертом все кончено?

— Правда?

(В этот самый момент Анита задумчиво созерцала страницу «Лайфа» с рекламой лифчика. Надпись гласила: «Что не сделала природа, сделают Уорнеры!»)

— Роберт, — продолжала Симона, — сказал мне, что терпеть больше не может ее «Норформса», вшивых упражнений для груди и заваленной пергидролью ванной. Но в его случае все объясняется иначе. Рано или поздно ему надоедает любая девушка. Иногда я не понимаю, кого он ищет.

— Совершенство, как и все.

— Мне он сказал, что я легкомысленная и безответственная. А Беверли, что она много пьет и ее дети невыносимы. Теперь он прицепился к гигиене Аниты. Хотела бы я знать, что он сказал бы Джекки Кеннеди.

— Наверное, что у нее большие ноги и что она заядлая курильщица.

— Я не видела фото, на которых она курит.

— Наверное, и не увидишь. Американской прессе велели беречь ее общественный имидж.

Симона раскачивалась на скрипучей табуретке.

— А мне жаль Аниту. Она так отчаянно хотела выйти замуж, а я нет. И вот мне сделали предложение, а ей нет. Противно философствовать, но скажи, есть ли на свете справедливость?

— Надеюсь, нет. — Лу подумала о Дэвиде Сверне. — Иначе у меня была бы масса неприятностей.

— Анита опустила руки, — добавила Симона. — Она сказала, что просит авиакомпанию перевести ее обратно в Чикаго.

— А разве она жила в Чикаго?

— Летала там, пока ее не перевели в Нью-Йорк.

— Не знаю, зачем она это сделала.

— Анита думала, что найдет в Нью-Йорке любовь и счастье. Можешь себе представить такую наивность?

— Ты же нашла любовь и счастье.

— Я нашла Стива Омаху, — рассмеялась Симона. — Это разные вещи.

Лу не могла не рассмеяться тоже. Симона была предельно честна, настолько, что не щадила и себя, и это не могло не восхищать.

— Анита только на год старше меня, — сказала Симона, — но она до сих пор живет в мире фантазий. Верит, что появится человек, который исполнит все ее желания и предложит уйти с ним в уютный домашний мир.

— Но так бывает.

— Не с такими, как Анита, и не в Нью-Йорке. Что значит хорошенькое личико в этом городе? Ни хрена. У девушки здесь должно быть нечто иное. Талант, деньги, положение, экзотичность, что угодно, но должно быть. Я вот француженка, у меня акцент и все такое.

Это и заинтриговало Стива. Кроме того, у Аниты невероятная способность связываться с мужчинами, которые, точно, ее отвергнут. Возьми Джека и Роберта. У нее не было ни шанса ни с одним из них. Их обоих не интересует дом. Джек слишком боится еще одного брака, а если бы он спятил и женился, то можно поспорить, что на богатой вдове. А Роберт может забавляться вечно. Он знает ситуацию в Нью-Йорке. Все эти отчаявшиеся незамужние девушки готовы запрыгнуть в любую постель ради перспективы предстать перед алтарем. Мужчинам здесь раздолье.

— Наверное, ты права. Я никогда об этом не думала.

— Потому что тебя волновала только твоя карьера. Если бы у тебя на уме был брак, ты бы не связывалась с Дэвидом и Питером.

— Кто такие Дэвид и Питер? — спросила Джоан.

— Моя друзья, — ответила Лу, показывая глазами Симоне, чтобы та сменила тему.

— Приятели? — настаивала Джоан.

— Да.

— Они красивые?

— По-своему.

— Что это значит?

— Это значит, что я так думаю, но не все разделяют мое мнение.

— А почему?

— Потому что у людей разные взгляды. С каких это пор ты начала задавать так много вопросов?

Джоан вздрогнула от резкого тона Лу.

— Я не знала, что у тебя есть приятели. Вот и все.

— Ну, теперь узнала.

Но почему она рассердилась? Вопросы были вполне безобидные. Любую одиннадцатилетнюю девочку интересует любовная жизнь старшей сестры. Лу огляделась. Она увидела двухэтажную кровать, покрытую дешевым покрывалом, два желтых шкафчика и спящего на нижней кровати пуделя. Джоан все еще сидела за столом с обиженным видом. Квартира находилась в состоянии явного упадка, и Лу удивилась, как такая привлекательная и смышленная девушка, как Симона, может жить здесь. Подобно многим одиноким девушкам с ограниченными средствами, Симона, видно, решила все деньги тратить прежде всего на поддержание своей внешности. Это одна из особенностей жизни девушек в этом городе. Встретив их вне квартиры, трудно определить, на какой социальной ступени они находятся. Приемщица белья с девятьюстами пятью долларами в неделю может выглядеть, как богатая наследница.

— Когда свадьба? — спросила Лу. — Меня пригласишь?

— Конечно. Это в следующем месяце. Всех приглашу. Это не настоящая свадьба, а как бы только половина.

— Как это?

— Ну, священник проводит свадебную церемонию, ты выполняешь все формальности, но не заполняешь брачного контракта. Последнее достижение. Гражданское неповиновение проникает в институт брака. Я надену длинное белое хлопчатобумажное платье с белыми бумажными розами.

— И будешь жить в белом бумажном доме.

— Нет, какое-то время мы проживем здесь, — очень серьезно ответила Симона. — Стив

уже живет здесь, но пишет в мастерской, которую снимает с приятелем. Он пока не может позволить себе собственную студию, а я не могу переехать в квартиру побольше, пока не найду работу, а я не очень много умею.

— А снова стать моделью?

— Ты шутишь? До конца своих дней не смогу смотреть на меха, если только они не мои собственные.

— Я подумала о женском белье. Может, я найду тебе работу. Я знаю некоторых продавцов.

— Значит, я буду бегать по залу в маленьком лифчике и бикини?

— Что-то в этом роде?

— Великолепно. И толстые уродливые покупатели будут щипать меня за задницу?

— Вероятно.

— Когда приступать? — ухмыльнулась Симона, закатив глаза.

В Радио Сити Мюзик Холле показывали мыльную комедию с Дорис Дей, которая не понравилась даже Джоан, хотя сам театр поразил ее своей роскошью. Она плюхнулась в плюшевое кресло и несколько раз зажгла маленькую лампочку рядом с ним, чтобы посмотреть программку.

— Я могу просидеть здесь всю жизнь, — прошептала она Лу.

Лу поцеловала ее в щеку, и в приятной темноте зала ее захлестнула волна любви к дочери, которую она должна бросить, дав ей только жизнь. Ее родители удивились, когда позднее Лу позвонила им и сообщила, что отсылает Джоан одну. Она сказала, что редактор дал ей срочное задание, и они ее поняли. Они всегда ее понимали, если речь шла о работе, потому что гордились ею. Много лет тому назад, когда она забеременела, им было так стыдно, они не знали, что с ней будет в будущем. Теперь знали. Посвятив себя трудной и успешной карьере, Лу оправдала себя в их глазах. Она отчаянно хотела оправдаться в собственных глазах, чувствовала себя очень виноватой из-за внебрачного ребенка. Из-за этого Лу никогда не говорила им о своей личной жизни, о мужчинах. *Я не знала, что у тебя есть приятели,* — сказала Джоан, а она рассердилась на эти невинные слова, потому что ощутила себя работающей машиной, у которой нет нежности, нет потребности в любви, которой управляет одно честолюбие. Конечно, на деле это не так, но такой должна выглядеть в глазах родителей, чтобы оправдать свое существование и искупить прошлые ошибки. Возможно, не понимая этого, Лу долгие годы убеждала себя, что не заслуживает любви, иначе (и Симона это отметила) почему она всегда связывается с женатыми мужчинами, которые не собираются бросать своих жен?

Джоан так поразила группа «Ракеты», что она хотела остаться на другой сеанс.

— Не сегодня, — сказала ей Лу.

— Интересно, как они могут танцевать, когда у них месячные? — заинтересовалась Симона. — Это же больно.

Снег тихо падал на праздничные толпы на Седьмой авеню, когда они шли в «Русский чайный дом», любимый ресторан Симоны. Они заняли круглую кабинку и заказали чай с пирожными.

— Жаль, что с нами нет Чу-Чу, — сказала Симона. — Это и его любимый ресторан Козероги так чувствительны к социальному статусу.

— Кто такой Козерог? — спросила Джоан.

Симона уже раскрыла рот, чтобы ответить, как Лу прервала ее:

— Извини, мне надо позвонить в редакцию.

Когда она вернулась в кабинку, Симона заканчивала свой рассказ о звездах замороженной Джоан. Лу сказала, что девочке придется сегодня ехать в Филадельфию одной.

— Но ведь ночью Рождество. — На лице у Джоан отразилось горькое разочарование. — Почему ты должна работать?

— Это газета, дорогая, а один из репортеров заболел гриппом. Я должна быть на благотворительном бале вместо него.

— Они работоторговцы, — заявила Симона, помахав рукой мужчине средних лет с маленькой бородкой.

— Кто это? — рассеянно спросила Лу.

— Один из постоянных посетителей. Прошлой зимой я встретила его в баре.

— Это нечестно, — надула губки Джоан. — Сейчас же Рождество.

— Я тогда думала, что у него больные легкие, но оказалось, что он играет на виолончели и влюблен в танцовщицу из балета Джоффри. Мы вместе провели интересный вечер. — Симона со значением посмотрела на Лу. — Ты меня понимаешь.

Лу допила чай и почувствовала усталость. Было только начало четвертого, но ей хотелось как можно быстрее посадить Джоан в поезд, вернуться домой и лечь спать. Возникло легкое чувство паники. Она молилась, чтобы удалось поймать такси.

— Балерины принимают такие сложные позы, что они не под силу нормальному человеку, — говорила Симона, пока Лу подзывала официанта, чтобы расплатиться. Джоан мрачно смотрела на недоеденное пирожное.

Когда Лу проводила дочь на вокзал и посадила ее в поезд, сердце у нее колотилось как бешеное. Чувство паники не только не исчезло, но еще больше усилилось. Мысли метались по кругу: Дэвид, Питер, а теперь и Джоан. Мертв, потерян, уехала. За год она растеряла всех их и никогда раньше не чувствовала себя такой одинокой. Царившее вокруг грубое веселье только подчеркивало ее одиночество, и она хотела, чтобы ей на самом деле нужно было писать о благотворительном бале, что-то делать, чтобы паника рассеялась. Она ни за что не сможет поехать домой и поспать в таком состоянии, но что остается делать? Куда пойти? Редактор детской одежды приглашала ее на вечеринку, но тогда Лу думала, что поедет в Филадельфию, и отказалась от приглашения. Она могла позвонить ей и сказать, что планы у нее изменились. Но сейчас ей меньше всего хотелось оказаться среди веселящихся людей. Ее передернуло. Ей нужна пара успокоительных таблеток, стакан теплого молока и крепкий сон. И тут она подумала о Роберте Фингерхуде.

— Да, у меня есть таблетки, — сказал он, когда Лу дозвонилась ему. — Заходи. Ты знаешь, где я живу.

— Я скоро буду. Спасибо.

Лу с чувством огромного облегчения села в такси и назвала адрес. Затем откинула голову на холодное кожаное сиденье и смотрела, как снег лениво покрывает землю. На следующий уик-энд она все-таки поедет кататься на лыжах.

Когда Роберт открывал дверь, Лу подумала, что они встречаются в третий раз и каждый раз в новых обстоятельствах. Дикая оргия на День благодарения. Отношения доктора и пациентки сегодня утром, а сейчас более спокойный и нежный тон разговора старых друзей, которые встречались и в лучшие, и в худшие моменты жизни, а теперь столкнулись на

нейтральной территории.

— Надеюсь, я ничему не помешала? — спросила она.

— Нет. Я только вошел, когда ты позвонила. Хочешь выпить?

— С удовольствием.

Он открыл бар в столовой.

— Что будешь?

— Коньяк есть?

— «Реми Мартен».

— Чудесно.

— В ногах правды нет, садись.

Она прошла в гостиную и осторожно устроилась в гамаке. Роберт принес коньяк и два бокала, которые поставил на слоновий позвонок. Лу вспомнила, как она сидела на нем верхом в платье и в золотом трико. Хотя это было всего лишь в прошлом месяце, казалось, будто это случилось в прошлом году и в другой жизни.

Роберт открыл бутылку и начал разливать коньяк по бокалам.

— Скажешь, когда хватит.

На это понадобилась секунда.

— Ты очень интересно сидишь в гамаке, — сказал он, вручая коньяк.

— А что?

— Забавно, я заметил, что такие хрупкие девушки, как ты, сидят с краю, будто боятся, что гамак их проглотит, если они сядут поглубже. А крупные девушки без раздумий запрыгивают в него.

Лу одним глотком выпила коньяк, но сердце не успокоилось.

— И что это значит?

— Не знаю, рассмеялся он.

— И Беверли запрыгивала?

— В общем, да. — Он слегка покраснел.

Лу представила себе большое, чувственное тело Беверли, распростертое в гамаке, и у нее возникло чувство внутреннего протеста.

— Наверное, крупные женщины так поступают, чтобы почувствовать себя нежными и хрупкими существами, — сказала она.

— Возможно.

— Знаешь, это как девушки с толстыми некрасивыми ногами и бедрами носят самые яркие чулки, пытаясь доказать всем, что ноги у них нормальные.

— Но это все же не объясняет, почему маленькие женщины боятся, что гамак не выдержит их веса.

Лу ненавидела проигрывать, все-таки отец у нее был юристом.

— Ну, а они, с другой стороны, хотят казаться высокими и очень сильными.

— Кто здесь психолог? — спросил Фингерхуд.

— Кажется, я им становлюсь.

— Тебе нравится казаться очень сильной?

— Всегда. Но, должна признаться, часто я не права. Как сейчас. Я такой себя не чувствую. Наоборот, мне очень паршиво.

— Вот тебе таблетки. — Он подошел к камину и снял с него маленький флакон. — У меня только восемь.

— Больше, чем нужно.

— Хочешь выпить одну? Я принесу воды.

— Пожалуйста.

Коньяк обрушился на нее лавиной, и тут она сообразила, что не ела ничего с самого утра, кроме гренок. Ее затошнило, чувство паники усилилось, голова закружилась. Господи, только бы не вирус! Январь был великим месяцем для газеты, из Парижа ежедневно приходили новости, и именно в январе ей меньше всего хотелось сидеть дома и пить лекарства в момент, когда создается история моды.

Когда Роберт вернулся с водой, она проглотила таблетку в надежде, что голова и сердце успокоятся.

— Не надо выпивать, если принимаешь это, — сказал он, когда она плеснула себе еще.

— Ничего страшного. Хуже мне уже не будет.

И ошиблась. Через несколько минут ее затошнило, и она вскочила.

— Быстро. Где ванная?

— Первая дверь налево, — сказал он, когда Лу выбегала из комнаты.

В коридоре было темно, и она толкнула первую дверь. Там тоже было темно, ничего не видно. Не важно. Поздно. Ее вырвало во что-то. Потом ей удалось включить свет, и она поняла, что это был шкаф. Облевала носки Роберта. Жуть. Гадость. Так где же ванная? Она вышла в коридор и увидела, что ванная на другой стороне. Забрала мокрые носки и замочила их в раковине. Выстирав, развесила их на сушилке и захихикала, представив, как Роберт войдет и увидит сушащиеся носки. Она с улыбкой вернулась в гостиную.

— Ну, вид у тебя получше, — сказал он. — Как ты?

— Намного лучше.

И это правда. Головная боль, тошнота, чувство паники исчезли. Впервые после пробуждения сегодня утром она почувствовала себя нормальным существом.

— Поверить не могу, что еще утром была у тебя в офисе, — сказала Лу. — Будто вчера, если не месяц назад.

— Надеюсь, мои слова не слишком тебя огорчили?

— Переживу. Уже начала забывать.

Она рассказала о своем решении насчет Джоан и добавила:

— Дэвид Сверн оставил страховку для Джоан и деньги на мой счет до ее восемнадцатилетия. До сих пор я ежемесячно отсылала родителям деньги, но после разговора с тобой я переведу деньги на их счет. Если они в деньгах не будут зависеть от меня, может, они не будут зависеть и эмоционально. Станут более уверенны в себе. Будут более властными, более решительными. Как ты это назвал?

— Дисциплинарный контроль.

— Что-то вроде этого.

Она замолчала, ожидая награды.

— Хорошее начало. И очень быстрое.

— Только бы мне удержаться. Будет нелегко, но я постараюсь.

— Всегда трудно сознаться в ошибке, но никогда не поздно.

Лу опять отметила изобилие картин и украшений в квартире Роберта и полное отсутствие их в кабинете.

— Тебе нравится твоя работа? — впервые заинтересовалась она.

— Скажем, лучше работы я не представляю. Но скажу и то, что, как и в любом деле, я

против начальников, которые сеют апатию и равнодушие. И в таких случаях обращаюсь к правлению.

— Странно. Никогда не думала, что в больницах те же проблемы, что и везде.

— Все думают подобным образом, но дела обстоят именно так. У нас есть исполнительный директор, который может вышибить любого из нас. Дакворт — чистый сукин сын. Честный подонок. Ты встречала человека, который занимает место без всяких оснований, ругается со специалистами и гипнотизирует совет директоров?

Лу подумала о Тони Эллиоте.

— Он похож на моего босса, только тот еще хуже.

— Господи, жутко, когда руки у тебя связаны такими засранцами. Он из тех, кто поет перед подчиненными днем, а вечером лупит свою жену. Однажды положил ее в больницу с переломанной рукой. И это руководитель психиатрической, извини за выражение, клиники.

Фингерхуд взглянул на часы.

— Я тебе мешаю? — спросила она.

— В шесть тридцать у меня встреча с Анитой.

— А я думала, у вас все кончено.

— Верно, но она попросила повести ее куда-нибудь на Рождество, и я, дурак, согласился.

— Почему дурак?

— Потому что все кончено, я не хотел ничего сегодня вечером. И в любое время. Но она переезжает в Чикаго после Нового года, вот я и согласился.

— Роберт Фингерхуд. Мистер Хороший Парень.

— Ненавижу эту роль.

— Но хорошо ее играешь.

— Кто сказал?

— Не пугайся, я никому не скажу. Я знаю, что ты хочешь, чтобы тебя считали негодяем.

— Да я и есть негодяй. Спроси Симону, если не веришь.

— Симона так не считает. Она думает, что ты растерян. Она не может понять, что ты ищешь в женщинах.

Фингерхуд гордо улыбнулся.

— Может быть, тебя.

Это его обычный подход? Ослепительная улыбка. Скрытое восхищение. Она прожила долгую жизнь и знала, что девушки часто принимают желаемое за действительное.

— Нет, — сказала Лу. — Ты не меня ищешь.

Глаза его затуманились и стали мечтательными. Облик Сурового Психолога, который был несколько минут тому назад, исчез. Теперь это был Страстный Любовник (странно, но она верила обеим ролям).

— Откуда ты знаешь, кого я ищу?

— Не знаю, — призналась Лу, — но очень сомневаюсь, что, кто бы это ни был, я подойду.

— Почему?

— У меня нет желания в данный момент жизни увлекаться ни тобой, ни любимым мужчиной. Меня сейчас это не интересует.

— А кто говорит об увлечении?

— Кажется, это твоя модель. Симона, Беверли, Анита. Ты прожил с ними какой-то

период времени, и это были глубокие связи. — Она вспомнила обо всех рассказах о шампанском и жареном мясе. — Я не хочу. У меня нет времени.

— А ты и не обязана.

— То есть, — рассмеялась Лу, — мы можем просто трахаться?

— Если хочешь.

— Я предпочту другое. — Она встала. — Почему бы тебе не позвонить мне после праздников, когда ты освободишься от Аниты? И мы посмотрим, насколько мы не увлечены друг другом. Мой номер есть в справочнике.

— Позвоню. Я очень хочу.

Он помог ей надеть пальто и проводил к двери.

— Хорошего тебе вечера, — поддразнила она.

— Тебе будет смешно узнать, что мы встречаемся с Беверли и Йеном.

— Я думала, Анита ненавидит Беверли.

— Раньше так и было, но теперь, когда Симона выходит замуж, Анита сочла, что больше ненавидит ее, и быстро подружилась с Беверли.

— А ты что думаешь о Симоне и Стиве? Разве не чудесно?

— Я очень счастлив за нее. Только бы она не попросила меня надеть смокинг на свадьбу.

— На полусвадьбу. Я хочу сказать шефу, что газета должна написать об этом. Где это будет? Я забыла спросить.

— В мастерской Стива.

— Великолечно. — Лу хлопнула в ладоши. — Я так и вижу эту церемонию на фоне старых кинозвезд, сидящих верхом. Тони понравится идея. Я ему руки выкручу, чтобы написать об этом.

Роберт поцеловал ее в губы и взъерошил ей волосы.

— Я позвоню. Береги себя.

Когда Лу вышла на улицу, снег уже покрыл тротуары толстым слоем, и казалось, что он будет идти всю ночь. К счастью, она надела сапоги, иначе туфли бы пропали. Первое, что Лу сделала, придя домой, это накормила мистера Безумца, который все три дня бешено ревновал ее к Джоан и сейчас восторженно замаякал. Потом Лу переделалась в свои любимые бледно-лиловые брюки и пуловер и постаралась не смотреть на рождественскую елку, которую купила специально для Джоан. Теперь, когда та уехала, елка выглядела неуместной рядом с прозрачной софой и полосатым полом. Только она уселась читать «Тряпье», зазвонил телефон.

— Привет, — сказал Питер Нортроп. — Счастливого Рождества и наилучшие пожелания.

— Ты где?

— Только что закончил работать. Можно тебя угостить?

Она вспомнила о Беверли и Йене.

— Почему же нет?

— Хорошо. Где встретимся?

Как будто сам не мог догадаться.

— Заходи ко мне. На улице не слишком приятно, как ты, наверное, заметил.

— Заметил. Уже еду.

Она положила трубку, не попрощавшись. Рука дрожала. Питер впервые позвонил ей

после того, как они расстались после смерти Дэвида. Несколько раз в редакции он предлагал угостить ее обедом, но каждый раз она вежливо, но твердо ссылаясь на недостаток времени.

— Мы даже поговорить не можем? — спросил ее Питер однажды.

— Не о чем разговаривать. Ты знаешь, как я себя чувствую.

— Я знаю, но это не имеет смысла.

— Для меня имеет.

— Этот человек скопытился. Так? Всем его очень жаль. Но не ты же его убила. Так почему мы не можем встречаться?

— Потому что Дэвид мертв и потому что я не хочу.

— Здорово. Вот что мне нравится. Чисто женская логика.

Этот разговор состоялся несколько месяцев назад, а вскоре после него Питер переехал к Беверли и перестал приглашать Лу на обед. Она много раз думала об их романе и, хотя помнила, что он возбуждал ее в постели, все-таки не могла припомнить, что такое особенное он делал для этого. Ей просто это нравилось, и ей хотелось знать, лучше ли память у Питера или у него тоже остались только туманные воспоминания. Лу казалось, что ауру занятий любовью с определенным человеком можно восстановить только повторением этого процесса.

Она раскрыла «Тряпье» и начала невнимательно листать. Была ее статья о мексиканском и испанском влиянии на одежду для дома с великолепным снимком испанского танца. Была колонка Питера с предсказаниями о влиянии показа парижской коллекции в январе. В следующем номере будут рекламные объявления разных домов «от кутюр». Лу прекрасно помнила их еще с прошлого года.

Грес, 1 Рю де ла Пэ.

Шанель, 31 Рю Камбон.

Кастилло, 95 Фобург Сен-Оноре.

Филип Вене, 62 Рю Франсуа.

Жак Пату, 7 Рю Сен-Флорентен.

Кристиан Диор, Париж.

Марк Бохан не соизволил дать адрес на авеню Монтань. Ему хватило слова «Париж».

Лу встала, обула лыжные ботинки и прошла в покрытый снегом сад. Слепила снежок и, когда через несколько минут пришел Питер, бросила снежок ему в лицо. Он попал в лоб, и Питер в удивлении отшатнулся.

— Какого черта?

— Ты заслужил, подонок.

— За что?

— За то, что утащил у меня из-под носа колонку и оставил в чертовом отделе женского белья.

Питер стер снег с лица и отряхнул пальто.

— Не поздновато ли говорить об этом? Тони принял решение несколько месяцев тому назад.

— Я не смогла тогда это сделать. Было лето.

— Стодилась бы бутылка из-под кока-колы.

Она смотрела на него из угла комнаты, и долго сдерживаемое негодование прорвалось наружу. И не только из-за колонки (хотя и не в последнюю очередь из-за нее), но и из-за

Дэвида, из-за возвращения к Беверли.

— А почему я не должен был вернуться? — спросил он, когда она бросила ему в лицо все эти обвинения. — Ты меня не хотела. Ты отказывалась даже просто пообедать. И что я должен был делать? Жить всю жизнь в Гарвардском клубе?

Можно подумать, что в Нью-Йорке больше негде жить. Можно подумать, что в Нью-Йорке свет клином сошелся на ней и Беверли.

— Почему ты такой глупый? — спросила она.

Питер хотел ответить какой-нибудь гадостью, но сдержался.

— Слушай, Лу, я пришел не для того, чтобы в меня бросали снежками и попрекали прошлым. Лучше я пойду.

Он уже повернулся, когда она неожиданно сказала:

— Нет. Не уходи. Извини, пожалуйста.

Она подошла к нему, вытерла мокрое лицо, обняла и поцеловала в губы.

— Извини, — повторила Лу. — У меня был ужасный день. Снимай пальто, а я принесу выпить.

— Только если не швырнешь в меня стакан.

Они рассмеялись и снова поцеловались. Позднее, уже в постели, на нее обрушился ураган воспоминаний. Питер, легкий лимонный аромат от него, прекрасная фигура, глаза, меняющие цвет от синего до зеленого, электрический ток в пальцах. Как она могла это забыть?

— Было прекрасно, как всегда, — сказал он.

— Я знаю. Я удивлена.

— А я нет.

— Почему?

— Потому что я помнил, как хорошо было раньше. Такие вещи не меняются.

— Я тоже так считаю.

Где-то в глубине души она надеялась, что это не так, что им не будет столь хорошо, как прежде. Несправедливо, если им будет хорошо сейчас, когда они безразличны друг другу. Все мы, в конце концов, животные, подумала Лу, перекатываясь на живот.

— Тебе скоро возвращаться домой? — спросила она через минуту.

— Да. Беверли перед уходом положила подарки под елку. Надеюсь, дети не вскроют пакетов, когда Маргарет отвлечется.

Лу задумалась, знает ли он, где и с кем сейчас Беверли.

— Беверли становится все хуже, — сказал Питер, будто прочитав ее мысли. — Больше пьет и все чаще шляется с этим безмозглым англичанином. Не знаю, что с ней делать. Она не хочет пойти к врачу.

— Разведись.

— Нет.

— Она не даст тебе развода?

— Этого я не знаю. Не спрашивал. И не хочу спрашивать. Думаю, она хочет развестись не больше, чем я. Беверли двадцать девять лет, и это ее пугает. А мысль оказаться в тридцать лет без мужа пугает еще больше.

Лу подумала обо всех женщинах, которых пугает грядущее тридцатилетие. Ей самой осталось всего лишь два года.

— Беверли и я должны быть вместе. Мы не всегда будем вместе, но не разведемся.

— Почему это так важно?

— Мужчины не любят терять своих детей.

— Женщины тоже, — сказала Лу, подумав о Джоан.

Но Питер не знал о ее дочери. Лу никогда не рассказывала, и Питер решил, что она говорит о Беверли.

— Беверли знает, что я не заберу у нее детей, если только она не станет...

— Кем?

— Ничего. — Он сжал губы. — Забудь. Не надо было об этом говорить. Это нечестно по отношению к тебе. К тебе это не имеет отношения.

Она вспомнила, что то же самое говорил Дэвид относительно Лилиан. Лилиан — это его проблема. Но если мужчина тебе безразличен, как тебя могут не волновать его проблемы? Как ты можешь оставаться равнодушной?

— Я оденусь, — сказал Питер, свешивая ноги с постели.

Лу не шелохнулась. Она думала о силе супружеских и родительских связей. Раньше она не представляла себе их могущества, того, как трудно и болезненно разрывать их. Даже Питер, отнюдь не идеальный отец и муж, игравший обе роли весьма своеобразно, не желал отказываться от них.

— Я хочу кое-что сказать тебе, — сказал он, поправляя перед зеркалом узел галстука. — Я приберегу это напоследок.

— Да? — Теперь, когда Питер уходил, она чувствовала себя опустошенной, холодной и одинокой.

— Ну, раз у нас теперь нет Осведомителя, я решил, что кто-то должен сообщать хорошие новости. И на эту должность я нагло назначил самого себя.

— Какие новости? — Она его едва слушала.

— О парижских показах. Угадай, кто поедет писать о них в следующем месяце.

— Тони Эллиот в тридцатый раз.

— Нет, дорогая. Ты.

На этот раз Лу не шелохнулась, потому что оцепенела. Она сглотнула, как рыба на берегу. Потом села, отбросив простыню, и уставилась на Питера. Он рассмеялся.

— Ты бы себя сейчас видела. У тебя даже у сосков удивленный вид.

— Ты шутишь, — наконец-то вымолвила она.

— Нет же. Тони скажет тебе об этом в понедельник, так что изобрази полное недоумение. А я решил, что у тебя будет гораздо более приятный уик-энд, если ты узнаешь хорошие новости сегодня. Ты же знаешь, каким мерзавцем становится Тони, когда объявляет такие решения. Он, если бы мог, ждал бы до момента отлета в Париж, а потом сообщил бы об этом по большому секрету. Станный человек. Станные мозги.

— Питер, не знаю, что и сказать. Не могу поверить. Я потрясена.

— Помолчи. Выпей. Поспи. Все будет хорошо. У тебя впереди блестящая карьера.

После того как Питер поцеловал ее и ушел, Лу решила, что лучше впереди иметь блестящую карьеру, чем ничего. Вшивая мысль. Сейчас ей дают поручение, о котором можно только мечтать, а она почувствовала еще большую усталость, страх, одиночество. Однажды Симона сказала:

«Берегись того, о чем мечтаешь. Мечты могут сбыться».

Она вспомнила о фотографии Марка Бохана над ее столом и подумала о Доме Диора на авеню Монтань.

Париж.

Лу запрокинула голову и расхохоталась. Она все получила. Все в порядке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net